ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 25. № 3 2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 25. No. 3 2020

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Rassakhatskaya, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Relayed to print May 26, 2020.
Date of publication July 31, 2020. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 22.6. Published pages 24.3.
Number of copies 500 (1st dublicate 1–65). Order 72. «C» 13.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Рассахатская, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 26.05 2020 г.
Дата выхода в свет 31.07 2020 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,6. Уч.-изд. л. 24,3.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–65 экз.). Заказ 72. «С» 13.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. сайт: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020
Том 25. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2020
Volume 25. No. 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

СССР: ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Луночкин А.В., Фурман Е.Л. Сталинград накануне индустриализации: социально-культурное развитие и благоустройство 6

Булюлина Е.В. Соцсовместительство: советский театр абсурда 21

Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М. Деятельность ВНИИ зернового хозяйства в рамках борьбы с эрозиями почв в целинных районах Казахстана (1960–1970-е гг.) 31

Вавулинская Л.И. Современная историческая литература о проблемах семьи и материнства в послевоенные десятилетия (1945–1965 гг.) 45

Гуменюк А.А. Реформирование сети детских дошкольных учреждений в СССР во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья) 56

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ XX ВЕКА

Тушканов Д.И., Тушканов И.В. 16-я механизированная бригада 7-го механизированного корпуса в Пятихатской операции 1943 года 66

Заманапулов Д.М. Организация механизма ведения «тайной войны» США против режима сандинистов 1984 года 77

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Евдокимов В.Б., Залоило М.В. Статус Южных Курил: вопросы истории и проблемы обеспечения национальных интересов России 90

Шенин С.Ю., Шенин А.С. «Программа Нанна – Лугара» и ядерное разоружение Украины 103

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Риски на Северном Кавказе: потенциальная или реальная эскалация этнополитической ситуации [*На англ. яз.*] 115

Алборова Д.Г., Койбаев Б.Г., Галкина Е.В. Договор о неприменении силы как фактор влияния на вопросы безопасности в системе международных отношений (на примере грузино-осетинского конфликта и конфликтов в Европе) 129

Меджидов Э.Н. Анализ стратегических взаимодействий в Армяно-Азербайджанском Нагорно-Карабахском конфликте через призму теории игр 140

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Володенков С.В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики 148

Меньшиков П.В., Нейматова А.Я. Актуальные вопросы информационного сопровождения внешней политики России в новых политических условиях [*На англ. яз.*] 161

Ефанова Е.В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) 172

Кузнецова В.В. Продвижение русского языка и культуры в Испании как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации [*На англ. яз.*] 180

Гаврилов С.Д., Макаренко К.М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области 192

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Солнцев Н.И. Роль сентенции в историческом дискурсе «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона (Левшина) 204

Войтенко А.А. Пигмалион и сова Минервы: философия революции Н.В. Устрялова 214

Соков И.А. Обзор новых американских исследований за 2019 г. по теме Гражданской войны (1861–1865 гг.) и Реконструкции в США (1865–1877 гг.) 225

CONTENTS

USSR: ISSUES OF SOVIET MODERNIZATION

Lunochkin A.V., Furman E.L. Stalingrad on the Eve of Industrialization: Social and Cultural Development and Improvement 6

Bulyulina E.V. Social Part-Time Employment: Soviet Theater of the Absurd 21

Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M. Activities of the All-Union Research Institute of Grain Farming in the Framework of Combating Soil Erosion in Virgin Regions of Kazakhstan (1960–1970) 31

Vavulinskaya L.I. Contemporary Historical Literature on Family and Motherhood in Postwar Decades (1945–1965) 45

Gumenyuk A.A. Reform of the Network of Preschool Institutions in the Soviet Union in the Second Half of the 1950s to the Mid-1980s (On the Materials of the Lower Volga Region) 56

MILITARY OPERATIONS OF THE 20TH CENTURY

Tushkanov D.I., Tushkanov I.V. 16th Mechanized Brigade of the 7th Mechanized Corps in the Pyatikhat Operation of 1943 66

Zamanapulov D.M. Organizing the Mechanism of Conducting the "Secret War" of the USA Against the Sandinista Regime of 1984 77

MILITARY AND POLITICAL CONFLICTS OF THE 20th CENTURY AND OVERCOMING THEM

Evdokimov V.B., Zaloilo M.V. Status of the Southern Kurils: Issues of History and Problems of Ensuring Russias National Interests 90

Shenin S.Yu., Shenin A.S. The Nunn-Lugar Program and Nuclear Disarmament of Ukraine 103

Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Risks in the North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation 115

Alborova D.G., Koybaev B.G., Galkina E.V. Non-Use of Force Agreement as a Factor of Influence on Security Issues in the System of International Relations (On the Example of Georgian-Ossetian Conflict and Conflicts in Europe) 129

Medzhidov J.N. Analysis of Strategic Interactions in the Armenia-Azerbaijan Nagorno-Karabakh Conflict Through the Prism of the Game Theory 140

INFORMATION AND COMMUNICATION PROCESSES IN PUBLIC POLICY

Volodenkov S.V. Information Interference as a Phenomenon of the Contemporary International Policy Subjects Activity 148

Menshikov P.V., Neymatova A.Ya. Current Issues of Information Support of Russian Foreign Policy in the New Political Environment 161

Efanova E.V. Social Media in American Public Policy (On the Example of the Social Network Twitter) 172

Kuznetsova V.V. Promoting the Russian Language and Culture in Spain as a Soft Power Tool of the Russian Federation 180

Gavrilov S.D., Makarenko K.M. Character of Protest Political Mobilization in the Regional Public Space of Volgograd Region 192

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Solntsev N.I. Sentence Role in the Historical Discourse of the "Concise Russian Church History" of Metropolitan Platon (Levshin) 204

Voytenko A.A. Pygmalion and the Owl of Minerva: The Philosophy of Revolution by N.V. Ustryalov 214

Sokov I.A. Review of New American Studies on the Civil War (1861–1865) and Reconstruction in the USA (1865–1877) for 2019 225

www.volsu.ru

СССР: ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1

UDC 94(470.45)“19”:304
LBC 63.3(2Р-4Вог)613-7

Submitted: 09.01.2020
Accepted: 04.03.2020

STALINGRAD ON THE EVE OF INDUSTRIALIZATION: SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT [1]

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article deals with the issue of the situation in the urban economy and the socio-cultural sphere of the city of Stalingrad in the mid-1920s, on the eve of the beginning of socialist reconstruction. *Methods.* The authors use the historical-descriptive (idiographic), historical-genetic, historical-comparative methods, as well as quantitative methods in the study of statistical sources. *Analysis and results.* By this time, urban infrastructure, which had suffered significantly during the Civil War, was largely restored. Water supply, transportation worked in general satisfactorily. The number of healthcare and educational institutions, their accessibility to the population increased compared with the pre-war period. Nevertheless, the situation in the social sphere remained very tense. Despite the fact of the increase in employment, unemployment continued to increase. The level of wages was rather low even in state institutions; the market periodically experienced interruptions in the supply of food, especially bread and meat. The lack of housing was an urgent problem. The commissioning of new and renovated residential buildings did not keep pace with population growth. With a constant increase in the cost of education, schools were located in unsuitable premises, classes were crowded. Despite all the efforts of the city authorities, health care institution also experienced serious financial difficulties. The social security system covered only a small fraction of those in need of assistance. In the city, there were still hundreds of street children and adult beggars. Hooliganism was still widespread on the working outskirts. The main reason for the inability of local authorities to fundamentally solve social problems was the lack of financial resources. The existing model of new economic policy actually exhausted its capabilities.

Key words: USSR in the mid-1920s, Stalingrad, urban economy, unemployment, education, social security, healthcare.

Citation. Lunochkin A.V., Furman E.L. Stalingrad on the Eve of Industrialization: Social and Cultural Development and Improvement. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 6-20. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1

© Луночкин А.В., Фурман Е.Л., 2020

УДК 94(470.45)“19”:304
ББК 63.3(2Р-4Вог)613-7

Дата поступления статьи: 09.01.2020
Дата принятия статьи: 04.03.2020

СТАЛИНГРАД НАКАНУНЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВО [1]

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается состояние городского хозяйства и социально-культурной сферы г. Сталинграда в середине 1920-х гг., накануне социалистической реконструкции. Анализ отчетов и докладов органов власти показывает, что к этому времени городская инфраструктура, значительно пострадавшая в годы Гражданской войны, в основном была восстановлена. Водопровод, транспорт работали в целом удовлетворительно. Количество учреждений здравоохранения и образования, их доступность для населения увеличились по сравнению с довоенным периодом. Тем не менее положение в социальной сфере оставалось весьма напряженным. Несмотря на рост занятости, продолжала увеличиваться безработица. Уровень заработной платы был довольно низким даже в государственных учреждениях, рынок периодически испытывал перебои с поставками продовольствия, особенно хлеба и мяса. Острой проблемой была нехватка жилья. Ввод новых и отремонтированных жилых строений не успевал за ростом численности населения. При постоянном увеличении расходов на образование школы располагались в неприспособленных помещениях, классы были переполнены. Учреждения здравоохранения также испытывали серьезные материальные трудности. Системой социального обеспечения была охвачена лишь незначительная часть нуждающихся в помощи. Несмотря на все усилия городских властей, в городе оставались еще сотни беспризорных детей и взрослых нищих. На рабочих окраинах по-прежнему широко было распространено хулиганство. Главной причиной неспособности местных властей кардинально решить социальные проблемы являлся дефицит финансовых средств. Для решения проблем глобальной модернизации внутренних ресурсов оказывалось явно недостаточно. *Вклад авторов*. Выявление, сбор и обработка документов из Государственного архива Волгоградской области осуществлена А.В. Луночкиным, из Центра документации новейшей истории Волгоградской области – Е.Л. Фурман.

Ключевые слова: СССР в середине 1920-х гг., Сталинград, городское хозяйство, безработица, образование, социальное обеспечение, здравоохранение.

Цитирование. Луночкин А. В., Фурман Е. Л. Сталинград накануне индустриализации: социально-культурное развитие и благоустройство // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 6–20. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1

Введение. В конце 1920-х – 1930-х гг. Сталинград стал одним из быстро развивающихся индустриальных центров Советского Союза. Между тем особенности и темпы процесса модернизации города во многом определялись теми социально-экономическими условиями, которые были сформированы в период нэпа. В процессе новой экономической политики, несмотря на ограниченные точки роста, были восстановлены мелкая и средняя промышленность, сельское хозяйство, сфера торговли, в целом была организована работа учреждений просвещения и культуры. При этом особый интерес вызывает вопрос: какие задачи удалось решить в рамках периода и для решения каких задач ресурсы нэпа оказались весьма ограниченными? Каким был социально-культурный облик города в преддверии глобальной социалистической реконструкции?

В научной литературе данные проблемы исследовались лишь в общих работах по истории края [2; 3; 20; 31]. Так, положение с учреждениями здравоохранения в Сталинграде эпохи нэпа довольно кратко освещено в монографии В.И. Сабанова и Л.Н. Грибиной [30]. Механизмам решения социальных проблем в Сталинграде в период нэпа, в том числе в рам-

ках решения проблем реконструкции и восстановления дореволюционного жилищного фонда, посвящены работы Е.Г. Олейниковой, С.Ю. Калашникова [17; 19]. Вопросы культурного развития города Царицына – Сталинграда освещаются на довольно большом хронологическом отрезке (последняя треть XIX – конец 40-х гг. XX в.) в работе Г.Н. Андриановой [1]. Интерес для нашей темы представляет также работа Т.В. Юдиной, где убедительно показано недостаточное материальное положение рабочих города в середине 1920-х гг. [35].

Несмотря на достаточно высокий интерес к краеведческой тематике в последние десятилетия, работы, посвященной комплексному изучению городского хозяйства и социальных проблем населения Сталинграда во второй половине 1920-х гг., до сих пор еще не появилось.

Цель настоящей статьи – выяснить общее состояние и проследить динамику развития социально-культурной сферы и благоустройства Сталинграда перед началом индустриализации. Это позволит лучше понять трудности и проблемы, вставшие перед городом и его населением в ходе социалистической реконструкции.

Методы и материалы. В настоящем исследовании применялись историко-описательный (идиографический), историко-генетический, историко-сравнительный, а также количественный методы при изучении статистических источников. Неопубликованные источники по данной теме находятся в Государственном архиве Волгоградской области в фондах Сталинградского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-37), Сталинградского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-71), а также в Центре документации Новой и Новейшей истории Волгоградской области в фондах Сталинградского губернского комитета ВКП(б) (Ф. 1), Сталинградского городского комитета ВКП(б) (Ф. 71). Это отчетные доклады и планы работы, протоколы заседаний соответствующих секций и отделов этих учреждений. В них содержится большое количество статистических материалов по состоянию потребительского рынка, уровню безработицы и т. п. Большую ценность имеют докладные записки губернского отдела ОГПУ, направлявшиеся в губисполком и горсовет. В них находится информация об острых проблемах и действительном состоянии дел в сфере народного образования.

Анализ. К середине 1920-х гг. восстановление промышленности Царицына-Сталинграда в основном было завершено. Так, на одном из крупнейших заводов города – «Красном Октябре» – к 1927 г. была проведена капитальная реконструкция на 2/3, завершена модернизация завода «Лазурь». В 1926/27 г. на территории Сталинградской губернии функционировало 78 предприятий, большая часть из которых располагалась на территории Сталинграда [11, л. 5; 33, л. 17]. Наряду с восстановленными предприятиями появились десятки новых мелких частных производств. По темпам восстановления промышленности Сталинград среди губернских городов занимал второе место вслед за Иваново-Вознесенским [25, л. 4]. Благодаря интенсивному развитию рос бюджет города и, как следствие, возможности городских властей в социально-культурной сфере и благоустройстве (табл. 1).

Таблица 1. **Динамика расходной части бюджета г. Сталинграда (1925–1927 гг.)**

Table 1. **Dynamics of the expenditure part of the budget of Stalingrad (1925–1927)**

Статьи расходов	1925/1926 г., руб.	1926/1927 г., руб.
Общеадминистративные расходы	14 718	64 655
Охрана общественного порядка	104 553	167 333
Органы юстиции	38 213	47 214
Народное образование	946 924	1 154 229
Здравоохранение	360 970	385 546
Собес	75 280	118 968
Ветеринария	20 164	24 245
Коммунальное хозяйство	788 987	921 108

Примечание. Составлено по: [10, л. 3].

Благодаря росту промышленности и торговли быстрыми темпами росла занятость. Если в конце 1925 г. в городе числилось 11 900 работающих, то через год их стало уже 14 800 [10, л. 3].

С другой стороны, уровень доходов работающего населения оставался невысоким. В 1925 г. средняя зарплата в промышленности составила 80–82 % от довоенного уровня. Так, средняя зарплата на лесопильном заводе Коммунального треста в 1926 г. составляла 44 руб. 06 коп. [28, л. 65]. Низкими зарплаты оставались и в частном секторе, и среди городских служащих. Так, учителя в школах I ступени получали 33–40 руб., II ступени – до 80 руб. в месяц. Частыми были случаи задержки зарплаты из-за отсутствия средств у губоно. В 1925 г., уходя в летний отпуск, педагоги получили только зарплату за июнь, без отпускных. Как отмечалось в записке ОГПУ, «таковое положение с выплатой зарплаты создает неблагоприятную психологическую предпосылку, влияющую на настроение учительства» [12, л. 82].

Несмотря на развитие промышленности и появление новых рабочих мест, безработица оставалась высокой и не только не сокращалась, но и росла. На 1 ноября 1925 г. безработных, зарегистрированных на бирже труда, было 6 783 чел., а на 1 ноября 1926 г. – 8 245 человек. Безработица росла, прежде всего, за счет наплыва в город выходцев из деревни. Всего за 1926/27 г. из деревни прибыло 6 000 человек. Квалифицированные рабочие составляли всего около 10 % от общего количества безработных. В губернии прослеживалась та же динамика. На 1 апреля 1926 г. по губернии числилось безработных 11 200 человек, на 1 октября 1927 г. – уже 12 750 безработных. При этом также сокращалась доля квалифицированных рабочих с 14,1 % в 1926 г. до 8,6 % в 1927 г. и, как следствие, среди рабочих стремительно сокращалось число членов профсоюзов [5, л. 360; 33, л. 22].

Чтобы предоставить людям хоть какой-то заработок, городской Совет организовывал общественные работы, в основном строительные. На них в 1926 г. были заняты 2 322 человек. Для особо нуждающихся отпускались дешевые обеды в столовой на базаре 4-й части (стоимостью 13 коп.), был открыт ночлежный дом Губернского коммунального отдела. По причине нарастающей безработицы на уровне горсовета было принято решение сохранить биржи труда в поселках Минина (ныне Советский район Волгограда) и Рыкова (Краснооктябрьский район Волгограда), несмотря на общую тенденцию к их ликвидации [5, л. 360; 10, л. 3; 33, л. 22].

С другой стороны, в условиях интенсивного промышленного строительства ощущался острый дефицит рабочих, в первую очередь строительных специальностей, что способствовало переманиванию специалистов с одного предприятия на другое и в результате приводило к появлению так называемых «летунов» (рабочих, как правило, высокой квалификации, переходящих в поисках лучших условий труда и заработной платы с одного промышленного объекта на другой) и, как следствие, искусственному завышению заработной платы. Так, например, на работы по постройке клуба им. Ленина (Райнефтесиндиката) [2] Губстрой платил за оштукатурку фасада 70 коп. за кв. м, а Губкомунхоз за такую же работу – 1 руб. 20 коп.; за кладку кирпичных стен Губстрой платил 10 руб. 50 коп., Губкоммунхоз – 13 руб. 50 коп. [18, л. 141].

Между тем особенно острой проблема безработицы оставалась среди женщин. На первый взгляд, женщин среди ищущих работу было меньше половины – на 1 октября 1925 г. на учете биржи труда числилась 2 751 женщина, что составляло лишь 41,67 % от общего числа безработных. При этом среди получивших направление на работу женщины составили только 33 %. Проблема заключалась в абсолютном преобладании среди женщин неквалифицированных работниц, спрос на которых был невелик. Так, из 2 751 безработных женщин квалификацией обладали только 85 [27, л. 13].

В условиях новой экономической политики улучшилась ситуация на потребительском рынке. В отличие от времен военного коммунизма, рынок был в целом насыщен товарами. В 1926 г., по сравнению с 1922 г., потребление мяса и жиров увеличилось вдвое, сахара – в четыре раза. Однако стоимость товаров, особенно промышленных, была довольно высокой (см. табл. 2).

Таблица 2. **Розничные цены на промышленные, продовольственные товары и услуги в г. Сталинграде (01.05.1926)**

Table 2. **Retail prices of industrial, food products and services in Stalingrad (May 1, 1926)**

Наименование	Единица	На рынке	В кооперативе
Мука ржаная	пуд	1,70–1,80 руб.	1,55 руб.
Мука пшеничная	фунт	4,60 руб.	3,60 руб.
Крупа пшено	фунт	4 коп.	4 коп.
Крупа гречневая	фунт	13–14 коп.	нет
Картофель	пуд	1,20 руб.	80 коп.
Капуста квашеная	фунт	5 коп.	5 коп.
Мясо (говядина)	фунт	30 коп.	28 коп.
Баранина	фунт	35 коп.	30–32 коп.
Масло топленое	фунт	90 коп. – 1 руб.	90 коп. – 1 руб.
Молоко	бутылка	12 коп.	12–10 коп.
Яйца	штука	4–3,5 коп.	4 коп.
Сахар	фунт	33 коп.	32 коп.
Сахар песок	фунт	27 коп.	26 коп.
Хлеб печеный	кг	10 коп.	8 коп.
Хлеб пшеничный	кг	22,5 коп.	19 коп.
Сапоги простые	пара	22 руб.	18 руб.
Галоши мужские	пара	8–6 руб.	3–30 руб.
Ситец	метр	65 коп.	42 коп.
Полотно	метр	1,60 руб.	1,10 руб.
Керосин	фунт	4 коп.	4 коп.
Мыло простое	фунт	20–22 коп.	18–20 коп.
Табак 2 сорт	фунт	2,40 руб.	2,40 руб.
Спички	коробка	1,5 коп.	1,5 коп.
Дрова	куб. саж.	54 руб.	54 руб.
Квартплата	кв. саж.	21,5 коп.	
Электроэнергия	гект. час.	2 коп.	
Вода	ведро	0,4 коп.	
Проезд в трамвае	станция	4 коп.	
Газета	номер	5 коп.	
Кино	билет	15 коп.	
Поденная плата чернорабочему мужчине на своих харчах		1 руб.	

Примечание. Составлено по: [9, л. 19].

Потребительский рынок Сталинграда не отличался стабильностью. Несмотря на рыночные механизмы, периодически возникали перебои со снабжением самыми элементарными продуктами. Так, в марте 1926 г. у лабазов Хлебопродукта и лавок кооперации возникли длинные очереди. Сокращение частной торговли хлебом из-за налоговой политики властей совпало с перебоями на железной дороге в подаче вагонов для перевозки хлеба и началом распутицы, затруднившей подвоз зерна гужевым транспортом. Серьезные затруднения возникли и в снабжении города мясом. Государственный и кооперативный сектор оказались не готовы к росту спроса. Несмотря на экстренные меры городских властей, положение удалось выправить не сразу. К весне 1927 г. рынок обслуживался государственно-кооперативной торговлей, в среднем уже на 80 % [6, л. 155; 29, л. 3].

Одной из острейших проблем для населения города являлась жилищная. Жилья катастрофически не хватало. В 1920 г. численность городского населения составляла 84 тыс. чел., в 1924 г. – 108 тыс., в 1926 г. в городе уже насчитывалось 148 370 чел. [4, с. 62; 23, л. 77]. По признанию председателя Губисполкома Горемыкина, сделанному в ноябре 1925 г., «по плану жилищного строительства по г. Сталинграду на 1925–1926 гг. определено что по числу населения города в данный момент 122 382 чел. по минимальной са-

нитарной норме необходима жилая площадь 220,2 тыс. кв.сажен. (469 881.72 кв. м). Имеется же в настоящее время всего 142,3 тыс. кв. саж. (303 611.28 кв. м), и таким образом, недостаток жилой площади выражается в абсолютной цифре в количестве около 78 тыс. кв. саж. (166 420.8 кв. м), что составляет более половины той площади, которая имеется в настоящее время. В среднем на жителя вместо санитарной нормы 1,8 кв. саж. (около 3,8 кв. м) приходится всего 1,15 кв. саж. (2,45 кв. м)» [15, л. 448].

Свыше 30 тыс. жителей проживали в неудовлетворительных условиях, частью совсем в неприспособленных для жилья помещениях – сараях, банях, подвалах. Естественный и миграционный прирост населения составлял до 4,5 % в год, то есть около 5 500 чел. в год, что приводило к дальнейшему нарастанию дефицита жилья и появлению несанкционированных частных застроек. Так, в ноябре-декабре 1927 г. на заседаниях бюро фракций ВКП(б) Сталинградского горсовета и горисполкома рассматривался вопрос о переселении граждан, построивших самовольно дома вдоль берега реки Волги. В результате по незаконным постройкам было принято решение Сталинградского нарсуда о сносе [21, л. 294].

По подсчетам городских властей для удовлетворения потребности до санитарной нормы нужно было на протяжении 10 лет вводить жилья не менее 17 700 кв. сажен в год (более 37 000 кв. м) [28, л. 36]. Для этого у города не хватало ни финансовых, ни физических возможностей. Так, за 1927 г. усилиями Горкоммунхоза было построено всего 14 кирпичных и 5 деревянных зданий и восстановлено из руин 5 домов на 435 жилых комнат площадью около 14 935 кв. метров. Силами жилищной кооперации в этот же период возводилось 4 дома, Волго-Каспий-Лес планировал к постройке также несколько домов стоимостью около 600 000 рублей. В основном это были двух-, трех-, реже четырехэтажные здания (в районе завода «Красный Октябрь») [25, л. 4]. В 1927 г. стоимость квадратного метра жилья на рынке жилищного строительства Сталинграда таким образом достигла 120 рублей. Для экономии средств под жилье переделывались бывшие промышленные предприятия, склады и казармы [22, л. 17; 33, л. 185]. В итоге средняя обеспеченность жильем в Сталинграде снижалась и оказалась ниже общесоюзной [35, с. 116].

Несмотря на громадные объемы капиталовложений в жилищное строительство (в 1929 г. в жилищное строительство было вложено 5,6 млн руб.), норма и в последующие годы из-за постоянного притока населения снижалась. В результате в 1928 г. в Сталинграде на человека приходилось 4,69 кв. м, в 1929 г. уже 4,46 кв. м, в 1930 г. – 3,9 кв. м [23, л. 78].

Между тем стоимость квартплаты за квадратный метр жилья повышалась. Так, в марте 1927 г. был утвержден предложенный Губкоммунхозом проект квартплаты в соответствии с которым с апреля 1927 г. вводились новые тарифы оплаты за 1 кв. м – 40 копеек. При этом размер квартплаты мог быть снижен: в случае отсутствия электроосвещения на 5 %, водопровода – 10 %, канализации – 10 %, водопровода и канализации – 15 %, электроосвещения, водопровода или канализации – 25 %. Скидка также могла действовать в случае наличия в семье четырех и более иждивенцев [7, л. 62].

Тяжелое наследие оставили годы Гражданской войны и в сфере городского благоустройства. Долгое время здесь не только не строилось ничего нового, но и практически не ремонтировалось. Так, к 1926 г. в Сталинграде было замощено только 13 % улиц, но из них в удовлетворительном состоянии находилось только 40 %. На остальных булыжное покрытие сохранилось лишь частично [10, л. 4 об.]. Очень тяжелым оставалось положение с освещением города и снабжением потребителей электричеством. Городская электростанция, взорванная белыми при отходе в январе 1920 г., даже к маю 1926 г. давала лишь 54 % довоенной мощности. Нагрузка же на сеть превышала довоенную на 77 % [28, л. 53]. Отключения энергии были обычным явлением. Для освещения города и работы трамвая город заимствовал ток со станций заводов «Электролес» и «Баррикады». В результате электрическое освещение, как и до революции, имел лишь центр города. Окраины, особенно Дар-гора [3] и Сибирь-гора [4], по-прежнему утопали в темноте.

Несколько лучше обстояли дела со снабжением города водой. Хотя водокачка также была взорвана белыми, здания и оборудование удалось довольно быстро привести в состояние даже лучшее, чем до революции. При этом сеть водопровода была сильно изношена и ее пропускная способность не соответствовала мощности станции. Стоимость воды была выше довоенной на 100 %, но и по этой цене водопровод не мог обслуживать в полной мере окраины Сталинграда. Положение могли изменить только строительство нового водопровода и объединение всей существующей сети. В 1926 г. проект нового водопровода был составлен, но требуемых на его строительство 5,5 млн руб. у города не было. Строительство крупных промышленных объектов и переоборудование имеющихся покрывали все имеющиеся объемы производимого в городе металла. Выход будет найден в выпуске деревянных водопроводных труб силами Энергостроя [5] [10, л. 4 об. – 5; 24, л. 255].

После окончания Гражданской войны городской транспорт почти не работал. Пассажиропоток упал с 6 млн чел. в 1914 г. до 3 млн в 1922 году. Совершенно негодными к использованию в 1922 г. были 70 % путей, половина вагонов были неисправны. К 1926 г. все маршруты трамвая были восстановлены, ремонта требовали только 30 % путей. На линиях работали 45 вагонов, за 1926 г. было перевезено 13 млн пассажиров [28, л. 53]. В 1926 г. впервые за многие годы трамвайная сеть увеличилась на 2 км в связи с постройкой новой линии в заполотновской (часть города, расположенная за железнодорожным полотном) части на Сибирь-гору.

Значительное внимание власти уделяли народному образованию. Расходы на него в 1925/26 гг. составляли 38 % городского бюджета.

Сеть учреждений народного образования в 1925/26 учебном году выглядела следующим образом (табл. 3).

В городе ощущался большой недостаток в школьных зданиях, особенно остро этот вопрос стоял в рабочих районах. Школы там работали в три смены, но не могли вместить всех детей. В 1926 г. была построена только одна новая школа в поселке завода «Красный Октябрь». По подсчетам комиссии горсовета по народному образованию, в следующем 1926/27 г. для удовлетворения всех потребностей было необходимо открыть в школах города еще 74 группы. Видимо, средств на такое количество у города не имелось, поскольку после обсуждения было принято решение ограничиться лишь 33 новыми группами. В 1927 г. была намечена постройка двух новых школ – в пос. Минина и Бекетовке, однако из-за отсутствия средств на это в бюджете город взял долгосрочную ссуду в Коммунальном банке [26, л. 17].

По данным обследования шести школ, проведенного инспекторами губоно в декабре 1925 г., только две из них (им. Лермонтова и 9-го января) располагались в собственных зданиях, специально приспособленных под школьную специфику. Помещений не хватало. Занятия во всех школах производились в две смены, а в школах им. Крупской, Перовской и 9-го января – в три смены. Наблюдалась острая нехватка учебных пособий, в некоторых школах имелось по две-три книги на весь класс. Вывод комиссии был неутешительным: «Условия для педагогической работы в большинстве обследованных школ весьма ненормальны: двухсменность (а иногда и трехсменные занятия), отсутствие или же наличие жалких педагогических библиотек и скудное материальное положение учителей – вот основные факторы, отрицательно влияю-

Таблица 3. **Учреждения народного образования в г. Сталинграде в 1925/26 учебном году**

Table 3. **Institutions of public education in Stalingrad in the 1925/26 academic year**

№	Наименование учреждений народного образования	Количество учреждений	Учебных групп	Учащихся
1	Школ I ступени	31	221	7 457
2	Школ II ступени	5	53	2 034
3	Школ 7- и 9-леток	12	204	6 497
	Итого	48	488	15 988

Примечание. Составлено по: [10, л. 6].

щие на успешность этой работы». Об успеваемости учеников красноречиво свидетельствовало замеченное комиссией «наличие неграмотно написанных плакатов, висящих на стенах, наличие ошибок в заголовках диаграмм и рисунков и огромное количество ошибок в тексте стенных газет» [14, л. 19]. Из-за тесноты и скученности школы часто становились местом распространения различных болезней. Зимой 1925/26 гг. в сталинградских школах произошла вспышка кори и скарлатины. В школе им. Тимирязева, расположенной в рабочем поселке Минина, из 1 000 учеников около 70 % были больны глазными болезнями [26, л. 18].

В середине 1920-х гг. развернулась кампания по борьбе с безграмотностью. Учреждения, занимавшиеся ликвидацией безграмотности, начали создаваться в октябре 1925 года. По плану предусматривалось открытие 40 пунктов ликвидации неграмотности и 10 школ малограмотных. Планировалось обучить за год 2 000 неграмотных и 500 малограмотных. Однако реализация этого плана происходила с большими трудностями в связи с нехваткой преподавателей. В результате в 1926 г. сеть ликбеза выглядела так (табл. 4).

В течение 1925/26 учебного года в ликпунктах прошли обучение 1 174 чел. (58,7 % плана), в школах малограмотных – 446 чел. (89,2 %). Большой популярностью среди рабочих пользовались также школы для взрослых повышенного типа, дававшие полноценное начальное образование. Таких трехгодичных школ в городе работало 5, с общим количеством учащихся 736 человек. Ввиду большого количества желающих обучаться в 1926 г. было запланировано открыть еще 4 одногодичные школы. На следующий год планировалось открыть по городу еще 30 ликпунктов и 30 школ малограмотных и обучить 1 325 чел. неграмотных и 750 малограмотных [34, л. 41].

Дошкольное воспитание в данный период только начинало развиваться. В 1925/26 г. к имевшимся 6 детским садам были добавлены 5 летних детских площадок, всего в них имелось 400 мест. В 1926/27 г. планировалось открыть еще 10 детских садов, но очевидно, что подавляющее количество детей не могли попасть в дошкольные учреждения.

Несколько лучше обстояло дело со средним профессиональным образованием. В городе работали находящиеся на государственном бюджете педагогический, механический и промышленно-экономический техникумы, из губернского бюджета финансировались акушерский, физкультурный техникумы, профшкола им. Кулибина, игольно-швейная профшкола, вечерние технические курсы, архитектурно-строительные курсы, художественные курсы, на городском бюджете – районная ФЗУ, на заводских средствах работали ФЗУ при «Красном Октябре», «Электролесе» и тресте мукомольно-маслобойного производства. На хозрасчете находились музыкальный и фармацевтический техникумы. В 1925/26 г. в техникумах Сталинграда обучалось 1 047 чел., в профшколах 353 чел., в ФЗУ – 559 чело-

Таблица 4. **Сеть учреждений по ликвидации безграмотности в г. Сталинграде в 1926 году**

Table 4. **Network of institutions for the elimination of illiteracy in Stalingrad in 1926**

Районы	Участки	Ликпунктов для взрослых	Ликпунктов для подростков	Школ малограм. для взрослых	Инструкторов ликпунктов	Инструкторов школ малограмотных
3-й	Бекетовка	2	1	2	–	–
	Ельшанка	3	1	4	1	–
	Зацарицынский	4	–	4	1	–
2-й	Заполотно	2	1	2	–	–
	Балканы *	1	–	2	–	–
	Центр города	5	–	7	1	1
1-й	Баррикады	1	1	2	–	–
	Красный Октябрь	3	1	3	1	–
	Райнефтесиндикат	–	1	2	–	–
	Итого	23	7	30	4	1

Примечания. Составлено по: [34, л. 42]. * – часть современного Центрального района города от площади Ленина до ул. 7-й Гвардейской.

век. Кроме этих учебных заведений, в городе работал рабфак, готовивший к поступлению в вузы (249 чел.), а также совпартшкола (208 чел.) [32, л. 20].

Систему народного образования дополняли многочисленные учреждения, занимавшиеся политическим просвещением населения. В 1925/26 г. их сеть включала в себя 2 кабинета политпросветработника, 30 школ политграмоты, 9 школ политграмоты комсомола и 3 вечерних совпартшколы [26, л. 16].

Летом 1925 г. в Сталинграде работало 28 детских домов (из 59 в губернии), где было размещено 2 179 воспитанников [32, л. 20]. Средств на содержание детских домов не хватало. В феврале 1925 г. председатель Сталинградского губисполкома Недзвецкий обратился в Президиум ВЦИК с письмом, где нарисовал безрадостную картину состояния беспризорности в губернии. При наличии в детдомах около 6 500 мест нуждающихся в них детей насчитывалось до 10 тысяч. Для местного бюджета эта тяжесть была совершенно непосильна, он не мог как следует содержать даже имеющиеся детдома. На питание ребенка выделялось 9–12 коп. в день при смете 15 коп., на обмундирование – 8 руб. в год при смете 15 руб. и на учебную часть по 88 коп. в год вместо 4 рублей. В связи с этим Сталинградский губисполком ходатайствовал о выделении «из процентных поступлений от фонда на борьбу с беспризорностью им. В.И. Ленина на помощь детдомам Сталинградской (Царицынской) губернии до 20 тыс. рублей» [15, л. 81].

В июне 1925 г. губернский отдел ОГПУ направил председателю губисполкома записку с характерным названием: «О скверном состоянии д/домов и тяжелом финансовом положении губоно». В ней констатировалось: «Питание в детдомах последнее время значительно ухудшилось в связи с повышением цен на продукты. Прежняя норма, выражавшаяся для детей дошкольного возраста в 4 руб. 50 коп., подростков 4 руб. 80 коп. и больных 5 руб. 50 коп., в настоящий момент крайне недостаточна и не обеспечивает детей питанием». Со стороны персонала, по мнению чекистов, «сплошь и рядом наблюдается бесхозяйственность, недостача имущества. Особо крупные хищения и недостачи имущества наблюдаются в детздравнице № 28, в д/доме № 15, в Клубе беспризорников». Последний вообще «напоминает собою притон» [12, л. 81].

Чтобы сэкономить, губисполком встал на путь сокращения числа детских домов. Особенно резким это сокращение оказалось в Сталинграде – здесь осталось 9 детдомов на 1 025 воспитанников. Сокращению числа детских учреждений способствовали несколько мер, принятых властями. Воспитанники старших возрастов передавались «на производство в счет брони и сверх нее в совхозы, волостные хозяйства и кооперативные артели и коммуны», активно применялось патронирование детдомовцев частными гражданами [26, л. 8]. Всего было передано на патронирование более 300 детей, и около 100 определены на работу. Несмотря на это, весной 1926 г. количество беспризорных снова стало расти в связи с притоком детей из других губерний. Пришлось открывать детдом-изолятор на Даргоре, где содержалось сначала 80, а затем 150 несовершеннолетних бродяг. Осенью 1926 г. в Сталинграде насчитывалось до 1 000 беспризорных детей. Не имея средств, власти призвали на помощь общественность – «расширить работы по патронированию, как более верную меру борьбы, и на освободившиеся места в детдомах брать детей с улицы» [10, л. 6 об.].

На 1 октября 1927 г. в Сталинграде состояло на пенсионном обеспечении 663 чел., из них 149 инвалидов войны и 516 семей, потерявших кормильца на войне, и семей красноармейцев. Размер пенсии был следующим: для инвалидов 1-й группы – 21 руб. в месяц, 2-й группы – 14 руб., 3-й – 11 рублей. Семьи: на 1 пай – 7 руб. 50 коп., на 2 пая – 11 руб., на три пая – 15 руб. [13, л. 24]. Комиссия по назначению пенсий работала весьма придирчиво. Так, из 325 заявлений, поданных в 1927 г., было удовлетворено только 170. Основным мотивом отказа являлась достаточная материальная обеспеченность просителей и отсутствие доказательств своего права на пенсию. Городской дом инвалидов был в ноябре 1927 г. переведен в Дубовку. На 1 апреля 1928 г. в нем состояло на обеспечении 64 чел., на питание их выделялось 48 коп. в день для инвалидов и 30 коп. для призреваемых. Велась большая работа по трудоустройству инвалидов. По городу были организованы и ра-

ботали 18 производственных кооперативов инвалидов, имевших 34 предприятия (главным образом по хлебопечению и мелкорозничной торговле), где работало 253 человека. Средний заработок членов артелей составлял около 50 руб. в месяц. Тем не менее значительная часть инвалидов оставалась без помощи. Так, из 52 слепых были трудоустроены всего 7, остальные добывали себе средства к жизни самостоятельно, большинство нищенствовали. Сталинград как крупный город привлекал большое количество нищих, что создавало немалые сложности для органов социального обеспечения. В апреле 1926 г. Секция труда и социального обеспечения горсовета постановила: «Учитывая, что с началом навигации по водному пути будет усиленный приток приезжающих инвалидов, которые будут обращаться в Губсобес за помощью, необходимо принять меры борьбы с гастролерством» [29, л. 7]. «Закоренелых» взрослых бродяг отправляли в труддом-колонию [13, л. 23–24].

В области здравоохранения в 1925 г. был достигнут значительный прогресс. В поселке завода «Баррикады» была открыта современная клиника-больница на 200 коек. В центре города в помещении бывших бань Бочкарева открылся Физиотерапевтический институт на 40 коек, где использовались методы свето-, водо- и грязелечения. Была также открыта Пастеровская станция с пропускной способностью 80 чел. в сутки. Теперь больных, укушенных бешеными животными, не нужно было отправлять для лечения в Саратов. Всего в 1925/26 г. в Сталинграде насчитывалось 9 больниц на 843 койки, 13 амбулаторий, которые посетило 604 221 человек [32, л. 29]. Кроме того, в городе практиковали 17 районных врачей, 4 пункта первой помощи, зубопротезная мастерская, 106 врачей-специалистов и 15 зубных врачей. Один врач приходился на 1 150 чел. населения. Для перевозки больных Скорой помощи были приобретены два автомобиля [16, л. 181]. В городе работали также Дом матери и ребенка, 2 женские консультации. В рабочих районах с 1 июля 1926 г. были организованы молочные кухни [10, л. 8–8 об.]. До 1925 г. в Сталинграде имелось всего 2 детских яслей – в поселках Рыкова и Минина. В 1925/26 г. были открыты показательные центральные ясли, а также ясли при чулочной фабрике им. Крупской, Райнефтесиндикате и в поселке Ермана. Всего в яслях имелось 125 мест, они работали в две смены [8, л. 180].

Несмотря на большое количество учреждений здравоохранения, их материальное состояние оставляло желать лучшего. В акте осмотра губернской больницы № 1 обращалось внимание, что палаты были переполнены на 50 %, койки с больными располагались в коридорах. Больница испытывала острую нехватку обуви и одежды для больных, белья и даже матрацев. Из-за перебоев в водоснабжении поступающие больные часто принимались без санобработки. Не лучше обстояло дело с питанием: «Питание для больных сокращено, мясо порция на больного выдается в настоящее время 150 гр., а выдавалось прежде 200 гр., затем готовится в большинстве случаев пшенная каша вместо рисовой, больные заявляют, что мы почти не кушаем пшенную кашу – надоела». Для пополнения скудного рациона двор больницы был превращен в огород, где росли арбузы, огурцы, морковь, помидоры, лук, зелень, а также «в достаточном количестве посеяно овса, ячменя, проса» [8, л. 25].

В послевоенные годы произошел значительный рост преступности и хулиганства, особенно на рабочих окраинах. Эта проблема стала настолько острой, что ей был посвящен отдельный раздел в ежегодном отчете горсовета. Помимо «мобилизации вокруг этого вопроса общественного мнения», принимались и административные меры: «усилена охрана окраин, установлены объезды конной милиции, в неблагополучных по хулиганству районах увеличены ночные обходы, взяты на учет пристанища хулиганствующего элемента, выделена и работает дежурная камера суда по делам о хулиганстве». В рабочих районах было проведено пять показательных судебных процессов над хулиганами, выросло количество вынесенных административных взысканий. Если в апреле-июне 1926 г. было вынесено 642 взысканий за хулиганство, то в июле-сентябре их было уже 1 008 [10, л. 2]. Борьба с преступностью и хулиганством осложнялась крайне высокой текучестью кадров в милиции. Так, в январе-марте 1925 г. текучесть кадров рядовых милиционеров составила

87,4 %, и в официальных документах ее объясняли «исключительно низкой оплатой труда». Так, оклад старшего милиционера осенью 1925 г. составлял 22 руб., а младшего – 17 руб. 15 копеек. Средств не хватало даже на экипировку, документы отмечают: «Обмундирование сильно изношено, что видно по милиционерам г. Сталинграда» [12, л. 41–42].

В культурной жизни города к середине 1920-х гг. Сталинград от безудержного подчас экспериментаторства, буквально театрального бума с участием творческих объединений Пролеткульта, рабоче-крестьянских, солдатских и заезжих московских театральных мастерских (например, театральной мастерской московского режиссера Н.М. Форегтера с его программой «Танец машин») [1, с. 72] в период нэпа возвратились к классическому репертуару и восходящим к дореволюционному российскому театру традициям. В театр пришел неискушенный зритель, желавший приобщаться к искусству в простых и доступных формах.

После капитального ремонта 1922 г. открыл свои двери Дом науки и искусства уже под новым названием – Музыкально-драматический театр (в 1929 г. 1-й Сталинградский рабочий театр им. Максима Горького, позже Сталинградский драматический театр им. М. Горького), где, помимо драматических, в составе театра работали также опереточная и балетная труппы [1, с. 73]. В период нэпа особой популярностью у публики пользовались, кроме русской классики («Горе от ума», «Хаджи Мурат», «Идиот», «Петербургские трущобы»), постановки по произведениям зарубежных авторов: «Счастливый Беппо», «Хижина дяди Тома». В Народном саду регулярно организовывались выступления куплетистов, мастеров пантомимы.

Получил распространение в Сталинграде и агитационный театр, появились живые газеты, воспринявшие черты старого народного балагана. На «Красном Октябре» – живая газета «Блюминг», на «Баррикадах» – «Метла», «Турбина» и др. [1, с. 78].

На месте цирка Никитиных, располагавшегося в долине реки Царицы (в период Гражданской войны разобранного на дрова), усилиями цирковой группы «Колларт» под руководством Яшина был отстроен и начал давать представления цирк шапито (стационарный «зимний» цирк в Сталинграде появится только в 1932 г. в поселке СТЗ). В летнем сезоне 1927 г. на сцене блистал колун и дрессировщик М.М. Золло с пантомимой, где животные разыгрывали сцену с убийством и похоронами Г. Распутина [1, с. 75]. Лето 1928 г. было отмечено гастролями цирка «Колосс» под руководством Н.А. Никитина – сына основателя русского цирка А.А. Никитина, где среди других артистов давал представления популярный клоун и дрессировщик и А.А. Дуров.

Между тем театральные и цирковые представления подчас затягивались до полуночи, одежду в гардеробе театра можно было получить, отстояв час в очереди. Поэтому для рабочих, с их напряженным трудовым графиком, при затрудненном транспортном сообщении с рабочими окраинами приобщение к искусству было весьма затруднено.

Результаты. Модернизационный рывок, который удалось совершить Сталинграду в период социалистической реконструкции народного хозяйства, отчасти стал возможен благодаря восстановлению хозяйства в период нэпа. Несмотря на отдельные проявления кризисных явлений новая экономическая политика способствовала улучшению ситуации в социальной сфере и благоустройстве Сталинграда. Городское хозяйство к середине 1920-х гг. в целом было восстановлено, сеть учреждений образования и здравоохранения даже несколько расширилась. Вместе с тем острой оставалась жилищная проблема, росла безработица, ощущался заметный дефицит квалифицированной рабочей силы, уровень заработной платы позволял большинству работающих лишь сводить концы с концами. Городской бюджет, несмотря на рост, не был в состоянии эффективно решать социальные вопросы – от развития транспортной сети до расширения водопровода.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-49-340003 р_а «Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь».

The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project №19-49-340003 p_a "Stalingraders at the turning point of the era (mid-1920s - end of the 1930s): socio-economic situation and cultural life".

[2] Райнефтесиндикат – сталинградское районное (из числа 40, существовавших на территории СССР) управление Нефтесиндиката СССР, занимавшееся переработкой и сбытом продукции нефтяной промышленности в период нэпа.

[3] Возвышенность на территории современного Ворошиловского района города.

[4] Возвышенность в районе железнодорожной станции Волгоград-1 от ул. Невская.

[5] Государственный энергостроительный трест создан в 1927 г. в рамках Главэлектро ВСНХ СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова, Г. Н. Художественный облик Царицына-Сталинграда / Г. Н. Андрианова. – Волгоград : Универсал, 1991. – 192 с.

2. Водолагин, М. А. Очерки истории Волгограда: 1589–1967 / М. А. Водолагин. – М. : Наука, 1968. – 458 с.

3. Волгоград в начале XXI века : учеб. пособие [для слушателей Школы региональной элиты] / под ред. И. О. Тюменцева [и др.]. – Волгоград : Изд-во Волгогр. акад. гос. службы, 2011. – 452 с. : ил.

4. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки. В 10 т. – М. : Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1927. – Вып. III. – 74 с.

5. Выписка из протокола № 1 заседания бюро Сталинградского Губкома ВКП б. 02.12.1927 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 207.

6. Выписка из протокола № 26 заседания Сталинградского губкома ВКП б. 28.05.1927 г. // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 207.

7. Выписка из протокола № 9 заседания Сталинградского Губкома ВКП б. 03.03.1927 г. // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 207.

8. Выписки из протоколов президиума горсовета по докладам губздравотдела. 1926 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 289.

9. Движение розничных цен в червонных рублях и копейках за период времени с 1 апреля по 1 мая 1926 г. // ГАВО. – Ф. Р-37. – Оп. 1. – Д. 519.

10. Доклад горсовета о мероприятиях по благоустройству города, улучшении дела народного образования и здравоохранения на 1926–1927 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 365.

11. Доклад об экономике и кооперативной системе губернии, работе губернского кооперативного совета: Цензовая промышленность по губернии (октябрь 1927 г.) // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 165а.

12. Докладные записки губотдела ОГПУ. 1925 г. // ГАВО. – Ф. Р-37. – Оп. 2. – Д. 113.

13. Доклады горсобеса. 1928 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 409.

14. Доклады инспекторов губоно об обследовании школ г. Сталинграда. 1926 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 861.

15. Информация представителя губисполкома при ВЦИКе // ГАВО. – Ф. Р-37. – Оп. 1. – Д. 427.

16. Итоги работы Сталинградского губздравотдела за 1925/26 бюджетный год по городу Сталинграду // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 289.

17. Калашников, С. Ю. Решение социокультурных проблем в довоенном Сталинграде при реконструкции Царицынских построек / С. Ю. Калашников, П. П. Олейников, Е. П. Олейникова // Архитектура и строительство России. – 2014. – № 2. – С. 34–39.

18. Обращение в Сталинградский Губком ВКП (б) Сталинградской губернской строительной конторы губстрой. 01.06.1927 г. // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 211.

19. Олейникова, Е. Г. Социальные проблемы городского населения в годы нэпа и пути их решения в условиях формирования патерналистской модели государственной социальной политики (на примере Царицына-Сталинграда) / Е. Г. Олейникова // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 9. – С. 54–57.

20. Очерки по истории Волгоградского края / под ред. И. С. Шепелева [и др.] ; Волгоград. пед. ин-т им. А.С. Серафимовича. – Волгоград : [б. и.], 1974. – 295 с.

21. Письмо Сталинградскому губкому Сталинградский горсовет. Секретно. 26.12.1927 г. // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 211.

22. Планы и доклады об итогах жилищного и других видов строительства за 1927 г. по г. Сталинграду // ГАВО. – Ф. Р-37. – Оп. 1. – Д. 513.

23. Протокол № 1 работы I городской партконференции. 12.08.1930 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 1.

24. Протокол работы III Городской Сталинградской конференции ВКП(б). 17–21.01.1932 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 1.

25. Протоколы IV пленума губкома ВКП(б) и материалы к нему: вопрос жилищного строительства. 19.05.1927 // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 162.

26. Протоколы заседаний секции Горсовета по народному образованию. 1926 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 307.

27. Протоколы заседаний секции труда и соцобеспечения Горсовета. 1926 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 309.

28. Протоколы и доклады коммунальной секции Горсовета. 1926 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 311.

29. Протоколы заседаний секции труда и соцобеспечения Горсовета. 1926 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 310.

30. Сабанов, В. И. Вехи памяти (Очерки истории медицины и здравоохранения) : монография / В. И. Сабанов, Л. Н. Грибина. – Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2005. – 160 с.

31. Скрипкин, А. С. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности : учеб. пособие / А. С. Скрипкин, А. В. Луночкин, И. И. Курилла *. – 3-е изд., доп. – М. : Планета, 2016. – 224 с.

32. Статистические сведения о состоянии социально-культурных учреждений г. Сталинграда. 1929 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 473.

33. Стенограмма XIII Сталинградской губернской партконференции. 23.11–25.11.1927 г. // ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 159.

34. Тезисы к докладу «Итоги и перспективы ликвидации неграмотности по г. Сталинграду» // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 330.

35. Юдина, Т. В. Социально-экономическое положение и общественное настроение рабочих Царицына-Сталинграда в 1920-е гг. / Т. В. Юдина // Вопросы краеведения. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – Вып. 12. – С. 113–117.

REFERENCES

1. Andrianova G.N. *Khudozhestvennyy oblik Tsaritsyna-Stalingrada* [Artistic Appearance of Tsaritsyn-Stalingrad]. Volgograd, Universal Publ., 1991. 192 p.

2. Vodolagin M.A. *Ocherki istorii Volgograda: 1589–1967* [Essays on the History of Volgograd. 1589–1967]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 458 p.

3. Tyumentseva I.O. et al., eds. *Volgograd v nachale XXI veka: ucheb. posobie [dlya slushateley Shkoly regionalnoy elity]* [Volgograd at the 21st Century. Study Guide [For Students of the Regional Elite School]]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby, 2011. 452 p.

4. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki. V 10 t.* [All-Union Census of December 17, 1926. Summary. In 10 Vols.]. Moscow, Izd-vo TsSU Soyuza SSR, 1927, iss. III. 74 p.

5. Vypiska iz protokola № 1 zasedaniya byuro Stalingradskogo Gubkoma VKP b. 02.12.1927 g. [Extract from Protocol no. 1 of the Meeting of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). December 2, 1927]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 207.

6. Vypiska iz protokola № 26 zasedaniya Stalingradskogo gubkoma VKP b. 28.05.1927 g. [Extract from Protocol no. 26 of the Meeting of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). May 28, 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 207.

7. Vypiska iz protokola № 9 zasedaniya Stalingradskogo Gubkoma VKP b. 03.03.1927 g. [Extract from Protocol no. 9 of the Meeting of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). March 3, 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 207.

8. Vypiski iz protokolov prezidiuma gorsoveta po dokladam gubzdravotdela. 1926 g. [Extracts from the Protocols of the Presidium of the City Council on the Reports of the Regional Health Department]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 289.

9. Dvizhenie roznichnykh tsen v chervonnykh rublyakh i kopeykakh za period vremeni s 1 aprelya po 1 maya 1926 g. [The Movement of Retail Prices in Pure Rubles and Kopecks for the Period from April 1 to May 1, 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-37, Op. 1, D. 519.

10. Doklad gorsoveta o meropriyatiyakh po blagoustroystvu goroda, uluchshenii dela narodnogo obrazovaniya i zdravookhraneniya na 1926–1927 g. [Report of the City Council on Measures to Improve the City, Public Education and Health Care for 1926–1927]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 365.

11. Doklad ob ekonomike i kooperativnoy sisteme gubernii, rabote gubernskogo kooperativnogo soveta: Tsenzovaya promyshlennost po gubernii (oktyabr 1927 g.) [Report on the Economy and the Cooperative System of the Province, the Work of the Provincial Cooperative Council: Censor Industry in the Province. October 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 165a.

12. Dokladnye zapiski gubotdela OGPU. 1925 g. [Reporting Notes of the Regional Department of the OGPU (Joint State Political Directorate). 1925]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-37, Op. 2, D. 113.

13. Doklady gorsobesa. 1928 g. [Reports of the City Department of Social Security. 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 409.

14. Doklady inspektorov gubono ob obsledovanii shkol g. Stalingrada. 1926 g. [Reports of Inspectors of the Regional Department of Public Education About the Inspection of Stalingrad Schools.

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 861.

15. Informatsiya predstavitelya gubispolkoma pri VTsIKe [Information of the Representative of the Regional Executive Committee at the All-Russian Central Executive Committee]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-37, Op. 1, D. 427.

16. Itogi raboty Stalingradskogo gubzdravotdela za 1925/26 byudzhetnyy god po gorodu Stalingradu [Results of the Work of the Stalingrad Regional Health Department for the Fiscal Year 1925/1926 in Stalingrad]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 289.

17. Kalashnikov S.Yu., Oleynikov P.P., Oleynikova E.P. Reshenie sotsiokulturnykh problem v dovoennom Stalingrade pri rekonstruktsii Tsaritsynskikh postroek [The Solution of Socio-Cultural Problems in Pre-War Stalingrad During the Reconstruction of the Tsaritsyno Buildings]. *Arkhitektura i stroitelstvo Rossii* [Architecture and Construction of Russia], 2014, no. 2, pp. 34-39.

18. Obrashchenie v Stalingradskiy Gubkom VKP(b) Stalingradskoy gubernskoy stroitelnoy kontory gubstroy. 01.06.1927 g. [Appeal to the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Stalingrad Regional Construction Office. June 1, 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 211.

19. Oleynikova E.G. Sotsialnye problemy gorodskogo naseleniya v gody nepa i puti ikh resheniya v usloviyakh formirovaniya paternalistskoy modeli gosudarstvennoy sotsialnoy politiki (na primere Tsaritsyna-Stalingrada) [Social Problems of the Urban Population During the NEP and Ways to Solve Them in the Context of the Formation of a Paternalistic Model of State Social Policy (On the Example of Tsaritsyn-Stalingrad)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2017, no. 9, pp. 54-57.

20. Shepelev I.S. et al., eds. *Ocherki po istorii Volgogradskogo kraya* [Essays on the History of Volgograd Region]. Volgograd, [s.n.], 1974. 295 p.

21. Pismo Stalingradskomu gubkomu Stalingradskiy gorsovet. Sekretno. 26.12.1927 g. [Letter to the Stalingrad Regional Committee. Stalingrad City Council. Secretly. December 26, 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 211.

22. Plany i doklady ob itogakh zhilishchnogo i drugikh vidov stroitelstva za 1927 g. po g. Stalingradu [Plans and Reports on the Results of Housing and Other Types of Construction for 1927 in Stalingrad]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-37, Op. 1, D. 513.

23. Protokol № 1 raboty I gorodskoy partkonferentsii. 12.08.1930 g. [Protocol no. I of the City Party Conference. August 12, 1930]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 71, Op. 1, D. 1.

24. Protokol raboty III Gorodskoy Stalingradskoy konferentsii VKPb. 17–21.01.1932 g. [Protocol of the III City Stalingrad Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). January 17–21, 1932]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 71, Op. 1, D. 1.

25. Protokoly IV plenuma gubkoma VKP b i materialy k nemu: vopros zhilishchnogo stroitelstva. 19.05.1927 [Protocols of the IV Plenum of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and Its Materials: The Issue of Housing. May 19, 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 162.

26. Protokoly zasedaniy sektsii Gorsoveta po narodnomu obrazovaniyu. 1926 g. [Protocols of Meetings of the City Council Public Education Section. 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 307.

27. Protokoly zasedaniy sektsii truda i sotsobespecheniya Gorsoveta. 1926 g. [Protocols of Meetings of the City Council Labor and Social Security Section]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 309.

28. Protokoly i doklady kommunalnoy sektsii Gorsoveta. 1926 g. [Protocols and Reports of the City Council Public Utility Service Section. 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 311.

29. Protokoly zasedaniy sektsii truda i sotsobespecheniya Gorsoveta. 1926 g. [Protocols of Meetings of the City Council Labor and Social Security Section. 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 310.

30. Sabanov V.I., Gribina L.N. *Vekhi pamyati (Ocherki istorii meditsiny i zdravookhraneniya): monografiya* [Milestones of Memory (Essays on the History of Medicine and Health Care). Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGMU, 2005. 160 p.

31. Skripkin A.S., Lunochkin A.V., Kurilla I.I. *Istoriya Volgogradskoy zemli ot drevneyshikh vremen do sovremennosti: uchebnoe posobie* [History of Volgograd Land from Ancient Times to the Present. Study Guide]. Moscow, Planeta Publ., 2016. 224 p.

32. Statisticheskie svedeniya o sostoyanii sotsialno-kulturnykh uchrezhdeniy g. Stalingrada. 1929 g. [Statistical Information on the State of Socio-Cultural Institutions of the City of Stalingrad]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 473.

33. Stenogramma XIII Stalingradskoy gubernskoy partkonferentsii. 23.11–25.11.1927 g. [Transcript of the XIII Stalingrad Regional Party Conference. November 23–25, 1927]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 159.

34. Tezisy k dokladu «Itogi i perspektivy likvidatsii negramotnosti po g. Stalingradu» [Abstracts for the Report "Results and Prospects for the Elimination of Illiteracy in the City of Stalingrad"]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 330.

35. Yudina T.V. Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie i obshchestvennoe nastroenie rabochikh Tsaritsyna-Stalingrada v 1920-e gg. [Socio-Economic Situation and Social Mood of Workers of Tsaritsyn-Stalingrad in the 1920s.]. *Voprosy kraevedeniya*, 2010, iss. 12, pp. 113-117.

Information About the Authors

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and General History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-8906

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and General History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7346-295X

Информация об авторах

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-8906

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, http://orcid.org/0000-0001-7346-295X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.2

UDC 93/94:331
LBC 63.3

Submitted: 23.12.2019
Accepted: 17.03.2020

SOCIAL PART-TIME EMPLOYMENT: SOVIET THEATER OF THE ABSURD

Elena V. Bulyulina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the Soviet propaganda campaign of 1931–1934, which was called "sotssovmestitelstvo" (social part-time employment). To date, there are no studies on this issue. *Methods and materials.* The author uses the following methods: historical-genetic, archival-heuristic, source studies, classification, historical description and actualization. The sources for the research were archival documents, periodical press materials, normative legal acts and propaganda works of the first half of the 1930s. *Analysis.* Social part-time employment meant that workers after completing a shift at the enterprise would have to voluntarily and free of charge perform certain functions in public institutions. The theoretical basis of the campaign was the idea of Lenin about the possibility of the permanent and direct participation of the proletariat in the management of the state. The ideologists of the campaign tried to create the illusion of mass participation of workers "from the machine". For this purpose directors of plants were obliged to send part-time employees to state institutions, and heads of institutions – to create working conditions for them. The authorities declared the thesis on the advantage of the working class over the intelligentsia and its high moral qualities, which it a priori has due to its social origin. It was assumed that these qualities will allow workers to identify shortcomings in the work of state institutions and make proposals for the improvement of the state apparatus. The author of the publication shows how the campaign began, passed and ended, what its real results were. *Results*. According to the author, the following circumstances were the reason for the campaign: the economic situation forced the authorities to prohibit mass mobilization of workers from production to participate in various campaigns of party-Soviet bodies, but at the same time party-Soviet ideologists were not going to abandon the thesis of the participation of workers in public administration. The campaign could not collapse completely and was forgotten for many years.

Key words: workers, social part-time employment, political propaganda campaigns, public administration, 1931–1934.

Citation. Bulyulina E.V. Social Part-Time Employment: Soviet Theater of the Absurd. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 21-30. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.2

УДК 93/94:331
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 23.12.2019
Дата принятия статьи: 17.03.2020

СОЦСОВМЕСТИТЕЛЬСТВО: СОВЕТСКИЙ ТЕАТР АБСУРДА

Елена Владимировна Булюлина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена советской пропагандистской кампании 1931–1934 гг., получившей название «соцсовместительство» (социалистическое совместительство). До настоящего времени отсутствуют исследования на эту тему. В процессе написания статьи использовались следующие методы: историко-генетический, архивно-эвристический, источниковедческий, метод классификации, исторического описания и актуализации. Источниками для исследования послужили архивные документы, материалы периодической печати, нормативно-правовых актов и агитационно-пропагандистских работ первой половины 1930-х годов. Соцсовместительство означало, что рабочие после завершения трудовой смены на предприятии должны были бы добровольно и бесплатно выполнять отдельные функции в государственных учреждениях. Теоретическим обоснованием кампании являлись представления В.И. Ленина о возможности постоянного и непос-

© Булюлина Е.В., 2020

редственного участия пролетариата в управлении государством. Идеологи кампании пытались создать иллюзию массового участия в ней рабочих «от станка». Для этого директоров заводов обязывали направлять рабочих-соцсовместителей в государственные учреждения, а руководителей учреждений – создавать им условия работы. Власть декларировала тезис о преимуществе рабочего класса над интеллигенцией и его высоких морально-нравственных качествах, которые он априори имеет в силу своего социального происхождения. Предполагалось, что эти качества позволят рабочим-соцсовместителям выявлять недостатки в работе государственных учреждений и вносить предложения по усовершенствованию государственного аппарата. Автор публикации показал, как начиналась, проходила и закончилась кампания, каковы были ее реальные итоги. По мнению автора, причиной проведения кампании были следующие обстоятельства: экономическая ситуация вынуждала власть запретить массовые мобилизации рабочих с производства для участия в различных кампаниях партийно-советских органов, но в то же время партийно-советские идеологи не собирались отказываться от тезиса об участии рабочих в государственном управлении. Кампания не могла не закончиться полным провалом и на долгие годы была забыта.

Ключевые слова: рабочие, соцсовместительство, политические пропагандистские кампании, государственное управление, 1931–1934 годы.

Цитирование. Булюлина Е. В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 21–30. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.2

Введение. Термин «соцсовместительство» (социалистическое совместительство) появился в официальных партийно-советских документах и на страницах советской печати в 1930 г., а в конце 1934 г. уже канул в Лету. С 1935 г. полностью прекратилось его упоминание где-либо. Исследованию этого феномена посвящена данная статья.

Методы и материалы. До настоящего времени отсутствуют работы, в которых этому явлению было бы уделено пристальное внимание. В течение 1932–1934 гг. было издано несколько брошюр агитационно-пропагандистского характера, посвященных шефству предприятий над госаппаратом и соцсовместительству [2; 6; 9]. Авторами этих работ были работники аппарата Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (далее – НК РКИ СССР), руководящих советских и профсоюзных органов. Не являясь историческими исследованиями, эти работы тем не менее имеют большую историческую ценность, так как отражают текущую политическую ситуацию в стране и официальную позицию по вопросу соцсовместительства. В связи с тем, что кампания по развитию соцсовместительства провалилась, о ней забыли на долгие годы, и лишь в позднесоветских работах, так или иначе касающихся вопросов рабочего шефства над госаппаратом, имеются краткие упоминания об этом явлении [1; 7]. Обходят стороной этот вопрос и современные авторы.

Источниками для написания данной статьи послужили документы центральных и местных органов НК РКИ СССР, нормативно-правовые акты органов власти и управления, материалы ведомственной и периодической печати.

В процессе написания статьи использовались следующие методы: историко-генетический, архивно-эвристический, источниковедческий, метод классификации, исторического описания и актуализации.

Анализ. Определение соцсовместительству было дано в постановлении президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 19 августа 1931 г.: «Социалистическое совместительство заключается в том, что рабочие, оставаясь на производстве, бесплатно выполняют отдельные функции управления в совaппарате...» [21, с. 32]. Теоретическим обоснованием для творцов этого термина явилась фраза В.И. Ленина из работы 1918 г. «Очередные задачи Советской власти»: «Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся, по отбытии 8-часового “урока” производительной работы» [12, с. 204].

Авторы уже упоминавшихся агитационно-пропагандистских работ 1932–1934 гг. стремились представить, что соцсовместительство как форма участия рабочих от станка в государственном управлении возникло по инициативе самих рабочих: «Нелегко установить, какой из заводов впервые установил институт

соцсовместителей, да в конце концов, это не так важно. Соцсовместительство стало почти одновременно делом многих заводов» [9, с. 28]. Однако это не так. Установить конкретного автора концепции соцсовместительства действительно не представляется возможным, но бесспорно, что эта идея принадлежала ЦКК-НК РКИ СССР.

НК РКИ СССР, преобразованный в 1920 г. из Наркомата государственного контроля, выполнял функции государственного контроля над всеми органами управления, хозяйственными и общественными организациями, на него возлагались также борьба с бюрократизмом в советских учреждениях, наблюдение за проведением в жизнь декретов и постановлений советской власти, усовершенствование управления [19]. В 1923 г. НК РКИ СССР был объединен с ЦКК ВКП(б) в единый орган партийно-государственного контроля. ЦКК-РКИ СССР должна была сосредоточить свое внимание в первую очередь на улучшении работы госаппарата, его рационализации, борьбе с бюрократизмом. В 1928 – начале 1930-х гг. органам РКИ было поручено особое задание – проведение проверки и «чистки» личного состава государственных учреждений в соответствии с инструкцией НК РКИ СССР. В ней указывалось, что РКИ «организует чистку советского аппарата от элементов разложившихся, извращающих советские законы, сращивающихся с кулаком и нэпманом, мешающих бороться с волокитой и ее прикрывающих, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящихся к насущным нуждам трудящихся, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей» [5, с. 122].

Вопрос о чистках госаппарата подробно изучен отечественными историками [8; 11; 20]. Он не является предметом нашего исследования. Отметим лишь, что разворачивающаяся под флагом борьбы с бюрократизмом чистка госаппарата превратилась в откровенно циничное преследование людей по политическим и социальным мотивам. Для нашей работы важно следующее обстоятельство: руководство чисткой возлагалось на специальную комиссию по чистке советского аппарата при НК РКИ СССР и ее местные органы при краевых и окружных РКИ. В состав комиссии, помимо сотрудников РКИ, входили представители прокуратуры, отдела труда, профсоюза и два «рабочих от станка». С развертыванием чисток привлечение рабочих к их проведению стало более широким и разнообразным: из рабочих формировались отряды «летучих ревизий», общественные инспектуры, совещания рабочих заседателей и прочее.

По справедливому замечанию Т.П. Коржихиной, для государственной идеологии СССР была характерна «апологетика нравственного преимущества “простого человека”, который «университетов не кончал», но все видит и понимает лучше любого грамотея-интеллигента» [10, с. 321]. Рабочие изначально наделялись такими качествами, как высокая нравственность, порядочность, честность, которые вместе с классовым самосознанием и пролетарской принципиальностью помогут вскрыть и исправить все недостатки государственного управления.

Чистки вызвали к жизни такие массовые явления, как «шефство предприятий над госаппаратом» и «выдвиженчество», то есть направление на работу на административные и хозяйственные должности в госучреждения рабочих от станка. Выступая на XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 г., с отчетом ЦКК, Г.К. Орджоникидзе говорил об этом так: «В процессе чистки приняло довольно широкие размеры шефство заводов над аппаратом. Это не шефство в традиционном смысле, а действительное осуществление контроля рабочих масс над госаппаратом. Заводы посылают своих рабочих, чтобы чистить свое подшефное учреждение. Эти рабочие знакомятся как со структурой аппарата, так и людским составом... В процессе самой чистки уже выдвигаются те рабочие, которые потом остаются в аппарате. Этот рабочий уже не так боязливо подходит к аппаратному чиновнику, ибо он его вчера чистил, он его вычищал, и теперь, приходя в аппарат работать, он чувствует себя как хозяин» [23, с. 316–317].

И шефство, и выдвиженчество не представляли собой инициативу рабочих, как это декларировалось властью, а директивались партийно-советским руководством. Еще до проведения XVI съезда, 15 марта 1930 г., было опубликовано постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О выдвижении рабочих в советский

аппарат и массовом рабочем контроле снизу над советским аппаратом (шефстве заводов)», в котором четко определялось: «Ответственность за систематическое вовлечение рабочих в госаппарат, руководство работой выдвиженцев, создание для них нормальных условий работы и повышение их квалификации возлагается на руководителей учреждений» [21, с. 9].

Выполняя директивы, директор и партийно-профсоюзный актив завода должны были провести общее собрание коллектива предприятия, на котором объявлялось о шефстве завода над конкретным госучреждением или группой учреждений, заключался шефский договор и выбирались члены рабочих шефских бригад («шефбригад»). Зачастую этим дело и ограничивалось.

Как и при проведении любой другой кампании, власти необходимо было создать иллюзию массового участия трудящихся в работе по усовершенствованию госаппарата и устранению его недостатков. Но каков же был реальный вклад рабочих-участников этого процесса? Какие недостатки управления могли выявить люди, не имевшие никакого представления об особенностях управленческого труда, структуры и функций обследуемых ими учреждений? Характерна обида одного такого рабочего, которому в проверяемом им учреждении предоставили документы для ознакомления с работой организации: «Человек пришел оказать помощь госаппарату, а ему дают кипу бумаг и больше ничего» [6, с. 38]. Как правило, предложения членов шефбригад сводились к удалению «лишних» штатных единиц, состоявших в основном из «чужаков» и «разложившихся». Надо ли говорить, что к этим категориям можно было отнести кого угодно. Рабочие ленинградского текстильного завода им. К. Маркса, шефствовавшие над финансовыми учреждениями города, пошли еще дальше. Ознакомившись с работой Госстраха, они направили письмо в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о том, что «можно чем скорее, тем лучше поставить большой крест на весь Госстрах. Можно упразднить Госстрах не только без всякого вреда для народного хозяйства, но и с прямой пользой» [23, с. 317].

Власть усиленно подпитывала в рабочих чувство исключительности, классового превосходства. Рабочие, участвовавшие в чистках госучреждений, становились инициаторами увольнения значительного количества специалистов по причине их «социально-чуждого» происхождения. Занимая места уволенных, выдвиженцы становились преданной опорой власти. Решающими для их карьерного роста становились не образование и квалификация, а членство в партии, социальное происхождение, следование «генеральной линии», активная борьба с врагами советской власти и т. п.

Чистки учреждений продолжались довольно продолжительное время и привлекали значительное количество рабочих, которые хоть и отрывались «от станка», но продолжали получать зарплату на предприятии. Кроме чисток, рабочий актив принимал участие в других кампаниях, что в конце концов не могло не отразиться на выполнении производственных планов. В сторону чрезмерно увлекшихся общественной работой вскоре последовал начальственный окрик: 25 марта 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний местными партийными, советскими и другими организациями» [16]. В постановлении запрещались любые мобилизации рабочих с производства и административно-технического персонала в промышленности и на транспорте на всякого рода кампании, проводимые партийными, советскими, комсомольскими, профсоюзными и другими органами, в том числе запрещалось отвлекать рабочих и административно-технический персонал в различного рода обследовательские бригады. Учеба и общественная работа должна была проводиться только в нерабочее время. Ответственность за исполнение этой директивы возлагалась на директоров заводов.

Но как же было совместить новые указания и пресловутое участие рабочих в управлении государством? Тем более что власть и не думала отказываться от этого. В том же 1931 г. была в очередной раз переиздана работа И.В. Сталина «Вопросы ленинизма», в которой он, в частности, писал: «Исправить госаппарат, переделать его по-настоящему, изгнать из него элементы бюрократизма и разложения, сделать его близким и родным для широких масс, – все это невозможно без

постоянной и активной помощи самих масс госаппарату. Но активная и непрерывная помощь масс, в свою очередь, невозможна без вовлечения лучших элементов рабочих и крестьян в органы управления» [22, с. 182].

Вновь вспомнили о фразе Ленина о «бесплатном выполнении государственных обязанностей каждым трудящимся» после 8-часового рабочего дня на производстве. Годом ранее, на XVI съезде ВКП(б), этот тезис широко обсуждался в прениях по докладу Г.К. Орджоникидзе. Выступавшие недоумевали, «как можно так организовать свою работу, чтобы в нее включился рабочий, который днем работает на производстве, а свое свободное время отдает работе в соваппарате?» [23, с. 347]. Делегаты рассказывали, как они пытались наладить работу «шефов»: поручали им проверять переписку, организовывали дежурства по наблюдению за работой аппарата, проводили с ними занятия по изучению отраслевого законодательства и др. Представители учреждений жаловались, что, испробовав различные формы привлечения рабочих к управлению, не могут «органически связать пришедших товарищей с работой, заинтересовать их в ней, сделать так, чтобы она органически вытекала из плана работы ведомства, а не была придумана специально», что они «тяжко бьются над разрешением этого вопроса» [23, с. 347, 375]. Все единодушно сошлись во мнении, что ЦКК-РКИ должна помочь в разрешении этой задачи. Однако внятного ответа на поставленный вопрос делегаты съезда так и не получили. Но сама концепция у руководителей ЦКК-РКИ уже оформилась: так как в процессе чистки госаппарата тысячи рабочих ознакомились с работой отдельных его звеньев, вполне возможно поручить рабочим-членам шефбригад выполнение некоторых управленческих функций в подшефном учреждении после основной работы на производстве, в порядке общественной нагрузки.

Сам же термин «соцсовместительство» появился в апреле 1931 г. на страницах целого ряда органов пролетарской печати, таких как газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Красная газета» и др. 22 апреля 1931 г. президиум Леноблисполкома и Ленсовета постановил: «Ввести в советских, хозяйственных, кооперативных и культурных учреждениях и организациях институт соцсовместителей для выполнения ими в нерабочее время обязанностей инспекторов, контролеров и исполнителей ответственных поручений» [9, с. 28].

Почин ленинградских властей был растиражирован и рекомендован другим регионам, но ни в самом Ленинграде, ни где-либо еще не было ясного понимания, как же конкретно организовать работу соцсовместителей. В связи с этим было издано постановление президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 19 августа 1931 года. В нем констатировалось, что соцсовместительство, возникшее и развивающееся на базе шефской работы, является новой формой непосредственного участия рабочих в управлении государством и создает новые возможности для привлечения рабочих масс к борьбе с бюрократизмом. Отмечалось, что в тех учреждениях, где соцсовместителям была оказана помощь со стороны администрации, эта форма дала положительные результаты: «...Рабочие-соцсовместители, выполняя в соваппарате работу заместителей, заведующих отделами, секторами и управлениями, в качестве инспекторов, инструкторов и т. д., справляются с порученной им частью работы и внедряют методы соцсоревнования и ударничества в работу соваппарата» [21, с. 32]. В постановлении приводилось 3 положительных примера: в Наркомате юстиции работают 8 соцсовместителей; в Московской области 234 соцсовместителя выполняют функции резервных судей; «несколько рабочих завода им. Лепсе, состоя совместителями в секторе контроля Наркомпроса, успешно развернули работу по организации проверки исполнения» [21, с. 33]. На этом положительные примеры исчерпывались.

Далее речь шла о том, что в целом работа по соцсовместительству по-настоящему не поставлена, ведется несистемно. Соцсовместителей назначают «аппаратным порядком», не оказывают им помощь, в результате, приходя в учреждения, они не получают конкретного задания или используются на случайной, технической или канцелярской работе. В заключение всем «партийным, комсомольским, профсоюзным, советским и кооперативным организациям» предлагалось обеспечить помощь соцсовместителям, создать необхо-

димые условия для их работы, следить за их правильным использованием [21, с. 34].

На деле же получалось следующее. Руководителей предприятий обязывали организовать шефство над учреждениями и выделить определенное количество соцсовместителей, которые бы добровольно и бесплатно отправились в подшефную организацию «во вторую смену», чтобы искоренять недостатки в аппарате управления. При этом озабоченным выполнением промфинплана директорам заводов было, разумеется, не до шефской работы. Еще Орджоникидзе на XVI съезде отмечал: «Налицо некоторое ослабление внимания со стороны шефов к подшефным учреждениям. Когда чистили, было как-то весело, а когда надо следить за повседневной работой, уже не то... Мы имеем громадное количество шефствующих заводов и рабочих, участвующих в этом шефстве. Но мало сказать о количестве шефов, необходимо, чтобы шефы были активны» [23, с. 317]. Администрацией предприятий шефство воспринималось, как очередная кампания, о которой надо побыстрее отчитаться и забыть. Периодическая печать того времени пестрит примерами: «Завком завода “Красный Якорь” не знает даже, над каким учреждением шефствует завод. Одни утверждают, что над скотобойней, другие – что над крайпроизводсоюзом»; на Астраханском заводе им. Ленина-шефе крайпотребсоюза шефские бригады распались из-за «оппортунистически-бюрократического отношения руководителей завода и крайпо» и т. п. [14, с. 3].

Отмечались факты недооценки политического значения соцсовместительства не только в провинции, но и в Москве и Ленинграде. Предприятия «выбирают в соцсовместители, кого придется»: в Ленинграде на заводе им. Энгельса выбрали соцсовместителей в возрасте 62, 68 и 72 лет, на заводе «Большевик» – шестнадцатилетнего, на заводе «Красный Богатырь» – рабочих с трехмесячным стажем. Никакого руководства соцсовместителями со стороны предприятий и организаций нет, а работу в этом направлении начинают только после появления критических публикаций [9, с. 57–59].

Имеется много свидетельств самих соцсовместителей, как они чувствовали себя, приходя в учреждение. Вот что рассказывал рабочий Карпов (по обычаю тех лет ни имя-отчество, ни хотя бы инициалы в официальных документах и печати, как правило, не указывались): «Соцсовместители, приходя в аппарат, часто не знали, куда деться, с чего начать работу. С этим пришлось столкнуться и мне. В цеху мне сказали: “Тебе все приготовят, тебе разъяснят, что ты должен делать”. Я думал, что приду и все это встречу. Оказывается, ничего подобного. Начальник собирался куда-то выехать. Он вызвал одного из специалистов, чтобы тот показал мне аппарат. Начал он мне показывать аппарат: – Вот тут то-то и то-то, здесь снабжение, здесь распределение и т. д. – А пока, – он говорит, – мне некогда, я тебя посажу за стол и дам кое-что, чтоб ты ознакомился. Меня посадили в уголок и принесли с пуд папок, покрытых пылью. Я остался один. Посматривали на меня, хихикали, как, мол, он работать будет. Я повернул одну папку, другую, третью – ничего не понимаю. Посидел еще немного, вижу – дело неловкое, пошел по учреждению посмотреть. Нашел партячейку, в ней секретаря, он помог мне начать работу...» [6, с. 37].

Рабочий Чернышев, посланный соцсовместителем в районо: «Работу дают отрывками, посидишь немного в аппарате, а тебе говорят: – Приди лучше завтра. Ходишь, ходишь, а результатов нет, решил бросить» [2, с. 28].

Можно только посочувствовать людям, поставленным в такую нелепую ситуацию. Собственное предприятие, выдвинув их в соцсовместители, тут же о них забыло и предоставило самим себе, а в учреждении они лишние. Но каково при этом было руководителям учреждений! Их постоянно критикуют, что они не помогают соцсовместителям, не обеспечивают им систематический инструктаж, не выделяют ответственных за их работу, не приглашают на свои совещания. Попытки отказаться от совместителей, мешающих работать, чреваты обвинениями в оппортунизме, бюрократизме и т. п. Если рабочего, например, электромонтера, пытаются занять работой по специальности, следует обвинение в том, что квалифицированного производственника, присланного для несения функций госуправления, используют как бесплатную рабо-

чую силу. Многие руководители учреждений делают соответствующие выводы: оформляют соцсовместителей приказом, прикрепляют к ним ответственного – заведующего отделом или работника кадровой службы, ведут учет их работы, пишут для них памятки и инструкции. Так, Московский областной суд в 1931 г. выпустил практическое пособие «В помощь народному заседателю и судье-выдвиженцу» [3]. В предисловии к нему было сказано: «Многие товарищи народные судьи, в особенности из выдвиженцев, и народные заседатели часто заявляют о трудности руководствоваться судебными законами и ведомственными постановлениями по причине их громоздкости, а отчасти неясности их изложения. Тем более эти трудности ими испытываются в начальной стадии их работы, когда они не знакомы еще с судебной политикой и практикой». В пособии помещались с пояснениями статьи Уголовного и Гражданского кодексов, чаще всего встречавшиеся в судебной практике тех лет. Можно представить судопроизводство с участием судей, «не знакомых еще» с судебной практикой. Между тем соцсовместители работали и в аппарате прокуратуры в качестве помощников прокуроров, «разбирали дела» и выступали в качестве государственных обвинителей в суде [13, л. 64].

При этом не все соцсовместители одиноко и неприкаянно бродят по учреждению. Некоторые из них весьма активны и напористы. Ощущающие себя «гегемонами», пренебрежительно относящиеся к образованным интеллигентам, развращенные участием в чистках и поощряемые властью эти рабочие-шефы действительно пытаются реорганизовать госаппарат по своему разумению. Вспомним предложение упразднить Госстрах. Или еще пример: изучив работу Публичной библиотеки, рабочие-шефы ленинградского завода «Знамя труда» № 1 поставили вопрос «перед соответствующими инстанциями» о смене всего руководства библиотеки [9, с. 52–53].

В течение 1932–1934 гг. вопрос о рабочем шефстве над госаппаратом и соцсовместительстве неоднократно рассматривается в центральных и местных органах ЦКК-РКИ, исполкомах Советов, на партийных конференциях. Документы фиксируют одно и то же: «С шефством предприятий над госаппаратом дело обстоит плохо» [4, л. 57]; «очень плохо с работой соцсовместителей» [13, л. 16]; «в вопросе соцсовместительства перелома не наступило» [17, л. 238]; «большинство заводских организаций подошли формально к выделению соцсовместителей и не осуществляли повседневного контроля и помощи в их работе... в большинстве учреждений не были созданы благоприятные условия для их работы, в результате большинство соцсовместителей фактически не работало» [15, л. 20]. Руководителям предприятий и учреждений грозят строгими санкциями, но ситуация не меняется.

10 марта 1934 г. в Москве открылся «I Всесоюзный съезд рабочих шефбригад и соцсовместителей, работающих в госучреждениях, объединяемых профсоюзом работников госучреждений СССР» [18]. Во вступительной речи Н.М. Шверник, в то время первый секретарь ВЦСПС, сказал, что «огромная масса рабочих и работниц после 7-часового рабочего дня приходит в учреждения и помогает рационализировать работу, борется с бюрократизмом, переносит опыт организации труда на производстве в государственные учреждения» [18, с. 7]. Он привел следующую цифру: свыше 14 тыс. рабочих-участников шефбригад и соцсовместителей в центральных учреждениях, объединенных профсоюзом работников госучреждений. Е.М. Ярославский, член Президиума КК-РКИ, и М.М. Каганович, секретарь ЦК профсоюза работников госучреждений, указали другие цифры: около 10 тыс. участников шефбригад и столько же соцсовместителей [18, с. 25]. Правда, участники обсуждения докладов в прениях отмечали, что не все соцсовместители регулярно работают, среди них большая текучка и т. п. Съезд констатировал, что не только предприятия и организации не выполнили указаний ЦКК-РКИ и недооценили политического значения соцсовместительства, но и профсоюзы «не сделали всего того, что нужно сделать для развертывания массового контроля рабочих над госаппаратом и работы в нем соцсовместителей» [18, с. 8]. Таким образом, с 1931 г. не продвинулись ни на шаг. Кампания явно начала выдыхаться. Значительно уменьшилось количество публикаций в периодической печати на тему рабочего шефства и соцсовместительства (их пик пришелся на 1932 г.).

В опубликованных в 1934 г. агитационно-пропагандистских работах авторы пытались подвести некоторые итоги работы по соцсовместительству. Об уровне этих работ можно судить по небольшому отрывку, в котором автор одной из брошюр определяет перспективы соцсовместительства: «В Ленинграде рабочий-соцсовместитель металлургического завода им. Сталина замещает директора бывшего Мариинского театра, в ряде медицинских институтов в качестве заместителей директоров мы так же находим рабочих от станка... Разумеется, это только начало утра того длительного исторического дня, который приведет, наконец, к полному устранению противоположности между умственным и физическим трудом. Пусть только начало, но о каком чудесном дне, о каком пышном расцвете тех побегов, которые пышно вырастают с каждым днем в пролетарском государстве, говорит это начало» [9, с. 99].

Однако после 1934 г. о соцсовместительстве уже не упоминали.

Результаты. Таким образом, вся история соцсовместительства представляет собой историю одной из многочисленных советских идеолого-пропагандистских кампаний. Концепция соцсовместительства была основана на утопическом представлении В.И. Ленина о возможности непосредственного и постоянного участия пролетариата в управлении государством. Она была сформулирована в 1931 г. с целью устранить противоречия между запрещением массовых мобилизаций рабочих с производства для участия в различных кампаниях партийно-советских органов и тезисом об участии этих же рабочих в государственном управлении. В течение последующих трех лет власти не оставляли попыток реализовать эту концепцию и создать иллюзию массового участия трудящихся в соцсовместительстве. Эти попытки потерпели крах, а соцсовместительство предано забвению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР (1926–1937 гг.) / В. П. Андреев. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. – 227 с.

2. Брук, А. Шефство и соцсовместительство / А. Брук. – М. : Власть Советов, 1932. – 36 с.

3. В помощь народному заседателю и судье-выдвиженцу. – М. : Изд-во Мособлисполкома, 1931. – 108 с.

4. Докладная записка Сталинградского городского Совета о ходе шефства города над деревней и предприятий над госаппаратом от 15 августа 1931 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 496. – Л. 57–58.

5. Известия Нижневолжского краевого исполнительного комитета. – 1929. – № 15–16.

6. Каганович, М. Шефство и соцсовместительство в госаппарате / М. Каганович, Г. Зеленко. – М. : Профиздат, 1934. – 87 с.

7. Калинин, А. Ф. Деятельность Коммунистической партии по совершенствованию работы Советов в годы первой и второй пятилеток (на материалах Ленинградской партийной организации) : дис. ... д-ра ист. наук / Калинин Анатолий Фролович. – Л., 1984. – 373 с.

8. Киселева, Е. Л. Чистка госаппарата 1929–1932 гг.: основные комплексы источников, их анализ и значение : дис. ... канд. ист. наук / Киселева Екатерина Львовна. – М., 2014. – 40 с.

9. Карева, М. П. Шефство и соцсовместительство / М. П. Карева. – Л. : Изд-во облиисполкома и Ленсовета, 1932. – 123 с.

10. Коржихина, Т. П. Извольте быть благонадежны! / Т. П. Коржихина. – М. : РГГУ, 1997. – 372 с.

11. Котов, А. С. Социальный состав советской интеллигенции в 1920-е гг. (на примере Череповецкой губернии и Череповецкого округа) / А. С. Котов // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. История и политология. – 2013. – Вып. 6 (122). – С. 176–180.

12. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 36. – 741 с.

13. Отчет о работе городской КК-РКИ за 1931 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 16–64.

14. Поволжская правда. – 1931. – 30 апр. – 4 л.

15. Постановление коллегии Сталинградской городской РКИ от 17 февраля 1932 г. № 80 // ЦДНИВО. – Ф. 24. – Оп.1. – Д. 88а. – Л. 20–21.

16. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 25 марта 1931 г. «О полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний местными партийными, советскими и другими организациями» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_USSR/USSR_3708.htm (дата обращения: 20.01.2020).

17. Протокол объединенного заседания Президиума Сталинградской городской КК и коллегии РКИ от 13 декабря 1932 г. № 73 // ЦДНИВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 238–240.

18. Рабочее шефство и соцсовместительство на высшую ступень : материалы I Всесоюзного съезда рабочих шефбригад и соцсовместителей, объединяемых профсоюзом работников госучреждений. – М. : Власть Советов, 1934. – 112 с.

19. Сборник узаконений и распоряжений советского рабоче-крестьянского правительства (СУ РСФСР). – 1920. – № 16. – Ст. 94.

20. Смирнова, Т. М. Чистки как часть советской повседневности 1920–1930-х гг. / Т. М. Смирнова // Вестник РУДН. Серия История России. – 2009. – № 3. – С. 103–120.

21. Смотр массовой работы КК-РКИ. Сборник руководящих материалов по вопросам шефства над госаппаратом, соцсовместительства и совместной работы КК-РКИ и профсоюзов. – М. : Изд-во Мособлисполкома, 1933. – 48 с.

22. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – Изд. 7, доп. – М. ; Л. : Госиздат, 1931. – 803 с.

23. XVI съезд ВКП(б) : стенограф. отчет. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 786 с.

REFERENCES

1. Andreev V.P. *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partii gorodskimi Sovetami RSFSR (1926–1937 gg.)* [The Leadership of the Communist Party of Municipal Councils of the RSFSR (1926–1937)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1990. 227 p.

2. Bruk A. *Shefstvo i sotssovmestitelstvo* [Patronage and Social Part-Time Employment]. Moscow, Vlast Sovetov Publ., 1932. 36 p.

3. *V pomoshch narodnomu zasedatelyu i sudevydvizhentsu* [In Aid of the Peoples Assessor and Judge-Nominee]. Moscow, Izd-vo Mosoblispolkoma, 1931. 108 p.

4. Dokladnaya zapiska Stalingradskogo gorodskogo Soveta o khode shefstva goroda nad derevney i predpriyatiy nad gosapparatom ot 15 avgusta 1931 g. [Report of the Stalingrad City Council on the Patronage of the City Over the Village and Enterprises Over the State Apparatus of August 15, 1931]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region], F. R-71, Op. 1, D. 496, L. 57-58.

5. *Izvestiya Nizhnevolzhskogo kraevogo ispolnitelnogo komiteta*, 1929, no. 15-16.

6. Kaganovich M., Zelenko G. *Shefstvo i sotssovmestitelstvo v gosapparate* [Patronage and Social Responsibility in the State Apparatus]. Moscow, Profizdat, 1934. 87 p.

7. Kalinin A.F. *Deyatelnost Kommunisticheskoy partii po sovershenstvovaniyu raboty Sovetov v gody pervoy i vtoroy pyatiletok (na materialakh Leningradskoy partiynoy organizatsii): dis. ... d-ra ist. nauk* [Activity of the Communist Party on Improvement of the Work of the Soviets in the Years of the First and Second Five-Year Plans (On the Materials of the Leningrad Party Organization). Dr. hist. sci. diss.]. Leningrad, 1984. 373 p.

8. Kiseleva E.L. *Chistka gosapparata 1929–1932 gg.: osnovnye kompleksy istochnikov, ikh analiz i znachenie: dis. ... kand. ist. nauk* [Cleaning of the State Apparatus 1929–1932: Main Complexes of Sources, Their Analysis and Significance. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2014. 40 p.

9. Kareva M.P. *Shefstvo i sotssovmestitelstvo* [Patronage and Social Part-Time Employment]. Leningrad, Izd-vo obliispolkoma i Lensoveta, 1932. 123 p.

10. Korzhikhina T.P. *Izvolte byt blagonadezhny!* [Please Be Trustworthy!]. Moscow, RGGU, 1997. 372 p.

11. Kotov A.S. Sotsialnyy sostav sovetskoy intelligentsii v 1920-e gg. (na primere Cherepovetskoy gubernii i Cherepovetskogo okruga) [The Social Composition of the Soviet Intelligentsia in the 1920s (On the Example of Cherepovets Province and Cherepovets District)]. *Vestnik Tambovskogo gos. un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2013, iss. 6 (122), pp. 176-180.

12. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Collection of Works in 55 Vols.]. Moscow, Politizdat, 1974, vol. 36. 741 p.

13. Otchet o rabote gorodskoy KK-RKI za 1931 g. [Report on the Work of the City Control Commission and Workers and Peasants Inspection for 1931]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 24, Op. 1, D. 22, L. 16-64.

14. *Povolzhskaya Pravda*, April 30, 1931. 4 l.

15. Postanovlenie kollegii Stalingradskoy gorodskoy RKI ot 17 fevralya 1932 g. № 80 [Resolution of the Board of the Stalingrad City Workers and Peasants Inspection of February 17, 1932 no. 80]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 24, Op. 1, D. 88a, L. 20-21.

16. Postanovlenie TsK VKP (b) i SNK SSSR ot 25 marta 1931 g. «O polnom prekrashchenii mobilizatsii rabochikh ot stanka na nuzhdy tekushchikh kampaniy mestnymi partiynymi, sovetskimi i drugimi organizatsiyami» [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of Peoples Commissars of the USSR of March 25, 1931 "On the Complete Cessation of Mobilization of Workers from the Machine for the Needs of Current Campaigns by Local Party, Soviet

and Other Organizations»]. *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. URL: http://www.libussr.ru/doc_USSR/USSR_3708.htm (accessed 20 January 2020).

17. Protokol obyedinennogo zasedaniya Prezidiuma Stalingradskoy gorodskoy KK i kollegii RKI ot 13 dekabrya 1932 g. № 73 [Minutes of the Joint Meeting of the Presidium of the Stalingrad City Control Commission and the Board of Workers and Peasants Inspection of December 13, 1932 no. 73]. *TsDNIVO* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 24, Op. 1, D. 89, L. 238-240.

18. *Rabochee shefstvo i sotssovmestitelstvo na vysshuyu stupen: materialy I Vsesoyuznogo syezda rabochikh shefbrigad i sotssovmestiteley, obyedinyaemykh profsoyuzom rabotnikov gosuchrezhdeniy* [Workers Patronage and Social Part-Time Employment at the Highest Level: Proceedings of the I All-Union Congress of Groups of Workers and Social Part-Time Employees United by the Trade Union of Employees of State Institutions]. Moscow, Vlast Sovetov Publ., 1934. 112 p.

19. *Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy sovetskogo raboche-krestyanskogo pravitelstva (SU RSFSR)* [Collection of Laws and Orders of the Soviet Workers and Peasants Government], 1920, no. 16, art. 94.

20. Smirnova T.M. Chistki kak chast sovetskoy povsednevnosti 1920–1930-kh gg. [Purges as Part of Soviet Everyday life in the 1920s and 1930s.]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2009, no. 3, pp. 103-120.

21. *Smotr massovoy raboty KK-RKI. Sbornik rukovodyashchikh materialov po voprosam shefstva nad gosapparatom, sotssovmestitelstva i sovmestnoy raboty KK-RKI i profsoyuzov* [Review of the Mass Work of the Control Commission and Workers and Peasants Inspection. Collection of Guidelines on Patronage over the State Apparatus, Social Part-Time Employment and Joint Work of the Control Commission and Workers and Peasants Inspection and Trade Unions]. Moscow, Izd-vo Mosoblispolkoma, 1933. 48 p.

22. Stalin I.V. *Voprosy leninizma* [Issues of Leninism]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1931. 803 p.

23. *XVI syezd VKP(b): stenograf. otchet* [XVI Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim Report], Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1930. 786 p.

Information About the Author

Elena V. Bulyulina, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ev_buljulina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9253-3725

Информация об авторе

Елена Владимировна Булюлина, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ev_buljulina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9253-3725

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3

UDC 94(574)"1960/1970":338.439.222
LBC 63.3(5Каз)-210.6

Submitted: 16.07.2019
Accepted: 27.01.2020

ACTIVITIES OF THE ALL-UNION RESEARCH INSTITUTE OF GRAIN FARMING IN THE FRAMEWORK OF COMBATING SOIL EROSION IN VIRGIN REGIONS OF KAZAKHSTAN (1960–1970)

Arailym S. Mussagaliyeva

Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Roza M. Mussabekova

Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The history of the contribution of Soviet scientists to the development of virgin and fallow lands in Kazakhstan is one of the relevant and new topics in the study of the history of the USSR in modern society. *Methods and materials.* Studying the history of a large agricultural project of the Soviet Union is necessary to develop new concepts in modern historical science. In Soviet and modern historiography, historians have studied virgin soil as a political and economic reform of the state. In this vein, the contribution of Soviet scientists who solved the issues of environmental and economic efficiency of this agrarian reform was not sufficiently represented. The works do not present the fight against land erosion, organized by the All-Union Research Institute of Grain Farming located in Northern Kazakhstan. *Analysis.* For scientific work and research of virgin lands, the opening of the All-Union Scientific Research Institute of Grain Farming in Northern Kazakhstan was necessary. Famous agricultural scientists worked at the institute; they conducted their research in the fields of Tselinny Krai. Academician A.I. Baraev, breeder, academician V. Kuzmin were among them. They were engaged not only in scientific work, but also in a short time saved the virgin lands of Kazakhstan. Their direct scientific work was related to the fight against land erosion and the protection of soils from wind erosion. At the Institute, scientists created new soil tilling tools and seeders, improved a new farming system, and created new highly productive varieties of crops. The Institute defended dissertations on topics related to the fight against land erosion, and conducted many scientific projects. *Results.* The work with new sources of local archives of Kazakhstan makes it possible to talk about the enormous contribution of Soviet scientists in the development of virgin and long-fallow lands of the arid North Kazakhstan and the development of agriculture in this region. Their experience and scientific results were invaluable in the agricultural sector of the republic.

Key words: All-Union Research Institute of Grain Farming, fight against soil erosion, A. Baraev, A. Zaytseva, E. Gossen, virgin lands.

Citation. Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M. Activities of the All-Union Research Institute of Grain Farming in the Framework of Combating Soil Erosion in Virgin Regions of Kazakhstan (1960–1970). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 31-44. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3

УДК 94(574)"1960/1970":338.439.222
ББК 63.3(5Каз)-210.6

Дата поступления статьи: 16.07.2019
Дата принятия статьи: 27.01.2020

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВНИИ ЗЕРНОВОГО ХОЗЯЙСТВА В РАМКАХ БОРЬБЫ С ЭРОЗИЯМИ ПОЧВ В ЦЕЛИННЫХ РАЙОНАХ КАЗАХСТАНА (1960–1970-е гг.)

Арайлым Сабитовна Мусагалиева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Роза Мадениетовна Мусабекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

© Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М., 2020

Аннотация. В данной статье раскрывается деятельность Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства по борьбе с эрозией почв в освоении целинных и залежных земель в Северном Казахстане. Институт за короткое время стал центром ученых-аграрников всего Советского Союза. Научная деятельность ученых Института напрямую была связана с аграрной политикой страны, их исследования совпали с началом «целинного проекта» в острозасушливых районах Казахстана. В 1960-х гг. на целине появились первые экологические проблемы. Широкомасштабное освоение земли, вспашка плугами лишала поверхности пашни стерни, степь зимой обдувалась сильными ветрами, почва на огромных площадях оставалась без влаги, высыхала и распылялась. Проблемы усугубились развернувшейся на тот момент компанейщиной, когда каждый год вспаханные боронованием целинные земли увеличивались в площадях. Местные руководители в погоне за высокими результатами каждый раз стремились как можно больше вспахать свободных земель. В 1960–1970-е гг. ученые пытались решить проблему с эрозией почв. Неудивительно, что ВНИИ зернового хозяйства находился в самом центре Северного Казахстана. Его научная деятельность напрямую была связана с производством, то есть с практической деятельностью. Находясь в условиях идеологического надзора, ученые смогли добиться отличных результатов. Разработка новой системы земледелия, разведение новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, создание сельхозяйственных машин и оборудования, целинного почвозащитного земледелия – все эти мероприятия смогли кардинально изменить сложившуюся ситуацию, решить проблему в максимально короткие сроки. В связи с этим в 1960–1970-е гг. коллектив ВНИИ зернового хозяйства усиленно занимался исследованиями в рамках борьбы с эрозиями почв в Северном Казахстане. Но их работа не была публичной, только после развала Советского Союза появились новые архивные документы, полно раскрывающие их научную деятельность и самоотверженный труд во благо казахстанской целины. *Вклад авторов:* А.С. Мусагалиева осуществляла общее руководство исследованием, изучала источники и историографию проблемы, редактировала окончательную версию; Р.М. Мусабекова выполнила интерпретацию источников, обзор литературы, написание текста статьи.

Ключевые слова: Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства, борьба с эрозией почв, А. Бараев, А. Зайцева, Э. Госсен, целина.

Цитирование. Мусагалиева А. С., Мусабекова Р. М. Деятельность ВНИИ зернового хозяйства в рамках борьбы с эрозиями почв в целинных районах Казахстана (1960–1970-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 31–44. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3

Введение. В 1954 г. в Казахстане началось освоение целинных и залежных земель северного региона республики. Надо признать, что в те годы аграрная реформа была крайне необходима народу. В 1950-е гг. советские люди жили чрезвычайно бедно. Как известно, до 1948 г. в стране действовала карточная система. В отдаленных областях Казахстана начался продовольственный кризис. В эти годы в республике аграрная сфера находилась в плачевном состоянии. В степном крае животноводство развивалось низкими темпами, а зернопроизводство практически было не развито. Воспоминания заместителя начальника Целинного краевого управления совхозов К.Д. Диярова о встрече с первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым: «Никита Сергеевич упрекнул казахстанцев в том, что при огромных возможностях животноводство в республике отстает, и по отдельным показателям оно находится ниже уровня 1928 года. Одновременно он выразил надежду, что с освоением целины и увеличением производства зерна можно будет резко поправить дела в животноводстве» [8, л. 1]. Таким образом, планировалось срочно решить проблему продовольствия в стране.

Конечно, сама идея освоения целинных и залежных земель была востребована, но неотвратимой оказалась надвигающаяся экологическая катастрофа. В первые годы целины стало ясно, что осваивать степь очень трудно. Приемы классического земледелия исчерпали себя уже в самом начале аграрной реформы. Причин было много. Когда началось освоение целины, земли были распаханы на больших площадях и это не было подкреплено научными изысканиями по данной проблеме. Без какого-либо учета распаханные земли быстро приходили в негодность, изменялся их качественный уровень, а орудия труда были и вовсе не изученными и не приспособленными для степных борозд. В результате началась ветровая эрозия.

Ветровая эрозия была свойственна не только землям Казахстана. В 1930-е гг. в Канаде появились первые эрозии почвы. Исследование этой проблемы канадскими учеными позволило уже через несколько лет наладить работу против ветровой эрозии в этой стране.

16 октября 1956 г. по решению ЦК КПСС и Совмина СССР был организован Научно-исследовательский институт зернового хозяйства, который вошел в систему Казахского филиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (далее – ВАСХНИЛ). Институт расположился в острозасушливом районе – в 200 км от границы пустынь Центрального Казахстана, в Северном Казахстане, в самом центре казахстанской целины, в с. Шортанды Акмолинской области. В Институте работали видные ученые со всех уголков Советского Союза, академики, доктора наук, профессора аграрной науки.

Методы и материалы. Историография истории освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане разнобразна. В советской историографии тема целины исследовалась как хозяйственно-политическая кампания советской власти в аграрном секторе страны, поэтому во многих работах была отражена роль государства и партии в осуществлении данного проекта [7; 12; 19; 22; 23]. Проблема эрозии почв и почвозащитных мероприятий исследована только в трудах В. Куликова [20]. Он написал об этой проблеме как о уже решенной в первые годы казахстанской целины и деятельность Института представил общими работами. Таким образом, и в этой работе научные исследования и разработки советских ученых по изучению и внедрению эффективных мер борьбы с ветровой эрозией степных районов Северного Казахстана глубоко не изучены. Но эта проблема не была столь актуальной в советской историографии. В основном процесс оценивался как ошибка ушедшего с поста первого руководителя ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Хотя борьба с эрозией и научные работы ВНИИ продолжались и в последующие годы, надо заметить, что идеологический запрет и недоступность архивных документов не позволили советским историкам раскрыть данную проблему.

После развала Советского Союза, безусловно, открылись архивные фонды и историки получили прекрасную возможность работать с новыми материалами. Несмотря на это, в современной историографии большее освещение получили только экономические и социокультурные проблемы истории целинных и залежных земель в Казахстане. Это привело к тому, что исследовательское поле вопроса в целом ограничивается проблемами экономической эффективности, экологии и демографии.

Современные историки в своих работах представляют данную тему как экономическую политику советского государства. В их трудах много внимания уделено ошибкам целинной кампании, главное, на что они обращают свой взор, – это плюсы или минусы аграрных реформ [2; 32]. В трудах многих авторов особое место отводится экологическим проблемам [1; 24]. Безусловно, такие проблемы были, но перед советскими учеными ставились задачи, в которых они должны были решать не только вопросы экологической ситуации, но и проблемы экономической эффективности казахстанской целины.

Надо признать, что роли советских ученых, участвовавших в борьбе с эрозией почв, уделено недостаточно внимания. Именно Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства имени А. Бараева был такой организацией в степи. История Института и вклад его ученых в борьбу с эрозией почв исследуются учеными-аграрниками [21; 25], но остались без внимания историков.

Цель данного исследования – показать историю казахстанской целины на основе новых архивных документов, в том числе борьбу с эрозией почв, в которой ученые дали импульс развитию аграрного сектора и решению экологической проблемы Северного Казахстана. Цель определила необходимость решения следующих задач: раскрыть формирование и развитие Казахского НИИ зернового хозяйства, а также его переход на уровень всесоюзного значения, проанализировать вклад известных ученых в борьбу с эрозией почв.

Источниками данного исследования послужили документы, которые хранятся в фондах Всесоюзного научно-исследовательского института, партийные документы Института, а также личные фонды его сотрудников.

В работе применены общенаучные принципы объективности в изучении процессов,

связанных с научной деятельностью ВНИИ. Архивные документы дают нам возможность воссоздать полную картину тех исторических событий.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1960-х до конца 1970-х гг., в течение которого шла активная борьба ученых с эрозией почв целинных земель Северного Казахстана.

Анализ. Разговор о необходимости создания на казахстанской целине Научно-исследовательского института зернового хозяйства шел уже с 1955 года. Для Акмолинской области это было главным событием, в котором было задействовано все областное руководство. Председатель исполкома Акмолинского областного совета М.Е. Бутин и секретарь Акмолинского обкома партии Н.И. Журин написали письмо Министру сельского хозяйства В.В. Мацкевичу: «Распашка новых земель, осуществляемая здесь в больших размерах, расширение зернового хозяйства и развитие продуктивного животноводства поставили ряд важных и неотложных задач: по установлению рациональной системы земледелия обеспечивающей получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур и дальнейшему ее совершенствованию, по созданию прочной кормовой базы и разработке мер по правильному содержанию продуктивного животноводства. Для быстрого решения этих задач на базе Шортандинской опытной станции и четвертого отделения совхоза КазЦИК Акмолинской области организуется Научно-исследовательский институт зернового хозяйства по обслуживанию северных, северо-восточных и западных областей Казахстана» [29, л. 5]. Из сводки директора Шортандинской опытной станции А. Голубева: «В связи с освоением новых земель и развитием продуктивного животноводства в Акмолинской и в других северных областях Казахстана возникла необходимость резкого расширения научно-исследовательских работ по различным вопросам сельского хозяйства и улучшения их качества» [29, л. 1].

ВНИИ зернового хозяйства был флагманом науки на казахстанской целине. Как сказал директор Института А. Бараев: «Перед молодым коллективом ученых этого института стояла предельна ясная задача: разработать эффективные меры по защите почв от ветровой эрозии, которая начала возникать на легких почвах Павлодарской и других областей с первого же года распашки на больших массивах. На карбонатных черноземных и каштановых почвах ветровая эрозия на значительных площадях стала приносить ущерб сельскому хозяйству уже в начале 1960 годов, после того как почва утратила свое естественное структурное строение» [15, л. 3]. Ученые Института сразу начали научно-исследовательскую работу в казахстанских степях.

В Институте работали известные ученые. Директором назначили члена-корреспондента ВАСХНИЛ А. Бараева. Он был основателем этого Института. В Институте работали селекционер, будущий академик ВАСХНИЛ и Герой Социалистического труда В. Кузьмин, заведующий отделом земледелия С. Сдобников, заведующая отделом агропочвоведения А. Зайцева. Институт располагал следующими отделами: отдел кормопроизводства (К. Постоялков), отдел кукурузы – (П. Хлебов), отдел экономики (В. Слободин), отдел агрохимии (О. Сдобникова), отдел овощеводства (В. Мохов), отдел садоводства (А. Гудзенко), отдел семеноводства (К. Камфорина). Таким образом, ученые Москвы, Ленинграда и других крупнейших городов страны прибыли в новый научный поселок.

В то время основное внимание народа было приковано к сельскому хозяйству. 26–28 февраля 1958 г. состоялось Первое Всесоюзное совещание, касающееся проблем ветровой эрозии, в постановлении которого Институту с привлечением опытных станций поручалось разработать программу исследований процессов ветровой эрозии и проведения практических мероприятий по ослаблению действия разрушения почв с дальнейшей разработкой мер защиты [9, с. 6]. Поэтому уже в августе 1958 г. в с. Шортанды на базе нового Института состоялась Первая выездная объединенная сессия ВАСХНИЛ и Казахской академии сельскохозяйственных наук, посвященная обсуждению системы земледелия в районах освоения целинных и залежных земель. В постановлении этого научного форума сказано, что «особое место в планах научных исследований должно быть отведено разработке широкого комплекса мероприятий по максимальному

накоплению и рациональному использованию влаги, а также других мероприятий по поддерживанию и повышению эффективного плодородия почвы» [14, л. 50]. Таким образом, Институт стал центром науки в целинной кампании в СССР.

Итак, в результате исследований учеными Института было установлено, что надежная защита почв от ветровой эрозии возможна только при изменении системы обработки почвы, при отказе от плуга и переходе на ее обработку плоскорежущими орудиями, сохраняющими на поверхности полей стерни и другие растительные остатки [15, л. 4]. Из доклада директора НИИ зернового хозяйства А. Бараева: «В Казахстане освоение целинных и залежных земель осуществлялось в районах с особо острозасушливым климатом, с сильными ветрами зимой и после схода снега – весной. Практически освоение новых земель сводилось к их распашке плугами, тщательной разделке пласта дисковыми орудиями и зубовыми боронами, посеву зерновых культур дисковыми зерновыми сеялками и в дальнейшем к использованию этой же техники. Непригодность системы земледелия, заимствованной из европейских районов страны, и применения перечисленной техники в острозасушливых районах Казахстана были очевидны с первых дней освоения целины» [15, л. 1].

В 1956 г. в Институт из Карагандинской сельхозяйственной опытной станции перевелся известный ученый-почвовед А.А. Зайцева. В 1959 г. из Келлеровской опытной станции она привела молодого ученого, будущего академика Э.Ф. Госсена, который еще на Келлеровской опытной станции занимался оборудованием сельхозтехнической машины. Таким образом, в Институте началось создание новых методов борьбы с эрозией почвы.

14 апреля 1959 г. вышло Постановление Совета министров Казахской ССР «Об укрупнении экспериментального хозяйства Казахского научно-исследовательского института зернового хозяйства» с подписью первого секретаря Казахской ССР Д. Кунаева. После этого в целях расширения базы экспериментального хозяйства Казахского НИИ зернового хозяйства было принято предложение Акмолинского облисполкома, Министерства сельского хозяйства Казахской ССР и Казахской Академии сельскохозяйственных наук о передаче Казахскому НИИ зернового хозяйства 4-го отделения зернового совхоза имени КазЦИКа в Шортандинском районе Акмолинской области со всеми землями (общая площадь – 7,2 тыс. га, из них пашни – 6,4 тыс. га), постройками, сооружениями, машинами, орудиями и другим имуществом, имеющимся на отделении, а также с планами сдачи государству зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Акмолинскому облисполкому и Министерству сельского хозяйства Казахской ССР разрешили внести соответствующие изменения в землеотводные и учетные документы совхоза имени КазЦИКа [27, л. 1]. После этого началась огромная научная и практическая разработка целинной почвозащитной системы земледелия НИИ зернового хозяйства.

В 1961 г. Научно-исследовательский институт зернового хозяйства реорганизовали во ВНИИ зернового хозяйства. С этого дня Институт был учреждением союзного значения, в связи с чем улучшилась материально-техническая база Института, прибыло еще больше ученых из Центра. Повышая статус Института, государство дало возможность ученым больше заниматься производственными делами.

В этом же году произошли изменения и в административно-территориальном делении целинных областей Северного Казахстана. Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 26 декабря 1960 г. в составе Казахской ССР был образован Целинный край, в который вошли территории Акмолинской, Кустанайской, Кокчетавской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей. Этот крупный регион на севере Казахстана был создан для более полного использования огромных ресурсов и эффективного руководства.

Однако с каждым годом на казахстанской целине проблем не становилось меньше. Ни административно-территориальное деление, ни большие площади распаханных земель не спасли целинные земли.

Крупная эрозия почвы началась в 1962 году. В отчетах ученых написано, что «девятый вал» докатился до казахстанских степей. Ветры, достигая ураганной силы, поднимали в воздух тысячи тонн земли и несли

почву за сотни и даже тысячи километров. Они уничтожили в Северном Казахстане сотни тысяч гектаров земли, вывели из строя на долгие годы огромные массивы, сделав их бесплодными [10, л. 10]. Между тем посевы зерновых культур в основном были сосредоточены в степных засушливых районах республики, для которых характерна повышенная деятельность ветров, вызывающих нередко пыльные бури. На легких почвах Павлодарской области в течение 5 лет (1955–1960 гг.) ветровой эрозией ежегодно повреждалось в среднем 187,5 тыс. га посевов. В 1961 г. эрозией в области было охвачено свыше 700 тыс. га пашни, весной 1962 г. – около 1,5 млн га, причем почва была повреждена на площади 275 тыс. га, а на 40 тыс. га повреждены посевы яровых культур. В отдельных хозяйствах ветровая эрозия приняла особенно большие размеры [5, с. 3]. Таким образом, ветровая эрозия стала наносить огромный ущерб сельскому хозяйству Северного Казахстана.

Под ветровой эрозией почвы понимается разрушение, интенсивное перемещение и отложение почвенных частиц при определенной скорости ветра. Ветер может уносить пыль со слабо задерновенных участков почвы. Ускоренная эрозия, которая проявляется в виде пыльных бурь, обусловлена энтропогенным фактором и нарушением сложившихся закономерностей в природе. Пыльные бури возникают в открытых степных пространствах, где поверхность почвы слабо защищена растительностью, и могут наносить огромный ущерб народному хозяйству, резко снижая плодородие почв [18, л. 62]. Нужны были срочные меры предовращения ветровой эрозии.

На ВНИИ зернового хозяйства была возложена задача спасти целинную землю. Ученые А. Бараев, С. Сдобников, П. Колмаков, А. Зайцева немало сделали для дальнейшей научной разработки вопросов целинного земледелия. В эти годы младшие научные сотрудники Б. Копеев, А. Бородкин защитили кандидатские диссертации. Все силы были направлены на борьбу с эрозией почвы, от этого зависел имидж казахстанской целины.

Аграрник К.И. Деревянко отмечал: «Безусловно, в глазах народа за период с 1959 по 1963 годы идея целины была скомпрометирована. Многие начали на нее смотреть с фатальной безнадежностью. Но не земля виновата и природа неплохая, не хуже канадской. Люди повинны, а главное, волюнтаризм, диктат, волевые необоснованные решения» [26, л. 17].

Ученые Института: агрономы, почвоведы, механизаторы – разрабатывали агротехнические требования на процесс обработки почвы, а затем ученые-механизаторы Института и ученые институтов инженерного профиля и конструкторы конструкторских бюро машиностроительных заводов создавали образцы экспериментальных почвообрабатывающих орудий и сеялок [18, л. 170].

2 марта 1963 г. директор Института написал письмо заместителю председателя Совета министров СССР Д.С. Полянскому с просьбой оказать помощь в решении некоторых вопросов ВНИИ зернового хозяйства. В том числе в связи с тем, что Институт проводил научные разработки, направленные на принятие мер по борьбе с эрозией почв и мелиорации солонцов, появилась необходимость в организации лаборатории учета и оценки эродированных почв, противоэрозионной оценки орудий обработки почв и сеялок, плодородия дефинированных почв и мелиорации солонцов [13, л. 31–34].

Президиум ВАСХНИЛ созвал в июне 1963 г. при ВНИИ зернового хозяйства выездную сессию Академии, на которой обсуждались вопросы борьбы с эрозией почвы. В работе сессии участвовали около 400 ученых, руководящих представителей и специалистов Министерства сельского хозяйства СССР, партийных и советских органов, совхозов и колхозов республик, краев и областей страны [13, л. 1]. На этом совещании академик Т.Д. Лысенко поддержал теорию о раннем севе. Но директор ВНИИ зернового хозяйства А. Бараев категорически возражал против раннего сева.

В 1963 г. в книге ведущих ученых Института А.И. Бараева, А.А. Зайцевой, Э.Ф. Госсена «Борьба с ветровой эрозией почв» написано: «Авторы настоящей книги, изучив причины, способствующие ветровой эрозии, и механизм разрушения почвы, рассказывают о действенных агротехнических приемах, использование которых позволит ликвидировать эрозионно-опасные очаги» [5, с. 1]. Книга выш-

ла своевременно, она была крайне необходима. В ней три главы: «Механизм разрушения почв при ветровой эрозии» (автор – А. Бараев), «Система мероприятий по защите эрозионно-опасных почв» (автор – А. Зайцева), «Машины и орудия для обработки эрозионно-опасных почв» (автор – Э. Госсен). В книге обобщаются исследования, проводимые ВНИИ зернового хозяйства степных областей Казахстана.

Одним из важных моментов было создание сельхозяйственных машин и оборудования для степных областей. Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства совместно со Всесоюзным научно-исследовательским институтом механизации сельского хозяйства, Казахским институтом механизации и электрификации сельского хозяйства и конструкторами специальных конструкторских бюро заводов имени Октябрьской революции, Сибсельмашем, «Красной Звездой» и Алтайсельмашем разработали специальные почвообрабатывающие орудия и сеялки, приспособленные для работы на эрозионно-опасных почвах, и провели государственное испытание данных сельскохозяйственных машин на Целинной машиноиспытательной станции. По словам Э. Госсена, вместо плугов для основной обработки эрозионно-опасных почв необходимо применять рыхлители [6, л. 23]. С этого времени началась масштабная работа по созданию сельхозяйственных машин.

Вопрос этот положительно был решен в конце 1963 г., когда правительство обязало ряд заводов изготовлять противоэрозионную технику и было вынесено решение о строительстве в Целинограде крупного завода по производству противоэрозионной техники и о создании в Целинограде Государственного специального конструкторского бюро по противоэрозионной технике [18, л. 170]. Но эти работы затянулись на несколько лет.

Приход к власти Л.И. Брежнева, человека хорошо знающего казахстанскую целину, очень помогло ученым из ВНИИ зернового хозяйства. Он, по сравнению с Н.С. Хрущевым, предоставил ученым больше возможностей для разработки различных научных идей.

Первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев сам несколько раз ставил перед учеными вопрос о необходимости разработки своей особой целинной системы земледелия. Из ответа директора ВНИИ А.И. Бараева: «Мы, ученые, разумеется, полностью разделяли эту точку зрения, так как знали, что в условиях острозасушливого климата Казахстана применение этой техники неизбежно будет вызывать возникновение ветровой эрозии» [15, л. 2].

В 1965 г. ученые Института достигли высоких результатов. Проделана большая работа по всесторонней разработке и совершенствованию новой системы земледелия, созданию новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, проверке в условиях своего хозяйства рекомендаций исследователей Института. Сотрудники Института в содружестве с целым рядом коллективов конструкторских бюро, заводов машиностроения разработали и создали новые машины и орудия, обеспечивающие возможность повсеместного применения в северных областях Казахстана безотвальной системы земледелия [30, л. 10].

В феврале 1965 г. сессия ВАСХНИЛ прошла в Целинограде. Разработанные Институтом основные положения целинного земледелия полностью одобрены сессией ВАСХНИЛ, а также нашли признание в областных партийных организациях, земельных органах, совхозахв и колхозах Северного Казахстана [30, л. 33].

Приемы целинного почвозащитного земледелия, разработанные на целинных землях, были одобрены в январе 1966 г. на выездной сессии ВАСХНИЛ в Целинограде и рекомендованы для широкого внедрения в производство в северных областях Казахстана и степных районах Сибири.

С этого дня ВНИИ зернового хозяйства стал центром по борьбе с эрозией почвы всего Советского Союза.

После организации промышленного производства противоэрозионной техники началось массовое внедрение этих приемов в производство. Совхозы и колхозы на собственном опыте убеждались в преимуществе почвозащитной системы земледелия. В результате освоения целинных и залежных земель, внедрения с 1966 г. основных приемов почвозащитного земледелия в северных областях Казахстана, а также Карагандинской, Актюбинской и Уральской областях существенно

выросло производство зерна по сравнению предшествующей пятилеткой [15, л. 8].

20 марта 1967 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии». Почти ежегодно в Казахской ССР, в степных районах Западной и Восточной Сибири, а также на юге Украины, на Северном Кавказе и в ряде других зон страны пыльные бури выдували плодородный слой почвы, повреждали и уничтожали посевы на значительных площадях, а в отдельных районах засыпали орошаемые земли, ирригационные каналы и водные источники. К тому моменту в результате ветровой эрозии почв в Казахстане и в степных районах Сибири значительные площади пашни выбыли из оборота [28]. Надо было срочно решать эту проблему, ибо она могла привести к угрожающим последствиям.

Этому Постановлению предшествовали сессии ВАСХНИЛ по вопросам борьбы с водной и ветровой эрозией почв (Москва, 1963 г.) и Выездная сессия ВАСХНИЛ (Целиноград, 1966 г.), которые положили начало массовому внедрению в производство почвозащитной технологии возделывания зерновых культур. В Постановлении Выездной сессии ВАСХНИЛ 1966 г. говорится, что для борьбы с засухой и ветровой эрозией почв в северных районах Казахстана и в степных районах Западной Сибири первостепенное значение имеет внедрение новой технологии возделывания зерновых культур, основанной на применении обработок глубокорыхлителями с плоскорезами с оставлением стерни на поверхности почвы [18, л. 53]. Новые почвообрабатывающие орудия – культиваторы-плоскорезы и стерневые сеялки – стали поступать в совхозы и колхозы в 1966 г. [18, л. 170]. Сессия утвердила жизненность новой целинной системы земледелия. Это была убедительная победа почвозащитной системы над пропашной в сухостепном земледелии Казахстана и Сибири.

После этого ученые ВНИИ зернового хозяйства стали более уверенно выполнять научные работы. В 1967–1968 гг. А. Бараев, Э. Госсен и А. Зайцева провели несколько Всесоюзных семинаров по обработке почвы и защите почв от ветровой эрозии. В 1968 г. Э. Госсен защитил кандидатскую диссертацию на тему «Обоснование противоэрозионных требований к почвообрабатывающим машинам и оценка почвозащитной технологии возделывания зерновых культур» в Бурятском сельскохозяйственном институте [10, л. 2]. Его работы были написаны на основе многолетних исследований на казахстанской целине. Он стал автором нескольких изобретений по защите почв от эрозии.

В Институте работал академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда В.П. Кузьмин, который внес неоценимый вклад в селекционную работу Казахстана. Под его руководством были районированы сорта мягкой и твердой пшеницы. В 1966 г. в Институте учеными В.П. Кузьминым и В.И. Кандауровым был создан новый сорт яровой мягкой пшеницы «Целиноградка» [30, л. 41].

В 1968 г. А. Бараев с несколькими учеными побывал в Канаде, где они посетили опытные станции и семеноводческую ферму Министерства сельского хозяйства Канады, побывали в университетах нескольких провинций страны [15, л. 9–10]. ВНИИ зернового хозяйства во многом перенимал опыт канадских коллег для улучшения почвозащитного земледелия.

В этом году по рекомендациям лаборатории почвообрабатывающих машин была сконструирована борона БИГ-3 для закрытия влаги на стерневых фонах и передана на государственные испытания. По рекомендации лаборатории посевных машин была создана сеялка СЭС-2,1, а выявленные в процессе научно-исследовательских работ по сеялкам параметры были положены в основу при конструировании сеялок СКС-6 и СКС-12 [30, л. 82]. Академик А. Бараев при создании сельскохозяйственных машин работал вместе с молодым ученым Э. Госсеном.

Зимой и весной 1969 г. произошел резкий скачок ветровой эрозии. На многих полях распыление почв достигло крайне опасного предела, а в результате пыльных бурь на их поверхности накопился значительный слой перевеянного эрозионно-опасного мелкозема. Огромное количество мелкозема отложилось в полезащитных лесных полосах [4, с. 2].

В 1969 г. А. Бараев снова посетил Канаду. В газете «Целиноградская правда» была опубликована его статья «На фермах Канады», в которой он обращается к таким же

актуальным проблемам: «Известно, что в 30-х годах этого столетия канадскому сельскому хозяйству ветровая эрозия наносила неисчислимые убытки. Ветровая эрозия была национальным бедствием страны и угрожала катастрофическими последствиями. Меры эти просты и доступны каждому фермеру. Везде на фермах в степных провинциях обработка почвы проводится безотвальными орудиями, чистые пары обрабатываются по полосам, чередующимися с полосами посева пшеницы и других зерновых культур. Посев производится в основном сеялками с трубчатыми рабочими органами и сеялками-лушильками. На почвах легкого механического состава, сильно подвергавшихся ветровой эрозии, пашня засеяна многолетними травами, которые используют на сено или пастбище для скота» [3]. Таким образом, А. Бараев привез из Канады технологию безотвальной обработки почвы с сохранением стерни.

После этого Комитет по науке и технике при Совете министров СССР поручил Институту координацию всех исследований в стране по защите почв от ветровой эрозии [18, л. 55]. Ученые активно включились в научно-исследовательскую работу почвозащитного земледелия. В 1969 г. в Институте готовилось к изданию несколько книг, в том числе «Борьба с ветровой эрозией почвы» (А. Бараев, А. Зайцева), «Агробиологические особенности возделывания и методы селекции ярового ячменя» (И.Ф. Лошак), «Экономическая оценка севооборотов» (Н. Сафронов, П. Хлебов), «Противоэрозионная обработка чистого пара» (П. Хлебов), «Экономическая эффективность почвозащитной технологии» (В.М. Слободин, Л.В. Александров).

В 1970–1971 гг. были разработаны системы мероприятий по защите почв от ветровой эрозии для степных районов Северного Казахстана и Западной Сибири [14, л. 55]. В целом Институт в 1970 г. работал по 26 проблемам и 60 темам. Заложено свыше 300 опытов на площади 4 000 га. Основным звеном разрабатываемой системы являлись почвозащитная обработка с применением комплекса почвообрабатывающих орудий и посевных машин, обеспечивающих сохранение стерни для защиты почв от ветровой эрозии. Внедрение почвозащитной обработки позволил предохранить почву от ветровой эрозии. В 1970 г. продолжались работы по накоплению влаги и ее рациональному использованию. В этом же году проходили государственные испытания культиваторы-плоскорезы и глубокорыхлители [31, л. 16].

25 апреля 1972 г. коллективу ученых под руководством А. Бараева присуждена Ленинская премия. А. Бараев, А. Зайцева, Э. Госсен получили Государственную премию за участие в разработке почвозащитной системы земледелия, противоэрозионной техники и внедрения почвозащитной системы земледелия в производство [33, л. 11]. Премия была присуждена за результативные исследования ученым, которые для степных районов Северного Казахстана и Западной Сибири разработали системы мероприятий по защите почв от ветровой эрозии.

А.И. Бараев был руководителем Государственной научно-технической проблемы «Защита почв от эрозии» и задания «Разработать эффективные меры борьбы с ветровой эрозией почв». Под его руководством и при личном участии разработана и внедрена в производство почвозащитная система земледелия, включающая научные основы возделывания зерновых культур и комплекс агротехнических мероприятий по защите поля от ветровой эрозии [33, л. 11].

В 1972 г. на совещании в г. Кокчетаве Л.И. Брежнев сказал А. Бараеву: «Вы, Александр Иванович, многое сделали для целины, это общеизвестно, и мы Вас поддержали. Теперь мы просим Вас сделать то же самое для земледелия и в отношении сортов, в выведении местных высокоурожайных сортов зерновых. Но, учтите, у вас есть и много противников» [11, с. 78]. Дальнейшие исследования дали возможность коллективам ученых Института в Павлодарской опытной станции по защите почв от ветровой эрозии разработать целинную почвозащитную систему земледелия, обеспечивающую при комплексном внедрении ее приемов не только защиту почв от ветровой эрозии, но и получение более высоких и устойчивых урожаев зерновых культур и увеличение производства зерна в каждом хозяйстве [15, л. 6].

В 1974 г. в Целинограде проводилась выездная сессия ВАСХНИЛ. На сессии об-

суждались пути интенсификация сельского хозяйства целинных районов, речь шла об использовании огромных резервов увеличения производства зерна на распаханных целинных землях, где создана хорошая основа для дальнейшей интенсификации сельскохозяйственного производства [18, л. 57].

В опытном хозяйстве Института внедрили почвозащитную систему земледелия. О том, что приемы почвозащитного земледелия завоевали должную популярность у земледельцев, свидетельствует их внедрение в производство. Практически за 10 лет их внедрение по стране на 1977 г. составило: обработка почвы без применения плуга – 31,7 млн га, посев стерневыми сеялками – 33,5 млн га. В Казахстане из 25 млн га зерновых культур в 1977 г. было засеяно стерневыми сеялками 20 млн га [16, л. 171].

Суть почвозащитной системы земледелия ВНИИ зернового хозяйства заключается: в применении для обработки почвы во всех острозасушливых областях республики вместо плугов плоскорежущих почвообрабатывающих орудий различного назначения для глубокой и полной обработки, сохраняющих на полях стерню и другие растительные остатки, вместо зубовых борон – игольчатых борон, вместо зерновых дисковых сеялок – стерневых сеялок СЭС-2,1; в оснащении совхозов и колхозов необходимым комплексом противоэрозионной техники; в максимальном накоплении снега на полях; во введении и освоении зернопаровых четырех- и пятипольных севооборотов с полем чистого пара; в проведении посева зерновых культур в оптимальные научно обоснованные сроки; в замене устаревших сортов зерновых культур [18, л. 7].

При комплексном применении приемов почвозащитного земледелия имело место существенное повышение урожаев зерновых культур.

В середине 1970-х гг. коренным образом поменялось положение при внедрении почвозащитной системы земледелия. Урожай зерновых культур до внедрения почвозащитной системы земледелия в 1965 г. составлял 5,9 ц/га; после ее внедрения в 1975 г. – 10,9 ц/га, в 1976 г. – 20,2 ц/га, в 1977 г. – 12,0 ц/га, в 1978 г. – 21 ц/га. В среднем за 10 лет урожай яровой пшеницы по плоскорезной обработке по сравнению с осенней вспашкой плугами был выше на 4,8 ц/га [16, л. 175].

В 1978 г. коллектив Института выпустил книгу «Агротехнические рекомендации по проведению весеннего сева и обработке паров в совхозах и колхозах Целиноградской области» [17, л. 1–33], в которой ученые описали правильное проведение всех операций по предпосевной обработке почвы и посеву. В подготовке и написании книги принимали участие: академик А.И. Бараев, кандидаты сельскохозяйственных наук Э.Ф. Госсен, А.Ф. Готовец, И.Г. Зинченко, Н.М. Бакаев, М.К. Сулейменов, Н.В. Шрамко, А.М. Нестеренко, А.Ф. Кирдяйкин, И.В. Антонов, И.П. Охинько, кандидаты технических наук В.М. Акулов, А.С. Буряков, специалисты областного управления сельского хозяйства В.К. Хан, В.Е. Байдин. В книге отмечено: «В текущем 1978 году труженики сельского хозяйства Целиноградской области должны сдать и продать государству хлеба не менее 2 млн 30 тыс. тонн товарного зерна, полностью обеспечить хозяйства высококачественными семенами и выделить необходимое количества зерна на фураж. Для достижения такого уровня урожая хозяйствам области окажут помощь настоящие агротехнические рекомендации, разработанные коллективом ученых Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства» [17, л. 3]. Этим подтверждается факт, что ученые Института управляли всеми сельхозяйственными работами целинной земли Казахстана, а также то, что они давали свои рекомендации, столь необходимые аграрникам. Вся многовекторная работа ученых Института, их самоотверженный труд говорит об их особом вкладе в экономику Северного Казахстана.

Ежегодное производство зерна в республике составило за 5 лет (1949–1953 гг.) до освоения новых земель 3,9 млн т; за 5 лет (1961–1965 гг.) до внедрения приемов почвозащитного земледелия – 14,5 млн т; за последующие годы после освоения основных приемов почвозащитного земледелия: в 1966–1970 гг. – 20,6 млн т; в 1971–1975 гг. – 21,6 млн т; в 1976–1978 гг. – 25,1 млн т; в 1978 г. – 27,8 млн т [18, л. 8].

В 1970-е гг. в Институте работали 14 заведующих отделами, 37 заведующих лабора-

ториями, 52 старших научных сотрудника, 28 младших научных сотрудников, 31 старший агроном, инженер, 100 лаборантов-техников, 45 лаборантов [30, л. 37]. Из них 34 человека имели ученую степень.

Результаты. Таким образом, за короткое время Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства стал флагманом аграрной науки всего Советского Союза. Во многом успешное освоение целинных и залежных земель в Северном Казахстане и превращение республики в крупный аграрный сектор Советского Союза зависели от вклада советских ученых в освоение степи. Несмотря на трудности, им удалось создать почвозащитное земледелие в острозасушливых землях Казахстана.

Коллектив Института проводил исследования в области земледелия, агропочвоведения, механизации сельского хозяйства, селекции и семеноводства, экономики сельского хозяйства, кормопроизводства, удобрения, агролесомелиорации, защиты растений, овощеводства и садоводства. Также работали лаборатории технологии, физиологии растений и массовых анализов.

Важно заметить, что ученые ВНИИ зернового хозяйства, преданные своей миссии, до конца своих дней остались на земле, которую столь выхаживали. Они продолжили свои научные изыскания: защитили диссертации, улучшили материально-техническую базу, контролировали целинные земли по всему Северному Казахстану. Академик А.И. Бараев, А.А. Зайцева, В.П. Кузьмин и многие другие похоронены на земле Акмолинской области. Академик Э.Ф. Госсен проживает в г. Щучинске Акмолинской области на территории Института лесного хозяйства.

Труды ученых, посвященные почвозащитному земледелию, и сформировавшаяся их научная школа до сих пор востребованы, они служат развитию аграрного сектора современного Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдирайымова, А. С. Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е – 1990-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Абдирайымова Ардак Серикбаевна. – Алматы, 2007. – 28 с.

2. Абылхожин, Ж. Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век / Ж. Б. Абылхожин. – Алматы : Юат, 1997. – 360 с.

3. Бараев, А. И. На фермах Канады / А. И. Бараев // Целиноградская правда. – 1969. – 8 мая.

4. Бараев, А. Бороться с ветровой эрозией почвы / А. Бараев // Молот. – 1969. – 29 июля.

5. Бараев, А. И. Борьба с ветровой эрозией почв / А. И. Бараев, А. А. Зайцева, Э. Ф. Госсен. – Алма-Ата : Казах. гос. изд-во с.-х. лит., 1963. – 35 с.

6. Бараев, А. И. Борьба с ветровой эрозией почв : [рукоп. брошюра] / А. И. Бараев, А. А. Зайцева, Э. Ф. Госсен. – Алма-Ата : Казсельхозгиз, 1963 // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 24.

7. Винокурова, Р. Ф. Освоение целинных и залежных земель в Казахстане (1954–1958 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Винокурова Роза Федоровна. – М., 1962. – 20 с.

8. Воспоминания заместителя начальника Целинного краевого управления совхозов Диярова К.Д. о встрече с первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым Н.С. // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 648. – Оп. 1. – Д. 28.

9. Госсен, Э. Ф. Избранные труды / Э. Ф. Госсен. – Щучинск : ИП Изотова В.В., 2011. – 512 с.

10. Госсен Эрвин Францевич. Биография // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 1565. – Оп. 1. – Д. 21.

11. Гундарев, В. Р. Главный агроном целины / В. Р. Гундарев, Г. П. Рощин. – Алма-Ата : Кайнар, 1979. – 88 с.

12. Дауирбаева, Т. Деятельность местных Советов Казахстана по повышению материального благосостояния сельских тружеников целинных областей в 1954–1965 гг. (Кокчетавской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Целиноградской) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дауирбаева Тауекал. – Алма-Ата, 1983. – 27 с.

13. Докладная записка директора Института от 5 марта 1963 г. в ЦК КПСС «О мерах по борьбе с злостными сорняками в совхозах и колхозах Целинного края» // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 1031. – Оп. 1. – Д. 35.

14. Документы, характеризирующие научную, служебную деятельность А.И. Бараева // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 485.

15. Документы, характеризирующие научную, служебную и общественную деятельность А.И. Бараева // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 299. – Оп. 1. – Д. 498.

16. Документы, характеризирующие научную, служебную деятельность А.И. Бараева в 1978 г.

// Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 485.

17. Документы, характеризирующие научную, служебную и общественную деятельность А.И. Бараева // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 66.

18. Документы, характеризирующие научную, служебную деятельность А.И. Бараева // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 495.

19. Досмаилова, С. Борьба партийных организаций Северного Казахстана за дальнейшее развитие сельского хозяйства (1956–1961 гг.) : (На материалах партийных организаций Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Целиноградской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Досмаилова С. – Павлодар, 1966. – 20 с.

20. Куликов, В. И. Целина – земля трудового подвига / В. И. Куликов. – М. : Политиздат, 1976. – 112 с.

21. Куришбаев, А. К. Целина для хлеба рождена : Уроки освоения целинных и залежных земель и реформирование аграрного сектора на современном этапе / А. К. Куришбаев // Нива. – 1999. – № 3. – С. 10–16.

22. Левченко, В. М. Роль советского государства в освоении целинных и залежных земель в Казахстане (1953–1958 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Левченко В. М. – Алма-Ата, 1964. – 20 с.

23. Лысков, Ю. А. Партийно-организационная и партийно-политическая работа на селе в северных областях Казахстана в 1953–1958 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Лысков Ю. А. – Алма-Ата, 1966. – 28 с.

24. Николаев, В. А. Экологические уроки полувекового опыта целинного земледелия / В. А. Николаев // Вестник Московского университета. Серия 5, География. – 2004. – № 6. – С. 3–9.

25. Пашков, С. В. Дефляции почв Северо-Казахстанской области / С. В. Пашков, А. В. Пигалев // Вестник ЗабГУ. – 2016. – Т. 22, № 2. – С. 14–25.

26. Письмо Деревянко К.И., Дмитриевой М.П. и др. Бараеву А.И. // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 135.

27. Постановление Совета Министров КазССР № 321 от 14 апреля 1959 г. «Об укреплении экспериментального хозяйства Казахского научно-исследовательского института зернового хозяйства» // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 1031. – Оп. 1. – Д. 12.

28. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 марта 1967 г. «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии» // Правда. – 1967. – 2 апр.

29. Примерное Положение об Институте, утвержденное 25 октября // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 1031. – Оп. 1. – Д. 2.

30. Протоколы партийных собраний // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 28.

31. Протоколы партийных собраний // Государственный архив Акмолинской области.– Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 46.

32. Сактаганова, З. Г. Аграрная политика тоталитарного государства в послевоенное десятилетие: формы и методы / З. Г. Сактаганова // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. – 2003. – № 2 (29). – С. 77–81.

33. Справки ВНИИЗХ о творческом вкладе Бараева А.И., Госсена Э.Ф., Зайцевой А.А. и др. в разработку почвозащитной системы земледелия, подготовленные для представления на Ленинскую премию // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 406.

REFERENCES

1. Abdirajymova A.S. *Khozyaystvenno-ekonomicheskie, demograficheskie i ekologicheskie posledstviya osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel v Kazakhstane (1950-e – 1990-e gg. XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Economic, Demographic and Environmental Consequences of the Development of Virgin and Fallow Lands in Kazakhstan (1950s – 1990s of the 20th Century). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Almaty, 2007. 28 p.

2. Abylkhozhin Zh.B. *Ocherki sotsialno-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek* [Essays on the Socio-Economic History of Kazakhstan. 20th Century.]. Almaty, Yuat Publ., 1997. 360 p.

3. Baraev A.I. Na fermakh Kanady [On the Canadian Farms]. *Tselinogradskaya pravda*, 1969, May 8.

4. Baraev A. Borotsya s vetrovoy eroziey pochvy [Fight Wind Erosion of the Soil]. *Molot*, 1969, July 29.

5. Baraev A.I., Zaytseva A.A., Gossen E.F. *Borba s vetrovoy eroziey pochv* [Fight Against Wind Erosion]. Alma-Ata, Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatelstvo selskokhozyaystvennoy literatury, 1963. 35 p.

6. Baraev A.I., Zaytseva A.A., Gossen E.F. Borba s vetrovoy eroziey pochv: [rukop. broshyura] [Fight Against Wind Erosion. Handwritten Brochure]. Alma-Ata, Kazselkhozgiz, 1963. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 24.

7. Vinokurova R.F. *Osvoenie tselinnykh i zalezhnykh zemel v Kazakhstane (1954–1958 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Virgin and Fallow Lands in Kazakhstan (1954–1958). Cand. hist. sci. abs. diss.] Moscow, 1962. 20 p.

8. Vospominaniya zamestitelya nachalnika Tselinnogo kraevogo upravleniya sovkhozov Diyarova K.D. o vstreche s pervym sekretarem TsK KPSS

Khrushchevym N.S. [Memories of Deputy Head of the Virgin Regional Department of State Farms Diyarov K.D. About the Meeting with the First Secretary of the Central Committee of the CPSU Khrushchev N.S.]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 648, Op. 1, D. 28.

9. Gossen E.F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Shchuchinsk, IP Izotova V.V., 2011. 512 p.

10. Gossen Ervin Frantsevich. Biografiya [Ervin F. Gossen. Biography]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 1565, Op. 1, D. 21.

11. Gundarev V.R., Roshchin G.P. *Glavnyy agronom tseliny* [Chief Agronomist of Virgin Lands]. Alma-Ata, Kaynar Publ., 1979. 88 p.

12. Dauirbaeva T. *Deyatelnost mestnykh Sovetov Kazakhstana po povysheniyu materialnogo blagosostoyaniya selskikh truzhenikov tselinnykh oblastey v 1954–1965 gg. (Kokchetavskoy, Kustanayskoy, Pavlodarskoy, Severo-Kazakhstanskoy, Tselinogradskoy): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of Local Councils of Kazakhstan on Improvement of Material Welfare of Rural Workers of Virgin Areas in 1954–1965 (Kokchetav, Kustanay, Pavlodar, North Kazakhstan, Tselinograd). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Alma-Ata, 1983. 27 p.

13. Dokladnaya zapiska direktora Instituta ot 5 marta 1963 g. v TsK KPSS «O merakh po borbe s zlostnymi sornyakami v sovkhozakh i kolkhozakh Tselinnogo kraya» [Report of the Director of the Institute of March 5, 1963 in the Central Committee of the CPSU "About Measures for the Fight Against Harmful Weeds in the State Farms and Collective Farms of the Virgin Krai"]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 1031, Op. 1, D. 35.

14. Dokumenty, kharakteriziruyushchie nauchnuyu, sluzhebnuyu deyatelnost A.I. Baraeva [Documents Characterizing the Scientific and Official Activity of A.I. Baraev]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 485.

15. Dokumenty, kharakteriziruyushchie nauchnuyu, sluzhebnuyu i obshchestvennuyu deyatelnost A.I. Baraeva [Documents Characterizing the Scientific, Service and Social Activities of A.I. Baraev]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 299, Op. 1, D. 498.

16. Dokumenty, kharakteriziruyushchie nauchnuyu, sluzhebnuyu deyatelnost A.I. Baraeva v 1978 g. [Documents Characterizing the Scientific and Official Activity of A.I. Baraev in 1978]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 485.

17. Dokumenty, kharakteriziruyushchie nauchnuyu, sluzhebnuyu i obshchestvennuyu deyatelnost A.I. Baraeva [Documents Characterizing the Scientific, Official and Social Activities of A.I. Baraev]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 66.

18. Dokumenty, kharakteriziruyushchie nauchnuyu, sluzhebnuyu deyatelnost A.I. Baraeva [Documents Characterizing the Scientific, Official Activities of A.I. Baraev]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 495.

19. Dosmailova S. *Borba partiynykh organizatsiy Severnogo Kazakhstana za dalneyshee razvitie selskogo khozyaystva (1956–1961 gg.): (Na materialakh partiynykh organizatsiy Kokchetavskoy, Kustanayskoy, Severo-Kazakhstanskoy, Pavlodarskoy i Tselinogradskoy oblastey): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Struggle of the Party Organizations of Northern Kazakhstan for Further Development of Agriculture (1956–1961) (On Materials of the Party Organizations of Kokchetav, Kustanay, North Kazakhstan, Pavlodar and Tselinograd Regions). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Pavlodar, 1966. 20 p.

20. Kulikov V.I. *Tselina – zemlya trudovogo podviga* [Virgin Land – Land of Labor Feat]. Moscow, Politizdat, 1976. 112 p.

21. Kurishbaev A. Tselina dlya khleba rozhdena: Uroki osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel i reformirovanie agrarnogo sektora na sovremennom etape [Virgin Lands Are Born for Bread: Lessons of Developing Virgin and Fallow Lands and Reforming the Agricultural Sector at the Present Stage]. *Niva*, 1999, no. 3, pp.10-16.

22. Levchenko V.M. *Rol sovetskogo gosudarstva v osvoenii tselinnykh i zalezhnykh zemel v Kazakhstane (1953–1958 gg.): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Role of the Soviet State in the Development of Virgin and Fallow Lands in Kazakhstan (1953–1958). Cand. jur. sci. abs. diss.]. Alma-Ata, 1964. 20 p.

23. Lyskov Yu.A. *Partiyno-organizatsionnaya i partiyno-politicheskaya rabota na sele v severnykh oblastyakh Kazakhstana v 1953–1958 gody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Party-Organizational and Party-Political Work in Rural Areas in the Northern Regions of Kazakhstan in 1953–1958. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Alma-Ata, 1966. 28 p.

24. Nikolaev V.A. Ekologicheskie uroki poluvekovogo opyta tselinnogo zemledeliya [Environmental Lessons from Half a Century of Virgin Farming]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 2004, no. 6, pp. 3-9.

25. Pashkov S.V., Pigalev A.V. Deflyatsii pochv Severo-Kazakhstanskoy oblasti [Deflation of Soils in North Kazakhstan Region]. *Vestnik ZabGU*

[Transbaikal State University Journal], 2016, vol. 22, no. 2, pp.14-25.

26. Pismo Derevyanko K.I., Dmitrievoy M.P. i dr. Baraevu A.I. [Letter of Derevyanko K.I., Dmitrieva M.P. and Others to A.I. Baraev]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 135.

27. Postanovlenie Soveta Ministrov KazSSR № 321 ot 14 aprelya 1959 g. «Ob ukreplenii eksperimentalnogo khozyaystva Kazakhskogo nauchno-issledovatelskogo instituta zernovogo khozyaystva» [Resolution of the Council of Ministers of the Kazakh SSR no. 321 of April 14, 1959 "On Strengthening the Experimental Economy of Kazakh Research Institute of Grain Farming"]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 1031, Op. 1, D. 12.

28. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 20 marta 1967 g. «O neotlozhnykh merakh po zashchite pochv ot vetrovoy i vodnoy erozii» [Resolution of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers of March 20, 1967 "About Urgent Measures to Protect Soils from Wind and Water Erosion"]. *Pravda*, 1967, April 2.

29. Primernoe Polozhenie ob Institute, utverzhdennoe 25 oktyabrya [Approximate Regulations on the Institute, Approved on October 25]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 1031, Op. 1, D. 2.

30. Protokoly partiynykh sobraniy [Minutes of Party Meetings]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 685, Op. 1, D. 28.

31. Protokoly partiynykh sobraniy [Minutes of Party Meetings]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 685, Op. 1, D. 46.

32. Saktaganova Z.G. Agrarnaya politika totalitarnogo gosudarstva v poslevoennoe desyatiletie: formy i metody [Agrarian Policy of the Totalitarian State in the Postwar Decade: Forms and Methods]. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi*, 2003, no. 2 (29), pp. 77-81.

33. Spravki VNIIZKh o tvorcheskom vklade Baraeva A.I., Gossena E.F., Zaytsevoy A.A. i dr. v razrabotku pochv zashchitoy sistemy zemledeliya, podgotovlennye dlya predstavleniya na Leninskuyu premiyu [Documents of All-Union Scientific Research Institute of Grain Farming About the Creative Contribution of Baraev A.I., Gossen E.F., Zaytseva A.A., and Others in the Development of Soil Protecting System of Agriculture Prepared for Presentation at the Lenin Prize]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti* [State Archive of Akmola Region], F. 292, Op. 1, D. 406.

Information About the Authors

Arailym S. Mussagaliyeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Kazakhstan, Eurasian National University, Satpaeva St., 2, 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, arai0410@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1812-7152

Roza M. Mussabekova, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology, Eurasian National University, Satpaeva St., 2, 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, roza709@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1471-8657

Информация об авторах

Арайлым Сабитовна Мусагалиева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000 г. Нур-Султан, Республика Казахстан, arai0410@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1812-7152

Роза Мадениетовна Мусабекова, PhD (филология), доцент кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000 г. Нур-Султан, Республика Казахстан, roza709@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1471-8657

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.4

UDC 314.6:947.8“1945/1965”
LBC 83.3(2):63.5

Submitted: 17.04.2019
Accepted: 23.05.2019

CONTEMPORARY HISTORICAL LITERATURE ON FAMILY AND MOTHERHOOD IN POSTWAR DECADES (1945–1965) [1]

Lyudmila I. Vavulinskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper offers an analysis of historical studies on family and motherhood in post-war decades published in the 21st century, gives an account of the achievements of modern historiography on the subject, outlines the tasks for further studies. These topics have become compelling because of the declining value of motherhood and a prolonged demographic crisis in Russia. *Methods.* The historiographic analysis in this article is based on the thematic-chronological method supplemented with the systemic, typological and comparative-historical techniques permitting the literature available on the subject to be systematized and analyzed. The article primarily focuses on publications by Russian historians. *Analysis.* The main specific areas of research on family and motherhood are characterized. It is remarked that the pool of sources available has increased, and new research approaches and practices have been introduced. Contemporary authors have focused their attention on the analysis of the ideological background and principles of the Soviet gender policy, on the machinery of constructing the myth about equality of Soviet women. New aspects have been addressed, such as family private life, domestics role in its functioning, family conflict resolution practices, change in womans biological status over time, socio-ethical meaning of government awards for women, womans image reconstruction in post-war Soviet press. Researchers characterized the various stages in the Soviet family policy, marriage and family relationships in urban and rural communities. Studies on the legislative regulation of the family policy, social support to motherhood and childhood in post-war decades continued. The significance of the measures taken in this period to establish a system of medical aid and social guarantees and benefits for mothers was emphasized. The authors, however, remarked the persistent double work load on women, inequalities in payment rates and career. *Results.* The substantial progress has been achieved in the coverage of the issue of family and motherhood in two post-war decades. The tendency for multidisciplinary research has been growing; new aspects of the problem have been investigated. At the same time, the issue of the organization of the family welfare system, womens value systems, their attitudes towards the social policy and methods of adaptation to the living conditions should be addressed in more detail.

Key words: historiography, family, family policy, matrimony, motherhood, post-war decades.

Citation. Vavulinskaya L.I. Contemporary Historical Literature on Family and Motherhood in Postwar Decades (1945–1965). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 45-55. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.4

УДК 314.6:947.8“1945/1965”
ББК 83.3(2):63.5

Дата поступления статьи: 17.04.2019
Дата принятия статьи: 23.05.2019

© Вавулинская Л.И., 2020

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПРОБЛЕМАХ СЕМЬИ И МАТЕРИНСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1945–1965 гг.) [1]

Людмила Ивановна Вавулинская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Российская Федерация

Аннотация. В статье дан анализ опубликованных в XXI в. исторических исследований по проблемам семьи и материнства в Советском Союзе, преимущественно в РСФСР, в послевоенные десятилетия. Отмечены достижения новейшей историографии проблемы, определены задачи ее дальнейшего изучения. Актуальность освещения этих вопросов обоснована обострением проблемы утраты ценности материнства и затяжным демографическим кризисом в современной России. Основное внимание в статье уделено публикациям российских историков. Охарактеризованы ключевые направления исследований по проблемам семьи и материнства, отмечено расширение источниковой базы, применение новых исследовательских подходов и практик. Подчеркнуто, что в центре внимания российских авторов оказались вопросы анализа идейных основ и принципов гендерной политики советского государства, изучение технологий конструирования мифа о равноправии полов в советском обществе. Получили освещение такие новые сюжеты, как частная жизнь семьи, роль домашней прислуги в ее функционировании, практики разрешения семейных конфликтов, изменение биологического статуса женщин во времени, социально-этический смысл государственных женских наград, реконструкция образа женщины в послевоенной советской печати. Исследователи выделили особенности различных этапов советской семейной политики, брачно-семейных отношений в городе и в сельской местности. Продолжилось изучение вопросов нормативно-правового регулирования государственной семейной политики, социальной поддержки материнства и детства в послевоенные десятилетия. Была подчеркнута значимость осуществленных в этот период мер по созданию системы медицинской помощи и социальных гарантий и льгот матерям. В то же время авторы отметили сохранение двойной нагрузки на женщин, неравенства в оплате их труда и профессиональной занятости.

Ключевые слова: историография, семья, семейная политика, брак, материнство, послевоенные десятилетия.

Цитирование. Вавулинская Л. И. Современная историческая литература о проблемах семьи и материнства в послевоенные десятилетия (1945–1965 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 45–55. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.4

Введение. В последние десятилетия усилилось внимание исследователей к гендерным проблемам, в частности к брачно-семейным отношениям и материнству. Несмотря на то что «за более чем два века присутствия “женской темы” в отечественной историографии были опубликованы на русском языке тысячи работ, формирующих значительный корпус текстов по женской и гендерной истории России» [19, с. 96], современные исследователи внесли много нового в изучение этой темы с точки зрения как методологических подходов, так и раскрытия неосвещенных ранее ракурсов многогранной проблемы. Появились историографические обзоры, в которых подведены итоги изучения женской темы [11; 18; 23; 27].

В данном исследовании поставлена задача на основе изучения современной исторической литературы, главным образом российской, опубликованной в 2000–2010-х гг., охарактеризовать основные направления и новые аспекты исследований по проблемам семьи и материнства в СССР, посвященных периоду двух послевоенных десятилетий. Актуальность изучения этих вопросов обоснована обострением «проблемы утраты ценности материнства и, как следствие, затяжным демографическим кризисом в России» [33, с. 38]. Между тем в послевоенные десятилетия советским государством были осуществлены важные меры по формированию системы социального обеспечения семьи, основных форм и методов социальной работы с женщинами, повышению рождаемости, улучшению медицинского обслуживания детей и женщин, организации детских учреждений и ликвидации детской беспризорности. В связи с этим закономерно обращение историков к углубленному изучению данных проблем, обобщение как положительного, так и негативного опыта в области государственной семейной политики, социальной поддержки материнства в послевоенные десятилетия.

Методы и материалы. В качестве основы историографического анализа избран проблемно-хронологический метод, применены также системный, типологический и историко-сравнительный методы, позволяющие систематизировать и проанализировать имеющуюся по проблеме литературу. Основ-

ное внимание в статье уделено публикациям российских историков.

Анализ. Ориентиры и новые подходы в истории семьи и материнства, результаты и перспективы исследований обобщены в работах историков Л.П. Репиной [25], О.А. Хасбулатовой [35], социологов Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной [10; 12]. Ученые сосредоточили внимание на анализе идейных основ и принципов гендерной политики советского государства на разных этапах социалистического строительства, изучении технологий конструирования мифа о равноправии полов в советском обществе. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина предложили свое толкование основных понятий гендерных исследований и рассмотрели советский гендерный порядок на нескольких уровнях – уровне нормативных актов и официальных идеологий и уровне стратегий индивидов и семей. Советский гендерный порядок был назван этакратическим, поскольку «на всех этапах социалистического строительства государство, осуществляя институциональное и дискурсивное регулирование, выступало гегемонным агентом формирования советского гендера» [10, с. 319].

Современные исследователи обосновали периодизацию гендерных отношений в советском обществе, положив в основу значимые перемены в гендерном укладе. Несмотря на некоторые различия в определении этапов советской гендерной политики, большинством авторов рубежными датами были названы 1917 г., начало 1930-х гг., середина 1950-х гг., конец 1980-х гг. [10, с. 303; 21, с. 52–59; 24, с. 93–94].

В числе характерных черт гендерного порядка послевоенного периода исследователи выделяют «мобилизацию женщины на службу государству и партии разными путями как репродуктивной единицы и как рабочей силы» (этакратический контракт «работающая мать») [10, с. 314], «формирование системы жесткого контроля репродуктивной сферы» с целью увеличения рождаемости [21, с. 54], а период после XX съезда партии (1956 г.) охарактеризован как этап «ограниченной либерализации гендерной политики», связанной с «частичным восстановлением частной жизни», «мерами стимулирования рождаемости» и «усилением государственной поддержки материнства» [10, с. 314, 315; 13, с. 161; 21, с. 56]. В то же время исследователи подчеркивают, что политика «оттепели» «не коснулась главного социально-крестьянского вопроса: пенсионного и социального обеспечения (пособия по беременности, оплата больничных листов) колхозников и паспортизации деревни... Перемены пришли только со второй половины 1960-х гг.» [7, с. 9].

Многие авторы связывают коренные изменения в государственной семейной политике с принятием Президиумом Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. Указа «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [6, с. 33; 16, с. 42; 24, с. 93]. Указ устанавливал обязательную государственную регистрацию брака, сложную процедуру бракоразводного процесса, запрет установления отцовства в отношении детей, родившихся вне брака. «Новая консервативно-охранительная социальная политика государства», как считают многие исследователи, была направлена на укрепление брачных союзов, повышение рождаемости и поддержку материнства [16, с. 42; 28, с. 135]. Часть авторов называет закон «репрессивным», «драконовским», приведшим «к значительному количеству так называемых незаконнорожденных детей» [7, с. 8–9]. Действительно, Указ 1944 г. положил начало осуществлению целой системы мер по поощрению рождаемости и социальной поддержке материнства, широко применявшихся в СССР в последующие годы. С другой стороны, жесткое регулирование государством семейной сферы ставило женщину в неблагополучных семьях ввиду сложности процедуры развода в зависимое положение, а незаконнорожденные дети оказались в неравных условиях по сравнению с детьми, родившимися в семьях. При регистрации они записывались по фамилии матери, которая не могла претендовать на взыскание алиментов на содержание ребенка. Послабления в семейной политике начались с середины 1950-х гг.: отмена запрета

на медицинские аборты (1955 г.), упрощение процедуры развода (1965 г.) и др.

Рассматривая основные направления советской государственной семейной политики в первые послевоенные годы, исследователи отмечают изоляцию советской семьи от внешнего мира, закрепленную Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. о воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами и даже гражданами других социалистических государств [6, с. 34]. На усиление политической интервенции государства во все области жизнедеятельности семьи в послевоенный период обращает внимание Е.А. Шамрина. Исследовательница отметила достижения сформированной во второй половине XX в. системы социального обеспечения, которая характеризовалась всеобщностью, доступностью и равным правом на получение различных видов и форм социальной поддержки. В то же время одной из слабых сторон этой системы названа «полная зависимость от государственных дотаций» [38, с. 20–21].

Современными исследователями был поставлен вопрос об утрате некоторых традиционных функций семьи в послевоенный период, в частности функции социализации подрастающего поколения, заботу о котором «советское государство в целом брало на себя» [6, с. 34–35]. «Результатом этого масштабного социального эксперимента стало падение рождаемости, увеличение количества разводов, снижение воспитательного потенциала семьи» [15, с. 130].

Значительный интерес исследователей вызвали проблемы эволюции семьи и семейной политики в XX веке. А.Г. Волков рассматривает негативные явления в развитии семьи в современной России как «накопленный результат демографических изменений, происходивших в стране на протяжении долгих лет» [5, с. 49], подчеркивая недооценку семьи в жизни общества и человека, а также влияние на нее жесткой демографической политики государства [ограничение свободы развода (1936–1965 гг.), запрещение абортов (1936–1955 гг.), усилия по стимулированию деторождения] [5, с. 54].

В статье О.А Хасбулатовой и А.В. Смирновой определены детерминанты государственной семейной политики, исследовано влияние социально-экономических условий, политических, идеологических, социокультурных факторов и традиций, социальной политики государства на развитие и функционирование семьи. Авторы приходят к выводу, что «советская семья полностью зависела от государства в решении проблем своей жизнедеятельности... что оказалось серьезным препятствием в ходе адаптации семьи к новым социально-экономическим условиям в России после распада СССР» [36].

Одним из важных заключений, сделанных современными исследователями, является то, что «формирование брачно-семейных отношений, новой советской повседневности испытывало серьезное влияние общецивилизационных процессов, происходящих на Западе» [1, с. 11], «тенденции в развитии семьи в СССР вполне соответствовали мировым, а тем более европейским» [13, с. 161]. Ученые отмечают коренное изменение условий жизни населения, социальных норм и стереотипов демографического поведения в послевоенные десятилетия и в связи с этим рост числа неполных семей, малодетность, снижение роли семьи в социализации детей и т. д. Таким образом, становится очевидным, что причины кризиса современной российской семьи связаны не только с предшествующей семейной политикой. Они лежат гораздо глубже и обусловлены общими глобальными социальными изменениями, процессами урбанизации, ростом мобильности населения.

Н.А. Араловец в своих исследованиях затрагивает вопросы брачно-семейных отношений горожан в послевоенные десятилетия, в которых нашли отражение изменения ценностных установок жителей городов на брак и семью во второй половине XX в., острые проблемы внутрисемейных отношений, прежде всего родителей и детей [2; 3]. Развитие сельской семьи, изменения в демографическом и семейно-брачном поведении, системе нравственных ценностей сельского населения комплексно проанализированы в монографиях О.М. Вербицкой [4] и Л.Н. Денисовой [7].

Получившие значительное распространение в 1950–1960-е гг. практики разрешения семейных конфликтов путем обращения граждан в общественные организации и партийные

ячейки рассмотрены в статье Е. Жидковой. На примере типичного промышленного центра (г. Куйбышев) автор показал, как партийные, профсоюзные организации, общественность (товарищеские суды, дружинники, родительские комитеты предприятий, комиссии содействия семье и школе) боролись за «образцовую советскую семью». Обоснованный теоретический подход к изучению вопроса позволил автору сделать вывод о том, что «вмешательство и регулирование со стороны ближайшего окружения или "коллектива" было частью советского гендерного порядка и интерпретировалось как следствие необходимой защиты интересов семьи, и в первую очередь женщины» [9, с. 269]. К выводу автора можно было бы добавить, что активная деятельность многообразных структур общественного самоуправления граждан в СССР в 1960-е гг. была составной частью решения задач коммунистического строительства, формирования коммунистических общественных отношений и воспитания человека нового общества, выдвинутых XXII съездом партии (1961 г.).

Примечательно обращение современных исследователей к сюжетам и явлениям, считавшимся до этого малозначимыми или просто игнорировавшимися. Историками был поднят вопрос о домашней прислуге как социальном феномене эпохи сталинизма и о влиянии этого социального института на повседневную жизнь советского человека, воспитание детей в семье [14]. А.Р. Клоц на основе привлечения разнообразных источников, в том числе воспоминаний и устных интервью, удалось реконструировать образ няни, сложившийся у советских детей в 1930–1950-е годы. Автор высказал обоснованное мнение о том, что в условиях недостатка дошкольных учреждений и бытовой техники в эти годы институт домашней прислуги оказался функционально необходимым элементом жизни общества. В исследовании приводятся убедительные доказательства того, что частный найм домашней прислуги в рассматриваемый период был достаточно массовым социальным фактом, вынужденной мерой для работающих матерей, а не статусным атрибутом властных кругов.

В поле зрения современных историков и ученых-правоведов оказались вопросы нормативно-правового регулирования государственной семейной политики, поддержки материнства и детства [26; 28]. Исследователи отмечают, что «в отличие от ранее действовавшего довоенного и военного законодательства сохранение семьи в 1950–90-х гг. достигалось не принятием жестких запретительных административных мер (например, о запрещении абортов и усложнении процедуры развода), а созданием благоприятных условий для ее укрепления» [26, с. 26].

Получили освещение и традиционные проблемы охраны здоровья женщин и детей в послевоенные годы [21; 32; 34]. Подчеркивая значимость осуществленных в послевоенные десятилетия мер по созданию системы медицинской помощи и социальных гарантий и льгот женщинам, имеющим детей, авторы отмечают, что она «просуществовала (при незначительных изменениях) до начала 90-х годов» [30, с. 196]. В то же время исследователи обратили внимание на то, что социальная поддержка матерей в сельской местности в послевоенные годы была незначительной, «там во многом сохраняется традиционный уклад и практики заботы о здоровье и родовспоможении» [21, с. 55].

Новый ракурс в исследовании гендерной истории предложил А.Н. Малинкин, проанализировавший символический социально-этический смысл государственных женских наград [20]. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. установил звание «Мать-героиня», ставшее, наряду со званиями Героя СССР и Героя Социалистического Труда, высшей степенью отличия в СССР. Также были учреждены орден «Материнская слава» и медаль Материнства. «"Женский" блок, традиционно присутствующий в наградных системах многих стран, – как справедливо отмечает автор, – в СССР трансформировался в специально выделенный "материнский", чтобы стать инструментом политики в области рождаемости» [20, с. 109]. Неоднозначно оценивая «материнскую» наградную систему в СССР, А.Н. Малинкин подчеркивает: «Учреждение специального женского наградного блока и "героизация" материнства едва ли содействовали освобождению советских женщин, тем не менее, реально (в том числе благодаря ощутимым льго-

там) повышая престиж многодетных матерей в обществе» [20, с. 113].

В рамках междисциплинарного подхода получили дальнейшее развитие оформившиеся в 1980-е гг. как специальное направление исторических исследований проблемы частной жизни, сексуальных отношений в советскую эпоху [17; 29; 37]. Е.Ю. Зубкова, освещая достижения историографии в этой области, отмечает, что «старый спор о том, была ли частная жизнь в СССР, становится анахронизмом. Вместе с тем остаются другие вопросы, касающиеся специфики ее функционирования в рамках "советского проекта", – о границах приватности, о степени открытости и закрытости частной жизни, степени личной свободы и несвободы граждан в различные периоды советской эпохи» [13, с. 159]. К периоду наибольшего ограничения приватности современные исследователи относят 1930-е гг. – начало 1950-х годов. С середины 1950-х гг., в период либерализации политического режима, массового жилищного строительства, открывшего возможность многим семьям получить собственное жилье, а не комнату в коммуналке, сфера приватности значительно расширяется, начинается «процесс реабилитации или реанимации частной жизни» [13, с. 161], «в то же время контроль над частной сферой, над личностью, сохранялся. Это выражалось, главным образом, в обсуждении фактов личной жизни общественными организациями, которые становились связующим звеном между семьей и властью» [1, с. 20–21].

Новые подходы в изучении проблем семьи и материнства во второй половине XX в. разработаны в статье историка, специалиста по антропометрической истории Б.Н. Миронова [22]. Опираясь на достижения нового направления в науке, родившегося на границе экономики, биологии человека, медицины и физической антропологии, автор проанализировал данные о росте и весе рожениц и их детей и на этой основе оценил изменения в биологическом статусе населения Санкт-Петербурга и его благосостоянии. Исследователь подчеркнул, что «уровень доходов и качество питания являлись важнейшими факторами изменения биологического статуса женщин во времени» и что «биологический статус петербуржцев после окончания Великой Отечественной войны устойчиво улучшался вплоть до конца 1960-х годов» [22, с. 141, 144].

В исторических исследованиях успешно применялся гендерный подход, предполагающий экспертизу социально-исторических явлений с учетом фактора пола, а также историко-социологический метод. В частности, М.В. Антоновой на основе привлечения данных социологических опросов, осуществленных в 1950–1960-е гг., проанализированы причины вступления в брак, мотивы разводов, отношение советских граждан к институту семьи и брака, семейному быту, распределению социальных ролей в семье [1].

Значимым фактором современной историографии женской темы стало расширение источниковой базы. В исследованиях В.В. Смеюха [31] и А.А. Днепровской [8], осуществленных в рамках социальной истории и исторической антропологии, впервые реконструирован образ женщины в послевоенной советской печати. На основе изучения специальных женских изданий: «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» – проанализировано, как власть формировала образ счастливой советской женщины. Плодотворным оказалось привлечение к исследованию проблем семьи и материнства таких визуальных источников, как карикатуры, рисунки, плакаты, а также обращение многих авторов к произведениям художественной литературы.

Современные исследователи, отмечая заслуги советской историографии в области изучения истории семьи и материнства, критически подошли к устоявшимся мифам, в частности к положению о решении женского вопроса в СССР. На основе анализа конкретных материалов показана существенная дифференциация в оплате труда женщин и мужчин, неравенство в профессиональной занятости, выдвижении на руководящие должности, подчеркнуто, что на всем протяжении советского периода сохранялась высокая загруженность женщин домашним хозяйством.

Результаты. Таким образом, современная историческая литература сделала значительный шаг вперед в освещении проблем семьи и материнства в годы двух послевоенных десятилетий. Расширилась источниковая база, были применены новые исследовательские практики, что позволило пересмотреть

миф официальной советской пропаганды о решении женского вопроса в СССР. Были выявлены характерные черты советского гендерного порядка, позитивные и негативные стороны государственной семейной политики, ее влияние на трансформацию семьи, обращено внимание на утрату семьей традиционной функции социализации подрастающего поколения и последствия этого процесса.

Усилилась тенденция к междисциплинарным исследованиям, рассмотрению проблем семьи и материнства с разных углов зрения. Исследователи обратились к углубленному изучению новых аспектов многогранной проблемы: частной жизни семьи; практик разрешения семейных конфликтов; влияния на повседневную жизнь советского человека такого социального института, как домашняя прислуга; социально-этического смысла государственных женских наград; изменения биологического статуса женщин во времени и др. Было уделено внимание уточнению периодизации гендерных отношений в Советской России, сделаны важные выводы о том, что процессы, происходившие в семье послевоенных десятилетий, оказали влияние на кризис семьи в современной России, а тенденции в развитии семьи в СССР вполне соответствовали мировым.

В то же время нуждаются в более детальной разработке на общегосударственном и региональном уровнях вопросы организации системы социального обеспечения семьи, ценностной ориентации женщин, их отношения к социальной политике, адаптации к условиям жизни. Следует отметить, что в архивах, особенно региональных, остаются невостребованными целые пласты важнейших документов, которые способны существенно расширить представление о поднимаемых проблемах. Бесценный материал для исследования обозначенных вопросов могут дать интервью с живыми свидетелями тех времен, позволяющие воссоздать подробности как материальной стороны жизни, так и эмоциональных переживаний, настроений людей.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (0225-2018-0011) «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)».

Financial support for the research was provided from the Federal budget for the implementation of the state task of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (0225-2018-0011) “Karelia in peace and war (from the Middle Ages to the present day)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, М. В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Антонова Мария Владимировна. – СПб., 2010. – 25 с.

2. Араловец, Н. А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы / Н. А. Араловец // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 55–63.

3. Араловец, Н. А. Городская семья в России во второй половине XX в. / Н. А. Араловец. – М. : ИРИ РАН, 2015. – 360 с.

4. Вербицкая, О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект) / О. М. Вербицкая. – М. ; Тула : Гриф и К, 2009. – 296 с.

5. Волков, А. Г. Эволюция российской семьи в XX веке / А. Г. Волков // Мир России. Социология. Этнология. – 1999. – № 4. – С. 47–57.

6. Гаврыш, О. В. Приоритетные направления советской государственной семейной политики в 1945 – начале 1950-х гг. (на материалах УССР) / О. В. Гаврыш // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 10 (100). – С. 33–35.

7. Денисова, Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт / Л. Н. Денисова. – М. : Памятники ист. мысли, 2007. – 476 с.

8. Днепровская, А. А. Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) / А. А. Днепровская // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 91–98.

9. Жидкова, Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950–60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки / Е. Жидкова // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2008. – С. 266 –289.

10. Здравомыслова, Е. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1, № 3/4. – С. 299–321.

11. Здравомыслова, Е. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России / Е. Здра-

вомыслова, А. Темкина // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 177–185.

12. Здравомыслова, Е. А. Советский этакратический гендерный порядок / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 436–463.

13. Зубкова, Е. Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения / Е. Ю. Зубкова // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 157–167.

14. Клоц, А. Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Клоц Алиса Ростиславовна. – Челябинск, 2012. – 28 с.

15. Королев, С. В. Государственная политика в отношении института семьи в советский период / С. В. Королев // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ижевск, 30 окт. 2016 г.). – Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2016. – С. 130–137.

16. Кузнецова, И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) / И. П. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 8 (337). История. Вып. 59. – С. 41–48.

17. Лебина, Н. Б. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия / Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 344 с.

18. Лиходей, Е. М. Переход от «охраны материнства и детства» к «защите прав детей» в новейшей научной литературе / Е. М. Лиходей // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 6. – С. 101–109.

19. Малашкин, А. В. Сводная база данных «Женская и гендерная история России, 1800–2010 гг.» – свидетельство формирования научного направления / А. В. Малашкин, Н. Л. Пушкарева // Уральский исторический вестник. – 2012. – Вып. 3. – С. 96–102.

20. Малинкин, А. Н. Женские награды в России: опыт исследования по социологии наградного дела / А. Н. Малинкин // Мир России. Социология. Этнология. – 2004. – Т. 13, № 2. – С. 96–114.

21. Мельникова, О. О. Социальная политика в сфере репродуктивного здоровья и институционализация заботы в советский и постсоветский период / О. О. Мельникова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – Вып. 1 (13). – С. 52–59.

22. Миронов, Б. Н. Биологический статус женщин Санкт-Петербурга в 1940–2005 гг. (по антропометрическим данным о новорожденных и их матерях) / Б. Н. Миронов // Мир России. – 2007. – № 1. – С. 99–146.

23. Пушкарева, Н. Л. Русская женщина: история и современность : Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000 : материалы к библиогр. / Н. Л. Пушкарева. – М. : Ладомир, 2002. – 522 с.

24. Рабжаева, М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века / М. В. Рабжаева // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 89–97.

25. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 320 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.twirpx.com/file/1625674/ (дата обращения: 05.02.2018). – Загл. с экрана.

26. Ростова, О. С. Правовая охрана материнства и детства в советском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ростова Ольга Сергеевна. – Саратов, 2007. – 29 с.

27. Рябкова, Е. С. Женщины и женский быт в СССР 1950–1960-х гг. в советской и современной российской историографии / Е. С. Рябкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 670–685.

28. Седова, Д. В. Правовые основы государственной семейной политики СССР в послевоенное десятилетие / Д. В. Седова // Вестник Екатерининского института. – 2015. – № 1. – С. 134–138.

29. Семейные узы : Модели для сборки : сб. ст. / под ред. С. Ушакина. – М. : Новое лит. обозрение, 2004. – Кн. 1. – 632 с. ; Кн. 2. – 520 с.

30. Скворцова, Н. Е. Эволюция государственной политики в сфере охраны материнства и детства / Н. Е. Скворцова, В. А. Лянник, С. Н. Ельская // Университетская Клиника. – 2017. – № 3-1 (24). – С. 192–199.

31. Смеюха, В. В. Женские журналы СССР в 1945–1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация / В. В. Смеюха // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 1. – С. 55–67.

32. Степанова, О. В. Охрана здоровья женщин и детей в Алтайском крае (1945 – середина 1960-х гг.) / О. В. Степанова. – Барнаул : Алт. гос. техн. ун-т, 2008. – 133 с.

33. Субочева, А. Р. Проблемы современного ценностного отношения к материнству в России / А. Р. Субочева, Н. В. Каргина // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2017. – № 1. – С. 33–39.

34. Такташева, Ф. А. Развитие системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1945-м – начале 1950-х гг. / Ф. А. Такташева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (99). – С. 184–189.

35. Хасбулатова, О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реальность / О. А. Хасбулатова. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. – 372 с.

36. Хасбулатова, О. А. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века : (Историко-социологический анализ) / О. А. Хасбулатова, А. В. Смирнова // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 3 (48). – С. 3–14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2008_3_hasbulatova.pdf (дата обращения: 06.03.2019). – Загл. с экрана.

37. Чуйкина, С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х гг. / С. Чуйкина // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – С. 99–128.

38. Шамрина, Е. А. Эволюция государственной системы социальной поддержки семьи во второй половине 40-х – 90-е гг. XX в.: на материалах Воронежской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Шамрина Екатерина Александровна. – Воронеж, 2012. – 23 с.

REFERENCES

1. Antonova M.V. *Sovetskaya sotsialnaya politika: semeyno-bytovoy aspekt. 1950–1960-e gody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet Social Policy: Family and Household Aspect. 1950s – 1960s. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2010. 25 p.

2. Aralovets N.A. Brak i semya v RSFSR v poslevoennye gody [Marriage and Family in the RSFSR in the Postwar Years]. *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 4, pp. 55-63.

3. Aralovets N.A. *Gorodskaya semya v Rossii vo vtoroy polovine XX v.* [Urban Family in Russia in the Second Half of the 20th Century]. Moscow, IRI RAN, 2015. 360 p.

4. Verbitskaya O.M. *Rossiyskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt)* [The Russian Rural Family in 1897–1959 (Historical and Demographic Aspect)]. Moscow, Tula, Grifi K Publ., 2009. 296 p.

5. Volkov A.G. Evolyutsiya rossiyskoy semyi v XX veke [Evolution of the Russian Family in the 20th Century]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 1999, no. 4, pp. 47-57.

6. Gavrysh O.V. Prioritetnye napravleniya sovetskoy gosudarstvennoy semeynoy politiki v 1945 – nachale 1950-kh gg. (na materialakh USSR) [Priority Directions of the Soviet State Family Policy in 1945 – the Early 1950s (By the Materials of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 10 (100), pp. 33-35.

7. Denisova L.N. *Sudba russkoy krestyanki v XX veke: brak, semya, byt* [Fate of a Russian Peasant Woman in the Twentieth Century: Marriage, Family, Everyday Life]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2007. 476 p.

8. Dneprovskaya A.A. Obraz sovetskoy truzhenitsy v pervoe poslevoennoe desyatiletie (po materialam spetsialnykh zhenskikh izdaniy) [Image of a Soviet Working Woman in the First Post-War Decade (Based on Special Womens Publications)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2011, no. 1, pp. 91-98.

9. Zhidkova E. Praktiki razresheniya semeynykh konfliktov v 1950–60-e gody: obrashcheniya grazhdan v obshchestvennye organizatsii i partiynye yacheyki [Practices of Resolving Family Conflicts in the 1950s – 1960s: Appeals of Citizens to Public Organizations and Party Cells]. *Sovetskaya sotsialnaya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985* [Soviet Social Policy: Scenes and Actors, 1940–1985]. Moscow, Variant Publ., TsSPGI, 2008, pp. 266-289.

10. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2003, vol. 1, no. 3/4, pp. 299-321.

11. Zdravomyslova E., Temkina A. Issledovaniya zhenshchin i gendernye issledovaniya na Zapade i v Rossii [Studies of Women and Gender Studies in the West and in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 1999, no. 6, pp. 177-185.

12. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Sovetskiy etakraticheskiy gendernyy poryadok [Soviet Etacratic Gender Order]. *Sotsialnaya istoriya. Ezhegodnik. 2003. Zhenskaya i gendernaya istoriya* [Social History. Yearbook. 2003. Women and Gender History]. Moscow, ROSSPEN, 2003, pp. 436-463.

13. Zubkova E.Yu. Chastnaya zhizn v sovetskuyu epokhu: istoriograficheskaya reabilitatsiya i perspektivy izucheniya [Private Life in the Soviet Era: Historiographic Rehabilitation and Prospects for Studying]. *Rossiyskaya istoriya*, 2011, no. 3, pp. 157-167.

14. Klots A.R. *Domashnyaya prisluga kak sotsialnyy fenomen epokhi stalinizma: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic Servants as a Social Phenomenon of the Era of Stalinism. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2012. 28 p.

15. Korolev S.V. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii instituta semyi v sovetskiy period [State Policy on the Institution of the Family in the Soviet

Period]. *Aktualnye tendentsii sotsialnykh kommunikatsiy: istoriya i sovremennost: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Izhevsk, 30 okt. 2016 g.)* [Current Trends in Social Communications: History and Modernity. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Izhevsk, October 30, 2016]. Izhevsk, Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, 2016, pp. 130-137.

16. Kuznetsova I.P. Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany materinstva i detstva vo vtoroy polovine 1940-kh – pervoy polovine 1960-kh godov (na primere Bashkirskoy ASSR) [The State Policy in the Field of Maternity and Childhood Protection in the Second Half of the 1940s – the First Half of the 1960s (On the Example of the Bashkir ASSR)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 8 (337), Istoriya [History], iss. 59, pp. 41-48.

17. Lebina N.B., Chistikov A.N. *Obyvatel i reformy. Kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletiya* [Philistine and Reform. Pictures of Everyday Life of Citizens During the NEP and the Khrushchev Decade]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 344 p.

18. Likhodey E.M. Perekhod ot «okhrany materinstva i detstva» k «zashchite prav detey» v noveyshey nauchnoy literature [The Transition from "Protecting Motherhood and Childhood" to "Protecting the Rights of Children" in the Latest Scientific Literature]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2017, no. 6, pp. 101-109.

19. Malashkin A.V., Pushkareva N.L. Svodnaya baza dannykh «Zhenskaya i gendernaya istoriya Rossii, 1800–2010 gg.» – svidetelstvo formirovaniya nauchnogo napravleniya [Consolidated Database "Womens and Gender History of Russia, 1800–2010" – Evidence of the Formation of a Scientific Direction]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, iss. 3, pp. 96-102.

20. Malinkin A.N. Zhenskie nagrady v Rossii: opyt issledovaniya po sotsiologii nagradnogo dela [Womens Awards in Russia: The Experience of Research on the Sociology of the Award Case]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2004, vol. 13, no. 2, pp. 96-114.

21. Melnikova O.O. Sotsialnaya politika v sfere reproduktivnogo zdorovya i institutsionalizatsiya zaboty v sovetskiy i postsovetskiy period [Social Policy in the Field of Reproductive Health and Institutionalization of Care in the Soviet and Post-Soviet Period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science], 2011, iss. 1 (13), pp. 52-59.

22. Mironov B.N. Biologicheskiy status zhenshchin Sankt-Peterburga v 1940–2005 gg. (po antropometricheskim dannym o novorozhdennykh i ikh materyakh) [The Biological Status of Women in St. Petersburg in 1940–2005 (According to Anthropometric Data on Newborns and Their Mothers)]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2007, no. 1, pp. 99-146.

23. Pushkareva N.L. *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost: Dva veka izucheniya «zhenskoy temy» russkoy i zarubezhnoy naukoy, 1800–2000: materialy k bibliogr.* [Russian Woman: History and Modernity: Two Centuries of Studying the "Female Issue" by Russian and Foreign Science, 1800–2000. Materials for Bibliography]. Moscow, Ladomir, 2002. 522 p.

24. Rabzhaeva M.V. Istoriko-sotsialnyy analiz semeynoy politiki v Rossii XX veka [A Historical and Sociological Analysis of the XX Century Russia Family Policies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 6, pp. 89-97.

25. Repina L.P. «*Novaya istoricheskaya nauka» i sotsialnaya istoriya* ["New Historical Science" and Social History]. Moscow, Izd-vo LKI, 2009. 320 p. URL: https://www.twirpx.com/file/1625674/ (accessed 5 February 2018).

26. Rostova O.S. *Pravovaya okhrana materinstva i detstva v sovetskom gosudarstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Protection of Motherhood and Childhood in the Soviet State. Cand. jur. sci. abs. diss.]. Saratov, 2007. 29 p.

27. Ryabkova E.S. Zhenshchiny i zhenskiy byt v SSSR 1950–1960-kh gg. v sovetskoy i sovremennoy rossiyskoy istoriografii [Women and Womens Life in the Soviet Union 1950–1960s in the Soviet and Modern Russian Historiography]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2017, vol. 16, no. 4, pp. 670-685.

28. Sedova D.V. Pravovye osnovy gosudarstvennoy semeynoy politiki SSSR v poslevoennoe desyatiletie [Legal Foundations of the State Family Policy of the USSR in the Post-War Decade]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of Catherine The Great National Institute], 2015, no. 1, pp. 134-138.

29. Ushakina S. ed. *Semeynye uzy: Modeli dlya sborki: sb. st.* [Family Ties: Models for Assembly. Collection of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, book 1. 632 p; book 2. 520 p.

30. Skvortsova N.E., Lyannik V.A., Elskaya S.N. Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki v sfere okhrany materinstva i detstva [The Evolution of State Policy in the Field of Maternal and Child Welfare]. *Universitetskaya Klinika* [University Clinic], 2017, no. 3-1 (24), pp. 192-199.

31. Smeyukha V.V. Zhenskie zhurnaly SSSR v 1945–1991 gg.: tipologiya, problematika, obraznaya

transformatsiya [Womens Magazines of the USSR in 1945–1991: Typology, Problematics, Figurative Transformation]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2012, no. 1, pp. 55-67.

32. Stepanova O.V. *Okhrana zdorovya zhenshchin i detey v Altayskom krae (1945 – seredina 1960-kh gg.)* [Protection of the Health of Women and Children in the Altai Territory (1945 – mid-1960s)]. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet, 2008. 133 p.

33. Subocheva A.R., Kargina N.V. Problemy sovremennogo tsennostnogo otnosheniya k materinstvu v Rossii [Problems of Modern Value Attitude to Motherhood in Russia]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 33-39.

34. Taktasheva F.A. Razvitie sistemy okhrany zdorovya zhenshchin i detey v Stalingradskoy oblasti v 1945-m – nachale 1950-kh gg. [Development of the System of Protecting the Health of Women and Children in the Stalingrad Region in 1945 – Early 1950s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 4 (99), pp. 184-189.

35. Khasbulatova O.A. *Rossiyskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realnost* [Russian Gender Policy in the Twentieth Century: Myths and Reality]. Ivanovo, Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2005. 372 p.

36. Khasbulatova O.A., Smirnova A.V. Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki v otnoshenii semyi v Rossii v XX – nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskiy analiz) [Evolution of State Policy Towards the Family in Russia in the 20th – Early 21st Century (Historical and Sociological Analysis)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman Woman in Russian Society], 2008, no. 3 (48), pp. 3-14. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2008_3_hasbulatova.pdf (accessed 6 March 2019).

37. Chuykina S. «Byt neotdelim ot politiki»: ofitsialnye i neofitsialnye normy «polovoy» morali v sovetskom obshchestve 1930–1980-kh gg. ["Life Is Inseparable from Politics": Official and Unofficial Norms of "Sexual" Morality in Soviet Society of the 1930s – 1980s]. Zdravomyslova E., Temkina A., eds. *V poiskakh seksualnosti* [In Search of Sexuality]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2002, pp. 99-128.

38. Shamrina E.A. *Evolyutsiya gosudarstvennoy sistemy sotsialnoy podderzhki semyi vo vtoroy polovine 40-kh – 90-e gg. XX v.: na materialakh Voronezhskoy oblasti: avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Evolution of the State System of Social Support for the Family in the Second Half of the 40s – 90s of the 20th C. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Voronezh, 2012. 23 p.

Information About the Author

Lyudmila I. Vavulinskaya, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St., 11, 185910 Petrozavodsk, Russian Federation, ludvav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6404-7551

Информация об авторе

Людмила Ивановна Вавулинская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ул. Пушкинская, 11, 185910 г. Петрозаводск, Российская Федерация, ludvav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6404-7551

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.5

UDC 94(470.4)“1953/1985”:373.24
LBC 63.3(235.4)63-206

Submitted: 06.05.2019
Accepted: 26.11.2019

REFORM OF THE NETWORK OF PRESCHOOL INSTITUTIONS IN THE SOVIET UNION IN THE SECOND HALF OF THE 1950s TO THE MID-1980s (ON THE MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

Alexey A. Gumenyuk

Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, Saratov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper is devoted to analyzing the main lines of modernization of kindergartens and nurseries in the Lower Volga region in the second half of the 1950s to the mid-1980s. *Materials.* The article is based on the factual material extracted from the funds of the central and local archives, reporting and paperwork, legislative documents, and statistical collections. *Methods.* The study is based on a set of methodological techniques, including special methods of historical studies such as the historical-comparative, statistical and quantitative methods. *Analysis.* Analyzing a wide array of statistical data allows to make a number of important observations and to conclude that by the mid-1980s the above-mentioned institutions in the region under study had higher quantitative development indicators in comparison with the neighboring oblasts and republics in the Volga economic district, as well as in comparison with the all-Russian and even all-Union levels. *Results.* In conclusion, the author infers that by spring 1985, services of nurseries and kindergartens really became more accessible to the residents of the region under study. However, based on the qualitative criteria, we see that the level of their services reached by 1985 could not yet meet the growing needs of the population, especially in the countryside.

Key words: children, kindergarten, natural increase, complaint, request, family, institutions of motherhood and childhood.

Citation. Gumenyuk A.A. Reform of the Network of Preschool Institutions in the Soviet Union in the Second Half of the 1950s to the Mid-1980s (On the Materials of the Lower Volga Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 56-65. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.5

УДК 94(470.4)“1953/1985”:373.24
ББК 63.3(235.4)63-206

Дата поступления статьи: 06.05.2019
Дата принятия статьи: 26.11.2019

РЕФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ДЕТСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Алексей Анатольевич Гуменюк

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В работе анализируются основные направления модернизации детских садов и яслей в регионе Нижней Волги во второй половине 1950-х – середине 1980-х годов. *Методы.* Исследование базируется на использовании комплекса методологических приемов, включающих такие специальные методы исторической науки, как историко-сравнительный, статистический и количественный. *Материалы.* Статья основана на фактическом материале, извлеченном из фондов центральных и местных архивов, отчетной и делопроизводственной документаций, директивно-законодательных документов, статистических сборников. *Анализ.* Привлечение широкого массива статистических данных дало возможность осуществить ряд наблюдений и определить, что изучаемый регион к середине 1980-х гг. имел более высокие количественные показатели развития указанных учреждений как по сравнению с соседними областями и республиками Поволжского экономического района, так и республиканским и даже общесоюзным уровнями. *Результа-*

© Гуменюк А.А., 2020

ты. Делается вывод о том, что к весне 1985 г. услуги детских яслей и садов действительно стали более доступными жителям изучаемого региона. Если исходить из качественного критерия, то достигнутый к 1985 г. уровень обслуживания ими населения, даже несмотря на все имевшиеся в этом отношении достижения и успехи, не мог удовлетворить растущие потребности населения, особенно в сельской местности.

Ключевые слова: дети, детский сад, естественный прирост, жалоба, наказ, семья, учреждения материнства и детства.

Цитирование. Гуменюк А. А. Реформирование сети детских дошкольных учреждений в СССР во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 56–65. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.5

Введение. В 2017 г. уровень рождаемости в Российской Федерации превысил показатели 1997 г. более чем в 1,3 раза [36]. Указанная позитивная тенденция выступает важнейшим показателем эффективности реализации федеральной программы по решению демографической проблемы и служит важным стимулом для расширения сети детских дошкольных учреждений. Если в 1998 г. в РФ детские сады посещало лишь 53,9 % детей, то в 2017 г. этот показатель составил 64,6 %. В то же время этот процесс еще не до конца удовлетворяет потребности населения в этих учреждениях. Вне детских садов в 2017 г. находилось на 1,8 % больше детей, чем в 1990 году. Исследование, проведенное в 2017 г. учеными Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), показало, что нынешнее положение с обеспечением населения сетью дошкольных учреждений напоминает ситуацию 1990 г.: при сравнительно высоком охвате детей дошкольным образованием группы переполнены [6].

Вывод, сделанный исследователями РАНХиГС, выступает ярким свидетельством негативного влияния на российское общество утвердившейся с начала постсоветского этапа отечественной истории неолиберальной модели развития, пропагандирующей монетаристскую философию. Технология ее претворения в жизнь базируется прежде всего на минимизации роли государства в обществе, отказе от своих социальных функций. Таким образом, на наш взгляд, в РФ наблюдается отказ государства от выполнения своих социальных функций, хотя по Конституции Россия является именно социальным государством (ст. 7).

Особенно остро последствия функциональной трансформации государства россияне стали ощущать с началом в 2008 г. масштабного экономического кризиса, усугубленного санкционной политикой Запада в 2014 году. Эти два события окончательно разрушили иллюзии социальной защищенности населения и довольно высокого уровня жизни, поддерживаемые ранее высокими ценами на нефть даже после уничтожения производящих отраслей промышленности. Эти обстоятельства делают исключительно значимым и актуальным изучение проблем реформирования сети детских дошкольных учреждений во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. как важного направления советской социальной политики в условиях «полной автономности» советской экономики. К тому же именно это тридцатилетие было относительно спокойным, лишенным каких-либо социальных потрясений, периодом отечественной истории, когда была предпринята попытка тотального пересмотра взглядов на социализм как общественно-экономическую модель, направленную на удовлетворение социальных нужд трудящихся. Однако в современной исторической науке рассматриваемая в статье проблема так и не стала объектом самостоятельного исследования, выступая составной частью обобщающих работ по истории Отечества, отдельных регионов РФ и истории здравоохранения второй половины XX века.

После завершения Второй мировой войны в Европе стала ощущаться потребность в новой социальной политике, что выразилось в разработке и реализации ряда социальных программ помощи ее населению. Как первое в мире социалистическое государство, Советский Союз должен был бы стать лидером в этом процессе, однако тогдашнее советское

руководство рассматривало социальную политику как второстепенное направление внутренней политики страны. Исходя из сталинской формулы, ассоциирующей наступление социализма с достижением определенного уровня в развитии тяжелой промышленности, рассматриваемая сфера социального развития финансировалась, как и до войны, по остаточному принципу. Поэтому существовавшие на Нижней Волге детские дошкольные учреждения размещались в неприспособленных тесных помещениях, ощущался дефицит мебели, белья, посуды, игрушек. Имели место хищения продуктов. От родителей поступали жалобы на то, что их дети питались черствым хлебом, пили несладкий чай, не получали овощей и фруктов, мало потребляли молока и мяса. Из-за привлечения работников детских садов на полевые работы, хотя это законодательно было запрещено, многие сельские и районные детсады испытывали дефицит квалифицированных воспитателей и медработников [32, л. 17]. Санитарно-гигиенические нормы размещения детей в детских садах нарушались. Так, в Кировском районе г. Саратова в 1953 г. вместо положенных по нормам 468 детей в детсадах размещалось 530. В одном из сельских районов Саратовской области на одного ребенка в детском саду приходилось лишь 0,9 кв. м, что на 1,6 кв. м было ниже существовавших норм [3, л. 6, 81]. Нарушение утвержденных санитарной инспекцией нормативов вело к росту заболеваемости детей различными инфекционными заболеваниями, уровень которой нередко превышал средние по РСФСР показатели.

Методы и материалы. Исследование реформирования сети детских дошкольных учреждений базируется на использовании таких специальных методов исторической науки, как историко-сравнительный, статистический и количественный. С помощью историко-сравнительного метода удалось сопоставить ситуацию в рассматриваемом сегменте социального развития Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей и Калмыцкой АССР, в регионе Нижнего Поволжья и Российской Федерации в целом. Обращение к статистическому методу анализа источников позволило создать необходимый информативный фон исследования, а количественный анализ высказываний и жалоб, обнаруженных при обработке наказов избирателей, а также стенограмм партийных, профсоюзных конференций и сессий Советов различного уровня позволил составить пространственно-временную характеристику полученных данных. Выявленные характеристики дали возможность проиллюстрировать существовавшие различия в уровне обеспеченности услугами детских дошкольных учреждений населения отдельных административно-территориальных образований региона. Статья основана на фактическом материале, извлеченном из фондов центральных и местных архивов, отчетной документации, статистических сборников.

Анализ. Реформы системы учреждений материнства и детства в постсталинский период базировались на основных принципах социальной стратегии Советского государства, а именно стремлении обеспечить равные возможности всем категориям населения СССР в доступе к высококвалифицированным услугам указанных учреждений. Выработка необходимой для этого директивно-законодательной базы началась 12 августа 1953 г., когда Президиум ЦК КПСС в развитие предложенных Г.М. Маленковым на Пятой сессии Верховного Совета СССР мер принял решение о подготовке соответствующего постановления [2, л. 137]. Н.С. Хрущев как новый партийный лидер также в сентябре 1953 г. на Пленуме ЦК КПСС охарактеризовал те возможности, которые позволят колхозам в условиях начавшегося реформирования сельского хозяйства больше уделять внимания расширению сети детских дошкольных учреждений [8, с. 341, 344]. Эти учреждения предписывалось строить строго по типовым проектам, в том числе и в сельской местности. Малообеспеченные и многодетные семьи этими учреждениями должны были обслуживаться бесплатно. Это положение было внесено не только в соответствующий раздел принятой 31 октября 1961 г. на XXII съезде КПСС очередной программы партии [28, с. 96–97], но и в проект новой конституции, принятие которой планировалось осуществить в 1964 г. [31, с. 414].

Своим пристальным вниманием к проблемам модернизации детских дошкольных учреждений коллективное советское руковод-

ство демонстрировало приверженность общеевропейской политике по материальной поддержке молодых, многодетных и малообеспеченных семей. Необходимость существенного реформирования сети указанных учреждений была обусловлена и постепенным ростом рождаемости. С 1950 по 1960 г. естественный прирост населения Нижней Волги в среднем возрос в 1,2 раза, что было характерно и для других экономических районов РСФСР, например для Южного Урала (опережение этого региона Нижним Поволжьем в 1960 г. составляло всего 0,1 раза) [9, с. 63]. Наибольшее увеличение коэффициента естественного прироста населения наблюдалось в Калмыцкой АССР – в 1,6 раза. По этому показателю в середине 1960-х гг. республика занимала третье место в РСФСР [5, с. 49].

Опираясь на принятые в 1953–1964 гг. постановления партии и правительства, власти Нижнего Поволжья осуществили широкий комплекс мероприятий по улучшению функционирования указанных заведений (табл. 1).

Анализ данных этой таблицы показывает, что наиболее эффективно эта проблема решалась в Сталинградской (Волгоградской) области. Прирост сети детских дошкольных учреждений в этом субъекте РСФСР с 1950 по 1964 г. составил 2,5 раза, а число детей, обслуженных ими, возросло в 6,4 раза. На остальной территории региона первый показатель колебался от 1,4 раза (Астраханская область) до 1,9–2 раз (Саратовская область и Калмыцкая АССР). Показатели прироста охвата детей детскими садами и яслями-садами разнились от 3,4 раза (Астраханская область) до 3,6–3,8 раза (Саратовская область и Калмыцкая АССР).

Несмотря на значительную разницу характеристик развития сети дошкольных учреждений население региона выражало свое удовлетворение их деятельностью. Например, от жителей Саратовской области в 1961 г. в облсовет поступило всего 5,5 % различных жалоб по данной проблеме [13], в Верховный Совет Калмыцкой АССР в 1963 г. – только 6 % [11]. В областной совет депутатов трудящихся Волгоградской области за 1962–1965 гг. поступление таких наказов снизилось на 8,1 %, составив в 1965 г. всего 5,7 % [15; 16]. Как видно из данных таблицы 1, охват детей детскими учреждениями региона был выше аналогичного показателя в целом по Поволжскому экономическому району (в 1,7 раза) и республиканского уровня (более чем в 2 раза). При этом государство стремилось как можно в большем объеме взять на себя затраты на содержание детей в дошкольных детских учреждениях. Например, семьи саратовских рабочих за пользование услугами детских садов и яслей в третьем квартале 1955 г. заплатили в 1,2 раза меньше денежных средств, чем за аналогичный период 1954 г. [34, л. 285–286].

Однако в условиях сохранения приоритетного финансирования тяжелой и оборонной промышленности, роста расходов на оборону, средства, выделяемые государством

Таблица 1. **Детские сады и ясли Нижнего Поволжья в 1950–1964 гг.**

Table 1. **Kindergartens and nurseries of the Lower Volga region in 1950–1964**

Регион	1950 г.		1964 г.	
	Кол-во дошкольных учреждений	Численность детей в детских садах и яслях	Кол-во дошкольных учреждений	Численность детей в детских садах и яслях
Астраханская область	144	5 322	208	17 900
Сталинградская (Волгоградская) область	211	8 421	538	54 000
Саратовская область	365	16 373	683	58 900
Калмыцкая АССР	1957 г.		47	2 900
	23	769		
Поволжский экономический район	2 140	133 700	4 183	344 700
РСФСР	1958 г.		40 462	3 522 000
	25 472	1 653 800		

Примечание. Составлено по данным: [17, с. 60; 18, с. 126; 20, с. 498; 21, с. 494; 23, с. 423; 24, с. 256].

на развитие сети детских дошкольных учреждений, не позволяли довести уровень развития их материально-технической базы до рубежей, обозначенных в постановлениях, принятых партией и правительством. Так, жители Сталинградской (Волгоградской) области только за 1961 г. «недополучили детских яслей и садов на 1750 мест» [26, л. 59]. Число мест в таких учреждениях Калмыцкой АССР отставало от потребности населения в них в начале 1960-х гг. в 5 раз [35, л. 55]. Анализ количественных показателей в собранном нами материале по Саратовской области показывает, что если в 1953–1958 гг. делегатами партийных конференций и депутатами сессий советов различного уровня было высказано 77 жалоб по поводу дефицита сети детских садов, яслей и неудовлетворительного состояния функционировавших, то за 1959–1964 гг. – уже 145 таких высказываний.

Состоявшийся в марте 1965 г. Пленум ЦК КПСС дал старт новой программе реформ в стране, в ходе которых различные направления социальной сферы получили новые финансовые вливания, что позволило усилить прежде всего количественные показатели их развития. Этот процесс не обошел стороной и детские дошкольные учреждения. Например, в Астраханской области обеспеченность детей местами в дошкольных учреждениях только за 1970–1975 гг. возросла в 1,5 раза [25, с. 169]. В Саратовской области в 1965–1984 гг. этот показатель увеличился в 2,7 раза [1, с. 102; 4, л. 26]. Позитивные изменения в функционировании сети указанных учреждений региона являлись отражением стабилизации (начиная с 1970 г.) естественного прироста населения в регионе. По этому показателю особо выделялась Калмыцкая АССР, где в 1971–1973 гг. естественный прирост был выше среднего по СССР [7, с. 114]. Население региона весьма позитивно отзывалось о функционировании детских дошкольных учреждений. Так, в Астраханской области количество наказов, поданных жителями этого субъекта РСФСР с 1971 по 1973 г. снизилось на 1,7 % [12; 30].

Постепенное угасание импульса, который получила советская экономика в ходе реализации экономической реформы 1965 г., и обострение отношений между СССР и США в конце 1970-х гг. существенно ограничили финансовые возможности государства по выполнению взятых на себя социальных обязательств. Поэтому население Нижнего Поволжья ощущало нехватку детских садов и яслей, особенно в сельской местности. В функционировавших яслях и садах не хватало педагогов, медицинских работников, они плохо снабжались продуктами (имели место даже хищения), были упущения в организации питания воспитанников этих учреждений (трехразовое, а не четырехразовое питание, плохое качество продуктов, скудное меню, в основном состоящее из макаронных и мучных продуктов). Имеющаяся сеть детских дошкольных учреждений была переуплотнена. Например, в конце 1970-х гг. в Саратовской области в ясельных группах площадь на одного ребенка составляла всего 1,7–1,9 кв. м при норме 2,5 кв. м; в садиковых группах – 1,3 кв. м при норме 2–2,5 кв. м [29, л. 43]. Переуплотнение в детских комбинатах Михайловского, Палласовского, Суровикинского районов Волгоградской области в это время колебалось от 26 до 44 % [33, л. 139].

Таким образом, обострившиеся во второй половине 1970-х – середине 1980-х гг. проблемы, связанные с функционированием сети рассматриваемых учреждений, доказывают обоснованность жалоб женской части населения региона, адресованных в органы власти. Например, поступление таких жалоб в Саратовский областной совет депутатов трудящихся в период с 1976 по 1982 г. возросло в 1,5 раза [14; 27]. В то же время в указанный период по сравнению с первым постхрущевским десятилетием количество жалоб населения этой области на дефицит, низкие темпы строительства и необустроенность детских дошкольных учреждений сократилось в 2 раза. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. руководство данного субъекта РСФСР в своих выступлениях отмечало факт практически полной обеспеченности трудящихся области (в том числе и в сельской местности) услугами детских дошкольных учреждений. К началу 1985 г. этот показатель составлял 74 % [10, л. 54]. Данные архивных документов подтверждаются и статистическими сведениями (см. табл. 2).

Таблица 2. **Численность детей в детских учреждениях Нижней Волги в 1955–1985 гг.**

Table 2. **The number of children in children's institutions of the Lower Volga in 1955–1985**

Регион	Численность детей	
	1955 г.	1985 г.
Астраханская область	6 800	60 000
Сталинградская (Волгоградская) область	13 900	108 000
Саратовская область	18 400	161 000
Калмыцкая АССР	800 (1957 г.)	20 000
Поволжский экономический район	98 500	1 190 000
РСФСР	1 226 700	8 967 000

Примечание. Составлено по данным: [19, с. 355–356; 20, с. 498; 22, с. 267–269].

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет сделать вывод о том, что в среднем по региону темпы прироста охвата детей данными учреждениями с середины 1950-х гг. до конца рассматриваемого периода возросли в 12,5 раз, что превышало аналогичный показатель по Поволжскому экономическому району (в 12 раз). Наилучшим образом проблема обеспечения детского населения постоянными дошкольными учреждениями была решена в Калмыцкой АССР, где прирост их сети возрос в 25 раз, что было следствием повышенного внимания руководства РСФСР к этой республике в период ее воссоздания (1956–1959 гг.). На остальной территории региона указанный показатель колебался от 8 до 9 раз, что было выше аналогичного показателя в среднем по РСФСР (в 7 раз).

Результаты. Таким образом, во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. на территории Нижнего Поволжья проводились мероприятия по обеспечению доступности всем категориям населения услуг детских дошкольных учреждений, а малообеспеченным и многодетным семьям – на бесплатной основе. Оценить результативность предпринятых в предперестроечное тридцатилетие усилий по модернизации указанных учреждений можно по двум критериям – количественному и качественному. Первый показатель доказывает, что к 1985 г. по сравнению с серединой 1950-х гг. услуги детских яслей и садов стали доступны населению Нижнего Поволжья, проживавшему не только в городской, но и в сельской местности. Функционирование этих учреждений стало неотъемлемой частью повседневной жизни волжан. К тому же по количественным показателям развития сети детских дошкольных учреждений изучаемый регион к середине 1980-х гг. на 0,5 раза опережал соседние области и республики Поволжского экономического района. Анализ развития сети указанных учреждений на примере Нижнего Поволжья с позиций второго критерия показывает, что количественные характеристики их развития не приводили к повышению качества жизни волжан, особенно в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов. Данный тезис подтверждает приведенная выше динамика увеличения жалоб населения региона по поводу функционирования детских садов и яслей на протяжении указанных периодов. Таким образом, приведенный в статье анализ развития сети детских дошкольных учреждений убедительно доказывает, что к 1985 г. нижневолжский социум так и не достиг провозглашаемой руководством страны стадии «развитого социализма» и находился, скорее всего, лишь на ранней стадии становления «социалистической модели». Добиться более высоких показателей качества жизни советских людей не позволял дефицит экономических возможностей, порожденный противоречием между прогрессивно-перспективной моделью социальной политики и сохранявшимся на протяжении всего постсталинского периода приоритетным финансированием ВПК и отраслей, производящих станки и оборудование.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Саратовской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

НАРК – Национальный архив республики Калмыкия.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

ЦДНИВО – Центр документации новейшей истории Волгоградской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Л. Ф. Роль женщины в социально-экономической и политической сферах советского общества в 1945–1965 гг. (на материалах Саратовской области) : дис. ... канд. ист. наук / Васильева Лариса Ефимовна. – Саратов, 2004. – 247 с.

2. Выписка из протокола № 25 заседания Президиума ЦК КПСС (от 12 августа 1953 г.) // РГАНИ. – Ф. 3. – Оп. 31. – Д. 17. – 170 л.

3. Доклад о состоянии развития сети детских дошкольных учреждений Саратовской области в 1953 г. // ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 2. – Д. 2713. – 318 л.

4. Доклад о состоянии развития сети детских дошкольных учреждений Саратовской области в 1984 г. // ГАНИСО. – Ф. 6164. – Оп. 8-пр. – Д. 1385. – 52 л.

5. Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва, шестая сессия (27 июля 1966 г.) : стеногр. отчет. – Элиста : Калмиздат, 1966. – 66 с.

6. Исследование: детские сады в РФ недоступны для 35 % детей // TASS.RU. – 2017. – 21 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/4114004 (дата обращения: 10.04.2019). – Загл. с экрана.

7. Касимовский, Е. В. Роль производительности труда в повышении благосостояния народа на современном этапе / Е. В. Касимовский // Социалистический образ жизни и народное благосостояние. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. – С. 110–120.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). В 16 т. Т. 8. 1946–1955. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1985. – 542 с.

9. Леонтьева, Е. А. Социальная политика на Южном Урале в период правления Н.С. Хрущева : дис. ... канд. ист. наук / Леонтьева Евгения Анатольевна. – Оренбург, 2013. – 237 с.

10. Материалы к отчетному докладу на XVI Саратовской областной межсоюзной конференции профсоюзов (от 26 января 1985 г.) // ГАНИСО. – Ф. 6164. – Оп. 8. – Д. 1416. – 342 л.

11. Материалы по наказам избирателей депутатам Верховного Совета Калмыцкой АССР (от 20 апреля 1962 г.) // НАРК. – Ф. Р-1. – Оп. 4. – Д. 175. – 157 л.

12. Наказы избирателей кандидатам в депутаты областного Совета // ГААО. – Ф. Р-2233. – Оп. 15. – Д. 339. – 423 л.

13. Наказы избирателей депутатам областного Совета VIII созыва и материалы по их выполнению // ГАСО. – Ф. Р-1738. – Оп. 1. – Д. 1068. – 169 л.

14. Наказы избирателей депутатам областного Совета и материалы по их выполнению // ГАСО. – Ф. Р-1738. – Оп. 8. – Д. 1254. – 184 л.

15. Наказы и предложения избирателей, высказанные при встречах депутатов Верховного Совета СССР и областного Совета // ГАВО. – Ф. Р-2115. – Оп. 6. – Д. 1877. – 131 л.

16. Наказы и предложения избирателей, данные депутатам Облсовета в 1965 г. // ГАВО. – Ф. Р-2115. – Оп. 6. – Д. 2026. – 163 л.

17. Народное хозяйство Астраханской области : стат. сб. – Саратов : Госстатиздат, 1958. – 160 с.

18. Народное хозяйство Калмыцкой АССР : стат. сб. – Элиста : Калмиздат, 1960. – 137 с.

19. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. – М. : Госстатиздат, 1957. – 372 с.

20. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : стат. ежегодник. – М. : Госстатиздат, 1959. – 508 с.

21. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : стат. ежегодник. – М. : Статистика, 1965. – 576 с.

22. Народное хозяйство РСФСР в 1985 году : стат. ежегодник. – М. : Финансы и статистика, 1986. – 397 с.

23. Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти : стат. сб. – Саратов : Статистика, 1967. – 454 с.

24. Народное хозяйство Сталинградской области : стат. сб. – Саратов : Госстатиздат, 1957. – 319 с.

25. Основные направления развития производительных сил Астраханской области на период до 1990 года : науч. докл. – М. : Центр. науч.-исслед. эксперимент, Ин-т Госплана СССР, 1978. – 243 с.

26. Отчетный доклад Волгоградского областного совета профессиональных союзов за 1960–1961 гг. на VII Волгоградской областной межсоюзной конференции профсоюзов (2–3 марта 1962 г.) // ГАВО. – Ф. Р-523. – Оп. 1. – Д. 858. – 220 л.

27. Перечень наказов избирателей депутатам областного Совета депутатов // ГАСО. – Ф. Р-1738. – Оп. 8. – Д. 2014-а. – 190 л.

28. Программа Коммунистической партии Советского Союза : Принята XXII съездом КПСС. – М. : Политиздат, 1976. – 144 с.

29. Протокол V сессии Саратовского областного Совета (от 23 марта 1978 г.) // ГАСО. – Ф. Р-1738. – Оп. 8. – Д. 1429-а. – 70 л.

30. Протоколы предвыборных собраний избирателей, посвященных встрече с кандидатами в депутаты областного совета депутатов трудящихся // ГААО. – Ф. Р-2233. – Оп. 15. – Д. 514. – 478 л.

31. Пыжиков, А. В. Хрущевская «оттепель» / А. В. Пыжиков. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 511 с.

32. Работа организационно-методических кабинетов областных и республиканских больниц по лечебно-профилактической помощи детям. Роль и организационные формы работы детского отделения больницы : докл. на Всерос. совещ. гл. врачей респ., краев., обл. больниц по обмену опытом работы 25–29 окт. 1955 г. // ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 50. – Д. 213. – 202 л.

33. Справка о состоянии воспитания и обслуживания детей в дошкольных учреждениях области в свете требований XXV съезда КПСС (от 27 июля 1976 г.) // ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 98. – Д. 83.– 154 л.

34. Статистические итоговые данные обследования бюджетов рабочих и колхозников по Саратовской области за III квартал 1955 г. (докладная записка на имя секретаря Саратовского обкома КПСС Г. А. Боркова) // ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 2. – Д. 3212. – 347 л.

35. Стенограмма V областной межсоюзной конференции профсоюзов Калмыцкой АССР (от 7 сентября 1965 г.) // НАРК. – Ф. Р-13. – Оп. 4. – Д. 22. – 209 л.

36. Таблица рождаемости по годам (Россия). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://worldtable.info/gosudarstvo/tablica-rozhdaemosti-po-godam-rossija.html (дата обращения: 10.04.2019).

REFERENCES

1. Vasileva L. *Rol zhenshchiny v sotsialno-ekonomicheskoy i politicheskoy sferakh sovetskogo obshchestva v 1945–1965 gg. (na materialakh Saratovskoy oblasti): diss. kand. ist. nauk* [The Role of Women in the Socio-Economic and Political Spheres of Soviet Society in 1945–1965 (On Materials of Saratov Region). Cand. hist. sci. diss.]. Saratov, 2004. 247 p.

2. *Vypiska iz protokola № 25 zasedaniya Prezidiuma TsK KPSS (ot 12 avgusta 1953 g.)* [Extract from the Minutes no. 25 of the Meeting of the Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (August 12, 1953)]. *RGANI* [Russian State Archive of Recent History], F. 3, Op. 31, D. 17. 170 l.

3. *Doklad o sostoyanii razvitiya seti detskikh doshkolnykh uchrezhdeniy Saratovskoy oblasti v 1953 g.* [Report on the State of Development of the Network of Preschool Institutions for Children in Saratov Region in 1953]. *GANISO* [State Archive of Recent History of Saratov Region], F. 594, Op. 2, D. 2713. 318 l.

4. *Doklad o sostoyanii razvitiya seti detskikh doshkolnykh uchrezhdeniy Saratovskoy oblasti v 1984 g.* [Report on the State of Development of the Network of Preschool Institutions in Saratov Region in 1984]. *GANISO* [State Archive of Recent History of Saratov Region], F. 6164, Op. 8-pr., D. 1385. 52 l.

5. *Zasedaniya Verkhovnogo Soveta Kalmytskoy ASSR tretyego sozyva, shestaya sessiya (27 iyulya 1966 g.): stenogr. otchet* [Meetings of the Supreme Council of the Kalmyk ASSR of the Third Convocation, Sixth Session (July 27, 1966). Verbatim Record]. Elista, Kalmizdat Publ., 1966. 66 p.

6. *Issledovanie: detskie sady v RF nedostupny dlya 35 % detey* [Study: Kindergartens in Russia Are not Available for 35% of Children]. URL: https://tass.ru/obschestvo/4114004 (accessed 10 April 2019).

7. Kasimovsky E. Rol proizvoditelnosti truda v povyshenii blagososotoyaniya naroda na sovremennom etape [Role of Labor Productivity in Improving the Well-Being of the People at the Present Stage]. *Sotsialisticheskiy obraz zhizni i narodnoe blagososotoyanie* [Socialist Way of Life and People's Welfare]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1975, pp. 110-120.

8. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1988). V 16 t. T. 8. 1946–1955* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1998–1988). In 16 Vols. Vol. 8. 1946–1955]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 542 p.

9. Leontyeva E. *Sotsialnaya politika na Yuzhnom Urale v period pravleniya N.S. Khrushcheva: dis. ... kand. ist. nauk* [Social Policy in the Southern Urals During the Rule of N.S. Khrushchev. Cand. hist. sci. diss.]. Orenburg, 2013. 237 p.

10. *Materialy k otchetnomu dokladu na XVI Saratovskoy oblastnoy mezhsoyuznoy konferentsii profsoyuzov (ot 26 yanvarya 1985 g.)* [Materials to the Report at the 16th Saratov Regional Inter-Union Conference of Trade Unions (Dated January 26, 1985)]. *GANISO* [State Archive of Recent History of Saratov Region], F. 6164, Op. 8, D. 1416. 342 l.

11. *Materialy po nakazam izbirateley deputatam Verkhovnogo Soveta Kalmytskoy ASSR (ot 20 aprelya 1962 g.)* [Materials on the Orders of Voters to Deputies of the Supreme Soviet of the Kalmyk ASSR (Dated April 20, 1962)]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], F. P-1, Op. 4, D. 175. 157 l.

12. Nakazy izbirateley kandidatam v deputaty oblastnogo Soveta [Voters Orders for Candidates for Deputies of the Regional Council]. *GAAO* [State Archive of Astrakhan Region], F. R-2233, Op. 15, D. 339. 423 l.

13. Nakazy izbirateley deputatam oblastnogo Soveta VIII sozyva i materialy po ikh vypolneniyu [Voters Orders to Deputies of the Regional Council of

the 8th Convocation and Materials on Their Implementation]. *GASO* [State Archive of Saratov Region], F. R-1738, Op. 1, D. 1068. 169 l.

14. Nakazy izbirateley deputatam oblastnogo Soveta i materialy po ikh vypolneniyu [Voters Orders to Deputies of the Regional Council and Materials on Their Implementation]. *GASO* [State Archive of Saratov Region], F. R-1738, Op. 8, D. 1254. 184 l.

15. Nakazy i predlozheniya izbirateley, vyskazannye pri vstrechakh deputatov Verkhovnogo Soveta SSSR i oblastnogo Soveta [Orders and Proposals of Voters Expressed at Meetings of Deputies of the Supreme Soviet of the USSR and the Regional Council]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-2115, Op. 6, D. 1877. 131 l.

16. Nakazy i predlozheniya izbirateley, dannye deputatam Oblsoveta v 1965 g. [Orders and Proposals of Voters Given to the Deputies of the Regional Council in 1965]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-2115, Op. 6, D. 2026. 163 l.

17. *Narodnoe khozyaystvo Astrakhanskoy oblasti: stat. sb.* [National Economy of Astrakhan Region. Statistical Collection]. Saratov, Gosstatizdat, 1958. 160 p.

18. *Narodnoe khozyaystvo Kalmytskoy ASSR: stat. sb.* [National Economy of the Kalmyk ASSR. Statistical Collection]. Elista, Kalmizdat, 1960. 137 p.

19. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR: stat. sb.* [National Economy of the RSFSR. Statistical Collection]. Moscow, Gosstatizdat, 1957. 372 p.

20. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1958 godu: stat. ezhegodnik* [National Economy of the RSFSR in 1958. Statistical Yearbook]. Moscow, Gosstatizdat, 1959. 508 p.

21. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1964 godu: stat. ezhegodnik* [National Economy of the RSFSR in 1964. Statistical Yearbook]. Moscow, Statistika Publ., 1965. 576 p.

22. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1985 godu: stat. ezhegodnik* [National Economy of the RSFSR in 1985. Statistical Yearbook]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1986. 397 p.

23. *Narodnoe khozyaystvo Saratovskoy oblasti za 50 let Sovetskoy vlasti: stat. sb.* [National Economy of Saratov Region for 50 Years of the Soviet Power. Statistical Collection]. Saratov, Statistika Publ., 1967. 454 p.

24. *Narodnoe khozyaystvo Stalingradskoy oblasti: stat. sb.* [National Economy of Stalingrad Region. Statistical Collection]. Saratov, Gosstatizdat, 1957. 319 p.

25. *Osnovnye napravleniya razvitiya proizvoditelnykh sil Astrakhanskoy oblasti na period do 1990 goda: nauch. dokl.* [Main Directions in Development of Productive Forces of Astrakhan Region for the Period till 1990. Scientific Report]. Moscow, Tsentralnyy nauchno-issledovatelskiy eksperiment Publ., Institut Gosplana SSSR, 1978. 243 p.

26. Otchetnyy doklad Volgogradskogo oblastnogo soveta professionalnykh soyuzov za 1960–1961 gg. na VII Volgogradskoy oblastnoy mezhsoyuznoy konferentsii profsoyuzov (2–3 marta 1962 g.) [Summary Report of the Volgograd Regional Council of Trade Unions for 1960–1961 at the 7th Volgograd Regional Inter-Union Conference of Trade Unions (March 2–3, 1962)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], F. R-523, Op. 1, D. 858. 220 l.

27. Perechen nakazov izbirateley deputatam oblastnogo Soveta deputatov [List of Voters Orders to Deputies of the Regional Council]. *GASO* [State Archive of Saratov Region], F. R-1738, Op. 8, D. 2014-a. 190 l.

28. *Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: Prinyata XXII syezdom KPSS* [Program of the Communist Party of the Soviet Union. Adopted by the 22nd Congress of the CPSU]. Moscow, Politizdat, 1976. 144 p.

29. Protokol V sessii Saratovskogo oblastnogo Soveta (ot 23 marta 1978 g.) [Minutes of the 5th Session of the Saratov Regional Council (Dated March 23, 1978)]. *GASO* [State Archive of Saratov Region], F. R-1738, Op. 8, D. 1429-a. 70 l.

30. Protokoly predvybornykh sobraniy izbirateley, posvyashchennykh vstreche s kandidatami v deputaty oblastnogo soveta deputatov trudyashchikhsya [Protocols of Electoral Assemblies of Voters Devoted to a Meeting with Candidates for Deputies of the Regional Council of Deputies of Workers]. *GAAO* [State Archive of Astrakhan Region], F. R-2233, Op. 15, D. 514. 478 l.

31. Pyzhikov A. *Khrushchevskaya «ottepel»* [Khrushchevs "Thaw"]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 511 p.

32. Rabota organizatsionno-metodicheskikh kabinetov oblastnykh i respublikanskikh bolnits po lechebno-profilakticheskoy pomoshchi detyam. Rol i organizatsionnye formy raboty detskogo otdeleniya bolnitsy: dokl. na Vseros. soveshch. gl. vrachey resp., kraev., obl. bolnits po obmenu opytom raboty 25–29 okt. 1955 g. [The Work of Organizational and Methodological Offices of Regional and Republican Hospitals on Treatment-and-Prophylactic Care for Children. The Role and Organizational Modalities of the Childrens Department in Hospitals (Report at the All-Russian Meeting of the Chief Doctors of the Republican, Krai and Regional Hospitals to Share Experience of Work on October 25–29, 1955)]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. A-482, Op. 50, D. 213. 202 l.

33. Spravka o sostoyanii vospitaniya i obsluzhivaniya detey v doshkolnykh uchrezhdeniyakh oblasti v svete trebovaniy XXV syezda KPSS (ot 27 iyulya 1976 g.) [Information Sheet on the State of Upbringing and Care of Children in Preschool Institutions of the Region in the Light of the

Requirements of the 25th Congress of the CPSU (Dated July 27, 1976)]. *TsSDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], F. 113, Op. 98, D. 83. 154 l.

34. Statisticheskie itogovye dannye obsledovaniya byudzhetov rabochikh i kolkhoznikov po Saratovskoy oblasti za III kvartal 1955 g. (dokladnaya zapiska na imya sekretarya Saratovskogo obkoma KPSS G. A. Borkova) [Statistical Data of a Survey on the Budgets of Workers and Collective Farmers in Saratov Region for the Third Quarter of 1955 (Memorandum Addressed to the Secretary of the Saratov Regional Committee of the CPSU, G.A. Borkov)]. *GANISO* [State Archive of Recent History of Saratov Region], F. 594, Op. 2, D. 3212. 347 l.

35. Stenogramma V oblastnoy mezhsoyuznoy konferentsii profsoyuzov Kalmytskoy ASSR (ot 7 sentyabrya 1965 g.) [Transcript of the 5th Regional Inter-Union Conference of Trade Unions of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic (Dated September 7, 1965)]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], F. R-13, Op. 4, D. 22. 209 l.

36. *Tablitsa rozhdaemosti po godam (Rossiya)* [Table of Birth Rate by Year (Russia)]. URL: https://worldtable.info/gosudarstvo/tablica-rozhdaemosti-po-godam-rossija.html (accessed 10 April 2019).

Information About the Author

Alexey A. Gumenyuk, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Domestic History and Historiography, Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation, GumenukAA@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7024-2142

Информация об авторе

Алексей Анатольевич Гуменюк, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, GumenukAA@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7024-2142

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.6

UDC 94(47).084.8
LBC 63.3(2)622,12

Submitted: 11.02.2020
Accepted: 20.03.2020

16th MECHANIZED BRIGADE OF THE 7th MECHANIZED CORPS IN THE PYATIKHAT OPERATION OF 1943

Dmitry I. Tushkanov

Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky, Russian Federation

Igor V. Tushkanov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Pyatikhat offensive operation of the Steppe (2nd Ukrainian) front completes a series of major battles in 1943, but it remains poorly studied, especially on the issue of the actions of individual units (corps, divisions, and brigades). *Methods and materials.* Declassification of a large set of archival materials allows gradually eliminating this gap in the historiography of the Great Patriotic War. Conducting an objective analysis of combat logs, comparing them with previously published sources has allowed considering the participation of the 16th mechanized brigade in the first stage of the Pyatikhat operation from October 15 to November 5, 1943. *Analysis.* The article discusses the process of forming and training of the brigade in July-September, the breakthrough of the German defense, the liberation of the city of Pyatikhat and other localities from October 15 to 21, 1943, defensive battles on the approaches to Krivoy Rog (from October 21 to November 4, 1943). *Results.* For the 16th mechanized brigade formed in summer 1943, participation in this operation was a real baptism of fire. Together with other brigades of the 7th mechanized corps, it actively participated in the liberation of the city of Pyatikhatka and other localities. At the same time, soldiers of the brigade showed mass heroism, breaking through the defense of the Nazis and destroying enemy's equipment. Then, retreating slightly under the counterattacks of fresh German units, the 16th MB steadfastly and courageously defended the lines assigned to it. The analysis of the ratio of losses of the brigades personnel and similar damage to the enemy shows that in the Pyatikhat operation, the 16th mechanized brigade performed its task with high efficiency, and most of its officers proved themselves competent commanders and courageous soldiers.

Key word: Great Patriotic War, Lower Dnieper strategic offensive operation, Pyatikhat operation, 7th mechanized corps, 16th mechanized brigade.

Citation. Tushkanov D.I., Tushkanov I.V. 16th Mechanized Brigade of the 7th Mechanized Corps in the Pyatikhat Operation of 1943. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 66-76. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.6

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,12

Дата поступления статьи: 11.02.2020
Дата принятия статьи: 20.03.2020

16-я МЕХАНИЗИРОВАННАЯ БРИГАДА 7-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА В ПЯТИХАТСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1943 ГОДА

Дмитрий Игоревич Тушканов

Волжский институт экономики, педагогики и права, г. Волжский, Российская Федерация

© Тушканов Д.И., Тушканов И.В., 2020

Игорь Валентинович Тушканов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Пятихатская наступательная операция Степного (2-го Украинского) фронта завершает череду крупных сражений 1943 года. На сегодняшний день она остается малоизученной, особенно в вопросе о действиях отдельных частей (корпусов, дивизий, бригад). Рассекречивание большого комплекса архивных материалов позволяет постепенно ликвидировать этот пробел в историографии Великой Отечественной войны. Проведение объективного анализа журналов боевых действий, сравнение с ранее опубликованными источниками позволило рассмотреть участие 16-й механизированной бригады на первом этапе Пятихатской операции с 15 октября по 5 ноября 1943 года. В статье изучаются процесс формирования и подготовки бригады в июле–сентябре, прорыв немецкой обороны, освобождение г. Пятихатки и других населенных пунктов с 15 по 21 октября 1943 г., оборонительные бои на подступах к Кривому Рогу (с 21 октября по 4 ноября 1943 г.). Введенные в научный оборот материалы показывают героизм и мужество бойцов бригады, достаточно эффективное руководство боевыми действиями офицеров бригады и всего командования 7-го механизированного корпуса. *Вклад авторов*. Д.И. Тушкановым изучена историография и опубликованные источники по теме исследования, проанализирована история формирования 16-й механизированной бригады и ее взаимодействие с другими частями 7-го механизированного корпуса. И.В. Тушкановым на основе журнала боевых действий рассмотрена боевая деятельность и взаимодействие подразделений бригады в ходе Пятихатской наступательной операции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Нижнеднепровская стратегическая наступательная операция, Пятихатская операция, 7-й механизированный корпус, 16-я механизированная бригада.

Цитирование. Тушканов Д. И., Тушканов И. В. 16-я механизированная бригада 7-го механизированного корпуса в Пятихатской операции 1943 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 66–76. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.6

Введение. История Великой Отечественной войны не потеряет свою актуальность для исследователей и читателей не только потому, что эта война стала самой кровопролитной в нашей истории, но и по причине отсутствия описания боевых действий множества частей и соединений Красной армии и их участия в различных операциях, как широко, так и мало известных. К числу последних относится Пятихатская операция 2-го Украинского (до 20 октября 1943 г. – Степного) фронта, проводившаяся с 15 октября по 23 ноября 1943 г., как часть Нижнеднепровской стратегической наступательной операции 1943 года. В результате наши войска продвинулись вперед почти на 100 км и вышли на ближайшие подступы к Кривому Рогу и Кировограду. Правобережный плацдарм Красной армии на Нижнем Днепре стал стратегическим, что обеспечило освобождение юга Правобережной Украины в 1944 г. [1, с. 637]. Не претендуя на полное освещение Пятихатской наступательной операции (что невозможно сделать в одной статье), авторы данной статьи ставят своей задачей рассмотреть боевые действия 16-й мехбригады (далее – 16-й МБр) 7-го мехкорпуса (далее – 7-го МК), бойцы которой одни из первых ворвались в г. Пятихатки – крупный железнодорожный узел, важнейший центр в системе немецкой обороны.

Методы и материалы. Значительное расширение круга архивных источников по истории отдельных частей и соединений (журналов боевых действий, описание боевой деятельности, мемуаров и т. д.), доступных исследователям, позволяет тщательно изучить сражения Великой Отечественной войны, проанализировав действия и взаимодействие отдельных частей в ходе оборонительных и наступательных операций. Комплексное изучение различных источников позволило рассмотреть ход боевых действий на разных уровнях (отдельные военнослужащие – подразделения – части – соединения).

Необходимость таких исследований назрела уже давно. Например, на сегодняшний день Пятихатская операция изучена недостаточно. В 1961 г. в 6-томном издании по истории войны упоминается освобождение Пятихаток в рамках Криворожской операции [7, с. 347–350]. В коллективном труде, посвященном боевому пути 5-й гвардейской танковой

армии, описываются действия армии в Пятихатской операции [2, с. 86–114]. Рассмотрена данная битва в воспоминаниях советских полководцев И.С. Конева [9, с. 67–74], А.С. Жадова [3, с. 134–141], П.А. Ротмистрова [11, с. 246–252]. Подробно роль 7-го механизированного корпуса в операции исследована С.А. Погребным [10, с. 9–17]. В 2012 г. в 3-м томе 12-томной «Истории Великой Отечественной войны» Пятихатская операция показана в общих чертах на основе вышеуказанных воспоминаний [1, с. 635–637]. Но ее полноценных исторических исследований пока нет. При том, что в имеющихся трудах действия армий, корпусов и дивизий описываются достаточно подробно, более мелкие боевые единицы (бригады, полки, батальоны) часто упоминаются вскользь в отдельных эпизодах воспоминаний и монографий.

Применение проблемно-хронологического метода позволило изучить боевые действия конкретной бригады во взаимосвязи других фактов и событий Пятихатской операции. Системно-структурный метод способствовал целостному анализу действий как более крупных соединений (корпуса, армии), так и подразделений бригады (батальонов, рот, взводов). Ретроспективный метод позволил раскрыть историческую реальность, деятельность отдельных людей, последовательность изменений на основе причинно-следственных связей, установить некоторые закономерности. Статистический метод использовался при анализе численного состава, количество вооружения и боеприпасов, соотношения потерь.

Анализ. 7-й МК, сформированный 1 августа 1943 г. в Костеревских танковых лагерях под Москвой, предназначался для прорыва хорошо укрепленной обороны противника. В его составе, помимо вспомогательных частей, были три мехбригады (16-я, 63-я и 64-я) и 41-я гвардейская танковая бригада [12].

Командиром 16-й МБр был полковник А.М. Железняк, начальником штаба – майор Х.Л. Егудкин [4, л. 3]. В течение августа и сентября 1943 г. офицеры и бойцы бригады активно занимались «боевой и политической подготовкой по сколачиванию бригад и их штабов, добиваясь при этом слаженной работы штабов батальонов, полков бригады по управлению войсками в современном бою» [5, л. 55], причем особое внимание уделялось проведению операций прорыва обороны противника. Впоследствии бывший командир пулеметного взвода старшина М.Л. Гершман отмечал: «Подготовили нас хорошо, ведь боеприпасов для тренировок было достаточно» [8]. Его воспоминания ценны тем, что описывают ситуацию со стороны рядовых бойцов и младших командиров.

В состав 16-й МБр вошли три мотострелковые батальона (командир 1-го МСБ – капитан Ф.П. Вакатов, командир 2-го МСБ – майор И.Д. Кокоев, командир 3-го МСБ – майор Денисов), артиллерийский дивизион (капитан В.П. Теплов), минометный батальон (капитан В.М. Сайко), 240-й танковый полк (майор В.С. Шекуров), роты: управления, разведки, противотанковых ружей, автоматчиков, автомобильная, техобеспечения, инженерно-минная, зенитно-пулеметная; медсанвзвод и комендантский взвод [4, л. 3]. К 30 сентября 1943 г. бригада имела в своем составе 369 офицеров, 1 173 сержантов, 2 101 рядового, 35 танков Т-34, 248 автомашин, 12 пушек (45 мм), 12 пушек (76 мм), 6 минометов (120 мм), 30 минометов (82 мм) [4, л. 2–3]. На вооружении бойцов также были станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья, автоматы ППШ и ППД, винтовки.

С 1 октября корпус начал передислокацию по железной дороге и через две недели сосредоточился в д. Хандилеевка Полтавской области, где вошел в оперативное подчинение 5-й Гвардейской танковой армии (командующий – П.А. Ротмистров) [5, л. 56 об.]. Вечером 13 октября 16-я МБр первая из частей корпуса приступила к переправе через Днепр и к утру следующего дня закрепилась южнее Днепрокаменки [4, л. 5], причем командир бригады полковник А.М. Железняк сразу получил устный боевой приказ от командующего фронтом И.С. Конева объединить все части корпуса, переправившиеся через Днепр и быть готовым к выступлению.

Утром 15 октября после мощной артподготовки и бомбардировки войска Степного фронта начали наступление на позиции немцев. Впоследствии И.С. Конев вспоминал: «Находясь на наблюдательном пункте П.А. Ротмистрова, я видел, что оборона врага под натис-

ком наших войск ломается, и решил для ускорения прорыва во второй половине дня ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию <...> В 15 час. в полосе 37-й армии был введен в бой 7-й механизированный корпус» [9, с. 69]. В его составе в прорыв пошла 16-я МБр.

На подходе к с. Мишурин Рог бригада была встречена сильным артиллерийским и минометным огнем противника, а также подвергнута бомбардировкам, что вынудило ее принять боевой порядок. 1-й МСБ пошел левее шоссе Мишурин Рог – Верхне-Каменистая, 2-й МСБ наступал правее этого шоссе, танковый полк направлялся в боевых порядках мотострелковых батальонов, артиллерия и минометы продвигались вслед за атакующими частями [4, л. 6–7]. Немцы активно контратаковали наши войска, используя танки и пехоту, но части бригады, успешно громя и отбрасывая противника, достигли его минных заграждений в 4–5 рядов [5, л. 56 об.], где были вынуждены задержаться на полтора часа. Журнал боевых действий 7-го МК сообщает: «В 19.00 успешно преодолев минные заграждения, несмотря на сильную бомбардировку с воздуха боевых порядков, корпус продолжал успешно продвигаться в двух направлениях» [5, л. 56 об.]. 16-я МБр вместе с 3-м танковым батальоном 41-й гвардейской танковой бригады составляла левую колонну наступающих войск в направлении с. Васильевка и Верхне-Каменистая.

Несмотря на ожесточенное сопротивление немцев, наступление бригады продолжалось и ночью. В полночь бойцы батальона капитана Ф.П. Вакатова при поддержке танков атаковали укрепленный узел сопротивления противника, ликвидировав при этом 5 танков, 7 автомашин, около 40 солдат и офицеров, потеряв 29 убитыми и 69 ранеными. Батальон майора И.Д. Кокоева наступал правее 1-го МСБ, уничтожил 2 танка, 3 автомашины и до 20 солдат и офицеров противника. Его потери составили: 13 убитых и 29 раненых [4, л. 7]. Затем, не давая немцам закрепиться для обороны, оба батальона вышли к 8 ч утра 16 октября в район Безымянных высот чуть южнее д. Михайловка. 3-й МСБ оставался в резерве командира бригады [4, л. 8]. Затем наступление бригады, как и других частей корпуса, замедлилось в связи с организованным артиллерийским и пулеметным огнем гитлеровцев, а также их контратаками.

В журнале боевых действий 16-й МБр указывалось: «В течение дня 16.10.43. противник, проявляя большую активность танками и авиацией, совершил 4 массированных налета на части бригады в районе сосредоточения – до 140 самолето-вылетов» [4, л. 8]. В целом, несмотря на трудные погодные условия (дождливая погода, грязь) и сопротивление врага, прорыв немецкой обороны был завершен, и началось наступление непосредственно на г. Пятихатки.

В результате двухдневных боев части 16-й МБр уничтожили до 150 солдат и офицеров противника, в плен взяли 2 гитлеровцев, подбили 8 танков и около 30 автомашин. При этом бригада потеряла убитыми 81 человека, ранеными – 175, 10 танков и четыре 45-миллиметровые пушки [4, л. 8]. Наши части были вынуждены буквально прорываться через оборону немцев, которые оказывали ожесточенное сопротивление (о чем говорят и цифры потерь, и мизерное количество пленных). Штаб 7-го МК отмечал: «Офицерский, сержантский и рядовой состав корпуса, проявляя мужество и настойчивость, сохраняя горючее и материальную часть – продолжали продвигаться вперед. Командующий войсками 5-й Гвардейской танковой армии... остался доволен действиями корпуса и приказал отличившихся представить к награждению» [5, л. 56]. В боях под Михайловкой среди отличившихся бойцов руководство бригады особо выделило роту старшего лейтенанта Кузнецова, которая уничтожила 5 немецких танков, а также роту старшего лейтенанта Чайкина, отбившую две контратаки противника, уничтожив до 20 немцев [4, л. 8], при этом сам Чайкин погиб смертью храбрых.

Вечером 16 октября командир 16-й МБр получил приказ наступать на с. Верхне-Каменистая, а затем продвигаться вперед и «к исходу дня 17.10.43 овладеть г. Пятихатки» [4, л. 9]. Части бригады с 8 ч утра перешли в наступление, обходя двумя мотострелковыми батальонами (2-м и 3-м) Верхне-Каменистую. Т-34 танкового полка шли впереди в боевых порядках атакующих рот, а минометный батальон и артиллерийский дивизион находились на опорном пункте южнее Михайловки и вели

огонь по узлу сопротивления немцев. Стремительный натиск наших бойцов увенчался успехом, и уже к 11 ч Верхне-Каменистая была освобождена. При этом части бригады уничтожили до 300 солдат и офицеров противника, подбили 9 танков, в том числе 4 тяжелых, 28 автомашин, захватили 2 дальнобойных орудия и 1 шестиствольный миномет, потеряв убитыми 63 человек, ранеными – 140, 8 танков, 7 автомашин и 3 бронемашины [4, л. 9]. Надо отметить, что наступление на Верхне-Каменистую было очень хорошо организовано. Это привело к значительному успеху при относительно меньших потерях, чем в предшествующих боях.

При освобождении Верхне-Каменистой особо отличились «части капитана Ф.П. Вакатова, майора И.Д. Кокоева и много других офицеров, сержантов и рядовых, показавших образцы отваги и боевой выучки, которые представляются командованием к правительственным наградам» [4, л. 9]. Среди них начальник штаба 16-й МБр Х.Л. Егудкин выделил: младшего лейтенанта Тарнопольского, взвод которого подавил три вражеские огневых точки; старшину Чернова, первого ворвавшегося в немецкие траншеи; красноармейца-пулеметчика Ястребова; красноармейца И.Ф. Наводского, подбившего танк «Тигр»; лейтенанта Ф.Ф. Подрейного, уничтожившего самоходную артиллерийскую установку.

Овладев Верхне-Каменистой, части бригады продолжили вести наступательные бои и в течение 17 и 18 октября освободили с. Петровка, Буденовка, Ворошиловка, Первомайское, Виноградовка, Чистополье, а к вечеру 18 октября вышли к г. Пятихатки. Авангард в составе 1-го и 2-го МСБ при поддержке танков в 9 ч вечера вел бой с противником уже непосредственно в Пятихатках. Остальные части подтягивались, за исключением артдивизиона и минбатальона, которые из-за отсутствия горючего серьезно отстали [4, л. 10]. Видимо, наступление бригады было столь стремительно, что тыловики не успевали подвозить топливо для автомобилей, так как главной задачей было обеспечить горючим и боеприпасами танки.

Немцы, используя имеющиеся самоходные артиллерийские установки «Фердинанд» и бронепоезд, всеми силами пытались удержать столь важный опорный пункт и ж/д узел, но наши части в составе 1-го, 2-го МСБ при активном содействии танков в 23 ч 18 октября стремительными ударами с севера и запада выбили противника и освободили Пятихатки [4, л. 10]. Штаб корпуса отметил, что «в боях отличились: 41-я Гвардейская танковая бригада, 16-я механизированная бригада» [5, л. 57]. Гитлеровцы, оставив город, продолжили беспорядочно отступать на юго-запад. Бойцы 16-й МБр при освобождении Пятихаток захватили 8 ж/д эшелонов с боеприпасами, транспортом и продовольствием, в том числе 1 эшелон с исправными германскими танками и 1 эшелон раненых немцев. Помимо этого, трофеи бригады составили 24 танка, 6 тяжелых орудий, 160 автомашин, 25 мотоциклов, 2 склада с горючим, 1 склад с боеприпасами. В боях 17–18 октября части 16-й МБр уничтожили до 200 захватчиков, взяли в плен 3 немцев (не считая эшелона с ранеными), подбили 5 танков, 3 орудия и много пулеметов [4, л. 10]. Сама 16-я МБр «потеряла убитыми 63 человек, раненными – 127; 3 танка, одну 45-мм пушку, 4 автомашины» [4, л. 11]. Соотношение потерь обороняющихся немцев и наступающих наших частей, перечень захваченных трофеев, показывают, что германское командование планировало держать Пятихатки во чтобы то ни стало, но наши войска своим стремительным наступлением с использованием охвата города с двух сторон сумели освободить его быстро и относительно с небольшими потерями.

По мнению командования бригады, в боях за овладение Пятихатками и другими населенными пунктами отличились: капитан Д.В. Трифонов, который при взятии с. Запорожье принял на себя командование ротой и повел ее вперед; командир 3-й роты 1-го МСБ лейтенант И.М. Саулов; старший лейтенант И.И. Сытченко, командир роты, которая захватила в Виноградовке 8 автомашин и склад боеприпасов; красноармеец Ф.В. Носков, первый ворвавшийся в траншеи под Васильевкой и лично уничтоживший двух гитлеровцев; старший сержант Хрипков и красноармеец Сидоров, показавшие отличную боевую выучку; младший лейтенант Яглыев, взвод которого первым вошел в Пятихатки; сержант Еликов подбивший танк из ПТР; сержант Г.А. Собо-

лев и красноармеец К.К. Самохин, подбившие по 2 танка из ПТР [4, л. 11]. Помимо перечисленных героев, еще много офицеров, сержантов и рядовых показывали образцы отваги и мужества в боях за Родину.

К утру 19 октября основные части бригады вышли в район совхоза «Заря коммунизма» (западнее на 2 км от Пятихаток) и заняли вокруг него временную оборону [4, л. 11], после обеда туда же подтянулись артдивизион и минометный батальон. Вечером этого дня 7-й МК получил задачу атаковать немецкие позиции на подступах к Кривому Рогу и освободить этот город [5, л. 57 об.]. Ее выполнение началось уже на следующий день.

В соответствии с полученным приказом в 11 ч 20 октября части бригады выступили на Кривой Рог, имея впереди разведку и боевое охранение в составе взвода ПТР и инженерно-минной роты [4, л. 12]. Немцы оказывали упорное сопротивление нашим наступающим частям «ведя усиленный артиллерийский и минометный огонь, предпринимая контратаки мелких групп пехоты» [5, л. 57 об.]. Ситуацию усугубили сильные дожди, сделавшие местные дороги труднопроходимыми для всех видов транспорта и недостаток горючего. В связи с этим утром 21 октября 7-му МК была поставлена новая задача «атакой танковой бригады с мотопехотой в направлении на Андреевку, Чумаковку – окружить и уничтожить противника в районе Саксагань, после чего сосредоточиться в районе Красный Кут, имея в виду наступать на Кривой Рог» [5, л. 58]. Атака всех бригад корпуса началась в 8 ч утра этого же дня. Нашим бойцам пришлось преодолевать сильное сопротивление гитлеровцев, ведя огневой бой и подвергаясь непрерывной бомбардировке с воздуха и контратакам танков и пехоты противника. В результате 16-й МБр, как и другие части корпуса, были вынуждены перейти к обороне на южной окраине с. Червоно-Ивановка и Грушеватка. Вечером 21 октября, как отмечалось в бригадном журнале боевых действий, «противник контратаки не предпринимал, велась редкая артиллерийско-минометная и пулеметная перестрелка, авиация противника неоднократно бомбардировала боевые порядки наших частей и соседа справа – 64-й МБр» [4, л. 12]. Как стало известно позже, германское командование подтянуло к Кривому Рогу крупные резервы и готовило контрнаступление.

Новую атаку, с целью овладеть с. Саевка для дальнейшего продвижения на Кривой Рог, 16-я МБр начала с рассветом 22 октября. 1-й МСБ с минометной ротой наступал на Саевку по лощине р. Саксагань; 3-й МСБ с такой же поддержкой двигался на западную окраину Саевки; 2-й МСБ с приданной батарей истребительного противотанкового артиллерийского полка (ИПТАП), выполнив предварительно обходной маневр, атаковал с юга. Танки следовали за боевыми порядками частей, артиллерия сопровождала наступление, стремясь подавить своим огнем узлы сопротивления гитлеровцев. В течение дня, ведя бой с противником, к 16 ч части бригады освободили с. Саксагань, Саевка, Таранова Балка и вышли на западную окраину д. Чумаковка [4, л. 13]. По мере наступления наших войск немцы оказывали все более упорное сопротивление, переходя в частые контратаки пехотой и танками «Тигр», которые поддерживались бомбардировкой с воздуха и артиллерийским огнем самоходных установок «Фердинанд».

Закрепившись на юго-восточной окраине д. Чумаковка, гитлеровцы встретили наши наступающие части сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Бригада была вынуждена остановиться и готовиться к новой атаке, намеченной на 4 ч утра 23 октября [4, л. 14]. Между тем германская авиация продолжала сильно бомбить наши боевые порядки, а к обороняющимся немцам подходило подкрепление: пехота и танки.

23 октября батальоны 16-й МБр, начав наступление, практически сразу же ввязались во встречный бой с контратакующими германскими частями. При этом на наших бойцов обрушился сильный огонь 20 танков, 4 самоходных орудий, 1 артиллерийской и 2 минометных батарей, авиации противника [4, л. 14]. В результате бригаде пришлось экстренно переходить к обороне. Как вспоминал М.Л. Гершман: «Положили всех в цепь, а в километре от нас немецкие танки. Размазали бы нас в чистом поле гусеницами, но спас... танковый полк. Незабываемая картина. На головном танке, рядом с люком водителя, стоит командир полка и показывает экипажам направление движения и куда вести огонь. Ря-

дом с танком снаряды рвутся, а его не задело даже, хоть в атаку пошел, как смертник, не прикрываясь броней. Остановили они немцев в лобовой атаке» [8]. В результате этого боя гитлеровцы лишились до роты пехоты, 3 орудий и 2 танков; бригада потеряла убитыми 28 человек, ранеными – 132, 7 танков [4, л. 14]. Среди погибших был и командир 240-го танкового полка майор В.С. Шекуров (которого вспоминал М.Л. Гершман), а исполнять его обязанности стал начальник штаба полка майор П.М. Лашин.

Как отмечалось в журнале боевых действий 16-й МБр вечером 23 октября: «В результате малого количества оставшегося в бригаде, как техники, так и личного состава, командир бригады решил: наступление временно приостановить и закрепиться на занятом рубеже» [4, л. 15]. Аналогичная ситуация была и в корпусе: «В течение дня части и соединения корпуса вели наступательные бои, но успеха не имели» [5, л. 59]. Таким образом, вводом в сражение свежих сил гитлеровцам удалось приостановить наступление наших войск.

В течение следующего дня (24 октября) части бригады вели бои с противником за Чумаковку, которую освободили к 18 часам. Вечером командир 16-й МБр отдал приказ командирам частей о переходе к временной обороне, совершив ночной марш на Андреевку. «Выполняя поставленную задачу в течение ночи части бригады совершили марш по маршруту: Чумаковка – Андреевка и к 6.00 сосредоточились и заняли оборону» [4, л. 15]. Заняв оборону, наши бойцы вели бои с противником в течение 25 октября.

В 9 ч вечера того же дня через боевые порядки бригады прошли части 89-й стрелковой дивизии, стремясь в ночной атаке прорвать немецкую оборону. Бой продолжался до 2 ч ночи: гитлеровцы вели сильный огонь из всех средств вооружения, поэтому наша пехота, не достигнув успеха, отошла на исходные позиции [4, л. 16]. Весь световой день 26 октября части 16-й МБр продолжали занимать оборонительные рубежи около Андреевки, ведя артиллерийско-минометную и пулеметную перестрелку с противником. «26.10.43. в 20.00. получен боевой приказ о передислокации бригады в Алексеевку, как резерв командира корпуса» [4, л. 16], который был исполнен в течение суток 27 октября. Вечером этого дня 7-й МК получил задачу «ночной атакой овладеть Веселый Кут, Кудашевка к 7.00. 28.10.43 наступая в направлении Новый мир, Красное утро овладеть ст. Тепловка, Красное утро, где оставить одну бригаду для прикрытия с запада. Главными силами корпуса наступать за 18-м танковым корпусом, обеспечивая правый фланг армии» [5, л. 60 об.]. Таким образом, командование 2-го Украинского фронта начинало новую попытку освободить Кривой Рог.

В рамках этой операции 16-я МБр имела задачу сосредоточиться после ночного марша в с. Ново-Лозоватка, где ждать нового приказа [4, л. 17], не вступая в соприкосновение с противником, как резерв. В это же время германское командование, сосредоточив крупные резервы, при массированной поддержке авиации бросило их в наступление. Как отмечалось в журнале боевых действий 7-го МК: «Противник отходя с боем, собирал и, перегруппировывал свои силы, подтянув авиационные и танковые части и в ночь с 28 на 29.10.43 ему удалось прорвать нашу оборону в районе Гуровка, Грузька и начать развивать успех на Лозоватку, ставя своей целью окружить и уничтожить наши части, находящиеся в узком “мешке” между двух рек Саксагань и Ингулец» [5, л. 61 об.]. Таким образом, бригада, оставаясь резервом командира корпуса, предназначалась уже не для закрепления успеха в атаке, а для организации обороны.

К сожалению, обстановка к исходу 29 октября на этом участке фронта для наших частей резко ухудшилась. Частям бригады предстояло выйти из боя и совершить ночной марш, отходя к Лозоватке. Штаб 7-го МК отмечал: «Преодолевая трудности, к рассвету 30.10.43 части корпуса достигли указанного рубежа, где и перешли к обороне с частями 37-й армии, имея следующее положение частей. Боевой порядок – в линию механизированные бригады, а танковая бригада – резерв командира. На правом фланге 64-я МБр <...> На левом фланге – 63-я МБр <...> 16-я МБр с двумя батареями 109-го ИПТАП обороняет участок от кладбища до восточной окраины Лозоватки, обеспечивая стык двух бригад» [5, л. 61 об.]. Части бри-

гады заняли оборону по такому же принципу: мотострелковые батальоны на переднем крае, артдивизион на опорном пункте, танки за боевыми порядками пехоты.

Весь день 30 октября 16-й МБр в составе корпуса пришлось, напрягая все силы, оборонять Лозоватку. В корпусном журнале отмечалось, что гитлеровцы «силами до 30–40 танков и 10–15 автомашин с пехотой наступают на Лозоватку, авиация успешно бомбит наши боевые порядки по 30–40 самолетов противника, дезорганизуя оборону» [5, л. 62]. Майор Х.Л. Егудкин, описывая действия бригады, указывал, что враг, «подтянув большое количество танков, артиллерии и пехоты, при сильном воздействии авиации, дважды атаковал наши части с целью захвата Лозоватки, но атаки противника были отбиты, противник потерял на поле боя 3 танка, 9 автомашин и до 80 человек пехоты. Около 16.30 30.10.43 г. с юго-востока противник подтянул в район Лозоватки до 120 автомашин, до 80 танков и, возобновив атаки, пытался переправиться через р. Ингулец» [4, л. 18]. Несмотря на мужество и героизм наших бойцов, немцам удалось ночью с 30 на 31 октября найти брод по р. Ингулец и переправить на восточный берег 25 танков «Тигр» и до батальона пехоты, выйдя на южную окраину Лозоватки.

С рассветом 31 октября гитлеровцы неоднократно пытались усилить свою группировку, и им это удалось к середине дня, что резко ухудшило положение наших бойцов. В журнале боевых действий бригады отмечалось: «В 12.30 получен устный приказ командира корпуса об отходе частей на Червона Долину <...> Танки прикрывали проход наших частей. Противник, овладев Недай Вода и выйдя на вост. берег р. Ингулец подверг перекрестному артиллерийскому обстрелу колонну наших частей. Достигнув Червона Долину, части бригады приступили к занятию обороны, но противник превосходящими силами подверг вновь артиллерийскому обстрелу наши части, и бригада отошла в направлении Вольной Долины» [4, л. 19]. Здесь мотострелковые батальоны заняли оборону, а танки и артиллерия сосредоточились за боевыми порядками пехоты в готовности отразить атаки гитлеровцев.

Ситуация для советских войск стала критической, о чем свидетельствует приказ командования, зафиксированный в журнале боевых действий 7-го МК: «Командирам корпусов лично проверить расположение огневых средств, всю артиллерию и танки зарыть в землю. Резерв иметь 10 танков. За ночь с 1 на 2 ноября пополнить части боеприпасами и горючим. Всю перегруппировку войск закончить к 6.00 2.11.43. Личному составу объявить приказ Военного Совета: “Ни шагу назад”» [6, л. 72 об.]. Между тем упорное и героическое сопротивление наших бойцов в предшествующие дни дало свои плоды: наступательный порыв немцев был сбит, завязались позиционные бои. 2 ноября в 8 ч вечера на командный пункт 16-й МБр прибыл подполковник С.В. Ласьков, который временно вступил в командование бригадой [4, л. 21]. Поскольку в журнале боевых действий ничего не сказано, почему и когда покинул свою должность прежний командир – полковник А.М. Железняк, можно предположить, что его сняли с должности после отступления бригады 29–31 октября.

С утра 3 ноября на участке фронта бригады активных боевых действий не велось. К вечеру стало ясно, что части 7-го МК сильно обескровлены. Например, в 16-й МБр на ходу оставалось только 7 танков (16 нуждались в ремонте) и 160 стрелков [4, л. 22]. Поэтому вполне разумным представляется приказ командующего фронтом о переводе корпуса во вторую линию обороны.

В ночь с 3 на 4 ноября части корпуса осуществляли сдачу своих передовых районов частям 15-й и 188-й стрелковых дивизий 37-й армии, а к рассвету перегруппировавшись, приводили себя в порядок, производя запас горючего, боеприпасов и продовольствия [6, л. 73]. Около 10 ч 4 ноября гитлеровцы предприняли одновременно атаки против правого и левого флангов 16-й МБр силою до двух рот при поддержке артиллерии и танков в каждом направлении. Атаки были отбиты совместными действиями танков, артиллерии и пехоты бригады и 188-й стрелковой дивизии [4, л. 23]. По завершении этого дня 16-я МБр окончательно передала участок обороны частям 188-й стрелковой дивизии и после небольшого отдыха совершила марш.

К 16 ч 5 ноября бригада расположилась в районе д. Лозоватка, где командование ею принял вновь назначенный полковник М.В. Хотим-

ский [4, л. 24]. Офицерам и бойцам 16-й МБр было о чем доложить своему новому командиру. В результате боев с 15 октября по 4 ноября частями бригады было уничтожено до 3 300 солдат и офицеров противника, взято в плен 652 гитлеровца, подбито или сожжено 84 танка, 28 самоходных орудий, 325 автомашин, 64 орудия, 56 минометов, 5 шестиствольных минометов, ликвидировано 8 наблюдательных пунктов [4, л. 24]. Но и бригада за этот период понесла серьезные потери, что привело к большому сокращению ее состава и боевых возможностей. Погибло 128 офицеров, 604 сержанта, 1 025 рядовых; было потеряно 12 танков, 15 пушек, 11 минометов, 53 машины, 9 броневиков [4, л. 23а, 24б].

С 5 по 23 ноября бригада занималась боевой подготовкой, маневрированием, находилась в резерве, готовясь выступить во втором эшелоне наступающих частей, но в серьезных боевых действиях не участвовала [4, л. 26–31]. Впоследствии 16-я МБр успешно продолжала свой боевой путь в составе 7-го МК [10, с. 20–107], получила почетное наименование Шумлинская, орден Суворова II степени и почетное наименование Хинганская.

Результаты. Благодаря введенным в научный оборот журналам боевых действий частей и соединений, есть возможность достаточно подробно исследовать оборонительные и наступательные операции Великой Отечественной войны. Пятихатскую операцию, разработанную и проведенную под руководством И.С. Конева, следует признать еще малоизученной. Для 16-й МБр, сформированной летом 1943 г., участие в названной операции стало настоящим боевым крещением. Вместе с другими бригадами 7-го МК она активно участвовала в освобождении г. Пятихатки и других населенных пунктов. При этом бойцы бригады проявили массовый героизм, прорывая оборону гитлеровцев и уничтожая технику врага. Затем, немного отступив под контратаками свежих немецких частей, 16-я МБр стойко и мужественно обороняла порученные ей рубежи. Анализ соотношения потерь личного состава бригады и нанесенного ей аналогичного ущерба врагу показывает, что в Пятихатской операции 16-я МБр выполнила свою задачу с высокой эффективностью, а большинство ее офицеров показали себя грамотными командирами и мужественными воинами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М. : Кучково поле, 2012. – 864 с.
2. Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии / П. Я. Егоров [и др.]. – М. : Воениздат, 1969. – 350 с.
3. Жадов, А. С. Четыре года войны / А. С. Жадов. – М. : Воениздат, 1978. – 334 с.
4. Журнал боевых действий 16-й Механизированной бригады // Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). – Ф. 3330. – Оп. 1. – Д. 3. – 80 л. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156304848 (дата обращения: 09.12.2019).
5. Журнал боевых действий 7-го Механизированного корпуса с 1 августа 1943 г. : утв. 10 мая 1944 г. // ЦАМО. – Ф. 3436. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 55–63. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130857640 (дата обращения: 27.12.2019).
6. Журнал боевых действий 7-го Механизированного корпуса с 1 августа 1943 г. : утв. 10 мая 1944 г. // ЦАМО. – Ф. 3436. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64–75. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id= 130857641 (дата обращения: 16.12.2019).
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). – М. : Воениздат, 1961. – 652 с.
8. Койфман, Г. Интервью с ветераном Великой Отечественной войны Гершманом М. Л. / Г. Койфман. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/gershman-matvey-lvovich (дата обращения: 11.11.2019).
9. Конев, И. С. Записки командующего фронтом. 1943–1945 / И. С. Конев. – М. : Воениздат, 1989. – 520 с.
10. Погребной, С. А. Лавиной стали и огня: Военно-исторический очерк боевого пути 7-го механизированного Новоукраинско-Хинганского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Суворова корпуса / С. А. Погребной. – М. : Воениздат, 1989. – 128 с.
11. Ротмистров, П. А. Стальная гвардия / П. А. Ротмистров. – М. : Воениздат, 1984. – 272 с.
12. Тушканов, Д. И. Создание 7-го механизированного корпуса в 1943 году / Д. И. Тушканов, И. В. Тушканов // Новое слово в науке : стратегии

развития : Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 июня 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2019. – С. 18–20.

REFERENCES

1. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. Bitvy i srazheniya, izmenivshie khod voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 Vols. Vol. 3. Battles and Fights That Changed the Course of the War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 864 p.

2. Egorov P.Ya., Krivoborskiy I.V., Ivlev I.K., Rogalevich A.I. *Dorogami pobed. Boevoy put 5-y gvardeyskoy tankovoy armii* [Roads of Victories. Battle Path of the 5th Guards Tank Army]. Moscow, Voenizdat, 1969. 350 p.

3. Zhadov A.S. *Chetyre goda voyny* [Four Years of War]. Moscow, Voenizdat, 1978. 334 p.

4. Zhurnal boevykh deystviy 16-y Mekhanizirovannoy brigady [Journal of Combat Operations of the 16th Mechanized Brigade]. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony* [Central Archive of the Ministry of Defense], F. 3330, Op. 1, D. 3. 80 l. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156304848 (accessed 9 December 2019).

5. Zhurnal boevykh deystviy 7-go Mekhanizirovannogo korpusa s 1 avgusta 1943 g.: utv. 10 maya 1944 g. [Journal of Combat Operations of the 7th Mechanized Corps from August 1, 1943. Approved on May 10, 1944]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense], F. 3436, Op. 1, D. 10, L. 55-63. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130857640 (accessed 27 December 2019).

6. Zhurnal boevykh deystviy 7-go Mekhanizirovannogo korpusa s 1 avgusta 1943 g.: utv. 10 maya 1944 g. [Journal of Combat Operations of the 7th Mechanized Corps from August 1, 1943. Approved on May 12, 1944]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense], F. 3436, Op. 1, D. 10, L. 64-75. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130857641 (accessed 16 December 2019).

7. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. V 6 t. T. 3. Korennoy perelom v khode Velikoy Otechestvennoy voyny (noyabr 1942 g. – dekabr 1943 g.).* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. In 6 Vols. Vol. 3. Radical Change During the Great Patriotic War (November 1942 – December 1943)]. Moscow, Voenizdat, 1961. 652 p.

8. Koyfman G. *Intervyu s veteranom Velikoy Otechestvennoy voyny Gershmanom M. L.* [Interview with Veteran of the Great Patriotic War M.L. Gershman]. URL: https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/gershman-matvey-lvovich (accessed 11 November 2019).

9. Konev I.S. *Zapiski komanduyushchego frontom. 1943–1945* [Notes of the Front Commander. 1943–1945]. Moscow, Voenizdat, 1989. 520 p.

10. Pogrebnoi S.A. *Lavinoy stali i ognya: Voenno-istoricheskiy ocherk boevogo puti 7-go mekhanizirovannogo Novoukrainsko-Khinganskogo ordena Lenina, Krasnoznamennogo, ordena Suvorova korpusa* [Avalanche of Steel and Fire: Military-Historical Sketch of the Battle Path of the 7th Mechanized Novoukrainsko-Khingansky Order of Lenin, the Red Banner Order, the Order of Suvorov Corps]. Moscow, Voenizdat, 1989. 128 p.

11. Rotmistrov P.A. *Stal'naya gvardiya* [Steel Guard]. Moscow, Voenizdat, 1984. 272 p.

12. Tushkanov D.I., Tushkanov I.V. Sozdanie 7-go mekhanizirovannogo korpusa v 1943 godu [Creation of the 7th Mechanized Corps in 1943]. *Novoe slovo v nauke: strategiirazvitiya: Materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 25 iyunya 2019 g.)* [A New Word in Science: Development Strategies. Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, June 25, 2019)]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2019, pp. 18-20.

Information About the Authors

Dmitry I. Tushkanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of State and Law History, Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Sovetskaya St., 6, 404111 Volzhsky, Russian Federation, tushkanov-dmitrii@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5280-9205

Igor V. Tushkanov, Candidate of Sciences (History), Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Acting Head of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tushkanov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8398-5025

Информация об авторах

Дмитрий Игоревич Тушканов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Волжский институт экономики, педагогики и права, ул. Советская, 6, 404111 г. Волжский, Российская Федерация, tushkanov-dmitrii@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5280-9205

Игорь Валентинович Тушканов, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой теории и истории права и государства, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tushkanov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8398-5025

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.7

UDC 94(73)"1984":327
LBC 63.3(7Coe)63-6

Submitted: 23.05.2019
Accepted: 09.03.2020

ORGANIZING THE MECHANISM OF CONDUCTING THE "SECRET WAR" OF THE USA AGAINST THE SANDINISTA REGIME OF 1984

Democrit M. Zamanapulov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. In Russian historiography, the issue of the reasons for the beginning of the U.S. special operations in Nicaragua is a complex problem that requires careful development due to its importance as one of the elements of the confrontation during the Cold War. The scientific relevance of this issue is determined by the insufficient degree of its study. The socio-political relevance is related to the current military-political situation in the world in general and the actions of the United States in particular, which, as part of ensuring their national security, use special operations to achieve certain goals and objectives. An example of this is the U.S.-led special operation to destroy Osama bin Laden, during which the sovereignty of Pakistan was violated. Another example of U.S. special operations at the present stage is Washington's support of the "proxy" forces loyal to it in Syria. Special operations conducted by the United States in Nicaragua during the first half of the 80s were in many ways the main tool for achieving U.S. state interests in this country. In this regard, it seems that a detailed consideration of the first attempt in the history of the United States to conduct a global special operation, which began with the program of supporting the anti-Communist forces "Contras" in Nicaragua, which was later funded by the illegal supply of American weapons to Iran, would be useful for the domestic scientific doctrine. *Methods and materials*. In the course of the research, the historical-comparative method, the method of analysis and synthesis, as well as the system approach are applied. The study uses: 1) a set of unpublished materials on the special activities of the United States in Nicaragua, declassified in connection with the "Iran-Contra" scandal, and contained on the electronic website of the National Security Archive at the George Washington University; 2) published sources related to the Cold War; 3) scientific literature on the problems of U.S. special operations during the cold war; 4) memoir literature. *Analysis*. This article analyzes the reasons that influenced the decision of the U.S. political leadership to authorize special operations in Nicaragua based on the documents and materials studied in the Iran-Contra Affair. *Results*. The scientific development of the problems of the U.S. special policy in Nicaragua was observed back in the 80s in the USSR. However, it was conducted in hot pursuit, it was biased, considered a complex set of processes taking place in Central America from the perspective of the Marxist-Leninist doctrine, and did not take into account the American position, which made the scientific assessment of these events less complete and justified. New studies of this period take this factor into account, are based on new methods and previously unknown to the scientific community documents and materials that were declassified after the end of the Cold War. *Results.* In the course of the study, an attempt was made to highlight the mechanism for the development and implementation of U.S. special operations in Nicaragua. The author concludes that the use of the National Security Council personnel for special operations was conditioned by the need to avoid legislative restrictions of the U.S. Congress when implementing U.S. foreign policy in Nicaragua.

Key words: CIA, Central America, special operations, Boland amendments, secret war, "Contras".

Citation. Zamanapulov D.M. Organizing the Mechanism of Conducting the "Secret War" of the USA Against the Sandinista Regime of 1984. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 77-89. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.7

© Заманапулов Д.М., 2020

УДК 94(73)"1984":327
ББК 63.3(7Coe)63-6

Дата поступления статьи: 23.05.2019
Дата принятия статьи: 09.03.2020

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ВЕДЕНИЯ «ТАЙНОЙ ВОЙНЫ» США ПРОТИВ РЕЖИМА САНДИНИСТОВ 1984 ГОДА

Демокрит Малхазович Заманапулов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Изучение первой в истории США попытки проведения глобальной специальной операции в первой половине 1980-х гг. в Никарагуа, начавшейся с программы поддержки антикоммунистических сил «контрас», которая в дальнейшем финансировалась за счет незаконных поставок американского оружия в Иран, представляется актуальной в связи со сложной современной военно-политической ситуацией в мире в целом и действиями США в частности. *Методы и материалы*. В ходе исследования применялись историко-сравнительный метод, метод анализа и синтеза, а также системный подход. В качестве материала использован содержащийся на сайтах Архива национальной безопасности при университете Дж. Вашингтона, а также Университета Брауна комплекс неопубликованных документов, посвященных специальной деятельности США в Никарагуа, рассекреченных в связи со скандалом «Иран-контрас», и опубликованные воспоминания американского сенатора П. Лихи. *Анализ.* Рассмотрены причины, повлиявшие на решение политического руководства США санкционировать проведение специальных операций в Никарагуа. Предпринята попытка освещения механизма разработки и реализации специальных операций США в Никарагуа. *Результаты*. Сделан вывод, что использование персонала Совета национальной безопасности для специальных операций обусловливалось необходимостью избежать законодательные ограничения Конгресса США при реализации внешней политики США в Никарагуа.

Ключевые слова: ЦРУ, Центральная Америка, специальные операции, поправки Боланда, секретная война, «контрас».

Цитирование. Заманапулов Д. М. Организация механизма ведения «тайной войны» США против режима сандинистов 1984 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 77–89. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.7

Введение. Начало 80-х гг. XX в., сопровождалось резкими сдвигами политических процессов, произошедших в результате Сандинистской революции в Никарагуа. Революционная борьба с режимом клана Анастасио Сомосы, которую возглавила военно-политическая организация «Сандинистский фронт национального освобождения» (СФНО) продлилась с 1962 по 1979 год. Ее главным отличием стала крайняя жестокость. По разным данным в результате противоборства между сторонами конфликта погибло около 50 тыс. никарагуанцев, 600 тыс. человек остались без крова, а экономика страны была отброшена на десятилетия назад [20, с. 54].

После победы революции новое коалиционное правительство Никарагуа объявило о своей ориентации на социалистический лагерь, приступило к налаживанию дипломатических отношений с СССР и Кубой. В частности, при активной поддержке последней были созданы Сандинистская народная армия, органы государственной безопасности и полиция. Экономическая политика сандинистов включала проведение аграрной реформы и обширную программу национализации, в результате которой имущество клана А. Сомосы перешло в собственность государства. Национализации и государственному контролю также подверглись частные банки и иностранные активы, находящиеся на территории Никарагуа.

Нужно сказать, что на первоначальном этапе сандинистам удалось добиться некоторых успехов в деле общегосударственного строительства, однако активное противодействие со стороны США стало постоянным фактором замедления никарагуанских реформ и угрозой режиму сандинистов в целом. К 1980 г. в связи с этой трудностью из коалиционного правительства сандинистов вышли умеренные фракции, не поддерживающие слишком активное проведение в жизнь кубинской модели развития страны. Силовые структуры Никарагуа контролировались братьями Даниелем и Умберто Ортега, которые опирались на политическую поддержку Кубы и СССР и обладали популярностью среди беднейших слоев никарагуанского общества. Этот факт позволял им управлять ходом развития страны. В 1980 г. в результате выборов президентом страны стал Д. Ортега, а его брат возглавил министерство обороны.

Столкнувшись с перспективой «второй Кубы» (только уже на материке, который Вашингтон считал своим «задним двором»), правительство США почти моментально приняло комплекс экономических, военных и дипломатических мероприятий, направленных на свертывание никарагуанских революционных

процессов. В Вашингтоне рассматривались сценарии полномасштабного вторжения в Никарагуа с использованием всех видов вооруженных сил [16, p. 4]. Однако открытые действия армии США затруднялись рядом факторов. Прежде всего широкое международное признание режима сандинистов поставило Вашингтон перед большим риском оказаться в глазах мирового сообщества в роли агрессора. Кроме того, пропагандируемый администрацией Джимми Картера тренд неукоснительного соблюдения законности и прав человека не оставлял возможности администрации для политического маневра. ЦРУ, ослабленное после расследований комиссии Черча [2, с. 284], не смогло оказать помощи А. Сомосе в удержании власти из-за недостаточного финансирования его режима. И, наконец, комиссии Конгресса США по разведке осуществляли эффективный надзор за деятельностью специальных служб, что не позволяло оперативно решать вызовы, которые ставила Сандинистская революция.

Методы и материалы. Историко-сравнительный метод позволил анализировать процессные явления не изолированно друг от друга, но в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии. Так, большое значение для настоящей статьи имели воспоминания американского сенатора Патрика Лихи, приведенные в работе журналиста Боба Вудворта «Признание шефа разведки». Основываясь на данных, полученных во время поездки в страны Центральной Америки, сенатор сообщил ценную информацию о механизме специальных операций движения «контрас» в Никарагуа, системе их обеспечения и поддержки со стороны американских специальных служб. Данные, отраженные в воспоминаниях П. Лихи, подтверждаются рассекреченными в ходе расследования скандала «Иран-контрас» официальными документами, которые также были использованы в настоящей статье.

Метод анализа и синтеза позволил добиться глубины и полноты исследования, подтвердить достоверность полученной информации. Системный подход послужил для теоретического осмысления и реконструирования объектов и систем как некой совокупности связанных между собой элементов, имеющих ресурсы, цель, связь с внешней средой и обратную связь.

Основной источниковой базы являются рассекреченные документы Белого дома, Совета по национальной безопасности, ЦРУ, Государственного департамента США, посвященные скандалу «Иран-контрас», извлеченные из собраний электронного Архива национальной безопасности при университете Дж. Вашингтона и коллекции документов университета Брауна. Указанные ресурсы содержат также рассекреченные документы международного отдела ЦК КПСС и МИД СССР, отражающие никарагуанскую проблематику периода 1980-х годов.

Анализ. Активная фаза никарагуанского кризиса началась в период правления администрации Дж. Картера. Эту эпоху в истории внешней политики США можно охарактеризовать как период соблюдения законности и прав человека как абсолютной ценности. Во многом данная политика стала ответом на президентство Ричарда Никсона, во время правления которого Вашингтон в глазах международного сообщества рассматривался как агрессор и спонсор государственных переворотов, позволяющих ликвидировать неугодных политических лидеров, по всему миру. Престиж США как цитадели демократии и законности был значительно подорван. Восстановление прежних ценностей и идеалов стало важной повесткой в политике, проводимой Дж. Картером. В связи с этим деятельность разведывательных органов США жестко регламентировалась законодательными актами, которые не позволяли проводить крупные операции за рубежом без уведомления комитета конгресса по разведке и вооруженным силам. Вместе с тем бюджет ЦРУ значительно сократился, что в свою очередь привело к снижению численности агентурной сети в Никарагуа.

Основная стратегия администрации Дж. Картера в борьбе с Сандинистской революцией – применение экономических санкций – была неэффективной, что могло стать следствием активной поддержки, оказываемой сандинистам Кубой и СССР. Нужно отметить, что фактор объема этой помощи требует научной разработки. Победа Сандинистской революции лишила США главного союзника в Центральной Америке в лице диктатора клана А. Сомосы.

Правительство сандинистов в свою очередь в целях обеспечения собственной безопасности при активной помощи кубинских военных специалистов начало поставки вооружений в пограничные страны, в частности, в Сальвадор, где шла гражданская война, и Гватемалу. Тезис о поддержке сандинистами партизанских движений в соседних с Никарагуа странах подтверждается рассекреченными стенографическими материалами заседания политбюро ЦК КПСС от 6 мая 1982 г., на котором обсуждались итоги переговоров с государственными деятелями республики Никарагуа. В процессе дискуссии генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев сообщил членам политбюро о том, что в ходе бесед лидеры сандинистов признали факт поставки оружия в соседние страны. В частности, он отметил: «Они также подчеркивали политические и дипломатические шаги, предпринятые руководством Никарагуа в последнее время. При этом, однако, говорили и о том, что продолжают поставки оружия партизанам Сальвадора и Гватемалы. Они даже похвастали, что делают это так ловко, что противник никак не может обнаружить пути, по которым доставляется оружие» [8]. Таким образом, перед Вашингтоном возникала перспектива падения лояльных правительств в Центральной Америке по принципу «домино». В этих условиях к власти в США пришла администрация Рональда Рейгана.

Примечательно, что свои антисандинистские настроения Р. Рейган обозначил еще будучи кандидатом на пост президента. В частности, в его предвыборной программе значилось: «Мы осуждаем захват власти в Никарагуа сандинистами-марксистами и попытки дестабилизировать Сальвадор, Гватемалу и Гондурас <...> Мы выступаем против программы помощи Дж. Картера правительству Никарагуа. Однако мы поддержим усилия народа Никарагуа по созданию свободного и независимого правительства <...> Мы вернемся к фундаментальному принципу – будем относиться к другу как к другу, а к самопровозглашенному врагу – как к врагу» [4, с. 62].

Нужно отметить, что политика содействия новым президентом антисандинистским силам в 1984 г. нашла свое логическое завершение в так называемой доктрине Рейгана, суть которой заключалась в поддержке антикоммунистических сил по всему миру. Огромное влияние на доктрину Рейгана оказала концепция неореализма, представляющая международные отношения через призму вечного конфликта и перераспределения сил между государствами. Данная концепция справедливо считается основным принципом стратегии национальной безопасности администрации Р. Рейгана.

В соответствии с новой стратегией в январе 1981 г. был принят ряд мер, направленных на военное, дипломатическое и экономическое давление на правительство сандинистов.

Военная составляющая выразилась в проведении военно-морских учений ВМС США и ВМС Гондураса под кодовым названием «Авентура Осеаника-81», которые проходили вблизи берегов Никарагуа. Экономическое давление было организовано посредством блокировки непотраченной Никарагуа суммы в размере 15 млн долл., предоставленной администрацией Дж. Картера для оказания помощи в восстановлении никарагуанской экономики. Следующим шагом стало аннулирование кредита в размере 10 млн долл., который был выдан этой стране для покупки пшеницы. Далее американцами был заморожен кредит в размере 11,4 млн долл., ранее выделенный для проведения модернизации сельского хозяйства, систем образования и здравоохранения Никарагуа. Дипломатического давление США проявилось в ходе визита в страну заместителя госсекретаря США Томаса Эндерса.

Рассекреченные документы МИД СССР дают некоторое представление о поездке Т. Эндерса в Никарагуа. Из информации, переданной послу СССР в Никарагуа Герману Евлампиевичу Шляпникову членом сандинистского руководства Хайме Роман Уилоком, следует, что основная цель приезда заместителя госсекретаря США в страну заключалась в том «чтобы путем давления и угроз заставить их (сандинистов. – *Д. З.*) отказаться от поддержки борьбы сальвадорских патриотов и не допустить укрепления оборонного потенциала страны» [1]. В донесении в Москву Г.Е. Шляпников пишет: «Т. Эндерс обвинил никарагуанские власти в транспортировке вооружения, боеприпасов и амуниции

сальвадорским патриотам через никарагуанскую территорию, а также в переброске в Сальвадор партизан, прошедших подготовку в других странах, утверждая, что органы американской разведки располагают неопровержимыми данными на этот счет. Заявляя, что в Сальвадоре США не допустят военной победы левых сил, он подчеркивал опасность эскалации этого конфликта и его распространения на другие центрально-американские страны и утверждал, что добрые отношения между США и Никарагуа возможны только при прекращении сандинистами военной поддержки повстанцев в Сальвадоре» [1]. Т. Эндерс пытался доказать, что прекращение экономической помощи США Никарагуа было вызвано поставками никарагуанцами оружия в Сальвадор. Он утверждал, что если военная помощь Сальвадору полностью прекратится, то в Вашингтоне могут вновь рассмотреть вопрос о предоставленной ранее и иной гуманитарной помощи. Заместитель госсекретаря выразил готовность подписать двустороннее соглашение о принципах невмешательства во внутренние дела других стран, при условии что никарагуанцы согласятся с требованиями США о прекращении помощи патриотам Сальвадора. Это предложение было оставлено без ответа. Т. Эндерс отметил, что в США и соседних странах вызывает настороженную реакцию неоправданный, по их мнению, рост вооруженных сил Никарагуа. Он подчеркнул, что никарагуанская армия оснащается более современным вооружением, чем армии других центрально-американских государств, добавив, что присутствие в стране многочисленных кубинских военных советников еще более осложняет дело. Это, по мнению Т. Эндерса, вызывает страх у его соседей и нагнетает обстановку в Центральной Америке. Данная ситуация может перерасти в региональный конфликт, куда окажутся втянутыми и США. Говоря о внутриполитической линии сандинистского руководства, американский представитель отметил нарастание тенденции на отход от плюрализма в политике и смещение к политической системе унитарного типа. Со своей стороны, никарагуанские руководители решительно отвергли обвинения в причастности к транспортировке оружия для сальвадорских повстанцев через свою территорию. В отношении вопроса о вооружении Никарагуа сандинистские лидеры прямо утверждали, что опасаются американского вмешательства. Они обратили внимание Т. Эндерса на существование на территории США лагерей по подготовке бывших сомосовских гвардейцев для вторжения в Никарагуа, создание сил быстрого развертывания в зоне Центральной Америки и Карибского бассейна. Т. Эндерсу указывалось, что курс США на дестабилизацию обстановки затрагивает не только Никарагуа, но и весь регион. Военные советники США находятся и в Сальвадоре, и в Гондурасе. В Сальвадоре США поддерживают самые консервативные круги, те силы, которые препятствуют политическому урегулированию. Все это вынуждает никарагуанское руководство принимать необходимые меры самообороны.

Анализ дальнейших событий приводит к выводу, что комплекс экономических санкций и дипломатического давления не позволил США добиться прекращения предоставления сандинистами военной помощи партизанским движениям в соседних странах. Влияние советского и кубинского факторов на развитие революционных процессов в Центральной Америке могло привести к катастрофическим последствиям для США.

Некоторое представление о мощи сандинистской армии дает документ, отражающий динамику военных поставок стран советского блока в Никарагуа, которые были подготовлены ЦРУ. В период с июля 1979 г. по декабрь 1989 г. численность вооруженных сил сандинистов, учитывая резервы и силы безопасности, составляла 120 000 солдат. Это не намного уступало совокупной численности армий четырех государств региона (Сальвадора, Гватемалы, Гандураса и Коста-Рики), вооруженные силы которых насчитывали 131 840 солдат.

На вооружении сандинистской армии находилось 152 танка, 237 видов военно-транспортных средств, 549 зенитно-ракетных установок, 772 противовоздушные зенитные ракеты, 370 противотанковых ракет, 985 артиллерийских систем, 66 вертолетов (12 – Ми-25, 45 – Ми-8), 20 самолетов, 6 000 грузовиков, 8 патрульных лодок, 8 тральщиков, 40 радарных систем, 4 станции средств радиоперехвата. Пе-

хота имела 252 000 винтовок, 4 300 пулеметов, 3 850 гранатометов. ВВС Никарагуа базировались на аэродромах Пунта-Хуерте, Сандино, Монтелимар, Пуэрто-Кабезас, Ла-Росита, Эстель и имели в наличии самолеты Миг-21 и Миг-23, поставленные кубинцами. В Никарагуа на постоянной основе находилось от 1 000–1 500 кубинских и 50–75 советских военных советников, около 200 военных специалистов из стран восточного блока, включая представителей Северной Кореи. Поставки военного снаряжения и оборудования в никарагуанские порты Коринто, Эль-Блуфф, Рама начались в 1980 г. и к 1988 г. составили 140 000 т на общую сумму в 2 млрд долл. [7].

Вышеперечисленные угрозы и невозможность открытой военной интервенции в Никарагуа сильно повлияли на решение Р. Рейгана перейти к специальным средствам для борьбы с режимом сандинистов в Никарагуа. Для выполнения этой задачи было решено задействовать оперативные возможности ЦРУ.

Новый директор агентства Уильям Кейси, имевший опыт диверсионной работы в годы Второй мировой войны, предпочитал более агрессивный метод ведения разведывательной работы, чем предыдущий руководитель агентства адмирал Стендфорд Тернер. При разработке плана войны против сандинистов У. Кейси исходил из возможности «перехвата» уже реализуемых программ проведения секретных операций у третьих стран. Нужно сказать, что ЦРУ имело опыт подобного «перехвата» специальных операции в Чаде у французских специальных служб. Тогда ЦРУ заменило французскую разведку в обеспечении финансирования и обучении группировок, ведущих борьбу против влияния полковника Муаммара Каддафи в Чад, где шла гражданская война. В вопросе проведения специальных операций против сандинистов было решено прибегнуть к помощи Аргентины.

Резидентура ЦРУ в Буэнос-Айресе тесно сотрудничала с верхушкой армии страны. Аргентинские военные из 601-го разведывательного батальона министерства обороны совместно с сотрудниками «Секретариата разведки Аргентины» в рамках операции «Чарли» поддерживали и обучали антисандинистские силы на военных базах в Лепатерике на территории Гондураса [11]. Цель аргентинцев заключалась в пресечении поддержки сандинистами группировок «монтенерос», которые выступали против военной хунты в Аргентине. Имелась и другая альтернатива – Чили. Однако в подобном случае США рисковали вступить в отношения с крайне непопулярным во всем мире режимом генерала Аугусто Пиночета. Опираясь на имеющиеся в научном обороте документы, можно утверждать, что программа по проведению специальных операций в Никарагуа при помощи аргентинских военных была санкционирована Р. Рейганом 1 декабря 1981 года [10].

Основным инструментом противостояния сандинистам являлись силы «конрас» (от лат. contra – «против»), которые были объединены в военно-политическую организацию «Никарагуанские демократические силы». Стратегия «контрас», применявшаяся в Гондурасе, заключалась в действиях небольших групп, входящих на территорию Никарагуа, как правило, глубокой ночью. Далее они занимали удобные позиции, устраивали засады на отряды сандинистских войск, после чего организованно отходили обратно на территорию Гондураса. Основными целями для нападения являлись пути сообщения, линии и узлы связи, промышленные предприятия, склады, административные и правительственные учреждения, казармы и военная инфраструктура. Политически «контрас» включало представителей почти всех слоев никарагуанского общества, недовольных проводимой сандинистами политикой.

Подразделения движения в основном состояли из бывших бойцов национальной гвардии А. Сомосы и бедных крестьян. С 1981 г. существенным фактором пополнения сил «контрас» стало индейское население Москитии, проживавшее на атлантическом побережье Никарагуа. Сильная позиция церкви, а также политика сандинистского правительства, направленная на более тесную интеграцию региона в дело социалистического строительства (что в свою очередь меняло вековые устои жизни индейского населения), не находила понимания со стороны последних. В регион были направлены кубинские учителя и врачи, прибытие которых расценивалось местным населением как первый этап в политике правительства по изъятию у них земли и бо-

лее интенсивному заселению региона. Это привело к демонстрациям и протестам, переросшим в вооруженные столкновения с сандинистской милицией.

Нужно сказать, что ЦРУ уже располагало опытом в деле организации военизированных подразделений из представителей национальных меньшинств. В частности, американская разведка действовала так в Лаосе, где из народности мяо были созданы силы, впоследствии воевавшие против коммунистов. Эта практика применялась и в Никарагуа, где индейское население Москитии активно вербовалось в отряды «контрас». Таким образом, ЦРУ при помощи обещаний признания независимости Москитии после победы над сандинистами решило использовать индейцев мискито, для открытия нового фронта против сандинистов в джунглях Москитии.

Примечательно, что первое крупное наступление против сандинистов было организовано ЦРУ силами индейцев. Операция получила кодовое название «Кровавое рождество», так как проводилась в конце 1981 года. Ее целью был захват стратегически важного порта Пуэрто-Кабесаса, после чего планировалось объявление временного правительства и обращение к правительству Соединенных Штатов с просьбой о военной помощи.

В ходе реализации указанной операции силами «контрас», куда входили индейцы мискито, была организована засада, в которую попал патруль сандинистской армии из 12 человек. В процессе боестолкновения, произошедшего 14 декабря 1981 г., его полностью уничтожили. Следующее столкновение произошло 18 декабря. Его результатом стало убийство еще 3 солдат сандинистской армии. 21 декабря «контрас» организовали нападение на военный вертолет и уничтожили еще 8 солдат правительственной армии. Таким образом, в результате операции «Красное рождество», спланированной ЦРУ, было убито 45 солдат и офицеров сандинистской народной армии. Данная операция стала первой страницей в секретной войне США против сандинистов [17, с. 526].

Нужно сказать, что ЦРУ предпринимало попытки привлечь к движению «контрас» разочаровавшегося в политике сандинистов видного деятеля Эдена Пастору, который к этому времени организовал оппозиционный действующему правительству «Сандинистский революционный фронт» (FRS). Однако Э. Пастора отверг поступавшие от американской разведки предложения сотрудничества с бывшими самосистами из движения «контрас». Он справедливо полагал, что подобный шаг отрицательно сказался бы на его политической карьере. По этой причине движение Э. Пасторы действовало автономно от деятельности «контрас», в связи с чем, не имея достаточного финансирования, политик был вынужден прекратить борьбу с сандинистским правительством в 1986 году.

К началу 1982 г. «контрас» представляли собой хорошо вооруженную, имеющую четкую военную иерархию и политическое руководство силу. Численность «контрас» к ноябрю 1982 г. возросла до 10 тыс. бойцов [5]. Посол США в Никарагуа Эдвард Квейнтон вспоминал, что «секретная война началась 15 марта 1982 г., когда ЦРУ, используя никарагуанских агентов, взорвало мосты, соединявшие Никарагуа с Гондурасом» [3, с. 380].

Некоторое представление о механизме специальных операций ЦРУ в Никарагуа могут дать воспоминания американского сенатора-демократа П. Лихи. Он побывал в Центральной Америке в 1982 году. Целью его поездки было намерение лично побеседовать с резидентами ЦРУ в четырех странах региона и узнать у них подробности секретных операций против сандинистов.

П. Лихи подготовил доклад, содержащий записи всего увиденного. Его выводы были недвусмысленными: секретные операции против сандинистов почти по всем пунктам превышали первоначальные цели по пресечению поставок никарагуанского оружия мятежникам в Сальвадоре и других странах региона. Численность подразделений «контрас» составляла 5 500 человек, что было значительно выше дозволенного лимита. Американские военные и специалисты ЦРУ организовали полномасштабную войну, требующую миллионы долларов. Все страны региона – Гватемала, Коста-Рика, Сальвадор, Гондурас и Панама – состояли в неофициальном военном союзе против Никарагуа. Подобное положение дел не устраивало сенаторов-демократов в профильных комитетах конгресса США. По сути,

администрация Р. Рейгана тратила миллионы долларов на ведение несанкционированной со стороны конгресса войны с сандинистами в Никарагуа. В этой связи конгресс был полон решимости помешать Р. Рейгану проводить указанную политику в Центральной Америке.

Данные, отраженные в докладе П. Лихи, подтверждаются официальными документами, рассекреченными в ходе расследования скандала «Иран-контрас» (см.: [6; 9; 10]). Ключевым в этом отношении документом является протокол заседания группы планирования национальной безопасности по вопросу внешней политики в отношении Центральной Америки от 25 июня 1984 году [18]. На встрече высших должностных лиц администрации Р. Рейгана обсуждался вопрос о поддержании военных акций «контрас» в Никарагуа перед лицом растущей оппозиции со стороны конгресса. Дискуссия была сосредоточена на том, чтобы просить третьи страны финансировать и поддерживать эти усилия, обходя ограничения конгресса, направленные на свертывание военизированных операций ЦРУ. Согласно указанному документу государственный секретарь Джордж Шульц предупредил Р. Рейгана: «Если мы попытаемся получить деньги из третьих стран, это будет основанием для импичмента» [18]. Вице-президент Джордж Буш не согласился с этой оценкой и в свою очередь заметил: «Как можно возражать против того, чтобы США попросили третьи стороны оказывать помощь антисандинистам? Единственная проблема, которая может возникнуть, это если Соединенные Штаты пообещают дать этим странам что-то взамен, что могло выглядеть как своего рода обмен» [18]. Позже он участвовал в организации сделки по принципу quid pro quo (услуга за услугу) с Гондурасом, в которой США действительно оказывали значительную скрытую и явную помощь гондурасским военным в обмен на поддержку Гондурасом военных усилий движения «контрас». Примечательно, что Р. Рейган закончил встречу язвительным предупреждением никому не говорить об этом вопросе: «Если такая история выйдет наружу, мы все будем висеть перед Белым домом, пока не выясним, кто это сделал» [18]. Именно этот подход в дальнейшем отражал решимость администрации отрицать всю информацию об этой программе после того, как в ноябре 1986 г. разразился скандал «Иран-контрас».

Участие других стран в борьбе с сандинистами подтверждает и распечатка электронного сообщения, поступившего от Оливера Норта советнику президента США по национальной безопасности Джону Пойндекстеру 23 августа 1986 года. Несмотря на тот факт, что основная тема письма касалась Ирана, речь в нем шла о встрече О. Норта с представителем панамского диктатора Мануэля Норьеги. На ней обсуждались вопросы американо-панамского взаимодействия в борьбе с сандинистами. О. Норт писал Дж. Пойндекстеру: «Вы помните, что за эти годы у нас с Мануэлем Норьегой в Панаме сложились довольно хорошие отношения. Если американские чиновники помогут очистить его имидж и снимут запрет на продажу оружия панамской армии, Норьега позаботится о сандинистском руководстве». По всей видимости, О. Норт имел в виду программу по физической ликвидации лидеров сандинистского движения. Далее он сообщает, что М. Норьега может помочь в вопросе организации диверсий и актов саботажа против сандинистов, и предлагает заплатить диктатору миллион долларов из средств, собранных от продажи американского оружия Ирану, за помощь панамского лидера в уничтожении никарагуанских экономических объектов [13].

Еще одним доказательством сотрудничества (на этот раз военных Гондураса) в борьбе с сандинистами служит сообщение О. Норта Дж. Пойндекстеру от 17 сентября 1986 года. В указанном сообщении речь шла о генерале гондурасской армии Хосе Буэсо Роса, активно помогавшем ЦРУ в организации специальных операций против сандинистов. В 1984 г. Х.Б. Роса и группа его сообщников организовали заговор с целью убийства президента Гондураса Роберто Суазо Кордовы, который должен был финансироваться за счет поставки в США кокаина на сумму 40 млн долл., перехваченного ФБР во Флориде. Рассекреченные сообщения электронной почты, подобные этому, указывают на роль О. Норта в попытке добиться снисхождения для Х.Б. Роса из-за его прошлых заслуг перед движением «контрас» [12].

Таким образом, мы видим, что воспоминания П. Лихи имели под собой фактическую основу и подтверждают существенное расширение программы «контрас», вылившееся в полномасштабную войну с участием ряда стран Центральной Америки.

В ноябре 1982 г. в журнале «Ньюсуик» вышла статья под названием «Секретная война Америки, цель – Никарагуа» [19]. В ней утверждалось, что первоначальная линия на пресечение поставок оружия сальвадорским партизанам превратилась в крупномасштабную войну с целью свержения сандинистского правительства. Становилось очевидным, что, проходя логическую цепочку Белый дом – Ленгли – резидентура ЦРУ в Центральной Америке – силы «контрас», операция по достижению умеренных целей пресечения поставок никарагуанского оружия в Сальвадор существенно трансформировалась. Она превращалась в полномасштабные военные действия, нацеленные на свержение сандинистов. Подобное положение вещей не устраивало конгресс, не желающий втягивать США в новую непопулярную войну в джунглях. 8 декабря 1982 г. сенатор Эдвард Боланд зачитал в палате представителей разработанный им проект, в соответствии с которым запрещалось использовать государственные фонды для свержения сандинистского правительства. Проект был полностью поддержан другими сенаторами и принят в качестве поправки к закону о разведывательных полномочиях [15].

Ход дальнейших событий позволяет прийти к выводу, что указанные ограничительные меры со стороны конгресса США не повлияли на решимость администрации Р. Рейгана свергнуть сандинистское правительство в Никарагуа. С 1984 г. ЦРУ приступило к осуществлению секретной программы по минированию никарагуанских портов с целью пресечения поставок нефти для подрыва экономики страны. В результате серии взрывов в территориальных водах Никарагуа были повреждены 11 судов различных стран, в том числе и СССР. Этот факт вызвал международный скандал, что привело к принятию еще одной ограничительной поправки, разработанной также сенатором Э. Боландом.

Ко времени принятия поправки Боланда в 1983 г. и позднее, в 1984 г., администрация Р. Рейгана взяла на себя «жесткое» обязательство поддерживать «контрас» любой ценой. Эта политика не могла быть осуществлена без игнорирования позиции конгресса. После принятия поправок Боланда оказывать помощь «контрас» стало политически неосуществимо. Единственным способом сделать это было проведение секретных операций, неподконтрольных надзорным комитетам конгресса, что являлось прямым нарушением американского законодательства.

Поправки Боланда запретили использование любых средств и возможностей, доступных ЦРУ, Министерству обороны США или «любому другому агентству или организации, участвующей в разведывательной деятельности» для свержения режима сандинистов в Никарагуа [20]. Этот запрет оставлял две возможности, используя которые администрация могла обойти ограничительные барьеры. Одна из них заключалась в том, чтобы к указанной работе привлечь сотрудников Совета национальной безопасности (далее – СНБ) вместо агентов ЦРУ, не имеющее право участвовать в реализации спецопераций. Директива президента Р. Рейгана № 12333 от 4 декабря 1981 г., регулирующая состав разведывательного сообщества США, не упоминала СНБ в качестве организации, занимающейся разведывательной деятельностью [14]. Таким образом, полагая, что сотрудники СНБ по закону не относятся к спецслужбам, было решено привлечь именно их. Вместе с тем в финансовом плане законодательные ограничения вынуждали администрацию использовать средства «частных» лиц из третьих стран, поскольку участие американских официальных лиц в этой деятельности было запрещено. Описанные методы были связаны между собой, так как в дальнейшем советник по национальной безопасности, его сотрудники и другие высокопоставленные лица были прямо или косвенно вовлечены в процесс привлечения средств из третьих стран для «контрас». Таким образом, у администрации Р. Рейгана возникла проблема с финансированием этого движения. Помощь в данном вопросе поступила из неожиданного источника – Ирана.

К этому времени победа Исламской революции в Иране лишала США своего главного союзника в другой важнейшей с геопо-

литической и экономической позиций точке планеты. Падение шахского режима Пехлави существенно трансформировало внутреннюю и внешнюю политику страны. Доминированию США в Иране пришел конец, дипломатические отношения между странами были прерваны. Изменение ситуации на иранском направлении американской внешней политики произошло благодаря деятельности двух иностранных бизнесменов – саудовского миллиардера Аднана Хашогги и иранского торговца оружием Манучера Горбанифара. В ходе их встречи М. Горбанифар подчеркнул, что является представителем либерально настроенной группы в иранском высшем руководстве и имеет полномочия установить контакт с США, для того чтобы наладить закупку необходимого Ирану оружия. В обмен он был готов способствовать освобождению американских заложников в Ливане и вывести ирано-американские отношения из тупика. М. Горбанифар подчеркнул, что поставка американского оружия в армию Исламской республики Иран усилит политические возможности либералов в иранском руководстве и позволит им прийти к власти после смерти Аятоллы Хомейни. Эти предложения заинтересовали Вашингтон: Р. Рейган стремился освободить американских заложников и вывести ирано-американские отношения на новый уровень.

Дальнейшие контакты М. Горбанифара с американцами при посредничестве Израиля привели к серии секретных поставок американского оружия в Иран, что противоречило официальной политике США по оружейному эмбарго Ирана.

В результате сделок, осуществленных структурами О. Норта – на тот момент главного лица во всех важнейших внешнеполитических операциях США, – средства, поступившие от продажи оружия Ирану, было решено использовать для финансирования деятельности «контрас» в Никарагуа. Отметим, что иранские деньги позволили поставлять движению современное вооружение и тем самым решить проблему администрации Р. Рейгана в финансировании тайной войны с сандинистами вплоть до ноября 1986 г., когда скандал «Иран-контрас» положил конец этим операциям.

Результаты. На первоначальном этапе никарагуанского кризиса администрация Дж. Картера реагировала пассивно на вызовы, возникшие в результате Сандинистской революции. Основной стратегией, используемой Дж. Картером, было оказание экономического давления, что не являлось эффективным средством по борьбе с экспортом Сандинистской революции на соседние страны. Приход к власти Р. Рейгана ознаменовался принятием Белым домом новой стратегии по обеспечению национальной безопасности. Проводимая ЦРУ программа секретных операций игнорировала американское законодательство, что привело к принятию ограничительных поправок Боланда. Указанные поправки сделали невозможным участие министерства обороны или ЦРУ в деле поддержания «контрас». Именно по этой причине было решено прибегнуть к помощи сотрудников СНБ, которые по закону не относились к специальным службам. Данное обстоятельство позволило администрации продолжать операции в Никарагуа, избегая надзора и ограничений со стороны конгресса. Сотрудником СНБ, выбранным для этой цели, был подполковник морской пехоты О. Норт, который проходил стажировку в аппарате помощника президента по национальной безопасности.

Таким образом, к осени 1984 г. СНБ через О. Норта заняло место ЦРУ в деле поддержания антисандинистского движения «контрас». О. Норт в свою очередь при помощи ЦРУ создал миниатюрную версию разведывательной службы, занимающейся поставками оружия силам «контрас». Преимущество использование подобной службы заключалось в том, что в нее входили частные лица, которым не нужно было давать показания перед комитетами конгресса и получать платежи, отслеживаемые правительством США. Пока О. Норт был единственной точкой соприкосновения с правительством, созданная им при помощи ЦРУ система, или, как ее иногда называли, «Предприятие» (Enterprise), была менее уязвима для воздействия со стороны конгресса.

Вместе с тем принятие поправок Болланда существенно ограничило финансирование движения. Для администрации Р. Рейгана возникла потребность в привлечении альтерна-

тивных средств обеспечения деятельности этого движения. На первоначальном этапе было решено использовать средства, полученные в результате благотворительных вечеров и поступлений от бизнесменов из других стран. Однако их было явно недостаточно для ведения полномасштабной войны с режимом сандинистов в Никарагуа. К этому времени были установлены секретные контакты с Ираном через Израиль. Поступившие от продажи оружия Тегерану средства были переведены для деятельности «контрас» в Никарагуа. Примечательным моментом в данных операциях стало то, что их выполнение курировали одни и те же люди из аппарата СНБ, и главную роль в этой деятельности играл О. Норт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахтамзян, Н. И. Тайные операции США в Чили 1963–1973 по материалам Комиссии Черча / Н. И. Ахтамзян // Латиноамериканский исторический альманах. – 2015. – № 15. – С. 284–301.
2. Вейнер, Т. ЦРУ. Правдивая / Т. Вейнер. – М. : Центрполиграф, 2013. – 728 с.
3. Горнов, М. Ф. Никарагуа : возрожденная земля Сандино / М. Ф. Горнов, Н. Ю. Смирнова. – М. : Политиздат, 1986. – 156 с.
4. [Документ госдепартамента США, отражающий экономическую помощь, оказанную республике Никарагуа] // [Документы университета Брауна]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-nic-1.pdf (дата обращения: 06.05.2019).
5. Дояр, П. Секретная война в Никарагуа / П. Дояр // Newsweek. – 1982. – 08 нояб.
6. Основное содержание бесед руководителей Никарагуа с заместителем госсекретаря США по межамериканским делам Томасом Эндерсом : аннотация // Документы российских программ Архива национальной безопасности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/BrezhnevEpoch/1981.10.30%20Enders%20Conversations%20with%20Nicaraguan%20Leadership.pdf (дата обращения: 06.05.2019).
7. Платошкин, Н. Н. Сандинистская революция в Никарагуа / Н. Н. Платошкин. – М. : Университет Дмитрия Можарского, 2015. – 781 с.
8. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 мая 1982 года «Об итогах переговоров с государственной делегацией республики Никарагуа» // Документы российских программ Архива национальной безопасности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/BrezhnevEpoch/1982.05.06.PDF (дата обращения: 06.05.2019).
9. Страны Центральной Америки : тенденции экономического и социально-политического развития : сб. ст. / отв. ред. В. В. Вольский. – М. : Наука, 1986. – 336 с.
10. Строгонова, Е. Д. Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки / Е. Д. Строгонова // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2012. – № 4 (15). – С. 51–60.
11. Chomsky, N. What Uncle Sam Really Wants / N. Chomsky. – Brooklyn : Odonian Press, 1986. – 111 p.
12. Document 06. White House, PROFS (e-mail) Message from Oliver North to John Poindexter, "Iran", August 23, 1986 // National Security Archive. – Electronic text data. – Mode of access: https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4463973-Document-06-White-House-PROFS-e-mail-message (date of access: 06.05.2019).
13. Document 07. White House, PROFS (e-mail) message from Oliver North to John Poindexter, September 17, 1986 // National Security Archive. – Electronic text data. – Mode of access: https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4463974-Document-07-White-House-PROFS-e-mail-message (date of access: 06.05.2019).
14. Executive Order 12333 «United States Intelligence Activities. December 4, 1981» (As Amended by Executive Orders 13284 (2003), 13355 (2004) and 13470 (2008)) 12333) // Central Intelligence Agency. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.cia.gov/about-cia/eo12333.html (date of access: 06.05.2019).
15. Finding Pursuant to Section 662 of the Foreign Assistance Act of 1961, As Amended, Concarning Operations Undertaken by the Central Intelligence Agency in Foreign Countries, Other Than Those Intented Solely for the Purpose of Intelligence Collection [=Директива Р. Рейгана о проведении спецопераций в Центральной Америке] // National Security Archive [= Документы Архива национальной безопасности]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-all-45.pdf (date of access: 06.05.2019).
16. Kornbluh, P. Nicaragua, the Price of Intervention: Regan's Wars Against the Sandinistas / P. Kornbluh. – Washington : Institute for Policy Studies, 1987. – 287 p.
17. National Security Decision Directive № 37 (May 28, 1982) [= Директива совета по национальной безопасности США № 37 от 28 мая 1982 г.] // National Security Archive [= Документы Архива национальной безопасности]. – Electronic tex data. – Mode of access: https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-037.htm (date of access: 06.05.2019).

18. National Security Planning Group Minutes June 25, 1984 // National Security Archive. – Electronic text data. – Mode of access: https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=3224970-01-NSC-National-Security-Planning-Group-Minutes (date of access: 06.05.2019).

19. Scope of CIA Activities Under the Nicaragua Finding [= Деятельность ЦРУ в Никарагуа] // [Документы университета Брауна]. – Electronic tex data. – Mode of access: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-all-19.pdf (date of access: 06.05.2019).

20. The Boland Amendment [= Поправки сенатора Э. Боланда, к закону об ассигнованиях на разведывательную деятельность] // [Документы университета Брауна]. – Electronoc text data. – Mode of access: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-nic-7.pdf (date of access: 06.05.2019).

REFERENCES

1. Akhtamzyan N.I. Taynye operatsii SShA v Chili 1963–1973 po materialam Komissii Chercha [Secret Operations of the USA in Chile 1963–1973 Based on Materials of the Church Committee]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy almanakh* [Latin-American Historical Almanac], 2015, no. 15, pp. 284-301.

2. Veyner T. *TsRU. Pravdivaya istoriya* [CIA. True History]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013. 728 p.

3. Gornov M.F. Smirnova N.Yu. *Nikaragua: vozrozhdennaya zemlya Sandino*. [Nicaragua: The Revived Land of Sandino]. Moscow, Politizdat, 1986. 156 p.

4. Dokument gosdepartamenta SShA, otrazhayushchiy ekonomicheskuyu pomoshch, okazannuyu respublike Nikaragua [Document of the U.S. State Department Reflecting the Economic Assistance Provided to the Republic of Nicaragua]. *Dokumenty universiteta Brauna* [Brown University Documents]. URL: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-nic-1.pdf (accessed 6 May 2019).

5. Doyar P. Sekretnaya voyna v Nikaragua [Secret War in Nicaragua]. *Newsweek*, 1982, November 8.

6. Osnovnoe soderzhanie besed rukovoditeley Nikaragua s zamestitelem gossekretarya SShA po mezhamerikanskim delam Tomasom Endersom: annotatsiya [Main Content of the Conversations of the Nicaraguan Leadership with U.S. Under Secretary of State T. Enders. Abstract]. *Dokumenty rossiyskikh programm Arkhiva natsionalnoy bezopasnosti* [Documents of the Russian Programs of the National Security Archive]. URL: http://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/BrezhnevEpoch/1981.10.30%20Enders%20Conversations%20with%20Nicaraguan%20Leadership.pdf. (accessed 6 May 2019).

7. Platoshkin N.N. *Sandinistskaya revolyutsiya v Nikaragua* [Sandinista Revolution in Nicaragua]. Moscow, Universitet Dmitriya Mozharskogo, 2015. 781 p.

8. Stenogramma zasedaniya Politbyuro TsK KPSS ot 6 maya 1982 goda «Ob itogakh peregovorov s gosudarstvennoy delegatsiey respubliki Nikaragua» [Transcript of the Meeting of the Central Committee of the CPSU of May 6 1982 "On the Results of Negotiations with the State Delegation of the Republic of Nicaragua"]. *Dokumenty rossiyskikh programm Arkhiva natsionalnoy bezopasnosti* [Documents of the Russian Programs of the National Security Archive]. URL: http://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/BrezhnevEpoch/1982.05.06.PDF (accessed 6 May 2019).

9. Volskiy V.V., ed. *Strany Tsentralnoy Ameriki: tendentsii ekonomicheskogo i sotsialno-politicheskogo razvitiya: sb. st.* [Central American Countries: Trends in Economic and Socio-Political Development. Collected Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 336 p.

10. Strogonova E.D. Politika SShA v otnoshenii levykh rezhimov Latinskoy Ameriki [U.S. Policy Towards the Left Regimes of Latin America]. *Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, 2012, no. 4 (15), pp. 51-60.

11. Chomsky N. *What Uncle Sam Really Wants*. Brooklyn, Odonian Press, 1986. 111 p.

12. Document 06. White House, PROFS (e-mail) Message from Oliver North to John Poindexter, "Iran", August 23, 1986. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4463973-Document-06-White-House-PROFS-e-mail-message (accessed 6 May 2019).

13. Document 07. White House, PROFS (e-mail) Message from Oliver North to John Poindexter, September 17, 1986. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4463974-Document-07-White-House-PROFS-e-mail-message (accessed 6 May 2019).

14. Executive Order 12333 "United States Intelligence Activities. December 4, 1981" (As Amended by Executive Orders 13284 (2003), 13355 (2004) and 13470 (2008)) 12333). *Central Intelligence Agency*. URL: https://www.cia.gov/about-cia/eo12333.html (accessed 6 May 2019).

15. Finding Pursuant to Section 662 of the Foreign Assistance Act of 1961, As Amended, Concerning Operations Undertaken by the Central Intelligence Agency in Foreign Countries, Other Than Those Intended Solely for the Purpose of Intelligence Collection. *National Security Archive*. URL: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-all-45.pdf (accessed 6 May 2019).

16. Kornbluh P. *Nicaragua, the Price of Intervention: Regans Wars Against the Sandinistas*. Washington, Institute for Policy Studies, 1987. 287 p.

17. National Security Decision Directive № 37 (May 28, 1982). *National Security Archive*. URL: https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-037.htm (accessed 6 May 2019).

18. National Security Planning Group Minutes June 25, 1984. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=3224970-01-NSC-National-Security-Planning-Group-Minutes (accessed 6 May 2019).

19. Scope of CIA Activities Under the Nicaragua Finding. *Dokumenty universiteta Brauna* [Brown University Documents]. URL: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-all-19.pdf (accessed 6 May 2019).

20. The Boland Amendment. *Dokumenty universiteta Brauna* [Brown University Documents]. URL: https://www.brown.edu/Research/Understanding_the_Iran_Contra_Affair/documents/d-nic-7.pdf (accessed 6 May 2019).

Information About the Author

Democrit M. Zamanapulov, Postgraduate Student, Department of General History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, dz750@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3682-1241

Информация об авторе

Демокрит Малхазович Заманапулов, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, dz750@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3682-1241

www.volsu.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.8

UDC 327
LBC 66.4(2Poc)

Submitted: 12.11.2019
Accepted: 11.05.2020

STATUS OF THE SOUTHERN KURILS: ISSUES OF HISTORY AND PROBLEMS OF ENSURING RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

Vyacheslav B. Evdokimov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Maksim V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* After the end of World War II, a peace treaty between Russia and Japan was never signed. The reason for this lies in the dispute between the two states about the ownership of the Southern Kurils. The intensification of Russian-Japanese negotiations on this issue in recent years actualizes the topic of this study in the context of ensuring the interests of Russia and the inviolability of its territory. *Methods and materials.* In this paper, the authors use the following methods: interdisciplinary historical, formal-logical, formal-legal. The use of forecasting and modeling methods contributes to the formulation of the main conclusions of the study. The theoretical basis of the research is presented by monographs and scientific articles on the history of Russian-Japanese relations over the Southern Kurils. *Analysis.* The paper presents the experience of relations between Russia and Japan since the mid-19th century. The basic international treaties that laid the legal basis for the territorial affiliation of the Southern Kurils have been studied in detail. The current state of the Russian-Japanese relations over the Southern Kurils has been analyzed. Japans claims to the Southern Kurils have been assessed in terms of the territorial and economic aspects. *Results.* The authors conclude that the territorial belonging of the Southern Kuril Islands was recognized by the international community of states as a whole on the basis of provisions of treaties in force at the time of concluding the Joint Declaration of the USSR and Japan of 1956, which entails the nullity of paragraph 2 of clause 9 of this Declaration. The inclusion of provisions on the non-separability of Russian territories in the Russian Constitution requires legislative concretization of the inadmissibility of territorial concessions by Russia in case of the conclusion of a peace treaty with Japan. The conclusion of a peace treaty based on the results of the agreements reached during the negotiations is also possible under other conditions that are not limited to the transfer of the Southern Kurils to Japan. In particular, it is possible to follow the path of economic integration of the respective territories by both countries.

Key words: Southern Kuril Islands, Russian-Japanese relations, Portsmouth Peace Treaty, Yalta agreement, Potsdam Declaration, San Francisco Peace Treaty, Joint Declaration of 1956, peace treaty of Russia (USSR) and Japan.

Citation. Evdokimov V.B., Zaloilo M.V. Status of the Southern Kurils: Issues of History and Problems of Ensuring Russia's National Interests. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 90-102. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.8

© Евдокимов В.Б., Залоило М.В., 2020

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

Дата поступления статьи: 12.11.2019
Дата принятия статьи: 11.05.2020

СТАТУС ЮЖНЫХ КУРИЛ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Вячеслав Борисович Евдокимов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Максим Викторович Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* После окончания Второй мировой войны мирный договор между Россией и Японией так и не был подписан. Причина этого кроется в споре между двумя государствами о принадлежности Южных Курил (острова Шикотан, Кунашир, Итуруп и гряда Хабомаи). Активизация российско-японских переговоров по этому вопросу в последние годы актуализирует тему настоящего исследования в контексте обеспечения интересов России и неотторжимости ее территории. *Методы и материалы.* Методологическую основу исследования составили междисциплинарный исторический, формально-логические, формально-юридический методы. Применение методов прогнозирования и моделирования способствовало формулированию основных выводов исследования. Теоретическая основа исследования представлена монографиями и научными статьями по истории развития российско-японских отношений по поводу Южных Курил. *Анализ.* В работе представлен опыт взаимоотношений России и Японии начиная с середины XIX века. Подробно изучены базовые международные договоры, заложившие нормативно-правовую основу территориальной принадлежности Южных Курил. Анализируется современное состояние российско-японских отношений по поводу Южных Курил. *Результат.* Авторами сформулирован вывод о том, что территориальная принадлежность Южных Курил была признана международным сообществом государств в целом исходя из положений международных договоров, действовавших в момент заключения Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., что влечет ничтожность абзаца 2 пункта 9 этой Декларации. Включение в Конституцию России положений о неотторжимости ее территорий требует законодательной конкретизации в части закрепления недопустимости территориальных уступок со стороны России в случае заключения мирного договора с Японией. Заключение мирного договора по результатам достигнутых в ходе переговоров договоренностей возможно и на иных условиях, не сводящихся к передаче Южных Курил Японии. В частности, возможно следование пути экономической интеграции соответствующих территорий обеими странами. *Вклад авторов.* В.Б. Евдокимовым предложена идея и концепция статьи, сформулирована цель и поставлены исследовательские задачи, выбрана надлежащая методология, позволяющая достигнуть поставленной цели, выработаны рабочие гипотезы о разрешении актуальных проблем русско-японских отношений по поводу Южных Курил, проанализированы особенности российско-японских отношений в связи со спорными территориями на разных исторических этапах (дореволюционный, советский, современный), осуществлено научное редактирование. М.В. Залоило разработан тематический план содержания статьи, проанализирована историография развития российско-японских отношений по поводу Южных Курил, исследованы международные договоры, определяющие статус Южных Курил. Формулирование содержащихся в заключительной части статьи выводов осуществлено совместно.

Ключевые слова: Южные Курилы, российско-японские отношения, Портсмутский мирный договор, Ялтинское соглашение, Потсдамская декларация, Сан-Францисский мирный договор, Совместная декларация 1956 года, мирный договор России (СССР) и Японии.

Цитирование. Евдокимов В. Б., Залоило М. В. Статус Южных Курил: вопросы истории и проблемы обеспечения национальных интересов России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 90–102. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.8

Введение. Современная Япония является миролюбивым государством и старается поддерживать добрососедские отношения со всеми странами мира. Вместе с тем из всех государств мира она имеет «геополитическую обиду» только на одно государство – Россию. Символом этой обиды являются Южные Курилы, или, как их называют в Японии, «северные территории», которые после Второй мировой войны стали суверенной территорией СССР, а после его распада – его правопреемницы Российской Федерации. Мирный договор между СССР (и впоследствии Россией) и Японией до сих пор не подписан. В последние годы российско-японские переговоры активизировались, в том числе на них затрагивается вопрос заключения мирного договора. В России в Конституцию в ходе проводимой реформы включены специальные нормы о неотторжимости ее территории. Сказанное актуализирует тему настоящего исследования, исходящего из предпосылок необходимости обеспечения национальных интересов России и недопустимости каких-либо территориальных уступок.

Методы и материалы. Использование междисциплинарного исторического метода позволило авторам провести исследование проблемы территориальной принадлежности Южных Курил на протяжении почти четырех веков. Формально-логические и формально-юридический методы позволили проанализировать базовые международные договоры, заложившие нормативно-правовую основу территориальной принадлежности Южных Курил в разные исторические периоды (Русско-японский трактат о границах и торговле 1855 г., Трактат о промене части острова Сахалин на гряду Курильских островов 1875 г., Портсмутский мирный договор 1905 г., Ялтинское соглашение 1945 г., Потсдамская декларация 1945 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Сан-Францисский мирный договор 1951 г., Совместная декларация СССР и Японии 1956 г., Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 г.). Применение методик прогнозирования и моделирования позволило авторам предложить конкретные меры решения спорной ситуации. Теоретическая основа исследования представлена монографиями и научными статьями по истории развития российско-японских отношений по поводу Южных Курил.

Анализ. Напомним: спорными территориями, по мнению японцев, являются острова Шикотан, Кунашир, Итуруп и гряда Хабомаи (она состоит из нескольких десятков мелких островков), а также южная часть острова Сахалин. И хотя Япония называет их «исконно японскими территориями» (см. Закон Японии о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий 1982 г.) [27; 31, с. 238], это не соответствует действительности [14, с. 18–21], хотя бы потому, что русские мореплаватели уже в конце XVII в. появились на Южных Курилах и начали их осваивать раньше, чем японцы. При этом казаки И.П. Козыревский и Д.Я. Анциферов, первыми составившие описания Южных Курил, отмечали в своих отчетах, что там они не встречали представителей других государств [14, с. 25]. Присоединение островов к России осуществлялось в соответствии с нормами международного права того времени, Россия заявила свои права на них, зная, что они никем не заняты, и в более позднее время, в XVIII в., кроме России на Южные Курилы никто не претендовал [14, с. 30]. Курильская гряда на русских и некоторых европейских картах конца XVIII – начала XIX в. обозначалась как часть Российской империи [14, с. 21]. До их захвата Японией, начавшегося в 1798 г., острова принадлежали России.

После этого, уже в XIX в. Российская империя признала суверенитет Японии над Курилами. 26 января 1855 г. в Симоде был заключен Русско-японский трактат о границах и торговле (Симодский трактат 1855 г.), согласно статье 2 которого граница между Россией и Японией устанавливалась между островами Итуруп и Уруп; остров Итуруп признавался японским, а остров Уруп и все Курильские острова к северу от него – российскими. Сахалин оставался неразделенным между двумя государствами, как было до заключения Симодского трактата [21, с. 128]. 25 апреля 1875 г. в Санкт-Петербурге был подписан Трактат о промене части острова Сахалин на гряду Курильских островов, где предусматривалась передача Японии Курильских

островов от Урупа до Камчатки в обмен на отказ японцев от претензий на южный Сахалин [14, с. 94].

После поражения Российской империи в Русско-японской войне (1904–1905 гг.) и подписания 5 сентября 1905 г. Портсмутского мирного договора [19, с. 338–341] Японии была передана и часть Сахалина к югу от 50-й параллели. Позиция российской стороны состоит в том, что заключение Портсмутского мирного договора аннулировало Симодский и Санкт-Петербургский трактаты, следовательно, как отмечается в отечественной литературе, Япония «лишилась международно-правовых оснований владеть Курилами» [25, с. 73]. Здесь необходимо пояснить, что после окончания Второй мировой войны и вплоть до сегодняшнего дня японская сторона, обосновывая свои претензии на Южные Курилы, часто ссылается на положения Симодского и Санкт-Петербургского трактатов, особенно в части толкования понятия «Курильские острова» [33, с. 14], что, однако, в доктрине критикуется [34, p. 3; 35, p. 294; 36, p. 200] и, по нашему мнению, противоречит статьям 59 и 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., применяемым в совокупности.

Ситуацию изменила Вторая мировая война. 11 февраля 1945 г. руководителями СССР, США и Великобритании было заключено Крымское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока (Ялтинское соглашение), согласно которому после капитуляции Германии СССР обязался вступить в войну против Японии на стороне союзников при условии «возвращения ему южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов и передачи Курильских островов» [18, с. 81–82].

По условиям подписанной 26 июля 1945 г. Потсдамской декларации [18, с. 104–106] суверенитет Японии ограничивался островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами японского архипелага, которые укажут союзники. 2 сентября 1945 г. состоялось подписание Японией Акта о безоговорочной капитуляции, и страна приняла условия Потсдамской декларации.

8 сентября 1951 г. на международной конференции в г. Сан-Франциско японское руководство подписало Мирный договор с 48 странами – участницами антифашистской коалиции, отказавшись, согласно статье 2 этого договора, «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года» [9].

Однако (и это следует особо подчеркнуть) в документе не оговаривалось, в пользу какого государства Япония отказывается от территорий. Это обстоятельство, а также ряд других положений Сан-Францисского мирного договора, сформулированных под давлением США, послужили одной из причин отказа Советского Союза подписать его. Еще в ходе его разработки советской делегацией была предложена несколько иная формулировка соответствующего положения: «о признании Японией полного суверенитета СССР на южную часть острова Сахалин, со всеми прилегающими к ней островами, и на Курильские острова и об отказе Японии от всех прав, правооснований и претензий на эти территории» [13, с. 132]. Но указанная формулировка, как и другие предложенные советской делегацией поправки в проект рассматриваемого договора, была отклонена, а сам данный договор, заключенный без участия СССР и ряда других государств (договор не подписали также Польша и Чехословакия, а такие государства, как Бирма, Индия, Китайская Народная Республика и Югославия, вообще не принимали участия в мирной конференции в Сан-Франциско [16, с. 70]), расценивается как сепаратный.

Как отмечается в отечественной литературе, сложившаяся «коллизия и дала возможность Японии ставить под вопрос окончательное решение данной проблемы» [14, с. 16]. Помимо этого, по мнению японцев, если адресат этих территорий не определен, а Советский Союз отказался подписывать Сан-Францисский мирный договор, то он и не имел права претендовать на них. «Договор не обозначил географические рамки Курильских островов, от которых отказывалась Япония, по этой причине японцы утверждают, что Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан якобы не входят в Курилы» [14, с. 163; 33, p. 14]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что согласс-

но Сан-Францисскому мирному договору Япония не вправе самостоятельно высказываться относительно юридического статуса Южных Курил.

Переговоры о возвращении так называемых «северных территорий» Токио ведет с Москвой с середины 1950-х гг., однако до настоящего времени без особого успеха [12].

19 октября 1956 г. была принята Совместная декларация СССР и Японии, где было закреплено, что состояние войны между СССР и Японией прекращается со дня ее вступления в силу. Декларация насчитывает всего десять пунктов, девять из которых к настоящему времени реализованы [10, с. 77]. В документе СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая ее интересы, согласился на передачу ей островов Хабомаи и острова Сикотан (Шикотан) с условием, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией. Это нашло отражение в пункте 9 Совместной декларации, который как раз и остается предметом раздора, или, как его еще называют, «миной замедленного действия» [22, с. 118–119].

Таким образом, «базовая» Совместная декларация послужила юридическим оформлением советско-японских отношений в послевоенный период, хотя и не является единственным документом, лежащим в основе взаимоотношений России (а ранее – СССР) и Японии.

Руководство Японии не считало уступку двух островов окончательным решением проблемы, а интерпретировало ее лишь как промежуточное решение, настаивая на возвращении всех четырех островов [14, с. 168]. В свою очередь, для Советского Союза это были максимально возможные уступки, причем именно в тех конкретных послевоенных исторических условиях. Здесь же уместно отметить тот факт, что положения пункта 9 Совместной декларации вступили в противоречие с иными базовыми международными документами, регулирующими статус спорных территорий – Ялтинским соглашением, Потсдамской декларацией, Сан-Францисским мирным договором, где говорится об отказе Японии от претензий на Южные Курилы. Кроме того, согласно статье 8 Сан-Францисского мирного договора Япония признала полную силу всех договоров, заключенных союзными державами для прекращения состояния Второй мировой войны и восстановления мира, к которым, как представляется, однозначно относятся Ялтинское соглашение и Потсдамская декларация.

В результате российско-японские отношения и само движение к подписанию мирного договора усложнялись различной трактовкой одних и тех же международных договоров обеими странами.

27 декабря 1991 г. было ознаменовано важным событием. В этот день правительство Японии официально признало Российскую Федерацию в качестве государства-продолжателя СССР. Одновременно это означало, что положения Ялтинского соглашения, Потсдамской декларации, а также Совместной декларации 1956 г. действуют в отношении России как участницы соответствующих международных документов, и это не может не признаваться японской стороной.

Таким образом, в начале 90-х гг. XX в. после распада СССР территориальный вопрос в российско-японских отношениях вновь проявил себя, поскольку «Россия, уступая давлению Японии, не только заявила о признании наличия проблемы, но и согласилась вести переговоры о принадлежности Южных Курил» [8, с. 130].

В настоящее время заметно отличаются подходы Японии и России к подписанию мирного договора. Для Японии подписание мирного договора обусловлено передачей (по мнению японцев, возвращением) всех спорных территорий, тогда как для России это неприемлемо, и территориальный вопрос рассматривается здесь не в качестве первоочередной проблемы российско-японских отношений [26, с. 50]. Для России полный суверенитет над всеми Курильскими островами не подлежит сомнению, однако рассматривается возможность поиска такого решения, которое удовлетворяло бы обе стороны.

Территориальный аспект. Прежде всего необходимо установить территориальный размер претензий Японии и попытаться их оценить.

Площадь в двух районах Сахалинской области – Курильском и Южно-Курильском, на которую претендует Япония, составляет 5 174,09 кв. км [15].

Япония мотивирует свои интересы тем, что Россия обладает огромной территорией, 1/8 частью суши земного шара, то есть 12,5 %, а население России составляет всего 2,5 % от мирового [4]. Поэтому отчуждение усматриваемых северных территорий в пользу Японии для России не может рассматриваться как территориальная потеря.

Однако площадь притязаний Японии с учетом прилегающей морской акватории составляет около 200 тыс. кв. км и несоразмерна площади самой Японии.

Экономический аспект. Курильские острова – это один из важнейших сырьевых районов России. Здесь «сосредоточены запасы нефти, месторождения серы и магния. Общий запас биоресурсов (с прилегающими территориальными водами) оценивается в 2,5 трлн долл., а ежегодный возобновляемый запас – в 4,2 млрд долл.» [11].

Южные Курилы – это естественный рубеж России со стороны Тихого океана, они связывают российское Приморье и Камчатку, благодаря незамерзающим проливам обеспечивают выход по российским территориальным водам в Тихий океан.

Сами острова в хозяйственном отношении ничего особенного собой не представляют. Но море вокруг них, которое как раз и входит в экономическую зону, чрезвычайно богато рыбой, поэтому утратить эту часть экономической зоны значит утратить одни из самых лучших промысловых морских угодий [4].

Современное состояние проблемы. В последние десятилетия российско-японские отношения претерпели значительные изменения, взяв курс на новое развитие в принципиально ином формате, чему послужили не только распад СССР и демократизация российского государства, но и стремление Японии к самостоятельности на международной арене (напомним, в годы после окончания Второй мировой войны конфронтация между СССР и Японией искусственно поддерживалась Соединенными Штатами Америки, которым было выгодно сохранение противоречий между двумя этими государствами). В 1998 г. в Москве была подписана Декларация об установлении созидательного партнерства между Россией и Японией, где стороны выразили готовность ускорить заключение мирного договора и одновременно приступить к конструктивному сотрудничеству в различных сферах. В рамках постоянно действующей с 1988 г. рабочей группы по мирному договору было решено создать две подгруппы: по обсуждению статьи договора о территориальном размежевании, а также и по обсуждению других вопросов, связанных с мирным договором.

Между Россией и Японией поддерживается регулярный и доверительный диалог на самом высоком уровне начиная с 2000 г., когда состоялся ряд встреч российского и японского лидеров [1; 17; 26, с. 50]. В апреле 2017 г. стороны пришли к соглашению о развитии совместной хозяйственной деятельности на островах (при этом статус южных островов Большой Курильской гряды как российской территории остался неизменным). 2019 г. ознаменовался активизацией российско-японских переговоров по мирному договору на основе Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 года. В январе 2019 г премьер-министр Японии Синдзо Абэ и его правительство приступили к рассмотрению вопроса о заключении мирного договора с Россией при получении гарантии передачи Японии части южных Курильских островов: Шикотана и Хабомаи [20]. Однако среди японского населения сейчас, как и в более раннее время, вопрос о частичной, а не о полной передаче островов воспринимается остро и подвергается критике.

Россия, в свою очередь, ставит два условия заключения мирного договора: соответствие Совместной декларации от 19 октября 1956 г. (признание японской стороной результатов Второй мировой войны «во всей их полноте, в том числе суверенитета Российской Федерации над всеми Курильскими островами, включая острова Малой Курильской гряды»), а равно гарантии неразмещения на спорных территориях в случае их передачи американских военных баз [2].

Отдельные зарубежные авторы полагают оптимальным вариант передачи Японии двух островов, как это предусмотрено Совместной декларацией от 19 октября 1956 г., однако констатируют невозможность обоих государств прийти к соглашению под влиянием внутриполитических факторов [30, p. 261].

Интересен подход А. Ивасита, который в качестве приемлемого варианта решения обозначенной проблемы предлагает формулу «пятьдесят на пятьдесят», в результате чего, по его мнению, Японии должны быть переданы три из четырех островов (Хабомаи, Шикотан, Кунашир, занимающие 38 % спорных территорий) с сохранением за Россией самого крупного и стратегически важного острова Итуруп [7, с. 139]. Вместе с тем официальные линии японского руководства (на возвращение всех четырех островов) и российских властей (на сохранение территориальной целостности страны) препятствуют достижению согласия [7, с. 141]. Даже сейчас, несмотря на определенное улучшение российско-японских отношений [28, p. 201], говорить о тенденции к полному разрешению международных проблем Японии и России преждевременно.

Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. В числе национальных интересов на долгосрочную перспективу указанная Стратегия называет обеспечение незыблемости суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление социальной стабильности [24].

Поэтому для Российской Федерации проблемы «спорных» островов должны решаться однозначно. Рассматриваемые территории – часть территории России [3, с. 284], и вопрос об их отчуждении не должен муссироваться на внутригосударственном и международном уровне. В связи с этим необходимо по-новому взглянуть на содержание Совместной декларации 1956 г., где фактически говорится, что вслед за подписанием мирного договора должна последовать передача, по меньшей мере, двух островов. Дело в том, что удовлетворение Россией территориальных претензий Японии означало бы возможность пересмотра территориальных итогов Второй мировой войны в отношении других государств, что недопустимо. Согласно статье 107 Устава Организации Объединенных Наций он не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших Устав ООН, а также не препятствует таким действиям. Кроме того, рассматриваемое положение Совместной декларации имело смысл для советского государства именно в соответствующий исторический период, а по прошествии нескольких десятков лет подобная уступка утратила свою былую актуальность.

Необходимо иметь в виду, что в соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации коллизии между внутригосударственными правовыми нормами и международно-правовыми нормами не всегда решаются в пользу норм международного права [5, с. 32]. Конституция РФ имеет в правовой системе России высшую юридическую силу и стоит на вершине иерархии источников права.

В данной связи четко очерчивается противоречие между приоритетами, составляющими национальный интерес Российской Федерации, и предпосылками, заложенными в нормах позитивного права, а именно, в пункте 9 Совместной декларации 1956 года.

Разрешение коллизии для целей сохранения государственности, суверенитета, территориальной целостности России должно базироваться на приоритете интересов государственной безопасности и укрепления статуса государства на международной арене.

Предварительные критерии, по которым возможна выработка позиции сближения сторон, могут быть следующими:

1. Улучшению российско-японских отношений не должны способствовать территориальные уступки Российской Федерации, этого возможно достигнуть иными способами, в частности, укреплением экономического сотрудничества, в том числе в рамках спорных территорий.

2. Определение судьбы Южных Курил недопустимо без учета воли их населения, однако само по себе оно не может выступать единственным критерием для решения вопроса о принадлежности спорных территорий.

3. Приведение географических названий островов в соответствие с официально присвоенными им наименованиями, недопущение использования японских географических наименований (Хабомаи) для обозначения российских территорий (Малая Курильская гряда).

Результат. Как показал анализ международных договоров, в той или иной степени связанных с проблемой определения территориальной принадлежности Южных Курил, действующие на момент заключения Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. и по сей день находящиеся в силе, международные договоры предусматривали возврат в состав СССР южной части о. Сахалина, прилегающих к нему островов и передачу Курильских островов (Ялтинское соглашение 1945 г.), ограничение суверенитета Японии конкретными территориями (Потсдамская декларация 1945 г.), отказ Японии от претензий на Курильские острова (Сан-Францисский мирный договор 1951 г.), то есть территориальная принадлежность Южных Курил СССР (а значит и России как его правопреемнице) была принята и признана международным сообществом государств в целом. В связи с этим, по нашему мнению, в силу норм статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. абзац 2 пункта 9 Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. противоречил в момент заключения этой Декларации императивной норме общего международного права (jus cogens), что влечет ничтожность указанного пункта.

В настоящее время Президентом Российской Федерации инициирована конституционная реформа, в ходе которой внесено большое число изменений в Конституцию Российской Федерации. В частности, принятый по итогам масштабных обсуждений Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (статья 1) дополняет статью 67 Конституции России частью 2.1, гласящей, что «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» [6]. В таком случае возможная передача Россией Японии островов Хабомаи и острова Сикотан (Шикотан) будет вступать в прямое противоречие с российскими конституционными нормами. В связи с этим указанные нормы части 2.1 статьи 67 Конституции России должны будут найти конкретизацию в действующем законодательстве, где необходимо предусмотреть запрет заключения Россией мирного договора с Японией ценой территориальных уступок со стороны нашего государства. Абзац 2 пункта 9 Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. обусловливает уступку указанных островов заключением мирного договора, однако это не означает, что в самом мирном договоре, если он будет заключен, не могут быть определены иные условия по результатам проведенных переговоров.

Теоретически возможен и другой (нестандартный) путь – экономическая интеграция соответствующих территорий обеими странами, что означает возможность активного участия Японии в экономическом развитии указанной территории, но при сохранении суверенитета над территорией за Россией. Примером может послужить опыт разрешения похожих территориальных противоречий между Финляндией и Швецией по поводу Аландских островов. Указанная спорная территория после Крымской войны 1853–1856 гг. по Парижскому мирному договору 1856 г. получила особый статус демилитаризованной зоны, который был подтвержден Аландской конвенцией 1921 г. и Парижским мирным договором (Мирным договором с Финляндией) 1947 года. Аландские острова являются автономией в составе Финляндии, но официальным языком на их территории является шведский язык, поддерживается шведская языковая и культурная самобытность, существует местное гражданство. В данный момент для жителей как Финляндии, так и Швеции, неважно, кому эти острова принадлежат.

Предлагаемая «аландская модель» решения вопроса о принадлежности Южных Курил противостоит «гонконгской модели» поиска компромисса, если следовать которой суверенитет над спорными территориями со временем должен перейти к Японии, как это было сделано в отношениях между Великобританией и Китаем по поводу Гон-

конга [23, с. 18–19], а также «амурской модели» разрешения территориальных разногласий между Россией и Китаем в отношении островов на реке Амур [29, p. 1–7], основанной на делении пополам общей площади спорной территории [37, p. 151]. Иные модели разрешения разногласий, равно как «гонконгская» и «амурская», не в полной мере отвечают национальным интересам России. В частности, стоит отметить «модель парка мира», которая хоть и содержит ценные решения ряда вопросов по эффективному управлению спорными территориями, но оставляет в стороне проблему о территориальной принадлежности южно-курильских островов [32, p. 261–276].

В этом смысле предложенный путь экономической интеграции соответствующих территорий Россией и Японией по «аландской модели» является для России одним из благоприятных сценариев развития российско-японских отношений, направленным, прежде всего, на избежание повторения неблагоприятных гонконгского и амурского прецедентов. В целом Курильские острова могут стать эпицентром сотрудничества, зоной повышенного благосостояния, что позволит возобладать прагматизму и гуманизму в поисках выхода из сложившегося тупикового состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Визиты премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Россию. Досье. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://tass.ru/info/5234898, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

2. В Кремле не рассматривают возможность передачи Курил Японии / Н. Галимова, Е. Пудовкин, П. Химшиашвили, В. Дергачев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/12/03/2019/5c814bf09a794742db3b8802, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

3. Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. – 301 с.

4. Данилов-Данильян, В. И. Благодаря Курильским островам мы имеем возможность контроля над заходом в Охотское море / В. И. Данилов-Данильян. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177831480.html, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

5. Евдокимов, В. Б. О верховенстве части 1 и части 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации / В. Б. Евдокимов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 29–33.

6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

7. Ивасита, А. Пограничный вопрос в Евразии. Сравнительный анализ центральноазиатского, российско-китайского и российско-японского опыта / А. Ивасита // Сравнительная политика. – 2010. – № 1. – С. 130–143. – DOI: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2010-1-1-130-143.

8. Ильинская, О. И. Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией / О. И. Ильинская // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 129–141. – DOI: 10.12737/19224.

9. История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. V. – М. : Иностр. лит., 1958. – С. 337–368.

10. Казаков, О. И. К 60-летию Совместной декларации СССР и Японии 1956 года / О. И. Казаков // Японские исследования. – 2017. – № 1. – С. 75–89. – DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00006.

11. Кондратьев, В. Курильские острова – на пути к светлому будущему / В. Кондратьев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.ntv.ru/novosti/91493, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

12. Корнилов, А. Япония получит Курилы / А. Корнилов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/2002/02/02/aponiapolu4i.shtml, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

13. Кошкин, А. А. Громыко говорит «Нет»: к истории заключения послевоенного мирного договора с Японией / А. А. Кошкин // Вестник МГИМО. – 2011. – № 4. – С. 129–135.

14. Лужков, Ю. М. Курильский синдром / Ю. М. Лужков, И. Б. Титов. – М. : Московские учебники и Картолитография, 2008. – 224 с.

15. Ответ Федеральной службы геодезии и картографии России на запрос Сахалинской областной Думы : письмо № 7-01-2568 от 28.08.2001 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vff-s.narod.ru/kur/k/pnk1.html, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

16. Панов, А. Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелегкая судьба после ратификации / А. Н. Па-

нов // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 63–94. – DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012.

17. Российско-японские отношения : информ.-аналит. бюл. депутатской группы по связям с парламентом Японии Гос. думы Федер. собр. РФ. – 2001. – № 10. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ru-jp.org/iab10.pdf, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

18. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : [б. и.], 1955. – Вып. XI. – 199 с.

19. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. – М. : Госполитиздат, 1952. – 464 с.

20. СМИ: Абэ готов на мирный договор с РФ при гарантии передачи Шикотана и островов Хабомаи. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6019980, свободный (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.

21. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). – Варшава : [б. и.], 1906. – 586 с.

22. Тихвинский, С. Л. Россия – Япония: Обречены на добрососедство / С. Л. Тихвинский // Избранные произведения : в 5 кн. Кн. 4 : Отечественная и всемирная история: Великая Отечественная война, внешняя политика и международные отношения. – М. : Наука, 2006. – 561 с.

23. Тренин, Д. Тихоокеанское будущее России. Урегулирование спора вокруг Южных Курил. Рабочие материалы Карнеги / Д. Тренин, Ю. Вебер. – М. : Пресс Клуб Сервис, 2013. – 30 с.

24. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.

25. Хмелевский, С. В. «Мы не торгуем территориями», или о том, нужен ли России мирный договор с Японией или нет / С. В. Хмелевский // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 71–77.

26. Хонг, В. С. Территориальный спор между Японией и Россией: взгляд из Республики Корея / В. С. Хонг // Социологические исследования. – 2014. – № 9. – С. 49–57.

27. Basic Understanding of the Northern Territories Issue. Ministry of foreign affairs of Japan. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/overview.html (date of access: 07.11.2019). – Title from screen.

28. Ferguson, J. P. Japanese Strategic Thinking Toward Russia / J. P. Ferguson // Japanese Strategic Thought Toward Asia. Strategic Thought in Northeast Asia / G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson (eds.). – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. – 280 p.

29. Gorenburg, D. The Southern Kuril Islands Dispute / D. Gorenburg // PONARS Eurasia Policy Memo. – 2012. – № 226. – P. 1–7.

30. Jung, G. Why Japan and Russia have failed to solve the territorial dispute: the 1956 Joint Declaration and the mechanism of political coherence / G. Jung, S. S. Yoon, S. H. Jeh // Asia Europe Journal. – 2016. – Vol. 14, iss. 3. – P. 261–278. – DOI: https://doi.org/10.1007/s10308-015-0439-5.

31. Ko, S. S. Nationality and International Law in Asian Perspective / S. S. Ko. – Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1990. – 506 p.

32. Lambacher, J. Nesting cranes: Envisioning a Russo-Japanese peace park in the Kuril Islands. Peace Parks: Conservation and Conflict Resolution / J. Lambacher ; ed. by Saleem H. Ali. – Cambridge, L. : MIT Press, 2007. – 406 p.

33. Lee, S.-W. Towards a Framework for the Resolution of the Territorial Dispute over the Kurile Islands / S.-W. Lee. – Durham : International Boundaries Research Unit; University of Durham, 2001. – 55 p. – (Boundary & Territory Briefing ; Vol. 3, № 6).

34. Mormanne, T. Le problème des Kouriles: pour un retour à Saint-Pétersbourg / T. Mormanne. – 1991. – 34 p. – Electronic text data. – Mode of access: http://inalcocej.free.fr/travaux/documents/cip1pdf/Cip.1.5.Mormanne.pdf, свободный (date of access: 07.11.2019). – Title from screen.

35. Sharma, S. P. Territorial Acquisition, Disputes and International Law / S. P. Sharma. – Leiden : Brill, 1997. – 358 p.

36. Stephan, J. J. The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific / J. J. Stephan. – Oxford : Clarendon Press, 1974. – 279 p.

37. Yamada, Y. Un conflit géopolotique persistant entre le Japon et la Russie: La question des "Territoires du Nord" / Y. Yamada // Géostrategiques. – 2010. – No. 26. – P. 137–155.

REFERENCES

1. *Vizity premyer-ministra Yaponii Sindzo Abe v Rossiyu. Dosye* [Japanese Prime Minister Shinzo Abe Visits Russia. Dossier]. URL: https://tass.ru/info/5234898 (accessed 7 November 2019).

2. Galimova N., Pudovkin E., Khimshiashvili P., Dergachev V. *V Kremle ne rassmatrivayut vozmozhnost peredachi Kuril Yaponii* [The Kremlin Does Not Consider the Possibility of Transferring the Kurils to Japan]. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/03/2019/5c814bf09a794742db3b8802 (accessed 7 November 2019).

3. Tikhomirov Yu.A., ed. *Gosudarstvenno-pravovye osnovy uskorennogo razvitiya Dalnego Vostoka Rossii* [State-Legal Foundations for Accelerated Development of the Russian Far East]. Moscow, In-t zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii, 2018. 301 p.

4. Danilov-Danilyan V.I. *Blagodarya Kurilskim ostrovam my imeem vozmozhnost kontrolya nad zakhodom v Okhotskoe more* [Thanks to the Kuril Islands We Have the Ability to Control the Entry into the Sea of Okhotsk]. URL: https://iq.hse.ru/news/177831480.html (accessed 7 November 2019).

5. Evdokimov V.B. O verkhovenstve chasti 1 i chasti 4 st. 15 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [About the Supremacy of Part 1 and Part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor Generals Office], 2017, no. 3, pp. 29-33.

6. Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoy Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti» [Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities"]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 11, art. 1416.

7. Ivasita A. Pogranichnyy vopros v Evrazii. Sravnitelnyy analiz tsentralnoaziatskogo, rossiysko-kitayskogo i rossiysko-yaponskogo opyta [The Border Issue in Eurasia. Comparative Analysis of Central Asian, Russian-Chinese and Russian-Japanese Experience]. *Sravnitelnaya politika* [Comparative Politics Russia], 2010, no. 1, pp. 130-143. DOI: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2010-1-1-130-143.

8. Ilinskaya O.I. Pravovye osnovy territorialnogo razmezhevaniya mezhdu Rossiey i Yaponiey [Legal Basis of Territorial Delimitation Between Russia and Japan]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 5, pp. 129-141. DOI: 10.12737/19224.

9. *Istoriya voyny na Tikhom okeane. V 5 t. T. V* [History of the Pacific War. In 5 Vols. Vol. V]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958, pp. 337-368.

10. Kazakov O.I. K 60-letiyu Sovmestnoy deklaratsii SSSR i Yaponii 1956 goda [On the 60th Anniversary of the Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2017, no. 1, pp. 75-89. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00006.

11. Kondratyev V. *Kurilskie ostrova – na puti k svetlomu budushchemu* [Kuril Islands – On the Way to a Bright Future]. URL: https://www.ntv.ru/novosti/91493 (accessed 7 November 2019).

12. Kornilov A. *Yaponiya poluchit Kurily* [Japan Will Gain the Kuril Islands]. URL: https://www.gazeta.ru/2002/02/02/aponiapolu4i.shtml (accessed 7 November 2019).

13. Koshkin A.A. Gromyko govorit «Net»: k istorii zaklyucheniya poslevoennogo mirnogo dogovora s Yaponiey [Gromiko Says "No": The History of Peace Treaty with Japan After World War II]. *Vestnik MGIMO* [MGIMO Review of International Relations], 2011, no. 4, pp. 129-135.

14. Luzhkov Yu.M., Titov I.B. *Kurilskiy sindrom* [Kuril Syndrome]. Moscow, Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya, 2008. 224 p.

15. *Otvet Federalnoy sluzhby geodezii i kartografii Rossii na zapros Sakhalinskoy oblastnoy Dumy: pismo № 7-01-2568 ot 28.08.2001 g.* [Response of the Federal Service of Geodesy and Cartography of Russia to the Request of the Sakhalin Regional Duma: Letter No. 7-01-2568 of August 28, 2001]. URL: http://vff-s.narod.ru/kur/k/pnk1.html (accessed 7 November 2019).

16. Panov A.N. Sovetsko-yaponskaya Sovmestnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put k podpisaniyu, nelegkaya sudba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: A Difficult Path to Signing, a Hard Destiny After the Ratification]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, no. 2, pp. 63-94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012.

17. *Rossiysko-yaponskie otnosheniya: inform.-analit. byul. deputatskoy gruppy po svyazyam s parlamentom Yaponii Gos. Dumy Feder. sobr. RF* [Russian-Japanese Relations: Informational and Analytical Bulletin of the Deputy Group for Relations with the Japanese Parliament of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation], 2001, no. 10. URL: http://www.ru-jp.org/iab10.pdf (accessed 7 November 2019).

18. *Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami* [Collection of Existing Treaties, Agreements and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States], Moscow, [s.n.], 1955. iss. XI. 199 p.

19. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856–1917 gg.* [Collection of Treaties of Russia with Other States 1856–1917]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 464 p.

20. *SMI: Abe gotov na mirnyy dogovor s RF pri garantii peredachi Shikotana i ostrovov Khabomai* [Media: Abe Is Ready for a Peace Treaty with Russia Under the Guarantee of the Transfer of Shikotan and Habomai Islands]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6019980 (accessed 7 November 2019).

21. *Sobranie vazhneyshikh traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiey s inostrannymi*

derzhavami (1774–1906) [Collection of the Most Important Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers (1774–1906)]. Warsaw, [s.n.], 1906. 586 p.

22. Tikhvinskiy S.L. Rossiya – Yaponiya: Obrecheny na dobrososedstvo [Russia-Japan: Doomed to Good Neighborliness]. *Izbrannye proizvedeniya: v 5 kn. Kn. 4: Otechestvennaya i vsemirnaya istoriya: Velikaya Otechestvennaya voyna, vneshnyaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya* [Selected Works. In 5 Books. Book 4: Domestic and World History: The Great Patriotic War, Foreign Policy and International Relations]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 561 p.

23. Trenin D., Veber Yu. *Tikhookeanskoe budushchee Rossii. Uregulirovanie spora vokrug Yuzhnykh Kuril. Rabochie materialy Karnegi* [The Pacific Future of Russia. Settlement of the Dispute Over the Southern Kurils. Carnegie Working Papers]. Moscow, Press Klub Servis Publ., 2013. 30 p.

24. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2015 № 683 «O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 no. 683 "On the Strategy of National Security of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 1 (part II), cl. 212.

25. Khmelevskiy S.V. «My ne torguem territoriyami», ili o tom, nuzhen li Rossii mirnyy dogovor s Yaponiey ili net ["We Do Not Trade Territories", or Does Russia Need Peace Treaty with Japan or Not]. *Sotsialno-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2016, no. 3, pp. 71-77.

26. Khong V.S. Territorialnyy spor mezhdu Yaponiey i Rossiey: vzglyad iz Respubliki Koreya [The Territorial Dispute Between Japan and Russia: A Look from the Republic of Korea]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 9, pp. 49-57.

27. *Basic Understanding of the Northern Territories Issue. Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/overview.html (accessed 7 November 2019).

28. Ferguson J.P. Japanese Strategic Thinking Toward Russia. Rozman G., Togo K., Ferguson J.P., eds. *Japanese Strategic Thought Toward Asia. Strategic Thought in Northeast Asia*. New York, Palgrave Macmillan, 2007. 280 p.

29. Gorenburg D. The Southern Kuril Islands Dispute. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2012, no. 226, pp. 1-7.

30. Jung G., Yoon S.S., Jeh S.H. Why Japan and Russia Have Failed to Solve the Territorial Dispute: The 1956 Joint Declaration and the Mechanism of Political Coherence. *Asia Europe Journal*, 2016, vol. 14, iss. 3, pp. 261-278. DOI: https://doi.org/10.1007/s10308-015-0439-5.

31. Ko S.S. *Nationality and International Law in Asian Perspective*. Dordrecht, Martinus Nijhoff Publishers, 1990. 506 p.

32. Lambacher J. *Nesting Cranes: Envisioning a Russo-Japanese Peace Park in the Kuril Islands. Peace Parks: Conservation and Conflict Resolution*. Cambridge, London, MIT Press, 2007. 406 p.

33. Lee S.-W. *Towards a Framework for the Resolution of the Territorial Dispute over the Kurile Islands*. Durham, International Boundaries Research Unit, 2001. 55 p. (Boundary & Territory Briefing, vol. 3, no. 6).

34. Mormanne T. *Le problème des Kouriles: Pour un retour à Saint-Pétersbourg*. 1991. 34 p. URL: http://inalcocej.free.fr/travaux/documents/cip1pdf/Cip.1.5.Mormanne.pdf (accessed 7 November 2019).

35. Sharma S.P. *Territorial Acquisition, Disputes and International Law*. Leiden, Brill, 1997. 358 p.

36. Stephan J.J. *The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific*. Oxford, Clarendon Press, 1974. 279 p.

37. Yamada Y. Un Conflit Géopolotique Persistant Entre le Japon et la Russie: La Question des "Territoires du Nord". *Géostrategiques*, 2010, no. 26, pp. 137-155.

Information About the Authors

Vyacheslav B. Evdokimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St., 34, 117218 Moscow, Russian Federation, vevdokimov@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-7420-4124

Maksim V. Zaloilo, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St., 34, 117218 Moscow, Russian Federation, z-lo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4247-5242

Информация об авторах

Вячеслав Борисович Евдокимов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, vevdokimov@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-7420-4124

Максим Викторович Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, z-lo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4247-5242

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.9

UDC 94(477)
LBC 64.4(0)

Submitted: 09.12.2019
Accepted: 07.04.2020

THE NUNN-LUGAR PROGRAM AND NUCLEAR DISARMAMENT OF UKRAINE

Sergey Yu. Shenin

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Andrei S. Shenin

Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* This article is devoted to studying the process of nuclear disarmament of Ukraine in the framework of the Nunn-Lugar Program in the first half of the 1990s. The reconstruction of this process makes it possible to determine specific features of the Ukrainian disarmament and demonstrate the absence of alternatives for it. *Methods and materials.* The paper is based on the latest U.S. declassified documents, regulatory and legal acts, memoirs, etc. The author uses historical and systemic methods to research the stages of the evolution of the nuclear disarmament process in Ukraine and study politicians attitudes towards the Soviet nuclear legacy. *Analysis and results*. The study investigates the reasons for joining the efforts of Moscow and Washington in turning Ukraine into a "nuclear-free state", reveals the Russian and American attitudes towards the problem. Particular attention is paid to contradictions within the Ukrainian political elite that was split into the "pro-nuclear" and "anti-nuclear" groups. The article also studies the role of President L. Kravchuk in solving the disarmament problem, which was extremely contradictory. Finally, the article analyzes the reasons that allow to change the balance of political forces in Ukraine in favor of the "anti-nuclear" group, which enabled president Kravchuk to reaffirm his international obligations and initiate the nuclear disarmament process. In general, the article shows that the preservation of nuclear weapons by Ukraine was impossible due to a number of financial, technological, and geopolitical reasons.

Key words: nuclear disarmament, Ukraine, Russia, United States, Nunn-Lugar program, Budapest memorandum, START-1, Lisbon protocol.

Citation. Shenin S.Yu., Shenin A.S. The Nunn-Lugar Program and Nuclear Disarmament of Ukraine. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 103-114. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.9

УДК 94(477)
ББК 64.4(0)

Дата поступления статьи: 09.12.2019
Дата принятия статьи: 07.04.2020

«ПРОГРАММА НАННА – ЛУГАРА» И ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ УКРАИНЫ

Сергей Юрьевич Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Андрей Сергеевич Шенин

Университет Нархоз, г. Алматы, Республика Казахстан

© Шенин С.Ю., Шенин А.С., 2020

Аннотация. Данная статья посвящена изучению процесса ядерного разоружения Украины в рамках «программы Нанна – Лугара» в первой половине 1990-х годов. Реконструкция данного процесса дает возможность выявить особенности ликвидации ядерного оружия на Украине и показать ее безальтернативность. На основе новейших рассекреченных документов исполнительной власти США, нормативных и правовых актов, мемуаров и т. д. в исследовании показаны причины объединения усилий Москвы и Вашингтона

в деле превращения Украины в «безъядерную державу». Так, США исходили из угрозы расползания ядерных материалов и безопасности их уничтожения в РФ. В России считали, что Киев технически не в состоянии решить задачу ликвидации боеголовок, а кроме того, может попытаться взять их на вооружение своей армии. Особое внимание в статье уделено противоречиям внутри украинской политической элиты. Так, «проядерная» группировка настаивала на собственности Украины на боеголовки, а «антиядерная» группа полагала, что их сохранение приведет к изоляции страны. Также в статье анализируется роль президента Л. Кравчука, которая отличалась крайней противоречивостью. Наконец, в статье анализируются причины, позволившие изменить баланс политических сил на Украине в пользу сторонников «антиядерной» позиции, что дало возможность президенту подтвердить свои международные обязательства и инициировать начало процесса ядерного разоружения страны. В целом в статье показано, что сохранение Украиной ядерного оружия было невозможно в силу целого ряда причин финансового, технологического, геополитического характера. *Вклад авторов*: А.С. Шенин собрал документы в архивах США, а также подготовил базовую версию статьи; С.Ю. Шенин сформулировал основные выводы и подготовил статью к публикации.

Ключевые слова: ядерное разоружение, Украина, Россия, США, «программа Нанна – Лугара», Будапештский меморандум, СНВ-1, Лиссабонский протокол.

Цитирование. Шенин С. Ю., Шенин А. С. «Программа Нанна – Лугара» и ядерное разоружение Украины // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 103–114. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.9

Введение. Процесс ядерного разоружения Украины в первой половине 1990-х гг. в рамках «программы Нанна – Лугара» является одним из ключевых, но недостаточно изученных эпизодов формирования системы международных отношений на пространстве бывшего СССР. Его реконструкция позволяет выявить особенности процесса ликвидации ядерного оружия на Украине, показать ее безальтернативность, а также лучше понять причины российско-украинских противоречий на современном этапе.

Методы и материалы. Для решения поставленной научной задачи важнейшее значение имеют исторический и системный методы. Так, линейность и структурированность в хронологическом порядке позволяет лучше понять закономерности эволюции процесса разоружения; системность в оценке событий со стороны политиков России, Украины и США дает более полную картину эволюции взглядов на вопрос о судьбе советского ядерного оружия после распада СССР. В работе использовался круг источников, среди которых наиболее важными были недавно рассекреченные в США архивные документы, аналитические отчеты Конгресса, мемуары участников, аналитические доклады по «программе Нанна – Лугара».

Анализ. После распада СССР в начале 1990-х гг. США столкнулись с опаснейшей проблемой: ядерное оружие осталось в руках бывших советских республик (России, Казахстана, Белоруссии и Украины), которые переживали острые экономические и политические кризисы. Неблагополучная обстановка серьезно повышала возможность его попадания в руки «неблагонадежных» стран и международных террористических организаций.

В связи с этим США начали разработку специальной программы, направленной на контроль и недопущение распространения ядерного оружия из стран бывшего СССР, которая получила название «Совместное сокращение угрозы» или «программа Нанна – Лугара» (по имени инициировавших ее законодателей). В программе, одобренной Конгрессом в ноябре 1991 г., указывалось, что на постсоветском пространстве основную роль в деле контроля за нераспространением ядерного оружия должна была играть Россия – как правопреемница Советского Союза, а также как страна, обладавшая необходимыми производственными мощностями для демонтажа ракет и переработки ядерных материалов. Целью «сокращения угрозы» являлся вывоз всего ядерного оружия с мест дислокации в бывших советских республиках на демонтаж и переработку в Россию, ликвидация инфраструктуры ядерных объектов и продажа переработанного ядерного топлива на мировом рынке с возвратом компенсации республикам либо деньгами, либо в виде топливных элементов для АЭС. Финансирование программы брали на себя США.

Практически в то же время и в том же направлении действовала группа «беловежс-

ких» политиков. 30 декабря 1991 г. в Минске они подписали соглашение «О ядерных стратегических силах», в котором указывалось, что Россия, Украина и Белоруссия признают необходимость сохранения единого контроля над ядерным оружием. Особо подчеркивалось, что ядерное оружие, размещенное на территории Украины, должно находиться под контролем Объединенного командования Стратегических сил СНГ с целью его разукомплектования до конца 1994 г., в том числе тактического ядерного оружия до 1 июля 1992 года.

В начале 1990-х гг. «программа Нанна – Лугара» была оперативно реализована на территориях Казахстана и Белоруссии. Расходы на работы в Казахстане составили порядка 285 млн долл., а в Белоруссии было потрачено около 240 млн долл. [23, с. 407, 408]. Что касается Украины, то ее руководство внезапно заявило о своем праве на ядерное оружие и желании производить его демонтаж на своей территории.

Первоначально ни США, ни Россия не видели особых проблем с ядерным разоружением Украины, поскольку в начале 1990-х гг. Верховная Рада, правительство и президент Леонид Кравчук твердо следовали «безъядерным» курсом. В середине 1991 г. украинский президент на встрече с американским дипломатом Ф. Зеликовым подтвердил важнейшие аспекты разоружения: Украина намерена стать безъядерным государством и поддержит идею централизованного контроля за ядерным оружием в рамках СНГ [17].

После этой встречи, убеждая представителей Совета национальной безопасности США в том, что Украина готова к ядерному разоружению, Ф. Зеликов указывал, что Киев подписал все важнейшие документы, касающиеся ядерного вопроса. Сюда относились, во-первых, декларация о государственном суверенитете Украины, где поддерживались три ядерных принципа (не производить, не обладать, не ввозить); во-вторых, соглашение о создании СНГ, где присутствовало требование о соблюдении СНВ-1; в-третьих, подписанные в Минске и Алма-Ате документы о едином контроле и разукомплектовании ядерного оружия [16].

Развивая этот тренд, 23 мая 1992 г. президент Л. Кравчук подписал Лиссабонский протокол, который являлся дополнительным соглашением к СНВ-1. Протокол оговаривал обязательства Украины, Белоруссии и Казахстана в кратчайшие сроки ликвидировать ядерное оружие и присоединиться к ДНЯО. Таким образом Украина становилась «неядерной» стороной договора СНВ-1. Наконец, оптимизма американским и российским политикам добавлял и тот факт, что к середине 1992 г. Украиной все тактическое ядерное оружие было передано Российской Федерации (правда, не совсем понятно в рамках каких механизмов [1]).

Однако параллельно с усилиями Л. Кравчука в украинском политическом истеблишменте активизировались националистические группы, которые противились вывозу боеголовок с территории страны. Они полагали, что «без ядерного оружия с Украиной не будут считаться», «у нас хотят обманом забрать нашу ядерную мощь», «иностранные расчеты компенсации за ядерное оружие – обман и мошенничество», а вся финансовая помощь и интерес к Украине немедленно прекратятся после его вывоза. Особое негодование у украинских националистов вызывала роль России, которая взяла на себя все права бывшей сверхдержавы, в том числе и на оружие массового поражения, оставшееся на территории постсоветских республик [12].

Украине было за что бороться. Ядерный потенциал Украины состоял из 130 твердотопливных ракет СС-19С; 46 твердотопливных ракет СС-24 MOD 2S; 176 шахтно-пусковых установок; 40 тяжелых бомбардировщиков; от 1 514 до 2 156 стратегических ядерных боезарядов; от 2 800 до 4 200 тактических ядерных боезарядов. В сумме ядерная мощь Украины превышала потенциал Франции, Великобритании и Китая вместе взятых. По расчетам украинских специалистов, выступавших за сохранение ядерного оружия, в этом арсенале содержалось от 80 до 108 т высокообогащенного урана и от 57 до 95 т плутония, что стоило на тот момент от 50 до 100 млрд долл. [5, с. 121]. Правда, «пророссийские» эксперты называли другие цифры – 1,5 млрд долл. за 60 т высокообогащенного урана (ВОУ) и 1 млрд долл. за продажу низкообогащенного урана (НОУ) на мировом рынке [5, с. 148].

В то же время ведущие игроки на мировой «ядерной» арене – Россия и США – имели свои взгляды на потенциал Украины, считая, что глобальная безопасность важнее, чем укрепление статуса и экономики новообразованного государства.

Позиция Москвы по данному вопросу была однозначной – после подписания международных договоренностей все тактическое и стратегическое ядерное оружие должно быть вывезено на переработку в Россию в обмен на «мирный дивиденд» из 3 400 твердотопливных элементов (ТВЭЛ) для украинских АЭС и денежную компенсацию за продажу части ядерных материалов [14, с. 2–7]. Вдобавок, Москва совместно с Вашингтоном готовы были предоставить Киеву гарантии безопасности сразу же после ратификации СНВ-1 и Лиссабонского протокола [10]. Разукомплектование ракет на территории Украины называлось Россией невозможным, поскольку ядерное оружие было произведено на советских предприятиях и являлось секретом России как правопреемницы СССР. Кроме того, Украина не обладала ни средствами, ни специалистами, ни производственными мощностями для переработки плутония ВОУ в НОУ, который в дальнейшем можно использовать в качестве топлива для АЭС. Отсутствовало также достаточное количество емкостей для слива чрезвычайно токсичных компонентов ракетного топлива (гептила и амила), не было технологий их переработки.

Тем не менее, как отмечал начальник 12-го Главного управления РФ Е. Маслин, Украина сохраняла достаточный интеллектуальный потенциал, чтобы вместо разбора боеголовок обойти кодовые блокирующие устройства и поставить ядерное оружие себе на службу. Правда, большие сомнения вызывала способность Киева обеспечить надежную систему управления и безопасности ядерного арсенала [6].

Похожей позиции придерживались и США. «На Украине нет ни технологий, ни мощностей, ни технических экспертов для реализации мероприятий по ядерному разоружению. Создание необходимых мощностей для разоружения потребует существенной помощи от Запада и технической поддержки от России, а их строительство займет, по крайней мере, от 6 до 8 лет и обойдется в миллиарды долларов», – говорилось в отчете американской военной разведки [11, с. 53; 12].

В Вашингтоне активно работали по украинскому направлению, стремясь обеспечить страну всем необходимым для скорейшего разоружения. В марте 1992 г. в отчете по итогам поездки на Украину сенатор Р. Лугар отмечал, что США должны установить особый уровень финансирования для демонтажа и уничтожения ракет, расположенных на территории страны. Правда, только после того, как СНВ-1 и ДНЯО будут Украиной ратифицированы [20].

Важно отметить, что Вашингтон планировал оказывать финансовую помощь, а не занимать роль посредника в диалоге между Россией и Украиной, о чем в мае 1993 г. заявил посол по особым поручениям С. Тэлбот. «Он [Кравчук] пожелал астрономическую сумму в миллиарды долларов в качестве “компенсации” за ракеты, а также американское обещание, что мы будем расценивать нападение на Украину как нападение на США – почти такие же гарантии безопасности, как даны нашим ближайшим союзникам. Это обязало бы нас выступить на стороне Украины в случае возникновения конфликта между ней и Россией из-за ядерного оружия или по какому-либо иному поводу. Я сказал Кравчуку, что самое большее, что мы можем сделать, – это помочь финансово в возвращении боеголовок в Россию... в обмен на московские гарантии, подкрепленные США, что Россия будет уважать независимость Украины» [24, с. 79].

В целом США планировали оказать Украине помощь в размере 175 млн долл., включая 135 млн долл. на поддержку мероприятий по ликвидации ядерного оружия [25]. «Это однозначно было в интересах Украины, поскольку они понимали, что для своей собственной безопасности им необходимо избавиться от ядерного оружия, наличие которого могло спровоцировать хаос», – вспоминал Р. Лугар [3]. Позиция Вашингтона на переговорах с Киевом заключалась в том, что США не могут обеспечить ему помощь до подписания всех необходимых договоров – Украина должна ратифицировать СНВ-1 и ДНЯО еще на стадии подготовки к демонтажу.

Американское предложение такой скромной помощи вызывало недовольство украинских политиков. Рассчитывая на многомиллиардный «мирный дивиденд», они пытались найти альтернативные варианты переработки ядерной начинки ракет, в частности, через корпорации «Вестингхауз» и «Дженерал Атомик». Последние моментально согласились построить нужные производственные мощности на территории Украины, чтобы переработать весь ядерный материал и реализовать его на рынке [5, с. 127]. Привлечение новых игроков в процесс разоружения угрожало осложнить и без того непростую ситуацию. С. Тэлботт отмечал, что именно из-за действий украинской стороны США неизменно склонялись к позиции Кремля, поскольку российские дипломаты были более понятны официальному Вашингтону, чем украинские националисты [24, с. 79].

Как отмечалось, вопрос собственности и сохранения ядерного оружия разделил политический истеблишмент Украины на две противоборствующие группы – тех, кто стремился так или иначе сохранить ядерный потенциал, и тех, кто был уверен, что наилучшим выходом для страны будет избавиться от столь разрушительного наследства.

К первому «проядерному» лагерю относились националистически настроенные политики, которые отрицали необходимость следовать в фарватере Москвы и требовали развернуть внешнюю политику в сторону Европы, поскольку в противном случае безъядерная Украина рискует стать зависимой от России. Основу этой группы составляли депутаты Верховной Рады от партии «Народный Рух Украины», некоторые правительственные чиновники (А. Бутейко, И. Бижан), военные (В. Толубко), ученые Академии Наук Украины, многие из которых состояли в специальных депутатских рабочих группах, например, в двух группах Ю. Костенко, которые были созданы для проработки вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности и решением вопросов ратификации соглашений СНВ-1 и ДНЯО [5, с. 89].

Эта часть украинских политиков не считала нужным избавляться от столь ценного в денежном плане актива, поскольку, во-первых, бюджет Украины переживал нелегкие времена, и, во-вторых, они опасались, что Россия не уничтожит ядерное оружие, а развернет его на своей территории, ввиду чего группа военных предлагала оставить себе 46 ракет СС-24 в качестве страховки [12].

План по сохранению ядерного оружия подразумевал не только использование ракет как щита от потенциальной российской агрессии, но и как «разменной карты» для западных стран, которые опасались ядерной Украины. Ликвидация оружия, по мнению членов группы, должна была стать своеобразным залогом при вступлении в западные структуры – НАТО и/или ЕС. Костенко считал, что «последняя боеголовка должна быть вывезена в тот день, когда Украина станет членом системы европейском безопасности» [5, с. 98].

Понимая опасения Запада, сторонники ядерной Украины искали возможность получить для страны уникальный статус «переходного ядерного государства» или «временной ядерной державы», но безуспешно. В начале января 1993 г. заместитель министра иностранных дел Украины Б. Тарасюк отправился в Вашингтон, чтобы узнать мнение США по вопросу «особого статуса» для Украины [2, с. 64] и уточнить детали по американо-российскому соглашению о продаже 500 т НОУ, включая гарантии, что Россия переработает ядерные материалы, а не оставит их для перевооружения своей армии. «У нас нет причин сомневаться в том, что Россия выполнит свои обязательства», – говорилось в ответе госдепартамента на вопросы Тарасюка. При этом об «особом ядерном статусе» речи не шло [15].

«Антиядерную» российско-американскую позицию на Украине поддерживала группа политиков, в которую входили президент Л. Кравчук, руководитель Службы безопасности Украины Е. Марчук, министр иностранных дел А. Зленко, представители администрации президента, военные и часть депутатов Верховной Рады (С. Головатый, В. Измалков и др.), а также члены рабочей группы по вопросам разоружения, которая была создана 17 февраля 1992 г. в противовес парламентской группе [5, с. 48]. Все они считали, что передача ядерного вооружения в Россию в обмен на «мирный дивиденд» станет благом для Украины с точки зрения международного

имиджа, безопасности страны и экономической выгоды.

Сторонники вывоза ядерного оружия в Россию отмечали тот факт, что Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) подписали почти все государства мира, и отказ присоединиться к нему ради сохранения ядерной мощи мог привести к международной изоляции практически нищей страны с пятидесятимиллионным населением. Ядерное оружие, по их мнению, угрожало стать слишком дорогой обузой для Украины, которое не только съедает часть бюджета (Украине требовалось порядка 1 млрд долл. ежегодно в течение 7 лет на выполнение обязательств по «программе Нанна – Лугара» [5, с. 73]) и несет в себе потенциальные риски «второго Чернобыля», но и представляет страну в качестве агрессивного националистического государства. К тому же серьезные опасения внушал тот факт, что все ракеты были изготовлены на российских предприятиях и должны были регулярно вывозиться в Россию на техническое обслуживание, а иначе «уже через 5–10 лет этим оружием нельзя будет воспользоваться» [22].

Как отмечалось, на уровне правительства вопрос передачи ядерного оружия в Россию на бумаге решался достаточно оперативно, поскольку Кравчук поставил свою подпись под всеми необходимыми документами и регулярно давал личные обещания выполнить все обязательства по ДНЯО на встречах с президентами США и России. Однако практическая реализация программы застопоривалась из-за регулярных отказов Верховной Рады ратифицировать подписанные президентом договоренности, считая их невыгодными и противоречащими украинским национальным интересам. Более того, представителям Рады часто удавалось «продавить» свою точку зрения и на уровне исполнительной власти. Так, 11 декабря 1992 г. все иностранные посольства в Киеве получили меморандум украинского МИД, где Украина назначала себя собственницей «всех компонентов ядерных боеголовок», что было расценено в мире как дипломатическая игра слов с целью оставить это опаснейшее оружие на своей территории [19].

Внутреннее давление особенно четко прослеживалось в непоследовательности заявлений и действий Л. Кравчука. Так, сразу же после принятия Радой 24 октября 1991 г. документа о безъядерном статусе Украины [7] он заявил: «Я против того, чтобы перемещать ядерное оружие с территории на территорию. Мы не собираемся раздеться догола и безразлично смотреть, как наши соседи наращивают вооружения» [9]. 6 декабря 1992 г. в парламентской газете «Голос Украины» вышло интервью Кравчука, в котором он подчеркнул, что разоружение по Лиссабонскому протоколу должно осуществляться пропорционально и параллельно с четырьмя экссоветскими республиками и с учетом права собственности Украины на материальные ценности из разобранных ядерных ракет. 3 января 1993 г. Кравчук заявил, что СНВ-1 не налагает обязательств на Украину и не распространяется на ее территорию. В итоге 22 января 1993 г. в Минске под нажимом членов «группы Костенко», вернувшихся с переговоров из Москвы, он отказался ставить подпись под уставом СНГ, который включал и вопрос ликвидации ядерного вооружения под контролем России [5, с. 179].

Демарши украинского президента на фоне его позитивных заявлений о желании избавиться от ядерного оружия становились все более привычным явлением для Вашингтона. «Кравчук использует ядерный вопрос, чтобы продавить свою позицию в СНГ и на международной арене», – говорилось в отчете военной разведки США [12]. «Кравчук находится в состоянии борьбы с Россией и использует ядерное оружие для привлечения внимания к своей стране и поддержки со стороны Запада», – уверяли американские эксперты в Пентагоне [13].

Руководители России и США понимали, что националистические «проядерные» группировки в Украине стремились заставить Кравчука отказаться от своих обещаний сделать Украину «безъядерной», но верили ему лично в отношении выполнения международных обязательств по разоружению страны [12]. Об этом, в частности, говорили президенты Дж. Буш и Б. Ельцин 1 февраля 1992 г.:

Дж. Буш: Вокруг Кравчука существует группа, которая смотрит на ситуацию иначе, чем он? Они хотят отделиться от СНГ и подталкивают его к этому?»

Б. Ельцин: «Да, существует группировка в Верховном Совете. Это ультра-националисты и их имя “Рух”. У них есть свои люди, но нет большинства в Раде. “Рух” оказывает постоянное давление на президента. Я уважаю позицию Кравчука, он не уступает. Это его искренняя позиция» [18].

15 января 1993 г. на встрече с Ельциным Кравчук твердо заявил, что «все ядерные боеприпасы будут ликвидированы в соответствии с достигнутыми договоренностями и разработанными графиками под международным контролем». Эта позиция дала возможность правительствам РФ и Украины сформировать специальные делегации и начать переговоры по урегулированию вопросов, связанных с реализацией СНВ-1. Российскую группу возглавил Ю. Дубинин, а украинскую – Ю. Костенко [2, с. 47].

Атмосфера трех раундов переговоров (26 января 1993 г. в Ирпене, 24 февраля в Москве и 13 августа в Киеве) была очень накаленной. Результаты их напрямую зависели от принадлежности членов украинской делегации к депутатской или правительственной рабочим группам. В результате на первых двух встречах украинская делегация, возглавляемая Ю. Костенко, не смогла прийти к взаимопониманию с российскими коллегами.

Так, в Ирпене делегаты прямым текстом провозгласили «право собственности» Украины на ядерные боезаряды, игнорируя подписи своего президента под документами с обязательствами стать «безъядерной страной». Украинская делегация требовала от российской стороны обсудить размер компенсации за вывезенное ранее тактическое ядерное оружие, решить вопрос обслуживания украинских ядерных зарядов специалистами с российских заводов-изготовителей и поддержать Украину на ее пути к безъядерному статусу, но с корректировкой на украинские финансовые интересы. Российская сторона на тот момент не имела полномочий вести переговоры с «ядерным государством», и поэтому обсуждение отложили до ответного визита в Москву.

На московских переговорах ситуация не изменилась. Ю. Костенко при этом открыто заявил своему российскому коллеге Ю. Дубинину: «Да, Леонид Кравчук, конечно, остается президентом. Но не думайте, что он в состоянии добиться всего того, что хочет, выполнить все, под чем подписался» [2, с. 61]. Одновременно подчеркивалось, что конституция Украины не имела четких границ, определявших полномочия президента при подписании и реализации договоров с другими странами.

Прогресса удалось достичь лишь на переговорах в августе 1993 г. в Киеве, когда Ю. Костенко отправился на месяц в США для посещения ядерных лабораторий. Тогда место руководителя делегации занял вице-премьер В. Шмаров, а военное направление вместо И. Бижана досталось начальнику Генерального штаба А. Лопате. В течение двух дней российская и украинская стороны договорились о ликвидации всех ядерных боезарядов на территории Украины и порядке взаиморасчетов. По соглашению все ядерное оружие бывшего СССР, оставшееся на территории Украины, передавалось в Россию в обмен на «мирный дивиденд».

«О праве собственности Украины на ядерное оружие речи не шло», – писал Дубинин [2, с. 66]. Единственный вопрос, который был оставлен на обсуждение президентам – это сроки вывода ядерного арсенала. Данный вопрос был успешно решен на встрече президентов России и Украины в Массандре (Ялта), по итогам которой было предписано вывезти ядерное оружие в Россию в течение 24 месяцев после ратификации Украиной договора СНВ-1.

Однако ялтинские договоренности так и не вступили в силу по причине фальсификации документов со стороны одного из советников президента Украины, А.Д. Бутейко. 21 сентября 1993 г. МИД России выступил с официальным заявлением, суть которого сводилась к тому, что в газете «Киевские ведомости» от 9 сентября 1993 г. было опубликовано фото конфиденциального, не подлежащего публикации договора в Массандре. Дубинин писал, что Бутейко, «воспользовавшись тем, что документы оказались в его руках, внес от руки два корректива в текст, что полностью изменило его содержание». Бутейко вычеркнул слово «всех» в предложении о вывозе боезарядов с Украины на территории Российской Федерации и после слов «стратегических ядерных сил» вставил

слова «подпадающих под договор». В связи с этим Россия была вынуждена признать «Протокол о вывозе всех ядерных боезарядов...» недействительным и аннулировать все соглашения [2, с. 70].

Таким образом, борьба группировок внутри политической элиты Украины мешала довести процесс разоружения до логического финала. 18 ноября 1993 г. Верховная Рада рассмотрела и ратифицировала СНВ-1 и Лиссабонский протокол, включив в него ряд поправок, неприемлемых для России и США. В частности, парламент провозгласил государственную собственность Украины на ядерное оружие, что не могло быть и не было принято другими сторонами процесса.

В конечном итоге попавший в сложное положение Л. Кравчук пообещал американской и российской сторонам повторно внести в Раду вопрос о ратификации ДНЯО и договора СНВ-1 после переизбрания украинского парламента в марте 1994 года. Вскоре новая Рада действительно ратифицировала ДНЯО и договор СНВ-1, согласившись таким образом на условия, предложенные Москвой и Вашингтоном [8].

Точка в ядерном разоружении Украины была поставлена в ночь с 4 на 5 декабря 1994 г. в Будапеште на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне. Именно там Украина подписала Будапештский меморандум (или «Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия») в качестве государства, «не обладающего ядерным оружием». Ю. Дубинин вспоминает, что в 2004 г. он интересовался у члена американской делегации Дж. Коллинза о том, как удалось убедить Кравчука подписать меморандум. «Трудно было, очень трудно, – ответил Коллинз. – В Будапеште украинские руководители увидели, что этот шанс будет приветствоваться во всем мире и послужит Украине больше, чем сопротивление желанию мирового сообщества» [2, с. 78].

По сути подписание Будапештского меморандума и отказ от статуса ядерного государства вывели Украину из состояния международной изоляции. Вследствие этого МВФ и Всемирный банк подписали ряд договоренностей с украинским правительством о финансовой помощи. Но самое главное, в результате удалось снизить военно-политическую напряженность в регионе, о чем достаточно ясно выразился сенатор С. Нанн: «Я думаю, что если бы они тогда [украинские политики] не приняли это мудрое решение, сохранили бы ядерное оружие, то военный конфликт между двумя странами на этой стадии был бы абсолютно неизбежным» [4].

1 июня 1996 г. Украина стала безъядерным государством, отправив последние ядерные боеголовки в Россию. В самой Украине были ликвидированы 130 пусковых установок ракет СС-19 и 111 ракет этого типа, 4 учебные шахты жидкостных ракет различных типов и 13 пунктов управления пуском [21]. В итоге общие расходы по ядерному разоружению Украины составили более 850 млн долл., то есть намного больше, чем планировалось изначально [23, с. 408].

Результаты. Таким образом, в начале 1990-х гг. в рамках «программы Нанна – Лугара» США и РФ объединили свои усилия по вопросу вывода ядерного оружия с Украины и превращению ее в «безъядерную державу». Вашингтон при этом исходил из того, что оставлять ядерное оружие на Украине нельзя по причине возможности попадания каких-то его элементов в руки «стран-изгоев» или террористов, а передача боеголовок России обеспечит дешевизну и безопасность их ликвидации. Москва считала, что Киев просто технически не сможет решить задачу ликвидации боеголовок, а кроме того, опасалась, что у Украины может возникнуть опасный соблазн поставить ядерные ракеты на вооружение своей армии. Сама украинская политическая элита оказалась расколотой по данному вопросу. «Проядерная» группировка, имевшая большинство в Верховной Раде, считала, что надо настаивать на собственности Украины на ядерные ракеты, что облегчило бы ей вступление в ЕС и НАТО, а также гарантировало «мирный дивиденд». Представители «антиядерной» группировки, базировавшейся в основном в исполнительной ветви власти, опасались международной изоляции Украины, что в стратегическом отношении могло принести ей еще больший ущерб. Поскольку президент Л. Кравчук, несмотря на давление США, за-

нимал двойственную позицию, то все попытки Москвы договориться с Киевом об условиях реализации «программы Нанна – Лугара» заходили в тупик. Только изменение баланса политических сил на Украине в начале 1994 г. позволило президенту ратифицировать необходимые документы и подписать Будапештский меморандум, после чего началась практическая фаза ликвидации украинского стратегического ядерного оружия, завершившаяся в 1996 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будапештский меморандум или паралич воли. Тактика без стратегии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://farwater.net/istoriya-i-mify/taktika-bez-strategii (дата обращения: 11.03.2020). – Загл. с экрана.

2. Дубинин, Ю. В. Дипломатический марафон / Ю. В. Дубинин. – М. : АвиаРус-XXI, 2005. – 351 с.

3. Интервью сенатора Ричарда Лугара русской службе «Голос Америки». – 2015. – 27 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.golos-ameriki.ru/a/lugar-interview/2696848.html (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

4. Интервью сенатора США Сэма Нанн для радиостанции «Эхо Москвы». – 2016. – 26 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/programs/beseda/1719620-echo/ (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

5. Костенко, Ю. Історія Ядернного Роззброєння Украіны / Ю. Костенко. – Киев : Ярославів вал, 2015. – 464 с.

6. Маслин, Е. Ядерное оружие и контроль за его нераспространением / Е. Маслин // Обозреватель. – 1994. – № 3-4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N03-4_94/3-4_06.HTM (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

7. Про без'ядерний статус України. Верховна Рада України : заява від 24.10.1991 № 1697-XII. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1697-12 (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

8. Про приєднання України до Договору про нерозповсюдження ядерної зброї від 1 липня 1968 року Верховна Рада України : закон від 16.11.1994 № 248/94-ВР. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/248/94-%D0%B2%D1%80 (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

9. Скачко, В. Украинский парламент утвердил оборонную стратегию республики: она предполагает наличие собственных армии и флота / В. Скачко // Независимая газета. – 1991. – 24 окт.

10. Тристороння заява Президентів України, США та Росії (укр/рос). Україна, Російська Федерація, США : заява, Міжнародний документ від 14.01.1994. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/998_300 (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

11. Чумак, В. Программа Нанна – Лугара на Украине / В. Чумак, С. Галака // Ядерный контроль. – 2000. – № 5. – С. 52–61. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://pircenter.org/media/content/files/9/13508142980.pdf (дата обращения: 11.03.2020). – Загл. с экрана.

12. Cable, Defense Intelligence Agency, Washington, "Defense Intelligence Report ODB 27-92, Ukraine – Nuclear Withdrawal Suspension" // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1992. – Mar. 27. – Electronic text data. – Mode of access: https://nsarchive2.gwu.edu/Nuclear-Weapons-and-Ukraine/Doc-13-DIA-cable-Ukraine-nuclear-withdrawal-suspension-1992-03-27.pdf (date of access: 10 January 2020). – Title from screen.

13. Cable, Defense Intelligence Agency Washington, "Dynamics of Change in Eurasia" [Excerpts] // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1992. – May 5. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-05-09%20Cable,%20Defense%20Intelligence%20Agency%20Washington,%20Dynamics%20of%20Change%20in%20 Eurasia%20[Excerpts].PDF (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

14. Congressional Research Service. Economic Crisis in Ukraine: Dangers and Opportunities. CRS Report for Congress. – 1994. – Aug. 18. – Washington, D.C. : GPO, 1994. – 25 p.

15. Department of State, Talking Points and Non-Paper for Meeting with Ukrainians // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. Circa. – 1993. – Dec. 3. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB 447/1993-12-03%20Talking%20Points,%20Department%20of%20State.pdf (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

16. Information Memorandum for Brent Scowcroft from Ed. A. Hewett, "Ukrainian Approach to Defense Matters" // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1991. – Nov. 8. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1991-11-08%20Information%20 Memorandum%20for%20Brent%20Scowcroft %20from%20Ed.%20A.%20Hewett,%20Ukrainian %20Approach%20to%20Defense%20Matters.PDF (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

17. Memorandum from Philip Zelikow to Graham Allison, Robert Blackwill, Al Carnesale, Ash Carter, bill Hogan, "Harvard Discussion with Kravchuk on Nuclear Weapons" // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1991. – Sep. 30. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1991-09-30%20Memorandum%20from%20Philip%20Zelikow%20to%20 Graham%20Allison,%20Robert%20Blackwill, %20Al%20Carnesale,%20Ash%20Carter,%20 Bill%20Hogan,%20%E2%80%9Harvard%20Discussion%20with%20Kravchuk%20on%20Nuclear%20Weapons%E2%80%9D.PDF (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

18. Memorandum of Conversation between President Bush and President Yeltsin // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1992. – Feb. 1. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-02-01%20Memorandum%20of%20Conversation%20between%20President%20Bush%20and%20President%20Yeltsin.PDF (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

19. Memorandum of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine on Clarifying Ukraine's Nuclear Policy. – 1992. – Dec. 11. – Electronic text data. – Mode of access: http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119817 (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

20. Press Conference, Senator Sam Nunn and Richard Lugar, "report from their Tour of the Russian Republics" // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1992. – Nov. 25. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-11-25%20Press%20Conference,%20Senator%20Sam%20Nunn%20and%20Senator%20Richard%20Lugar,%20 Report%20from%20their%20Tour%20of% 20the%20Russian%20Republics.PDF (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

21. Putzel, M. US says Ukraine to give up atom arms / M. Putzel // The Boston Globe. – 1994. – January 11. – P. 5.

22. Report to Vitaly Kataev on the State of Nuclear Weapons in Ukraine // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1994. – Sep. 16. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1994-09-16%20Report%20by%20Vitaly%20Kataev%20on %20the%20state%20of%20Nuclear%20Weapons %20in%20Ukraine.pdf (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

23. Shields, J. Dismantling the Cold War / J. Shields, W. Potter. – L. ; Cambridge : MIT Press, 1997. – 450 c.

24. Talbott, S. The Russian Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy / S. Talbott. – N. Y. : Random House, 2003. – 512 c.

25. Under Secretary of Defense Frank Wisner Letter to Senator Sam Nunn // The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection. – 1993. – Nov. 17. – Electronic text data. – Mode of access: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1993-11-17%20Letter%20from%20Wisner%20to%20Nunn.pdf (date of access: 2 December 2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. *Budapeshtskiy memorandum ili paralich voli. Taktika bez strategii* [The Budapest Memorandum or Paralysis of the Will. Tactics Without Strategy]. URL: https://farwater.net/istoriya-i-mify/taktika-bez-strategii (accessed 11 March 2020).

2. Dubinin Yu. *Diplomaticheskiy marafon* [The Diplomatic Marathon]. Moscow, AviaRus-XXI Publ., 2005. 351 p.

3. *Intervyu senatora Richarda Lugara russkoy sluzhbe «Golos Ameriki»* [Interview with Senator Richard Lugar to the "Voice of America" Russian Service]. 2015, March 27. URL: http://www.golos-ameriki.ru/a/lugar-interview/2696848.html (accessed 2 December 2019).

4. *Intervyu senatora SShA Sema Nann dlya radiostantsii «Ekho Moskvy»* [US Senator Sam Nunn Interviews for "Ekho Moskvy" Radio]. 2016, February 26. URL: http://echo.msk.ru/programs/beseda/1719620-echo (accessed 2 December 2019).

5. Kostenko Yu. *Istoriya Yadernnogo Rozzbroennya Ukrainy* [History of Nuclear Disarmament of Ukraine]. Kiev, Yaroslaviv val Publ., 2015. 464 p.

6. Maslin E. Yadernoe oruzhie i kontrol za ego nerasprostraneniem [Nuclear Weapons and Control of Its Non-Proliferation.]. *Obozrevatel* [Observer], 1994, no. 3-4. URL: http://observer.materik.ru/observer/N03-4_94/3-4_06.HTM (accessed 2 December 2019).

7. *Pro bezyaderniy status Ukraini. Verkhovna Rada Ukraini : zayava vid 24.10.1991 № 1697-XII.* [About the Nuclear-Free Status of Ukraine. Statement of the Verkhovna Rada of Ukraine no. 1697-XII, October 24, 1991]. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1697-12 (accessed 2 December 2019).

8. *Pro priiednannya Ukraini do Dogovoru pro nerozpovsyudzhennya yadernoi zbroi vid 1 lipnya 1968 roku Verkhovna Rada Ukraini : zakon vid 16.11.1994 № 248/94-VR* [Law no. 248/94-BP Dated October 16, 1994 of the Verkhovna Rada of Ukraine on Ukraines Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons of July 1, 1968]. URL: http://zakon5. rada.gov.ua/laws/show/248/94-%D0%B2%D1%80 (accessed 2 December 2019).

9. Skachko V. Ukrainskiy parlament utverdil oboronnuyu strategiyu respubliki: ona predpolagaet

nalichie sobstvennykh armii i flota [The Ukrainian Parliament Approved the Republics Defense Strategy: It Implies the Existence of Its Own Army and Navy]. *Nezavisimaya gazeta*, 1991, October 24.

10. *Tristoronnya zayava Prezidentiv Ukraini, SShA ta Rosii (ukr/ros). Ukraina, Rosiyska Federatsiya, SShA : zayava, Mizhnarodniy dokument vid 14.01.1994* [Trilateral Statement by the Presidents of Ukraine, the Russian Federation and the USA. International Document Dated January 14, 1994]. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/998_300 (accessed 2 December 2019).

11. Chumak V., Galaka S. Programma Nanna-Lugara na Ukraine [The Nunn-Lugar Program in Ukraine]. *Yaderny Kontrol*, 2000, no. 5, pp. 52-61. URL: http://pircenter.org/media/content/files/9/13508142980.pdf (accessed 11 March 2020).

12. Cable, Defense Intelligence Agency, Washington, "Defense Intelligence Report ODB 27-92, Ukraine – Nuclear Withdrawal Suspension". *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1992, March 27. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/Nuclear-Weapons-and-Ukraine/Doc-13-DIA-cable-Ukraine-nuclear-withdrawal-suspension-1992-03-27.pdf (accessed 10 January 2020).

13. Cable, Defense Intelligence Agency Washington, "Dynamics of Change in Eurasia [Excerpts]". *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1992, May 5. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-05-09%20Cable,%20Defense%20Intelligence%20Agency%20Washington,%20Dynamics%20of%20Change%20in%20Eurasia%20[Excerpts].PDF (accessed 2 December 2019).

14. *Congressional Research Service. Economic Crisis in Ukraine: Dangers and Opportunities. CRS Report for Congress.* 1994, August 18. Washington, D.C., GPO, 1994. 25 p.

15. Department of State, Talking Points and Non-Paper for Meeting with Ukrainians. *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. Circa 1993, December 3. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1993-12-03%20Talking%20Points,%20Department%20of%20State.pdf (accessed 2 December 2019).

16. Information Memorandum for Brent Scowcroft from Ed. A. Hewett, "Ukrainian Approach to Defense Matters". *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1991, November 8. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1991-11-08%20Information%20Memorandum%20for%20Brent%20Scowcroft%20from%20Ed.%20A.%20Hewett,%20Ukrainian%20Approach%20to%20 Defense%20Matters.PDF (accessed 2 December 2019).

17. Memorandum from Philip Zelikow to Graham Allison, Robert Blackwill, Al Carnesale, Ash Carter, bill Hogan, "Harvard Discussion with Kravchuk on Nuclear Weapons". *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1991, September 30. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1991-09-30%20Memorandum%20from%20Philip%20Zelikow%20to%20Graham%20Allison,%20Robert%20 Blackwill,%20Al%20Carnesale,%20Ash%20 Carter,%20Bill%20Hogan,%20%E2%80%9CHarvard%20Discussion%20with%20Kravchuk%20on%20Nuclear%20Weapons %E2%80%9D.PDF (accessed 2 December 2019).

18. Memorandum of Conversation Between President Bush and President Yeltsin. *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1992, February 1. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-02-01%20Memorandum%20of%20Conversation%20between%20President%20Bush%20and%20President%20Yeltsin.PDF (accessed 2 December 2019).

19. *Memorandum of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine on Clarifying Ukraines Nuclear Policy*. 1992, December 11. URL: http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119817 (accessed 2 December 2019).

20. Press Conference, Senator Sam Nunn and Richard Lugar, "Report from Their Tour of the Russian Republics". *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1992, November 25. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-11-25%20Press%20Conference,%20Senator%20Sam%20Nunn%20and%20Senator%20Richard%20 Lugar,%20Report%20from%20their%20Tour%20of%20 the%20Russian%20Republics.PDF (accessed 2 December 2019).

21. Putzel M. US Says Ukraine to Give Up Atom Arms. *The Boston Globe*, 1994, January 11, p. 5.

22. Report to Vitaly Kataev on the State of Nuclear Weapons in Ukraine. *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1994, September 16. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB 447/1994-09-16%20Report%20by%20Vitaly%20Kataev%20on%20the%20state%20of%20Nuclear%20Weapons%20in%20Ukraine.pdf (accessed 2 December 2019).

23. Shields J., Potter W. *Dismantling the Cold War.* London, Cambridge, MIT Press, 1997. 450 p.

24. Talbott S. *The Russian Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy.* New York, Random House, 2003. 512 p.

25. Under Secretary of Defense Frank Wisner Letter to Senator Sam Nunn. *The National Security Archive, Nunn-Lugar Collection*. 1993, November 17. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1993-11-17%20Letter%20from%20 Wisner%20to%20Nunn.pdf (accessed 2 December 2019).

Information About the Authors

Sergey Yu. Shenin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation, shenins@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-4503-5923

Andrei S. Shenin, Candidate of Sciences (History), Director, Department of Public Administration, Narxoz University, 1st Microdistrict, 81, 050035 Almaty, Republic of Kazakhstan, shenin.andrei@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8468-4275

Информация об авторах

Сергей Юрьевич Шенин, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, shenins@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-4503-5923

Андрей Сергеевич Шенин, кандидат исторических наук, директор научно-образовательного департамента государственного управления, Университет Нархоз, 1-й микрорайон, 81, 050035 г. Алматы, Республика Казахстан, shenin.andrei@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8468-4275

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

UDC 323.22/28
LBC 60.59; 66.2(2Рос)

Submitted: 14.07.2019
Accepted: 26.12.2019

RISKS IN THE NORTH CAUCASUS: POTENTIAL OR REAL ESCALATION OF THE ETHNOPOLITICAL SITUATION [1]

Viktor A. Avksent'ev
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation

Galina D. Gritsenko
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation

Svetlana Yu. Ivanova
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation

Marina M. Shulga
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Positive dynamics in the ethnopolitical sphere of the North Caucasus does not mean that there are no further risks of the escalation of the ethnopolitical tension and stabilizing processes are irreversible. The goal and objectives of the article are the identification of the current ethnopolitical situation in the North Caucasus and assessment of the achievements or failures of the decade-long implementation of programs of reconstructiong the region. The authors identify risk factors of the ethnopolitical tension in the North Caucasus as a key approach to conflict forecasting, develop a hierarchy of risk factors, and assess the optimality of management decisions. *Methods and discussion*. In the context of the discussion the most relevant is understanding risks as an inevitable product of decision-making (Luhmann). The analysis of risk generating processes in the North Caucasus is most effective from the standpoint of the conflict studies (conflict resolution) approach (Burton). Empirical data was obtained by series of expert surveys, the Delphi method, content analysis of media sources (the Internet, printed press, radio, television) and analysis of official statistical data. The conclusion was made that during the past three years positive results have been achieved mainly due to administrative resources and activities of the institutions of force ("siloviki"), but those resources are close to exhaustion. All "classical" risk factors identified by the country's leadership in 2009 remain and "new" risk factors are actualized. Among the "classical" risks, the first positions are occupied by the low level of industrial production, the critical dependence of the North Caucasus republics on federal budget subsidies, the lag in life standards in these republics from the average in Russia, the retention of a high unemployment rate. These risks are to a large extent due to such factor as the low efficiency of regional authorities. The "new" risk factors include those that were in a latent state, but now can turn into manifest conflicts. This is, above all, a land-use problem that has various modifications: ethnic, territorial, economic, historical. Further studies of the problems of the North Caucasus are related to the analysis of the effectiveness of the system of ethnopolitical security and centre-peripheral relations, to the new non-trivial approaches in the theory of Russian federalism, to the choice of a model of spatial development of the Russian Federation. *Analysis and results.* Despite the general improvement of the climate of ethnic relations, risk factors in the ethnopolitical situation in the North Caucasus can result in the return of the region to the negative conflict scenario. The modern North Caucasus can be characterized as a risk society, in which risks appear as a result of decision making more and more frequently. Some positive "shifts" in the economic and social basis of life in the region are not sufficient for irreversible

© Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M., 2020

changes of the situation for the better. The specificity of current problems in the North Caucasus is that their conflict potential can be implemented "unexpectedly" through various indirect links.

Key words: North Caucasus, risk analysis, ethnopolitical situation, ethnopolitical conflicts, forecasting and scenario analysis.

Citation. Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Risks in the North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 115-128. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

УДК 323.22/28
ББК 60.59; 66.2(2Рос)

Дата поступления статьи: 14.07.2019
Дата принятия статьи: 26.12.2019

РИСКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЭСКАЛАЦИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ [1]

Виктор Анатольевич Авксентьев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Галина Дмитриевна Гриценко

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Светлана Юрьевна Иванова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Марина Михайловна Шульга

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является идентификация текущей этнополитической ситуации на Северном Кавказе, оценка достижений и неудач в десятилетней реализации программ реконструкции региона, рассмотрение рисков, которые обусловливают потенциальную или реальную эскалацию этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Авторами был проведен теоретико-методологический анализ категории «риск», результатом которого стало понимание его как неизбежного продукта принятия решений. В статье было отмечено, что за последние два-три года за счет административных ресурсов и успешной деятельности «силовиков» в регионе достигнуты положительные результаты. Однако анализ статистических материалов, результатов экспертного опроса, Дельфи-метода, контент-анализа СМИ позволил констатировать, что данные ресурсы близки к исчерпанию. В северокавказском регионе сохраняются классические факторы-риски и актуализируются «новые» рискогенные факторы. Классическими рискогенами принято считать факторы, названные руководством страны в 2009 году. Установлено, что эти риски в определенной степени обусловлены таким фактором, как низкая эффективность региональных органов власти. К «новым» рискогенным факторам отнесены те, которые находились в латентном состоянии, но в настоящее время актуализировались. Это, прежде всего, земельный вопрос, имеющий разную модификацию: этническую, территориальную, экономическую, историческую. В статье сделан вывод о том, что несмотря на общее улучшение климата межэтнических отношений, в северокавказском регионе сохраняется рискогенность этнополитической ситуации, которая способна привести к возврату на негативный конфликтологический сценарий регионального развития. Дальнейшие исследования проблем Северного Кавказа связаны с анализом эффективности выстраиваемой системы этнополитической безопасности, центр-периферийных отношений. Требуются новые нетривиальные подходы в теории российского федерализма, в выборе пространственного развития Россий-

ской Федерации. Необходимы среднесрочные прогнозы развития региональной ситуации на Юге России с акцентом на прогноз развития этнополитических процессов и проблем, а также анализ позитивных практик в сфере регионального антиконфликтогенного менеджмента. *Вклад авторов*. Разработка концепции статьи, написание вводного раздела (анализ этнополитических тенденций), выделение «новых» рискогенных факторов и их анализ, общее редактирование и перевод статьи принадлежат В.А. Авксентьеву. Г.Д. Гриценко был проведен теоретико-методологический анализ категории «риск», разработаны методологические основы исследования, выполнен анализ результатов экспертного опроса. Исследование «классических» рискогенов, в качестве которых рассматриваются причины эскалации напряженности на Северном Кавказе, обозначенные руководством страны в 2009 г., применение Дельфи-метода осуществлено М.М. Шульга. Контент-анализ СМИ и заключительный раздел «Результаты» подготовлен С.Ю. Ивановой.

Ключевые слова: Северный Кавказ, анализ рисков, этнополитическая ситуация, этнополитические конфликты, сценарные прогнозы.

Цитирование. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Риски на Северном Кавказе: потенциальная или реальная эскалация этнополитической ситуации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 115–128. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

Introduction. January 2020 marks ten years after the formation of the North Caucasian Federal District. The new federal district was created at the peak of the escalation of ethnopolitical tension and terroristic activity. What has been achieved in a decade? What problems were solved and what are the results? The North Caucasus is no longer mentioned in the adopted in 2018 new edition of the "Strategy of the State National Policy of the Russian Federation until 2025" as a region requiring priority attention of state authorities. The Ministry of the Russian Federation for North Caucasus Affairs was abolished in January 2020, its functions were transferred to the Ministry of Economic Development. The only regional ministry preserved in the new Russian Government is the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic. At the same time a 69-year old Yu. Chaika was appointed a new Plenipotentiary Representative of the President of Russia in the North Caucasian Federal District after the end of his career as the Prosecutor General of Russia. These changes definitely manifest the shifts in regional priorities of the Russian Federation and show that the regional situation in the North Caucasus is no more perceived by Russian authorities as a threat to stability of the country.

News from the North Caucasus is rarely found among topical issues nowadays, giving way to social and political events in Ukraine [35], the fight against terrorism in Syria [19], relations with the United States and the European Union [50]. This is due not only to the severity of the latter problems, but also to a certain stabilization of ethnic relations in the North Caucasus. Experts [4; 5], politicians [39] point to positive trends in the region, and this is confirmed by official data [19]. The population has a nationwide identity [43]. There was no aggravation of the ethnopolitical situation during election campaigns of the "large electoral cycle" of 2016–2018 [9].

Positive dynamics in the ethnopolitical sphere does not mean that there are no problems left that can develop into manifest conflicts. Moreover, we argue that the achieved results are overestimated. The goal of the article is to identify the current ethnopolitical situation in the North Caucasus and assess achievements or failures of the decade-long implementation of programs of reconstructing the region.

The latent nature of ethnopolitical problems requires their constant analysis, as well as identification of risks of their eruption into open conflicts. Identifying risk factors of ethnopolitical tension in the North Caucasus is a key approach to conflict forecasting. Social practice shows that it is the forecasts that are most in demand by the authorities. The effectiveness of early conflict warning is evaluated not only by how accurately the predictions come true, but also by how the predicted negative tendencies are stopped and the identified risks are minimized. It is relevant to create a hierarchy of risk factors, assess the optimality of management decisions, and clarify the concept of "risk" as the theoretical background of the analysis.

In the context of globalization, increasing uncertainty and ambiguity of human existence, the

risk-related issues became more urgent [45, p. 711-712]. For the studied problems, the following Luhmann's position is of special relevance: "The question is rather what we can learn about normal processes in our society from the fact that it seeks to comprehend misfortune in the form of risk... and it is only by referring to the other side of the normal form that it can be recognized as a form" [36, p. VIII, IX]. Thus, there is no risk-free behavior in modern society [36, p. 31] and when analyzing social processes, it is suitable to start from the theoretical construction that "risk is immanent to society itself".

Modern risks, according to Beck, are consequences which relate to the threatening force of modernization and to its globalization of doubt: "To the extent to which modernization hazards generalize and thus abolish the remaining zones of non-involvement, the risk society (in contrast to class society) developes a tendency to unify the victims in global risk positions. In the limiting case, then, friend and foe, east and west, above and below, city and country, south and north are all exposed to the leveling pressure of the exponentially increasing risks of civilization" [16, p. 47]. The production of risks, according to Beck, may undermine the principles of market economy and lead to the emergence of new social and political forces. These forces are capable of swinging the political pendulum from universal danger to unpredictable political actions and distrust of existing political institutions. In a situation of political instability, the search for a point of support – a "firm hand", an authoritarian or even totalitarian – is inevitable [16, p. 23, 24, 45].

In risk studies in Russia the increasing political instability in modern society is considered as a result of decision making, because "risk is an inevitable product of the machine, which is called decision making" (Yanitsky) [55, p. 11]. Political assessment of an acceptable risk, according to Yanitsky, will play in future a greater role than presently. Disputes over the definition of what is risky, how dangerous it is, what is the level of a socially acceptable risk, will intensify and move politics into unstable space, causing frequent changes in the alignment of political forces [55, p. 12-13]. The main meaning of "risk", according to Yanitsky, is "uncertainty" ("probability") of consequences: risk is always an event with uncertain consequences [55, p. 12].

Recognizing that the modern world is structured by manufactured risks, Giddens highlighted the "new" risk-taking elements of society: the oversaturation of modern society with knowledge about risks is itself a risk. Finally, Giddens puts forward the problem of expertise. Lay knowledge of modern risk environments leads to awareness of the limits of expertise. The faith that supports trust in expert systems involves blocking off the ignorance of the lay person when faced with the claims of expertise. However, according to Giddens, "realisation of the areas of ignorance which confront the experts themselves, as individual practitioners and in terms of overall fields of knowledge, may weaken or undermine that faith on the part of lay individuals". Giddens agrees that experts often conceal the true nature of risks or even the fact that there are risks at all. But still more threatening is the situation where real dangers and risks are not realised by the experts [28, p. 129-130].

Giddens argues that the "intensity of risk" is the basic element in the circumstances in which we live today. Alongside with our attempt to minimize risks, novel risks come into being. Giddens shows the hallmarks of the risks created by man: first, globalization of risk in the sense of intensity; second, globalization of risk in the sense of the expanding number of contingent events; third, risks stemming from the created environment, or socialized nature; fourth, the development of institutionalized risk environments affecting the life-chances of millions; fifth, awareness of risk as well as awareness of the limitations of expertise [28, p. 124-125].

According to classics of risk theory, modern society is a society based on dualities [15]. It is the duality of any decision that comes to the fore, as well as combining any good with possibly even greater damage. The social project of a modern society becomes clearly defensive – not the achievement of the "good", but the prevention of the "worst" [16, p. 49; 55, p. 12-13].

Thus, in the context of modernization and globalization, any management decision contains risk as a phenomenon with uncertain dual consequences, which makes society politically unstable and limits the quality of expert assessments.

Methods and Discussion. The analysis of risk generating processes in the North Caucasus

is most effective from the standpoint of the conflict studies (conflict resolution) approach. According to Burton, the conflict resolution approach is a-disciplinary, it is a synthesis that goes beyond separate disciplines. It accepts no boundaries of knowledge and tries to combine behavioral, psychological, economic, sociological and other elements and is aimed at problem-solving conflict resolution [21, p. 14]. This approach makes it possible to identify risk factors and to develop forecasts of ethnopolitical processes in the North Caucasus based on the conflict resolution approach.

A solid theoretical and methodological contribution to conflict studies was also made by Russian scholars, for example, Dmitriev [24], Zdravomyslov [57] and others.

A serious experience has been gained in studying conflicts at micro- and meso-levels as well as in case studies of conflicts in different areas of society [2]. Many scientists from the leading scientific centres of the Russian Federation, in particular, the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, are engaged in studying ethnic and ethnopolitical conflicts [51]. Ethnic conflicts are a priority topic for researchers in the South of Russia – sociologists, specialists in conflict studies and political scientists, who work in major research and educational centres in southern Russia (regional centres of the Russian Academy of Sciences, federal universities) [3; 10; 26; 37; 55]. Most of the research done is devoted to the analysis of conflicts that have already taken place, and sometimes to forecasting local situations. The established practice of cooperation between research centres and regional authorities has shown that it is scientific forecasts that are in demand. They allow the authorities to identify in advance the growing risks, to adjust political and managerial activities in order to minimize and localize the risks [13].

The dynamics of ethnopolitical processes in the North Caucasus brings to the emergence of new risks and to changes in the intensity of the already existing ones. It is necessary to clarify the methodology and methods of studying regional risks and to developing regional conflict scenarios.

The development of conflict scenarios and forecasts of the situation in the North Caucasus has been carried out by the scholars of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Science. The proposed scenario forecasts became a conceptual basis for an adequate understanding of the changes taking place in the socio-political life of the region [11].

The first scenarios and forecasts of the regional situation in terms of risk management were proposed to the scholarly and expert community in 2005 [6]. In subsequent studies, based on identifying significant risk factors, scenarios were adjusted and forecasts of the dynamics of the regional situation were refined [9; 12]. The a-disciplinary conflict study approach (Burton) was widely used in the research work.

Thanks to the expert survey, carried out in 2016–2017, a diversity of opinions on the means of reducing the risks of manifest conflicts was obtained. The experts offered recommendations on neutralizing the negative impact of risk factors and reducing the risks of regional authorities' decision making. The personal choice of experts was based on the following criteria: research and / or media activity in the field of regional conflicts / ethnopolitics; experience in analytical, expert and / or management practices; belonging to the peoples indigenous to the region (including ethnic Russians); living in one of the territories of the North Caucasian Federal District. Such a selection of experts made it possible to obtain a unique information and analytical material to clarify the hierarchy of risk factors, determine the dynamics of the regional ethnopolitical process, and forecast changes in the existing risk profile.

To minimize the limitations of expert assessments (Giddens), the Delphi method was used in subsequent research. This method gave an opportunity to formulate a generalized conclusion that excludes the socio-psychological component and is more relevant than individual points of view of the experts. The ability of an independent expert to reflect on the forecasts of his colleagues is a kind of dialogue within the expert community and a guarantee of the quality of scientific expertise.

In order to ensure the objectivity of the analysis of different points of view, including oppositional, content analysis was used in studying media sources (the Internet, printed press, radio, television). This made it possible to obtain additional information about the regional

ethnopolitical situation; to adjust the risk hierarchy proposed by experts; to create the most comprehensive list of political actors; to determine who among them actively contributes to the realization of ethnopolitical risks of and who minimizes the risk-bearing content of the existing factors; to evaluate the effect of managerial decisions on the social behavior of various actors of the ethnopolitical process.

The analysis of statistical data from the official sites of the Federal State Statistics Service (Rosstat) and the Federal Service for Labor and Employment (Rostrud) was used to identify the trends in the development of regional ethnopolitical processes. The combination of the methods, as well as the use of the methodology already tested in the first study (2006) maintaining the same goals and objectives suggest a high degree of validity and comparability of the results obtained.

The intermediate materials of the research were published earlier. The present article analyzes new static data (2018 or 2019, when available) in comparison with 2016–2017, as well as generalizes the results of several stages of the research work. This makes it possible to assess a decade of reconstruction of the region and make forecasts for the nearest future.

Further studies of the problems of the North Caucasus are associated with analyzing the effectiveness of the arranged system of ethnopolitical security, centre-periphery relations, in particular, potential inconsistency and destructiveness of relations between the federal centre and Russian regions. New non-trivial approaches are required in the theory of Russian federalism, in the analysis of the correlation of federalism and unitarianism in politics and in the further selection of a model of spatial development of the Russian Federation. Medium-term forecasts of the development of the regional situation in the South of Russia are needed, with an emphasis on the forecast of ethno-political processes and problems that determined the specificity of the regional situation and the protracted regional crisis in the South for more than two decades after the collapse of the USSR. Positive practices selection, analysis and verification in conflict management in the North Caucasus are also crucially important.

Analysis. At the beginning of 2020, there is no more reason to identify the situation in the North Caucasus as a protracted regional ethnopolitical crisis, which for a quarter of a century determined the level of risks in the North Caucasus. Key factors in the de-escalation of ethnopolitical tensions in the North Caucasus region are the following: a) the decrease in terrorist activity as a result of the elimination of the leaders of the underground resistance movement and the termination of the activities of the terrorist "Caucasian Emirate"; b) the outflow of the most active part of the combatants from the North Caucasus to the Middle East at the call of the banned in Russia "Islamic State"; c) the firmness and consistency of Russia's policy in upholding geopolitical interests in the context of the Ukrainian and Syrian crises. Thus, the de-escalation of ethnopolitical tension is the result of power based governance ("siloviki") in the North Caucasus [4].

Other stabilization factors, first of all the economic reconstruction of the region, considered by Russian authorities as the basis for de-escalating of tensions, played a much smaller role. It is worth noting that a decade ago, at the stage of the formation of the North Caucasus Federal District, it was the economic reconstruction of the region that was seen as a key to an irreversible change in the situation for the better.

Definite positive results were achieved in reducing unemployment (Table 1) – from 11.2% in 2017 to 9.9% in the first quarter of 2019.

All republics except North Ossetia have shown decline in the unemployment rate in the three-year perspective, and in the long-term perspective the best results are in the Chechen Republic (reducing unemployment from 76% in 2007 to 13.4% in the middle of 2019) [22; 27; 18].

There is an increase in per capita GRP in the republics of the North Caucasus. So, for the period 2014–2017, it increased in current prices from 142,400 up to 157,900 rubles [47]. The emphasis placed by the regional authorities on the development of small and family businesses has softened the unemployment situation.

Thus, the power based governance combined with some positive changes in social and economic life have led to a decrease in ethnopolitical risks, as well as in number and severity of ethnic conflicts in the North Caucasus. As a result, in 2014 it became possible to identify the transition of the regional situation from a negative conflict scenario to a moderately

Table 1. **Unemployment rate in 2017 and 2019 in federal subjects located in the North Caucasus (in %)**

Federal subjects located in the North Caucasus	Unemployment rate in the late 2016 – early 2017	Unemployment rate in the mid 2019
Republic of Ingushetia	27.9	26.2
Chechen Republic	14.2	13.4
Republic of Dagestan	11.7	10.6
Karachay-Cherkess Republic	16.7	9.6
Kabardino-Balkar Republic	11.6	9.7
Republic of North Ossetia-Alania	10.7	12.6
Stavropol Krai	*5.5*	*4.8*

negative [8, p. 35], and since 2017 in certain territories (for example, in Stavropol Krai) – to a moderately positive one [9, p. 86].

At the same time, as experts note, the positive trend in the development of the regional situation is not sustainable. Sources of ethnopolitical tensions, rooted in socio-economic and institutional spheres, remain. The existing risks of ethnopolitical stability increase the vulnerability and reversibility of positive trends [14, p. 124-125].

To ensure effective management of regional processes, those risks should be specified. The most significant risks at the present time are the so-called "classic risk factors", which were identified by the country's leadership in 2009 and were relevant at that time: 1) criminal activity of the bandit underground groups; 2) relative poverty of the population; 3) high unemployment; 4) huge, "just monstrous" scale of corruption; 5) systemic deformations in state administration at the regional level, extremely low efficiency of regional authorities; 6) extremism, "which is supplied from abroad"; 7) lag in the quality of life in the republics of the North Caucasus from the average Russian ("gross domestic product per capita is several times lower than the average Russian"); 8) the low level of industrial production ("several times lower than the average Russian"); 9) critical dependence of the republics of the North Caucasus on federal budget subsidies; 10) ethno-clan system [38].

The factor analysis of the reproduction of extremism and terrorism that was carried out in 2016–2019 showed the change in the hierarchy of "classic risk factors" if compared with 2009 [7].

In the first place there is a low level of industrial production. In 2018, in three of six republics in the North Caucasus there was a decrease in industrial production (Table 2).

The most significant decline took place in the Karachay-Cherkess Republic (–10.1%), the Republic of North Ossetia – Alania (–8.9%) and the Kabardino-Balkar Republic (–7.0%). These three republics showed the worst results in Russia. In other regions, there was a small increase in industrial production in 2018, with the best results in the Republic of Ingushetia, which became the leader in the North Caucasus due to the growth of production in the manufacturing sector (+38.5%) [41].

In the second place there is a critical dependence of the republics of the North Caucasus on federal budget subsidies: the leading place is occupied by the Republic of Dagestan (more than 66 billion rubles were allocated in 2019), the next is the Chechen Republic, the rest of the republics occupy positions up to the 24th [25].

Third, the lagging of the quality of life in the North Caucasian republics from the average Russian (Table 3).

The changes in the standards of living are positive only in the Republics of North Ossetia – Alania and Dagestan (moving up from the 72nd and 73rd positions in 2017 to 65th and 69th positions in 2018, respectively), while in other republics, except the Republic of Ingushetia, there was a decrease in the quality of life, for example, the Karachay-Cherkess Republic occupies the 84th place (out of 85) [32].

In the fourth place is the relative poverty of the population. The per capita GRP in the region in the early 2018 was 157,900 rubles, although in Russia it was 510,300 thousand rubles. There was an annual decline in the per capita GRP in Ingushetia in 2015 and 2016 and only in 2017 it reached the level of 2014 (114,800 rubles) [47].

The fifth place belongs to the high level of unemployment: though it decreased to 9.9%, it

Table 2. **Industrial production index by federal subjects located in the North Caucasus (for 2018 in % to the previous year)**

Federal subjects located in the North Caucasus	Index in 2018
Karachay-Cherkess Republic	89.9
Republic of North Ossetia-Alania	91.1
Kabardino-Balkar Republic	93.0
Chechen Republic	100.3
Republic of Dagestan	104.2
Republic of Ingushetia	107.7
Stavropol Krai	*103.5*

Table 3. **The Quality of life integral rating of federal subjects located in the North Caucasus for 2018 compared with 2017**

The place in the ranking of subjects of the Russian Federation (85 positions)	2017	2018
Karachay-Cherkess Republic	83	84
Republic of North Ossetia-Alania	72	65
Kabardino-Balkar Republic	75	76
Chechen Republic	68	71
Republic of Dagestan	73	69
Republic of Ingushetia	84	82
Stavropol Krai	*22*	*22*

still almost twice the average figure for Russia (4.9%) [18]. Experts point out difficulties in assessing unemployment due to the high share of the shadow economy in the region (35–45%) [17; 31]. Sarkarova thus describes the situation in Dagestan: "In almost all cities, especially in small settlements and rural areas, a significant part of the working age population is employed in the shadow economy, or in numerous markets, in small shops, or are individual entrepreneurs <...> unemployment is supported by the existing system of teip and clan based redistribution of income, which allows a part of the population not to work at all. This is especially common among young people" [44, p. 108].

According to expert survey, corruption, low efficiency of regional authorities, ethno-clan structure of local societies are placed far down the list of risk factors, but it doesn't mean their irrelevance. The proposed hierarchy is conditional, as all risk factors are intertwined. Thus, the reliance of regional authorities on small and family businesses reduced, according to experts, unemployment, but strengthened the ethno-clan structure of societies and hampered the necessary institutional changes and the formation of civil solidarity [14, p. 120]. Moreover, the preservation of almost all "classical" risk factors may be attributed to low efficiency of both regional and federal authorities' governance. This confirms the theoretical and methodological position recorded at the beginning of the article: "risk is an inevitable product of the machine, which is called decision making" (Yanitsky).

And last, but not the least, is the criminal activity of the bandit underground groups and extremism. In 2018, 894 people were detained for extremism and terrorism in Russia, among them almost 100 students from schools and universities, and over 280 were young people aged 18–24 [49]. This indicates the relevance of this risk factor despite general decline in terrorist activities.

According to the results of the study, "new" risk factors joined "classic" ones. This, first of all, is the problem of land tenure that has various dimensions: ethnic, territorial, economic, historical.

The most serious ethnopolitical conflict, rooted in land tenure, namely in the use of lands of distant-pasture cattle breeding, occurred in the Nogai steppe of the Republic of Dagestan. It is here, according to Yarlykapov, "the ill-conceived policy of the Dagestan authorities led to gradually turning of the Nogai steppe into a desert <...> the area of degraded lands has increased by 10 times over the past 40 years – up to 70%!" [40].

The tensions over land issues in the Nogai municipal district in Dagestan more than once led to local manifest conflicts, which due to widening

of their basis and growing impact on the ethnopolitical situation turned by 2017 into a republican ethnopolitical crisis. The situation gained maximum publicity in the summer of 2017 thanks to the All-Russian Congress of the Nogai people. The reason for convening the congress was the implementation of the Law of the Republic of Dagestan "On the status of lands of distant-pasture cattle breeding in the Republic of Dagestan" [56]. The participants of the congress adopted an appeal to the President of Russia, which stated: "The Nogai people are concerned about the aggravation of land issues in the Nogai district of the Republic of Dagestan and believe that land reform is being carried out in socially dangerous and illegal forms" [23].

This conflict became a protracted one. In spring 2019, a meeting of Nogai elders was held in the Nogai district with the presence of municipal authorities. The final resolution stated that the Nogai steppe was turning into a zone of ecological disaster due to its misuse, and a requirement was formulated for the Government of Dagestan to provide a complete inventory and geobotanical survey of the lands used for distant-pasture cattle breeding [34].

The land-use conflict in Dagestan is also associated with the Kumyk people. An Extraordinary Congress of the Representatives of municipalities and NGOs of the Kumyk People was held in March 2017. In May 2018, another Kumyk meeting of residents of three suburban settlements of the Dagestan capital Makhachkala took place, where controversial questions about land use were again raised. Both of these events were the result of contradictions in land-tenure and municipal reforms and the reluctance of the authorities to adequately react to problems and resolve them before they become an open conflict [33]. Another example of a land-use conflict is the situation in Nartan and the Volny Aul in the Kabardino-Balkar Republic [1].

Social tensions caused by problems in land use to land are also present in other territories in the North Caucasus. Acute land-use problems are the basis for concentration of the risks of ethnopolitical stability and indicate the dependence of "new" risks on "classical" ones, that is low efficiency of regional authorities management.

In recent years, territorial claims that are related to land-use issues have been again actualized; those claims are signs of a large number of risks to ethnopolitical stability in the region. The Ossetian-Ingush conflict remains unresolved: not all Ingush refugees who left their homes in the Prigorodny district and the city of Vladikavkaz in 1992 came back; the search and identification of the remains of the missing during the armed phase of the conflict has not been completed. According to the former leader of Ingushetia Yu.-B. Evkurov, the Ossetian side focuses on the poor state of the infrastructure and social sphere of the Prigorodny district as an obstacle to the return of all refugees, and on the poor living conditions of Ossetian refugees from Georgia and South Ossetia [29]. The absence of the post-conflict rehabilitation, the separate schooling of the Ossetians and Ingushes in the Prigorodny district impede the integration of the Ingushes into the life of North Ossetia. Debates on the status of the Prigorodny district arise periodically both at the official level [30] and on the Internet. There are calls to return the territory of a part of the district to Ingushetia.

The practice of "cupping" of territorial claims and reducing the base of conflicts to a conflict among elites does not reduce potential risks. An example is the settlement of the Chechen-Ingush territorial conflict in 2012, which was limited to the two leaders of the republics: R. Kadyrov and Yu.-B. Evkurov. The conflict was settled with the mediation of the Presidential Envoy of the North Caucasian Federal Districtin A. Khloponin. But in autumn 2018, the agreement on "equal exchange of non-residential areas in the Nadterechny municipal district in Ingushetia and in the Malgobek municipal district in Chechnya", signed by the heads of Chechnya and Ingushetia caused "disagreement" on both sides. Many residents of Chechnya, for example, were convinced that the exchange of territories was made to the detriment of their interests: by transferring arable land to the neighbors, they received in return abandoned land in the mountains that "were already Chechen" [46].

At the same time, mass protests took place in Ingushetia, since the territories transferred to Chechnya were the lands of the Erzi federal nature reserve with important historical monuments of the Ingush people [42]. The conflict has become a protracted one with a high risk of escalation [48].

Such evolution of territorial and land-use problems revealed two important points: first, any "delayed" or "chronic" conflict contains a high risk of escalation; second, there is a real possibility of conflict de-escalation until "non-elite masses" are involved in it. Any of these conflicts can cause a chain reaction throughout the region and actualize the "inactive risks", which happened in autumn 2018. Territorial and land-use issues have deep historical roots, are emotionally burdened and thus are always difficult to settle. Such hotbeds of conflicts in the North Caucasus need constant attention from both federal and regional authorities.

Another high-risk factor is historical memory. Throughout the post-Soviet period, it has been used as an effective tool for ethnic conflict mobilization. Historical traumas from remote and recent past are chosen contextually at a certain point of time. The historical tragedies, which are always relevant for the North Caucasian peoples, include the Caucasian war of the 19th century, the deportation of the Circassians, the exile of several North Caucasian ethnic groups during World War II. In case of aggravation of the ethnopolitical situation in the region, or escalation of tensions by interests of definite actors, the mobilizing potential of historical memory is widely used. Such was the case on the eve of the Sochi 2014 Winter Olympics.

Especially risky and psychologically difficult are situations when one and the same date is connected with different historical events. Thus, February 23rd is the Day of Memory and Grief about the Stalin's deportation of the Chechens and Ingushes, when mourning and memorial events take place [52]. February 23rd is also celebrated as the Defender of the Fatherland Day, which is a public holiday in Russia. The issue of separating these events arises from time to time, as evidenced by speeches in the meetings in Ingushetia on February 23rd, 2019 [53].

The appeal to historical memory as a desire to link the history of an ethnic group living nowadays with ancient peoples, who lived hundreds and thousands of years ago, the use of historical argumentation in territorial and other claims, according to experts, is in most cases counterproductive. The traditionalist orientation of the public consciousness of the North Caucasian communities, supported by regional authorities and various public organizations, the consciousness that is turned into the past and not into the future, is also a risk factor for ethnopolitical stability in the region.

The analysis of "new" risks makes it possible to state their dependence on the low efficiency of regional authorities, which confirms the understanding of risk as an inevitable product of the decision-making machine.

Results. The modern North Caucasus can be characterized as a risk society, in which risks appear as a result of decision making more and more frequently. The analysis of empirical data reveals a tendency of transition of the regional situation from a negative to a moderate conflict scenario. However, identified risks can lead to the return to a negative scenario. Despite the overall improvement in the climate of inter-ethnic relations, this area remains a significant source of risks to regional stability. Ethnosocial and ethnopolitical conflicts are mostly in a "frozen" or latent phase. Positive results were achieved mainly due to the administrative resource and successful activity of the institutions of force ("siloviki"). Some positive shifts in the economic and social basis of life in the region are not sufficient for irreversible changes of the situation for the better. The resource of the means of stabilizing the situation in the region used so far is close to exhaustion. At present, there is no reason to predict a reduction in the risks for ethnopolitical stability of both "classical" and "new" factors of instability in the North Caucasus. The specificity of current problems in the North Caucasus is that their conflict potential can be implemented "unexpectedly" through various indirect links. The significance of risk assessment of decision-making in the region increases sharply under these conditions.

Further studies of the problems of the North Caucasus are related to the analysis of the effectiveness of the arranged system of ethnopolitical security and centre-peripheral relations, to the new non-trivial approaches in the theory of Russian federalism, to the choice of a model of spatial development of the Russian Federation. Medium-term forecasts of the development of the regional situation in the South of Russia, an analysis of the positive practices of regional anti-conflict management are needed.

NOTE

[1] The article was prepared as part of the research project "Conflict Forecasts and Scenarios of the South of Russia" (registration no. AAAA-A19-119011190170-5).

REFERENCES

1. 2018 god v Kabardino-Balkarii oznamenovalsya mezhnatsionalnym i zemelnymi konfliktami: Nartan i Volnyy aul: zemli razdora [2018 in Kabardino-Balkaria Was Marked by Interethnic and Land Conflicts: Nartan and Volnyy Aul: Lands of Discord]. *Kavkazskiy uzel*. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/329860/ (accessed 12 May 2019).

2. Aklaev A.R. *Etnopoliticheskaya konfliktologiya: analiz i menedzhment* [Ethnopolitical Conflictology: Analysis and Management]. Moscow, ID «Delo», 2008. 480 p.

3. Astvatsaturova M.A., Tishkov V.A. *Molodezh v polietnichnykh regionakh Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga: ekspertnyy doklad* [Young People in Polyethnic Regions of the North Caucasus Federal District: Expert Report]. Pyatigorsk, Izd-vo PGLU, 2014. 101 p.

4. Avksentev V.A., Gritsenko G.D. Protivorechivost etnopoliticheskikh protsessov na Severnom Kavkaze: ekspertnye otsenki [Ethno-Political Trends in the North Caucasus: Expert Evaluation and Forecasts]. *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2018, no. 3, pp. 139-154. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.11.

5. Avksentev V.A., Gritsenko G.D. Etnopoliticheskaya situatsiya na Severnom Kavkaze: ekspertnaya otsenka [Ethnopolitical Situation in the North Caucasus: Expert Assessment]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 1, pp. 93-100.

6. Avksentyev V.A Severnyy Kavkaz: repolitizatsiya etnichnosti i konfliktologicheskie stsenarii razvitiya [The North Caucasus: Repoliticization of Ethnicity and Conflictological Scenarios of Development]. *Obozrevatel* [Observer], 2006, no. 7, pp. 19-27.

7. Avksentyev V.A. Zatyazhnoy regionalnyy krizis na Severnom Kavkaze: est li svet v kontse tonnelya? [A Prolonged Regional Crisis in the North Caucasus: Is There Light at the End of the Tunnel?]. *Yug Rossii v usloviyakh revolyutsionnykh potryaseniy, vooruzhennykh konfliktov i sotsialno-politicheskikh krizisov, 1917–2017 gg.: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 5–6 oktyabrya 2017 g.)* [South of Russia in the Context of Revolutionary Upheavals, Armed Conflicts and Socio-Political Crises, 1917–2017. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, October 5–6, 2017)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, pp. 511-521.

8. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D. Faktornyy analiz dinamiki regionalnoy situatsii na Severnom Kavkaze cherez prizmu chelovecheskogo kapitala [Factor Analysis of the Dynamics of the Regional Situation in the North Caucasus Through the Prism of Human Capital]. *Vlast*, 2017, no. 1, pp. 33-45.

9. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D. Riskogennye faktory v etnopoliticheskoy sfere Severnogo Kavkaza [Risk Factors in the Ethnopolitical Sphere of the North Caucasus]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2018, no. 4 (96), pp. 81-91. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-81-91.

10. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D., Dmitriev A.V., Gorshkov M.K., ed. *Regionalnaya konfliktologiya: ekspertnoe mnenie* [Regional Conflictology: Expert Opinion]. Moscow, Alfa-M Publ., 2007. 208 p.

11. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D., Dmitriev A.V. *Regionalnaya konfliktologiya: kontsepty i rossiyskaya praktika* [Regional Conflictology: Concepts and Russian Practice]. Moscow, Alfa-M Publ., 2008. 368 p.

12. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D., Dmitriev A.V., Zinev S.N., Mayboroda E.T. Konfliktnyy region: ekspertnoe mnenie [Conflict Region: Expert Opinion]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 5, no. 3, pp. 15-21.

13. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D., Lepilkina O.I., Shulga M.M. Analiz opyta deyatelnosti organov vlasti Stavropolskogo kraya po stabilizatsii etnopoliticheskikh protsessov [Analysis of the Experience of the Authorities of the Stavropol Territory in Stabilizing Ethnopolitical Processes]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian Nation], 2017, no. 6 (58), pp. 76-90.

14. Avksentyev V.A., Gritsenko G., Lepilkina O.I., Shulga M.M. Severnyy Kavkaz: nestabilnaya stabilnost [North Caucasus: Unstable Stability]. *Nauka Yuga Rossii* [Science of the South of Russia], 2017, vol. 13, no. 1, pp. 115-125. DOI: 10.23885/2500-0640-2017-13-1-115-125.

15. Bauman Z. *Globalization. The Human Consequences*. Oxford, Polity Press & Blackwell Publishers Ltd., 1998. 188 p.

16. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London, SAGE, 1992. 260 p.

17. Biznesmeny Severnogo Kavkaza schitayut, chto v KCHR samaya nizkaya dolya «tenevogo» sektora ekonomiki po SKFO [Businessmen of the North Caucasus Believe that the Karachay-Cherkess Republic Has the Lowest Share of the "Shadow" Sector of the Economy in the North Caucasus Federal District]. *RIA Karachaevo-Cherkesiya*. URL: http://

www.riakchr.ru/biznesmenyi-severnogo-kavkaza-schitayut%2C-chto-v-kchr-samaya-nizka-dolya-tenevogo-sektora-ekonomiki-po-skfo (accessed 31 May 2019).

18. Bolshe vsekh bezrabotnykh – na Severnom Kavkaze. Ofitsialnye tsifry [The Most Unemployed Are in the North Caucasus. Official Numbers]. *Obzor 2018. 16 iyulya* [2018 Review. July 16]. URL: https://obzor.io/2018/07/16/bolshe-vsex-bezrabotnyx-na-severnom-kavkaze-oficialnye-cifry-24806 (accessed 2 June 2019).

19. Bortnikov: na Severnom Kavkaze v 2018 godu predotvratili shest teraktov [Bortnikov: Six Terrorist Attacks Were Prevented in the North Caucasus in 2018]. *TASS.RU*. URL: https://tass.ru/proisshestviya/5652858 (accessed 26 April 2019).

20. Bredikhin A.V. Vliyanie inostrannykh gosudarstv na deyatelnost ekstremistskikh organizatsiy Yuga Rossii [The Influence of Foreign States on the Activities of Extremist Organisations in the South of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezdunarodne Otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 216-224. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.19.

21. Burton J. *Conflict Resolution: Its Language and Processes*. Lanham, Maryland, London, Scarecrow Press, 1996. 86 p.

22. Chebotarev S.V. Uroven bezrabotitsy v SKFO v 2018 godu snizilsya do 10,3% [The Unemployment Rate in the NCFD in 2018 Decreased to 10.3%]. *TASS: Severnyy Kavkaz* . URL: https://news.rambler.ru/other/41582674-uroven-bezrabotitsy-v-skfo-v-2018-godu-snizilsya-do-10-3 (accessed 12 May 2019).

23. Delegaty syezda nogayskogo naroda obratilis k prezidentu RF [Delegates to the Congress of the Nogai People Addressed to the President of the Russian Federation]. *Kavpolit*. URL: http://kavpolit. com/articles/obraschenie_delegatov_sezda_nogajskogo_naroda_k_pr-34296 (accessed 19 May 2019).

24. Dmitriev A.V. *Sotsialnyy konflikt: obshchee i osobennoe* [Social Conflict: The General and the Particular]. Moscow, Gardariki Publ., 2002. 524 p.

25. Dotatsii regionam Rossii 2019 [Grants to the Regions of Russia 2019]. *FINCAN*. URL: http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regionam-rossii-2019 (accessed 21 May 2019).

26. Dzutsev Kh.V. *Etnosotsiologicheskiy portret respublik Severo-Kavkazskogo Federalnogo okruga Rossiyskoy Federatsii* [Ethnosociological Portrait of the Republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 734 p.

27. Frank A.V. *Uroven bezrabotitsy v Rossii* [Unemployment Rate in Russia]. URL: https://vkreditbe.ru/uroven-bezrabotitsy-v-rossii (accessed 18 May 2019).

28. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity Press, 1990. 188 p.

29. Ingushetiya i Osetiya: konflikt bez federalnogo predela [Ingushetia and Ossetia: Conflict Without Federal Limit]. *Kavpolit*. URL: http://kavpolit.com/articles/konflikt_bez_federalnogo_predela-26200 (accessed 12 May 2019).

30. Ingushi Prigorodnogo rayona ne khotyat voyny – glava Minnatsa Severnoy Osetii [The Ingushs of the Prigorodny District Do not Want War – Head of The Ministry of National Relations of North Ossetia]. *EurAsiaDaily*. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/02/03/ingushi-prigorodnogo-rayona-ne-hotyat-voyny-glava-minnaca-severnoy-osetii (accessed 12 May 2019).

31. Ivershin A. Na Severnom Kavkaze rabotayut v teni [In the North Caucasus They Work in the Shadow]. *Komsomolskaya pravda. Severnyy Kavkaz*. URL: https://www.stav.kp.ru/daily/26667/3689882 (accessed 23 May 2019).

32. Kachestvo zhizni v rossiyskikh regionakh – reyting 2018 [Quality of Life in Russian Regions – 2018 Rating]. *RIA Reyting* [RIA Rating]. URL: http://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html (accessed 17 May 2019).

33. Kapaeva A. Kumyki prizvali Vasilyeva vosstanovit Tarkinskiy rayon [Kumyks Urged Vasilyev to Restore Tarkinsky District]. *Kavkazskiy uzel*. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/320386 (accessed 3 May 2019).

34. Kapaeva A. Nogayskie stareyshiny zayavili ob ekologicheskoy katastrofe na zemlyakh otgonnogo zhivotnovodstva [Nogai Elders Announced an Ecological Catastrophe on the Lands of Distant-Pasture Animal Husbandry]. *Kavkazskiy uzel*. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/333388 (accessed 23 May 2019).

35. Kirsanova E.G., Pankratov S.A. Vossoedinenie Kryma s Rossiey v kontekste tendentsii i protivorechii razvitiya sovremennogo politicheskogo protsessa [Reunion of Crimea and Russia in the Context of Trends and Contradictions of Contemporary Policy-Making]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezdunarodnye Otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 6, pp. 76-92. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.6.8.

36. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. New York, Walterde Gruyter Inc., 1993. 148 p.

37. Matishov G.G., Pashchenko I.V. *Atlas sotsialno-politicheskikh problem, ugroz i riskov Yuga Rossii. T. 6* [Atlas of Socio-Political Problems, Threats and Risks of the South of Russia. Vol. 6]. Rostov-on-Don, Izdatelstvo YuNTs RAN, 2013. 200 p.

38. Medvedev D.A. Vystuplenie na rasshirennom operativnom soveshchanii s chlenami Soveta Bezopasnosti. 9 iyunya 2009 [Speech at an Extended Operational Meeting with Members of the Security Council. June 9, 2009]. *Prezident Rossii. Ofitsialnyy sayt* [President of Russia. Official Website]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4384 (accessed 14 June 2019).

39. Na Severnom Kavkaze nazvali kriminogennuyu obstanovku «absolyutno spokoynoy»: polpred Prezidenta RF v Severo-Kavkazskom federalnom okruge A. Matovnikov [In the North Caucasus, the Criminal Situation Was Called "Absolutely Calm": Plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the North Caucasus Federal District A. Matovnikov]. *RIA «Novosti»*. URL: https://ria.ru/20180716/1524662663.html (accessed 4 April 2019).

40. Nogayskiy vopros: kochevniki opasayutsya ostatsya bez stepi [Nogai Issue: Nomads Fear to Remain Without a Steppe]. *Realnoye vremya*. URL: https://realnoevremya.ru/articles/68018-kolonka-istorika-ahmeta-yarlykapova-o-nogayskom-voprose (accessed 6 May 2019).

41. Obzor: sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye regionov RF v 2018 godu [Overview: Socio-Economic Situation of the Regions of the Russian Federation in 2018]. *RIA Reyting* [RIA Rating]. URL: http://riarating.ru/industry_newsletters/20190315/630119735.html (accessed 12 May 2019).

42. Pochemu ingushi protiv obmena zemlyami s Chechney? [Why Are the Ingush Against Land Swaps with Chechnya?]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty]. URL: https://www.svoboda.org/a/29538634.html (accessed 10 June 2019).

43. Popov M.E. Sotsiokulturnaya integratsiya kak sposob razresheniya etnicheskikh konfliktov na Severnom Kavkaze [Socio-Cultural Integration as a Way to Resolve Ethnic Conflicts in the North Caucasus]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezdunarodnye Otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 186-196. DOI: 10.15688/volsu4.2018.4.16.

44. Sarkarova D.S. Vliyaniye tenevoy ekonomiki na politicheskuyu situatsiyu v respublikakh SKFO [The Influence of the Shadow Economy on the Political Situation in the Republics of the North Caucasus Federal District]. *Gorizonty ekonomiki*, 2015, no. 6/2 (26), pp. 106-110.

45. Short J.F., Jr. The Social Fabric of Risk: Towards the Social Transformation of Risk Analysis. *American Sociological Review*, 1984, vol. 49 (December), pp. 711-725.

46. SKFO-2018: massovye protesty, krizisy i aresty chinovnikov [North Caucasus Federal District-2018: Mass Protests, Crises and Arrests of Officials]. *Kavkazskiy uzel*. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/329852 (accessed 14 June 2019).

47. *Spisok subyektov Rossiyskoy Federatsii po valovomu produktu na dushu naseleniya* [List of Constituent Entities of the Russian Federation by Gross Product Per Capita]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (accessed 12 May 2019).

48. Svedeniya o granitse Chechni i Ingushetii vneseny v gosreyestr [Information About the Border of Chechnya and Ingushetia Entered in the State Register]. *Kavkazskiy uzel*. URL: http://mchenrycitizenstaxwatch.org/articles/332388 (accessed 14 June 2019).

49. Tarazevich A. Glava SKR nazval chislo zaderzhannykh za ekstremizm shkolnikov i studentov [Head of the Investigative Committee of the Russian Federation Cited the Number of Schoolchildren and Students Arrested for Extremism]. *DailyStorm*. URL: https://dailystorm.ru/news/glava-skr-nazval-chislo-zaderzhannyh-za-ekstremizm-shkolnikov-i-studentov (accessed 18 May 2019).

50. Tarchokova A.A. Mezhdunarodnaya legitimatsiya deystviy vo vneshney politike Rossii v kontekste ukrainskogo i siriyskogo konfliktov: kontseptsiya «otvetstvennost po zashchite» [International Legitimization of Russian Foreign Policy Actions in the Context of the Ukrainian and Syrian Conflicts: The Responsibility to Protect Conception]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezdunarodnye Otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 207-215. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.18.

51. Tishkov V.A., Stepanov V.V., eds. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring Countries in 2013. Annual Report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Prevention of Conflicts]. Moscow, IEA RAS, 2014. 643 p.

52. V Chechne i Ingushetii vspominayut zhertv stalinskoy deportatsii [In Chechnya and Ingushetia, Victims of Stalins Deportation Are Remembered]. *Krym. Realii*. URL: https://ru.krymr.com/a/news-v-chechne-i-ingushetii-vspominayut-zhertv-stalinskoj-deportacyi/29786559.html (accessed 19 June 2019).

53. V Ingushetii bolee 10 tysyach chelovek pochtili pamyat zhertv deportatsii [In Ingushetia, More than 10 Thousand People Honored the Memory of Victims of Deportation]. *Novye Izvestiya*. URL: https://newizv.ru/news/society/23-02-2019/v-ingushetii-bolee-10-tysyach-chelovek-pochtili-pamyat-zhert-deportatsii (accessed 14 June 2019).

54. Volkov Yu.G. *Konstruirovanie obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhreligioznogo vzaimodeystviya* [Constructing an All-Russian Identity in the Context of Interethnic and Inter-Religious Interaction]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 244 p.

55. Yanitskiy O.N. Sotsiologiya riska: klyuchevye idei [Sociology of Risk: Key Ideas]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2003, vol. XII, no. 1, pp. 3-35.

56. *Zakon RD «O statuse zemel otgonnogo zhivotnovodstva v Respublike Dagestan» ot 09 oktyabrya 1996 goda, № 18* [Law of the Republic of Dagestan "On the Status of the Land of Distant-Pasturing Animal Husbandry in the Republic of Dagestan" of October 9, 1996, no. 18]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=& infostr=xO7q8+z l 7 f I g 7 v L u 4 f D g 5 u D l 8 v H / I O 3 l I O I g 7 +7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&backlink=1&nd=133028332&page=1&rdk=3#I0 (accessed 19 May 2019).

57. Zdravomyslov A.G. *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of Conflict]. Moscow, Aspect-Press Publ., 1996. 317 p.

Information About the Authors

Viktor A. Avksent'ev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Laboratory of Conflict Studies, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, avksentievv@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-0762-3529

Galina D. Gritsenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Laboratory of Conflict Studies, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, dissovet@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8281-7409

Svetlana Yu. Ivanova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Laboratory of Conflict Studies, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, isu-socf@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2375-6348

Marina M. Shulga, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Leading Researcher, Laboratory of Conflict Studies, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, shulgamm@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-4698-5197

Информация об авторах

Виктор Анатольевич Авксентьев, доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией конфликтологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН), просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, avksentievv@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-0762-3529

Галина Дмитриевна Гриценко, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН), просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dissovet@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8281-7409

Светлана Юрьевна Иванова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН), просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, isu-socf@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2375-6348

Марина Михайловна Шульга, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории конфликтологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН), просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, shulgamm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4698-5197

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.11

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 22.05.2019
Accepted: 23.11.2019

NON-USE OF FORCE AGREEMENT AS A FACTOR OF INFLUENCE ON SECURITY ISSUES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF GEORGIAN-OSSETIAN CONFLICT AND CONFLICTS IN EUROPE)

Dina G. Alborova

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia

Boris G. Koybaev

North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

Elena V. Galkina

North-Caucasus Federal University, Sravropol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In recent decades, the issue of security has remained very acute and most pressing in modern international relations. Security is the key word that defines domestic and foreign policies of states in both the Caucasus region and a number of European regions. In the late 80s of the 20th century, the collapse of the Soviet Union was painful, accompanied by the economic collapse, the rupture of socio-economic and political ties, awakening of national identity, which often took the form of nationalistic character. Painful processes took place in Eastern and Southeastern Europe, in the Caucasus, which flamed with conflicts. Owing to ethno political conflicts new state formations appeared. *Methods and materials.* This article uses a set of methods for studying international politics, mainly the comparative, systemic, structural and functional ones, as well as methods for analyzing and processing documents, including content analysis. The use of the conflictological paradigm is the main methodological tool of this study. The authors also use the case study method for studying various conflicts (Georgian-Ossetian conflict, in Cyprus, in Bosnia and Herzegovina, in Transdniestria, etc.). The article analyzes the UN Resolutions, treaties, and memorandums relating to the non-use of force in the Georgian-Ossetian conflict and conflicts in Europe. *Analysis.* One of the key aspects of regional security in the system of international relations is the issue of signing the Treaty on the Non-Use of Force. This issue has also been discussed at the official site – the Geneva meetings. The South Caucasus is an unstable, conflict-prone region with many problems. Here interests of both world and regional players collide, which cannot influence stability and security in regional international relations positively. Moreover, new challenges are swaying the situation, in particular, in the form of world terrorism and wars in the neighboring Middle East. Each of the countries located in the South Caucasus is fully aware of the need for stable peace and security in the region, but, at the same time, they do not have a common opinion on the issues relating to the mechanisms for achieving this state. As regards, in particular, the Georgian-Ossetian relations, the situation is aggravated by the foreign policy of these countries – while Georgia is taking steps towards European integration and joining NATO, South Ossetia is more and more integrated into the socio-economic and political legal components of the Russian Federation, denoting its strategic partnership with Russia as a guarantee of its own security. *Results.* The examples of conflicts in Europe and the Georgian-Ossetian conflict analyzed in the article show that the Agreements on the non-use of force could serve as a basis for the cease-fire, divorce of the warring parties and the beginning of preparing a platform for the negotiation process. Nevertheless, there is not unequivocal answer to the question of whether such agreements are a guarantee that one of the parties may not violate the agreement and hostilities will not resume again.

Key words: international relations, non-use of force agreement, Georgian-Ossetian conflict, conflicts in Europe, security, parties of the conflict.

Citation. Alborova D.G., Koybaev B.G., Galkina E.V. Non-Use of Force Agreement as a Factor of Influence on Security Issues in the System of International Relations (On the Example of Georgian-Ossetian Conflict and Conflicts in Europe). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 129-139. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.11

© Алборова Д.Г., Койбаев Б.Г., Галкина Е.В., 2020

УДК 327
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 22.05.2019
Дата принятия статьи: 23.11.2019

ДОГОВОР О НЕПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА И КОНФЛИКТОВ В ЕВРОПЕ)

Дина Геннадиевна Алборова

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

Борис Георгиевич Койбаев

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация

Елена Вячеславовна Галкина

Северо-Кавказский государственный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Последние десятилетия вопрос безопасности остается очень острым и наиболее актуальным в современных международных отношениях. Безопасность – это ключевое слово, которое определяет политику государств как всего кавказского региона, так и ряда регионов Европы. В конце 80-х гг. XX в. развал Советского Союза проходил болезненно, сопровождаясь экономическим коллапсом, разрывом социально-экономических и политических связей, пробуждением национального самосознания, которое зачастую принимало форму националистического характера. Болезненные процессы происходили в Восточной и Юго-Восточной Европе, на Кавказе, которые запылали конфликтами. Вследствие этнополитических конфликтов появились новые государственные образования. Одним из ключевых аспектов региональной безопасности в системе международных отношений рассматривается вопрос о подписании Договора о неприменении силы. Этот вопрос обсуждается и на официальной площадке – Женевских встречах. Южный Кавказ является нестабильным, конфликтогенным регионом со множеством проблем. Здесь сталкиваются интересы как мировых, так и региональных игроков, что не может положительно влиять на стабильность и безопасность в региональных международных отношениях, к тому же ситуацию раскачивают и новые вызовы, в частности, в лице мирового терроризма и войн на соседнем Ближнем Востоке. Каждая из стран, расположенных на Южном Кавказе, полностью отдает себе отчет в необходимости стабильного мира и безопасности в регионе, но в то же время не имеет единого мнения по вопросам, касающимся механизмов достижения этого состояния. Что касается, в частности, грузино-осетинских взаимоотношений, то здесь ситуация усугубляется и внешнеполитическим курсом этих стран – в то время как Грузия делает шаги по евроинтеграции и вхождению в НАТО, Южная Осетия все больше и больше интегрируется в социально-экономическую и политико-правовую составляющие Российской Федерации, обозначая свое стратегическое партнерство с Россией в качестве гарантии собственной безопасности. Д.Г. Алборова изучила и проанализировала документы и материалы, касающиеся грузино-осетинского конфликта начиная с 1992 г., проследила динамику данного конфликта и определила, что Соглашения и договорная база не дали полной гарантии невозобновления военных действий в зоне конфликта, но, тем не менее, послужили основой для создания переговорной площадки и выработки механизма взаимодействия конфликтующих сторон. Механизм работал до тех пор, пока существовала политическая воля всех акторов этого процесса. Ею был поведен сравнительный анализ и выявлены общие черты между механизмами по урегулированию конфликтов и договорной базой в грузино-осетинском и молдово-приднестровском конфликтах. Б.Г. Койбаев исследовал соглашения, резолюции ООН и другие материалы, касающиеся конфликтов на Кипре, в Боснии и Герцеговине. Им было выявлено, что, несмотря на «Договор о гарантиях», Кипр был поделен на две части. Этот процесс сопровождался интервенцией со стороны одной из стран-гарантов – Турции и конфликтом между двумя общинами Кипра – турецкой и греческой. Было выявлено, что и сегодня, несмотря на то что Кипр стал частью Евросоюза, надежды Европы на разрешение конфликта на Кипре и его воссоединение в рамках единого Кипрского государства в общем европейском пространстве не оправдались. Дейтонское соглашение, которое положило конец кровопролитным боевым действиям, скорее похоже на принуждение к миру, навязанное внешними силами соглашение, которое и легитимировало внешнее управление Боснией и Герцеговиной. Проанализировав конституцию страны и ее

современную ситуацию, было выявлено, что Дейтонское соглашение не привело к гражданскому согласию, присутствует социальная напряженность, множество гуманитарных вопросов еще не разрешены, Конституция страны создала сложную административную систему, требующую больших финансовых затрат, что плохо влияет на экономическое развитие страны, но, с другой стороны, она пока еще играет сдерживающую этнические конфликты роль. Е.В. Галкина изучила и проанализировала договорную правовую базу, касающуюся конфликта в Приднестровско-Молдавской Республике. В динамике событий ею был выявлен фактор, кардинально повлиявший на дальнейший ход переговорного процесса, вплоть до его прекращения – если до 2006 г. все подписанные Договоры указывали на то, что конфликтующие стороны действуют и договариваются в рамках границ Молдавской ССР на 1990 г., то уже после сентябрьского референдума 2006 г. Приднестровско-Молдавская Республика вела переговоры как независимое государство со своими границами в рамках фактического территориального контроля и управления. Было показано, что Соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республика Молдова» [8] развел воюющие стороны, прекратил режим огня, создал механизм переговорного процесса, но не стал инструментом разрешения конфликта. На сегодняшний день конфликт не разрешен и находится в латентной фазе.

Ключевые слова: международные отношения, Договор о неприменении силы, грузино-осетинский конфликт, конфликты в Европе, безопасность, стороны конфликта.

Цитирование. Алборова Д. Г., Койбаев Б. Г., Галкина Е. В. Договор о неприменении силы как фактор влияния на вопросы безопасности в системе международных отношений (на примере грузино-осетинского конфликта и конфликтов в Европе) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 129–139. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.11

Введение. Сегодня много говорят о Договоре о неприменении силы в качестве основного фактора безопасности и гарантии того, что вооруженный конфликт более не повторится. Данная тема является актуальной на сегодняшний день, так как современные конфликты становятся более сложными по своей структуре и отличаются тем, что становятся многоуровневыми – из локальных конфликтов они перерастают в региональные и/или международные.

Цель исследования: выявить – является ли Договор о неприменении силы фактором, гарантирующим безопасность и стабильность в зонах конфликта. В статье поставлены *следующие задачи*:

– проанализировать договоры, касающиеся грузино-осетинского конфликта;

– проанализировать договоры, касающиеся Кипрского конфликта;

– проанализировать договоры, касающиеся Приднестровско-Молдавского конфликта;

– проанализировать договоры, касающиеся конфликтов в Бывшей Югославии на примере Боснии и Герцеговины.

Методы. Данное исследование опирается на методы анализа и обработки документов, а также используется сравнительный и описательный методы при рассмотрении различного вида конфликтов (сравнение территориальных, политических, этнополитических и других конфликтов). Применение конфликтологической парадигмы является основным методологическим инструментарием данного исследования (на основе изучения грузино-осетинского конфликта, а также конфликтов на Кипре, в Приднестровье, в Боснии и Герцеговине и др.). Авторами также использовался системный, структурно-функциональнй подход и применялся метод кейс-стади при изучении различных конфликтов.

Анализ. Начнем исследование договоров о неприменении силы с грузино-осетинского кейса. И первым мы рассмотрим договор, подписанный 24 июня 1992 г. в Сочи, который назывался «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» [11], был заключен между Российской Федерацией и Республикой Грузия. В статье 1 написано, что противоборствующие стороны обязуются прекратить огонь и вывести свои вооруженные формирования. По этому же договору создавалась Смешанная контрольная комиссия, в составе сторон, вовлеченных в конфликт (СКК) и Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) по установлению мира и поддержанию правопорядка, а также совместный пресс-центр при СКК. Необходимо отметить, что в статье 4 говорится о том, что стороны немедленно приступа-

ют к экономическому восстановлению зоны конфликта и готовят почву для возвращения беженцев [11].

Этот важнейший документ имел силу вплоть до августа 2008 года. Необходимо отметить, что данный договор не стал 100 % гарантией безопасности и стабильности в зоне конфликта. На границах периодически происходили вооруженные провокации, приграничные населенные пункты, в том числе и г. Цхинвал, периодически подвергались обстрелам и бомбежкам, продолжались похищения людей, их избиения и исчезновения, захват заложников, убийства по этническому признаку и т. д. Что касается беженцев, то вплоть до 1996–1997 гг. эта проблема не решалась. Но необходимо отметить, что в целом Смешанная контрольная комиссия в составе сторон, вовлеченных в конфликт (СКК), и Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) провели колоссальную работу в сфере невозобновления полномасштабных боевых действий в зоне грузино-осетинского конфликта и оперативно реагировали на возникающие очаги напряженности.

16 мая 1996 г. в Москве при посредничестве Российской Федерации, РСО – Алания и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) между Грузией и Южной Осетией был подписан «Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте». В статье 1 четко обозначено: «Стороны отказываются от применения или угрозы применения силы, от оказания политического, экономического и иных форм давления друг на друга» [6].

После подписания данного меморандума процесс мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта приобрел позитивную динамику. С 1996 г. в Южной Осетии открывают свои офисы международные организации под эгидой Управления Верховного комиссара ООН по правам беженцев (УВКБ ООН), которые сконцентрировали свою работу на вопросах экстренной гуманитарной помощи, возвращения беженцев на места своего прежнего проживания и восстановления разрушенной войной инфраструктуры в зоне конфликта.

С приходом в Грузии к власти М. Саакашвили начинается обострение как в зоне грузино-осетинского конфликта, так и в грузино-российских отношениях. Летом 2004 г. возобновляются боевые действия в зоне конфликта, что привело к жесткой конфронтации обеих сторон, срывам договоренностей в рамках СКК. 13 августа 2004 г. в рамках СКК в Цхинвале был подписан Протокол о прекращении огня. По Южной Осетии прокатилась волна терактов против видных политических деятелей и ответственных сотрудников МВД Южной Осетии.

М. Саакашвили необходимо было реализовать свои предвыборные обещания – восстановление территориальной целостности Грузии, начиная с Аджарии, продолжая Южной Осетией и заканчивая Абхазией. Первый этап был с успехом осуществлен и такой же сценарий разрабатывался для Южной Осетии. В августе 2008 г., несмотря на все существующие Договора и выработанные механизмы по разрешению конфликта, Меморандум о мерах по обеспечению безопасности, а также на обещания мирных переговоров в ночь на 8 августа из уст Саакашвили, в одночасье все это было попрано и началась агрессия Грузии против Южной Осетии.

Грузино-осетинский конфликт прошел сложную динамику – он перерос из этнического в этнополитический и из локального в международный конфликт с втягиванием не только сопредельных стран, но и нерегиональных игроков. Сегодня часть экспертов считает, что грузино-осетинский конфликт окончательно разрешен итогами августовской войны 2008 г. – Южная Осетия получила признание независимости со стороны нескольких стран и надеется на дальнейший процесс признания со стороны международного сообщества, с момента окончания войны и по сегодняшний день на территории Южной Осетии не ведутся боевые действия, граница между Южной Осетией и Грузией закрыта.

Другая же часть экспертного сообщества считает, что конфликт не разрешен, он просто перешел в латентную форму [13, p. 677–679]. Один из показателей неразрешенности, по их мнению, – это отсутствие мирного договора, или, как его называют, – договора о неприменении силы между Республикой Грузия и Республикой Южная Осетия. На Женевских встречах поднимается вопрос о выработке документа и его подписании, но до

сегодняшнего дня стороны не могут прийти к единому мнению об этом договоре. К тому же, по мнению экспертов, конфликт не может быть разрешен, пока обе конфликтующие стороны не сойдутся на окончательном определении статуса Южной Осетии. Для Южной Осетии он давно определен в качестве независимого государства, процесс международного признания которого начался в августе 2008 г. и продолжается сегодня. Грузия же до сих пор считает ее частью своей страны, которая находится под оккупацией Российской Федерации, всячески препятствует процессу дальнейшего признания суверенитета Южной Осетии, надеясь на возвращение этой территории в свое лоно.

Весь период грузино-осетинского конфликта предпринимались неоднократные попытки его урегулирования. Одна из таких инициатив принадлежит экс-президенту Южной Осетии Э. Кокойты. В декабре 2005 г. он обратился к Президенту РФ В.В. Путину и Президенту Грузии М.Н. Саакашвили с предложением мирно урегулировать грузино-осетинский конфликт: «Указанная программа, по моему мнению, и с учетом некоторых ранее высказанных предложений, должна включать в себя следующие позиции: трехэтапность схемы урегулирования, одобренная сторонами, участвующими в урегулировании конфликта: первый этап – демилитаризация зоны конфликта, восстановление доверия и гарантии безопасности, второй этап – социально-экономическая реабилитация, третий этап – политическое урегулирование» [4].

Обеими сторонами никогда серьезно не рассматривались механизмы, которые можно было найти в экономической или иной области (не политической), которые могли бы способствовать и дальнейшему политическому разрешению грузино-осетинского конфликта. В таком случае, как правило, приводят в пример работу Эргнетского рынка, который был выгоден для населения приграничной зоны, но в итоге был закрыт. Этот рынок располагался в приграничной зоне между Грузией и Южной Осетией. Он стихийно возник в середине 1990-х гг. и был оптово-розничной базой товаров народного потребления. В первую очередь это были мука, молочные продукты, сигареты и бензин. По мнению некоторых грузинских экспертов, их страна теряла значительные суммы в виде таможенных поступлений – около 80 % от объема ввозившихся в страну товаров приходилось на неучтенную продукцию, которая доставлялась в Грузию через Эргнетский рынок [14, p. 18–20].

Несмотря на то что работа на этом рынке местным жителям приграничных сел давала средства на существование их семей, а также на то, что в совместной работе на этом рынке возобновлялись контакты и отношения между осетинами и грузинами, он был закрыт с приходом М. Саакашвили к власти в Грузии.

Международная практика применения такого документа в международных отношениях, как Договор о неприменении силы, не дает нам однозначного ответа на вопрос о степени важности и необходимости данного соглашения в налаживании отношений между государствами.

Как известно, существует общий принцип неприменения силы, введенный в международное право Пактом Бриана-Келлога, вступивший в силу в 1929 г. и закрепленный в Уставе ООН. Парижский Пакт, как его еще называют, стал одним из правовых оснований для Нюрнбергского процесса.

Гарантии устанавливаются как «международно-правовые акты, предусматривающие заверения или ручательства одних государств по отношению к другим участникам международного общения относительно определенного образа действий, обеспечивающие соблюдение установленных прав или статуса какого-либо государства (группы государств), выполнение международных обязательств или сохранение определенного состояния международных отношений» [2].

Перейдем ко второму кейсу в отношении договоров о неприменении силы, и он касается Республики Кипр. Это является второй целью нашего авторского исследования.

Республика Кипр. 16 августа 1960 г., согласно цюрихско-лондонским соглашениям 1959 г., Кипр, который был английской колонией, получил свою независимость. По «Договору о гарантиях» Британии, Греции и Турции был присвоен статус «гарантов» сохранения независимости и территориальной целостности. По «Договору о союзе» Турция и Греция

имели право располагать на острове свои военные контингенты – Турция 650 человек, Греция – 950 человек. К тому же Англия сохранила здесь территорию в 99 квадратных миль под полным своим суверенитетом, где расположены две ее базы [5].

15 июля 1974 г. на острове произошел военный переворот. Турецкое правительство ввело свои войска и начало боевые действия под предлогом защиты турецкой общины острова. 20 июля Совет Безопасности ООН потребовал прекратить огонь, вывести с острова иностранные войска, восстановить суверенитет, территориальную целостность, конституционное устройство и законное правительство Кипра и призвал Турцию, Грецию и Великобританию начать мирные переговоры. 25–30 июля безрезультатно в Женеве проходят две конференции. Турецкие войска продвигаются на восток и запад. В итоге они оккупировали 37 % территории и фактически к 18 августу 1974 г., когда огонь был прекращен, раскололи остров на две части, что сохраняется и по сегодняшний день. В 1974–1975 гг. шел переход населения из одной части острова на другую – турки-киприоты переселились на север, а греки-киприоты – на юг Кипра.

По данным ООН, было перемещено 37 000 турков-киприотов и 198 000 греков-киприотов. В 1975 г. север Кипра провозгласил себя «Турецким федеративным государством Кипр», а в 1983 г. переименовал в независимую «Турецкую республику Северного Кипра». На сегодняшний день независимость этого государства признана только Турцией, и отделена республика от остальной части острова «Зеленой линией» – буферной зоной.

Совет Безопасности ООН в 1983 г. в резолюции № 541 призвал все страны-члены ООН «уважать суверенитет, независимость, территориальную целостность Республики Кипр», не признавая никакое иное кипрское государство, кроме оного [9], не содействовать и не помогать сепаратистскому образованию на севере Кипра (резолюция № 550 за 1984 г.) [10].

Весной 2012 г. переговоры о воссоединении Кипра прекратились, но в феврале 2014 г. при посредничестве ООН вновь возобновились.

1 мая 2004 г. Кипр становится членом Европейского Союза. Многие эксперты считали, что, приняв Кипр в ЕС, решится и его проблема, так как в рамках общей европейской зоны эти проблемы будут неактуальны и сойдут на нет. Однако и по сей день кипрский конфликт не разрешен. Несмотря на отсутствие открытого вооруженного противостояния, напряжение между двумя общинами сохраняется, что сохраняет угрозу безопасности и стабильного мира. Это дает основание предполагать, что в ближайшем будущем нет перспектив для его разрешения [12].

Возможно, если бы Турция вместе с Кипром вошла в ЕС, этот конфликт бы стал неактуальным. С другой стороны, ситуация, в которой растут тенденции «европейского сепаратизма», не дает однозначного ответа на вопрос: может ли разрешиться кипрский конфликт в рамках единого европейского пространства?

Далее рассмотрим третий кейс в отношении договоров о неприменении силы, и он связан с ***Приднестровско-Молдавской Республикой***.

В июле 1992 г. при посредничестве прибывших полномочных представителей президента России в зону конфликта в Приднестровье было достигнуто соглашение о прекращении огня. 21 июля того же года в Москве между главами РФ и Молдовы, в присутствии главы Приднестровья, было подписано соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова». В зону конфликта были введены российские миротворцы. По данному договору создалась Объединенная контрольная комиссия и Совместные миротворческие силы – 3 100 российских, 1 200 молдавских и 1 200 приднестровских военнослужащих. С 1993 г. к процессу мирного урегулирования присоединилась ОБСЕ и с 1995 г. – Украина.

В начале мая 1997 г. в Москве был подписан Меморандум «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» [7]. В этом документе стороны подтвердили свои обязательства не прибегать к применению силы при решении возникающих спорных вопросов. Меморандум интересен и своей статьей 3, в которой сказано: «Приднестровье принимает участие в осуществлении внешней политики Республики Молдова – субъекта международного права,

по вопросам, затрагивающим его интересы. Решение по данным вопросам принимается по согласию сторон. Приднестровье имеет право самостоятельно устанавливать и поддерживать международные контакты в экономической, научно-технической и культурной областях, а в других областях – по согласию сторон» [7].

Согласно Меморандуму Российская Федерация и Украина выступили гарантами выполнения достигнутых соглашений, а ОБСЕ, которая отказалась от роли гаранта в переговорном процессе, сохранила за собой статус посредника. Тем не менее большая часть его положений была проигнорирована Молдовой – Приднестровье так и не допустили к решению вопросов, касающихся ее интересов. К тому же Молдова свернула переговоры по разрешению конфликта. Хотя с 2002 г. был создан консультативный формат переговоров 5+2, никаких реальных решений в ее рамках не принималось, а вырабатывались лишь предложения.

В 2003 г. Россия предложила свой проект асимметричной федерации («меморандум Козака»). Однако в последний момент Молдова отказалась подписывать этот меморандум.

В 2005 г. Украина предложила свой план урегулирования молдово-приднестровского конфликта, который включал в себя три этапа, где отмечалось, что Приднестровье является республикой в составе Молдовы со своей конституцией, символикой, тремя официальными языками и правом устанавливать внешние контакты в экономической и гуманитарной сфере. К тому же у Приднестровья было право выхода из состава Молдовы в случае присоединения к другому государству и (или) с утратой международной правосубъектности.

22 июля 2005 г. парламент Молдовы принял Закон «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра». По закону о статусе Приднестровья, Молдова являлась унитарным государством, а Приднестровью (Левобережью) предоставлялся статус автономии. Приднестровье отказалась признать правомерность принятого молдавским парламентом Закона.

Необходимо подчеркнуть, что все Договора, которые подписывались между Молдовой и Приднестровьем до этого периода, указывали на то, что стороны основывали свои отношения в рамках общего государства в границах Молдавской ССР на январь 1990 г. и признавался принцип скоординированных решений, делегирования полномочий и взаимного обеспечения гарантий. Но в сентябре 2006 г. в Приднестровье состоялся референдум, на котором 97,1 % граждан республики высказались за независимость Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и последующее присоединение к Российской Федерации. С этого момента, основываясь на результатах референдума, руководство ПМР больше не вело никаких переговоров о статусе Приднестровья в составе Республики Молдова и призвало ее строить отношения «на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, недопустимости применения силы или угрозы силой» (ст. 1 Проекта Договора «О дружбе и сотрудничестве между Молдавией и Приднестровьем» от 14 апреля 2008 г.) [8].

Впоследствии молдавские власти посчитали данное соглашение недействительным, не подлежащим исполнению и определили его в качестве проявления неопытности молдавской дипломатии. По сей день нет окончательного разрешения приднестровско-молдавского конфликта.

Если взять «Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта» от 24 июня 1992 г. [11] и соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 21 июля 1992 г., то можно увидеть сходство механизмов прекращения огня и урегулирования конфликтов – в случае грузино-осетинского конфликта – это создание Смешанной контрольной комиссии и Смешанных сил по поддержанию мира, а в случае молдово-приднестровского конфликта – это создание Объединенной контрольной комиссии и присутствие в зоне конфликта смешанных миротворческих сил. При обеих Контрольных комиссиях создаются совместные пресс-центры. В обоих случаях Контрольные комиссии наделены одинаковыми полномочиями. С тех пор Южная Осетия и Приднестро-

вье прошли свою динамику и развитие в процессах урегулирования конфликтов.

И последний, заключительный кейс в отношении договоров о неприменении силы касается ***Боснии и Герцеговины***.

Войны на территории бывшей Югославии – самые кровавые страницы Европы после Второй мировой войны. Особо жестокий конфликт был на территории Боснии, который завершился подписанием Дейтонского соглашения. Это соглашение было парафировано 21 ноября 1995 г. в США на военной базе Дейтон штата Огайо и затем подписано во Франции, в Париже, 14 декабря того же года. Свои подписи на документе поставили президент Сербии Слободан Милошевич, президент Хорватии Франьо Туджман и лидер боснийских мусульман Алия Изетбегович [1].

Некоторые эксперты рассматривают Дейтонское соглашение как «мирный» диктат, навязанный НАТО. Впервые военный блок НАТО вышел за пределы зоны ответственности. Организация вмешалась в начале 1990-х гг. в войну в Боснии, изменив динамику войны, а после подписания Дейтонских соглашений развернула свои миротворческие силы на Балканах, что означало начало участия не входящих в НАТО стран в операциях под руководством этого военного блока.

В Дейтонских соглашениях предусмотрено, что Босния и Герцеговина состоит из двух частей – Федерации Босния и Герцеговина и Республика Сербска. Функции главы государства передавались президиуму, состоящему из трех человек – боснийца-мусульманина, боснийского серба и хорвата [3]. Дейтонское соглашение заложило основу конституционного строя Боснии и Герцеговины, которая является громоздкой и неэффективной, но изменить ее сегодня не решится никто, так как любые изменения в конституции могут вызвать недовольство в одной из частей этой страны. Это означает, что проблемы, в том числе межэтнического характера, остаются, они не решены и представляют собой большую опасность.

Результаты. Возвращаясь к вышеперечисленным соглашениям, необходимо отметить, что после их подписаний режим невозобновления боевых действий в общем соблюдался. Но они не смогли быть реализованы в полном объеме (особенно в сфере гуманитарных вопросов). Право беженцев на беспрепятственное возвращение, право на возвращение своего имущества и получение компенсации в случае потери имущества так и остались на бумаге. Ни в одной из этих стран не наблюдается возвращение беженцев на места своего прежнего проживания, если они представители иной этнической группы.

Могут ли быть Дейтонские соглашения основой для грузино-осетинского Договора? Сегодня, в той ситуации, в которой находится Южная Осетия и в общем грузино-осетинские отношения, – нет. Дейтонские соглашения похожи на принуждение к миру, при этом силовое, навязанное соглашение, которое прекратило кровопролитную бойню в бывшей Югославии. Фактически в Боснии и Косово было внешнее управление страной – НАТО, ООН, ЕС.

Присутствие международного военного контингента НАТО, институтов ООН и ЕС не привело ни к экономическому развитию, хотя в экономику этих стран были вложены огромные суммы, ни к гражданскому согласию внутри стран, ни к возвращению беженцев на места своего прежнего проживания [15, p. 1020–1022]. Несмотря на огромную работу ЕС с правоохранительной и судебной системами на местах, уровень коррупции остается очень высоким.

Но необходимо отметить и положительную сторону внешнего управления – в итоге оно обеспечило международную правосубъектность этим образованиям. Хотя, если посмотреть на Балканы, можно увидеть, что то спокойствие, которое сейчас есть там, весьма относительное. Албанский вопрос все еще висит в воздухе и при первой благоприятной ситуации вновь актуализируется и в эпицентре конфликта окажутся Черногория, Македония, Косово, Сербия и сама Албания. Еще один конфликтоген лежит в конституции Боснии и Герцеговины, который утяжеляет административную систему, тормозит ее экономическое развитие, но все еще является сдерживающим от развала страны фактором. Такая ситуация не может существовать долго, тем более, что в самой Боснии и Герцеговине есть понимание необходимости менять и реформировать систему, пока еще нет полити-

ческой воли к предпринятию каких-либо шагов в этом направлении.

Проанализировав вышеперечисленные Договоры, можно сделать следующие выводы.

Эти и другие примеры из международной практики не дают нам однозначного ответа на вопрос о результативности такого рода Договора о неприменении силы. Не выяснены до конца обязательства сторон и гарантии, которые необходимо дать для его соблюдения, а главное – кто и каким образом будет следить за тем, чтобы его не нарушила ни одна из сторон – подписантов, в том числе и сторон-гарантов.

Такого рода Договоры о неприменении силы хороши в том случае, когда конфликт находится в своей горячей фазе, необходимо прекратить огонь, развести воюющие стороны и работать над созданием зоны безопасности и установлением мира/перемирия. Такие соглашения могут служить основой/базой для выработки дальнейших шагов по безопасности и стабильному миру и дать время сторонам для подготовки к переговорному процессу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анникова, В. А. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии / В. А. Анникова, М. Радусинович // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 94–102.

2. Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2007. – VI, 858 с.

3. Генеральная Ассамблея Совета Безопасности ООН. Дополнение. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/380/73/IMG/N9538073.pdf?O (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

4. Инициатива президента Южной Осетии по мирному урегулированию грузино-осетинского конфликта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/%20558935.html (дата обращения: 10.05.2019). – Загл. с экрана.

5. Конституция Кипра. Приложение I. Договор о гарантиях и независимости, территориальной целостности и Конституции Республики Кипр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.topcyprus.net/info/state/constitution/constitution-appendix1.html (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

6. Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://sojcc.ru/soglashenia/96.html (дата обращения: 10.05.2019). – Загл. с экрана.

7. Меморандум «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2006/03/23/memorand (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

8. Проект Договора «О дружбе и сотрудничестве между Молдавией и Приднестровьем» от 14 апреля 2008 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/986310.html (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

9. Резолюция 541 (1983) от 18 ноября 1983 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/S/RES/541(1983) (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

10. Резолюция № 550 (1984) от 11 мая 1984 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/S/RES/550(1984) (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

11. Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1902246 (дата обращения: 10.05.2019). – Загл. с экрана.

12. Христофи, В. Вооруженные силы ООН и урегулирование кипрского конфликта // Право и управление. XXI век. – М. : МГИМО, 2013. – № 4 (29). – С. 141–144. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.pravo. mgimo.ru/sites/default/files/pdf/21_vasohristofi.pdf (дата обращения: 15.07.2019). – Загл. с экрана.

13. Ethnopolitical Process in the North Caucasus through the Lens of North Caucasian Online Media / G. V. Kosov, G. V. Stankevich, A. V. Gukasov, L. V. Romanko, M. U. Tekeeva // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2019. – Vol. 726. – P. 676–683.

14. Kukhianidze, A. Smuggling through Abkhazia and Tskhinvali Region of Georgia / A. Kukhianidze, A. Kupatadze, R. Gotsiridze. – Tbilisi : American University's Transnational Crime and Corruption Center (TraCCC), 2004. – 107 p.

15. Problems of Relations Between Russia and European Union Under Conditions of Sanctions / E. V. Galkina, V. V. Ogneva, T. S. Bolkhovitina, V. V. Moiseev // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSBS. – Tomsk : Future Academy, 2017. – Vol. XXXV, № 119. – P. 1018–1026.

REFERENCES

1. Annikova V.A., Radusinovich M. Etnicheskie konflikty na territorii byvshey Yugoslavii [Ethnic Conflicts in the Territory of the Former Yugoslavia]. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2015, vol. 15, no. 4, pp. 94-102.

2. Sukharev A.Ya., ed. *Bolshoy yuridicheskiy slovar* [Large Legal Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. VI, 858 p.

3. *Generalnaya Assamleya Soveta Bezopasnosty OON. Dopolnenie. Obsheramochnoe soglashenie o mire v Bosnii i Gertsegovine* [General Assembly of the UN Security Council. Addition. General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/380/73/IMG/N9538073.pdf?O (accessed 12 May 2019).

4. *Initsiativa prezidenta Uzhnoy Osetii po mirnomu uregulirovaniyu gruzino-osetinskogo konflikta* [Initiative of the President of South Ossetia for the Peaceful Settlement of the Georgian-Ossetian Conflict]. URL: https://regnum.ru/news/%20558935.html (accessed 10 May 2019).

5. *Konstitutsiya Kipra. Prilozhenie I. Dogovor o garantiyakh i nezavisimosti, territorialnoy tselostnosti i Konstitutsii Respubliki Kipr* [Constitution of Cyprus. Appendix I. Treaty of Guarantee and Independence, Territorial Integrity and the Constitution of the Republic of Cyprus]. URL: http://www.topcyprus.net/info/state/constitution/constitution-appendix1.html (accessed 12 May 2019).

6. *Memorandum o merakh po obespecheniyu bezopasnosty i ukrepleniyu vzaimnogo doveriya mezhdu storonami v gruzino-osetinskom konflikte* [Memorandum on Measures to Ensure Security and Strengthen Mutual Trust Between the Parties in the Georgian-Ossetian Conflict]. URL: http://sojcc.ru/soglashenia/96.html (accessed 10 May 2019).

7. *Memorandum «Ob osnovakh normalizatsii otnosheniy mezhdu Respublikoy Moldova i Pridnestrovyem»* [Memorandum "On the Basis of the Normalization of Relations Between the Republic of Moldova and Transnistria"]. URL: http://polit.ru/article/2006/03/23/memorand (accessed 12 May 2019).

8. *Proekt Dogovora «O druzhbe i sotrudnichestve mezhdu Moldaviey i Pridnestrovyem» ot 14 aprelya 2008 g.* [Draft Treaty on Friendship and Cooperation Between Moldova and Transnistria of April 14, 2008]. URL: https://regnum.ru/news/986310.html (accessed 12 May 2019).

9. *Rezolutsiya 541 (1983) ot 18 noyabrya 1983 g.* [Resolution 541 (1983) of November 18, 1983]. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/541(1983) (accessed 12 May 2019).

10. *Rezolutsiya № 550 (1984) ot 11 maya 1984 g.* [Resolution 550 (1984) of May 11, 1984]. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/550(1984) (accessed 12 May 2019).

11. *Soglashenie o printsipakh uregulirovaniya gruzino-osetinskogo konflikta* [Agreement on the Principles of the Settlement of the Georgian-Ossetian Conflict]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902246 (accessed 10 May 2019).

12. Khristofi V. Vooruzhennye sily OON i uregulirovanie kiprskogo konflikta [The Armed Forces of the United Nations and the Settlement of the Cyprus Conflict]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration], 2013, no. 4 (29), pp. 141-144. URL: http://www.pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/21_vasohristofi.pdf (accessed 15 July 2019).

13. Kosov G.V., Stankevich G.V., Gukasov A.V., Romanko L.V., Tekeeva M.U. Ethnopolitical Process in the North Caucasus Through the Lens of North Caucasian Online Media. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019, vol. 726, pp. 676-683.

14. Kukhianidze A., Kupatadze A., Gotsiridze R. *Smuggling Through Abkhazia and Tskhinvali Region of Georgia.* Tbilisi, American Universitys Transnational Crime and Corruption Center (TraCCC), 2004. 107 p.

15. Galkina E.V., Ogneva V.V., Bolkhovitina T.S., Moiseev V.V. Problems of Relations Between Russia and European Union Under Conditions of Sanctions. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSBS.* Tomsk, Future Academy, 2017, vol. XXXV, no. 119, pp. 1018-1026.

Information About the Authors

Dina G. Alborova, Senior Lecturer, Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Moskovskaya St., 8, 100001 Tskhinval, Republic of South Ossetia, mariadement93@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1870-0166

Boris G. Koybaev, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of General History and Historical Political Science, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vatutina St., 44-46, 362025 Vladikavkaz, Russian Federation, koibaevbg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2841-960X

Elena V. Galkina, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Pushkina St., 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, galkina_e@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0114-6012

Информация об авторах

Дина Геннадиевна Алборова, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, ул. Московская, 8, 100001 г. Цхинвал, Республика Южная Осетия, mariadement93@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1870-0166

Борис Георгиевич Койбаев, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и исторической политологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, ул. Ватутина, 44-46, 362025 г. Владикавказ, Российская Федерация, koibaevbg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2841-960X

Елена Вячеславовна Галкина, доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, galkina_e@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0114-6012

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.12

UDC 94“19/20”:327.51
LBC 63.3(0)64-68

Submitted: 18.12.2019
Accepted: 10.04.2020

ANALYSIS OF STRATEGIC INTERACTIONS IN THE ARMENIA-AZERBAIJAN NAGORNO-KARABAKH CONFLICT THROUGH THE PRISM OF THE GAME THEORY

Jel’shan N. Medzhidov

Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan Republic

Abstract. *Introduction*. The paper attempts to analyze possible and probable strategic moves of the primary and secondary actors in the Armenia-Azerbaijan Nagorno-Karabakh conflict. *Methods.* To analyze this conflict the author uses the mathematical theory of games and some mathematical models and methods. The main methods and models include the following: Nash equilibrium, sequential game, Zermelos theorem, Zermelo-Kuno algorithm, and games with commitments. As the publication is an analytical and computational work, it mainly includes literature related to methodology and theory. *Analysis*. The publication not only contains the analysis of the strategic interactions between Armenia and Azerbaijan as primary actors, but also includes Russia as a secondary participant. *Results*. As a result, the author has drawn several conclusions. Firstly, the strategic interactions between two actors differ from strategic interactions among three actors in terms of possible payments and preferences. Secondly, in the strategic interactions between Armenia and Azerbaijan, the most likely interaction profile will be “A_2, B_1-C_2” (not recognizing the independence of Nagorno Karabakh and not declaring war on Armenia) with a payment of “0:0”. The third conclusion is on the qualitative difference between the sequential game and the game with commitments among Armenia, Azerbaijan and Russia. In the second case, the Nash equilibrium consists of not recognizing the separatist regime by Armenia, not supporting Russia’s desire for Armenia to recognize and not declaring war on Armenia: $SPNE = \{E_2, R_4, A_8\}$. However, unlike the first option, the equilibrium obtained in the game with commitments takes on a more stable structure in relation to different political processes.

Key words: Nagorno-Karabakh conflict, Azerbaijan, Armenia, Russia, game theory, Nash equilibrium, strategic interactions, payments.

Citation. Medzhidov J.N. Analysis of Strategic Interactions in the Armenia-Azerbaijan Nagorno-Karabakh Conflict Through the Prism of the Game Theory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 140-147. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.12

УДК 94“19/20”:327.51
ББК 63.3(0)64-68

Дата поступления статьи: 18.12.2019
Дата принятия статьи: 10.04.2020

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ НАГОРНО-КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ИГР

Эльшан Назимович Меджидов

Азербайджанский университет языков, г. Баку, Азербайджанская Республика

© Меджидов Э.Н., 2020

Аннотация. *Введение*. В статье предпринята попытка проанализировать возможные и вероятные стратегические ходы первостепенных и некоторых второстепенных акторов в Армяно-Азербайджанском Нагорно-Карабахском конфликте. *Методы*. В исследовании данного конфликта применяется математическая теория игр и вытекающие из нее некоторые математические модели и методы. В качестве основных методов и моделей, использованных в данной публикации, можно перечислить: равновесие Нэша, игры в развернутой форме, теорему Цермело, алгоритм Цермело – Куно, а также игры с коммитментом. Поскольку публикация

является аналитической и вычислительной работой, то она в основном включает в себя литературу, связанную с методологией и теорией. *Анализ.* Статья не только содержит анализ стратегических взаимодействий Армении и Азербайджана в качестве первостепенных акторов конфликта, но и включает Россию в качестве второстепенного участника регулирования конфликта. *Результаты.* В результате проведенных расчетов было сделано несколько выводов. Во-первых, было выяснено, что стратегические взаимодействия между двумя акторами отличаются от стратегических взаимодействий между тремя акторами по возможным платежам и по предпочтениям каждого из сторон. Во-вторых, в стратегических взаимодействиях между Арменией и Азербайджаном наивероятнейший профиль взаимодействия будет «A_2, B_1-C_2» (непризнания независимости НК и необъявления войны Армении) с платежом «0:0». Третий вывод касается качественного отличия между простой развернутой игрой и игрой с коммитментом между Арменией, Азербайджаном и Россией. Во втором случае равновесие Нэша, совершенное на подыграх, снова состоит из непризнания сепаратистского режима Арменией, неподдержки Россией желания Армении о признании и необъявления войны Армении Азербайджаном: $SPNE = \{E_2, R_4, A_8\}$. Однако в отличие от первого варианта равновесие, полученное в игре с коммитментом, приобретает более устойчивую структуру по отношению к разным политическим процессам.

Ключевые слова: Нагорно-Карабахский конфликт, Азербайджан, Армения, Россия, теория игр, равновесие Нэша, стратегические взаимодействия, платежи.

Цитирование. Меджидов Э. Н. Анализ стратегических взаимодействий в Армяно-Азербайджанском Нагорно-Карабахском конфликте через призму теории игр // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 140–147. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.12

Введение. Кавказ является важным геополитическим и геоэкономическим регионом. Он является своеобразной артерией, связывающей восток с западом, север с югом, Азию с Европой и Россию с Ираном. Однако региональные политические конфликты, территориальные споры и военные столкновения увеличивают нестабильность региона, угрожая безопасности и интересам многих игроков. Видный ученый Кеннет Оу начинает свой научный труд «Условия для сотрудничества в мировой политике» тезисом о том, что государства не испытывают принуждения для выполнения данного ими обязательства при отсутствии надгосударственного центрального органа в международных отношениях. Исходя из этого тезиса ученый делает логическое умозаключение и предлагает рассматривать продолжительность и перспективы сотрудничества через призму совпадающих друг с другом интересов государств [5, p. 69–70].

Великий древнекитайский военный мыслитель Сунь Цзы изрек: «Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом, у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение» [3, с. 26].

Методы. Анализ политических позиций, государственных интересов, стратегических «платежей» и возможных ходов сторон в Армяно-Азербайджанском Нагорно-Карабахском конфликте создают основу для применения методов теории игр к этому международному конфликту. Теория игр – это область науки, которая исследует стратегические решения правительств, фирм и индивидуумов. Стратегическое решение – это решение, которое принимает в расчет ходы других игроков и влияет на полезность других агентов. Игра – это любое стратегическое взаимодействие нескольких агентов, а игроки – участники этого взаимодействия [2, с. 3–4]. Для того чтобы успешно применить теорию игр к Армяно-Азербайджанскому Нагорно-Карабахскому конфликту, необходимо придерживаться нескольких важных постулатов:

– указать множество игроков;

– указать множество возможных стратегий каждого игрока;

– указать платеж, который получает каждый игрок.

Стоит особо упомянуть, что теория игр предполагает упрощение любого исследуемого вопроса и требует отбрасывать все неприоритетные детали. Именно поэтому в данной

статье не рассматриваются все возможные детали конфликта, а дается целенаправленный анализ приоритетных сторон стратегических взаимодействий акторов. Согласно теории игр, игры подразделяются на одновременные игры и последовательные игры. Можно успешно применить одновременные игры к Нагорно-Карабахскому конфликту, однако в этой статье мы в качестве метода выбрали модели последовательных игр [2, с. 56–71]. В качестве основных моделей здесь выступают равновесие Нэша, игры в развернутой форме, теорема Цермело, алгоритм Цермело – Куно, игры с коммитментом.

Анализ. Шансы эскалации Армяно-Азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта до уровня новой полномасштабной войны могут быть смоделированы и решены в форме последовательных игр. Общеизвестно, что признание самопровозглашенного образования Нагорного Карабаха является важной стратегической дилеммой для Армянской Республики. После любого решения Армении (признать или не признать), Азербайджан предстанет перед дилеммой о начале войны с Арменией (объявлять войну или не объявлять). В форме развернуто-последовательной игры условные платежи Азербайджана можно систематизировать следующим образом:

– с одной стороны, Азербайджан не желает признания Арменией сепаратистского образования в качестве независимого государства, а с другой стороны, не желает встречаться с тяготами новой войны [1];

– наилучший вариант для Азербайджана – непризнание Арменией независимости самопровозглашенного образования и необъявление Азербайджаном войны Армении;

– в случае признания Арменией самопровозглашенного образования, объявление или необъявление войны Армении имеет одинаковый негативный результат;

– объявление войны Армении в случае непризнания самопровозглашенного образования лучше, чем объявление войны в случае признания самопровозглашенного образования (так как во втором случае Азербайджан сталкивается как с тяготами войны, так и с фактом признания независимости);

– наихудший вариант для Азербайджана – необъявление войны Армении в случае признания независимости сепаратистского режима.

Платежи Республики Армении, в свою очередь, включают в себя следующие пункты:

– самый оптимальный вариант – признание независимости в условиях необъявления войны Азербайджаном;

– война с Азербайджаном хуже признания независимости Нагорного Карабаха (НК);

– в случае неизбежности войны признание независимости НК лучше непризнания;

– наихудший вариант – война с Азербайджаном при условии непризнания независимости Нагорного Карабаха.

Схема последовательной игры вместе с поочередным принятием акторами решений, а также их возможные варианты и условные платежи изображены на рисунке 1.

В составленной в развернутой форме игре вершины, указывающие платежи, называются терминалами, а нетерминальные вершины называются подыгрой. На рисунке 1 имеется подыгра трех нетерминальных вершин: «А», «В» и «С». У Армении есть две такие стратегии как «признавать независимость» (A_1) и «не признавать независимость» (A_2) сепаратистского образования. У Азербайджана же есть 4 возможные стратегии: объявить войну в любой случае (B_1, C_1), объя-

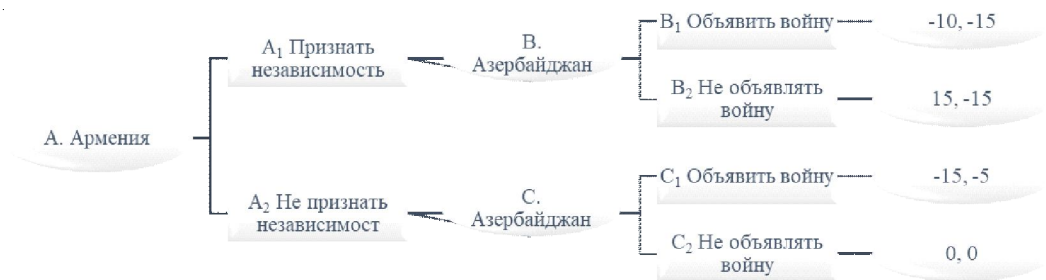

Рис. 1

Fig. 1

вить войну в случае признания и не объявлять войну в случае непризнания (B_1, C_2), объявить войну в случае непризнания и не объявить войну в случае признания независимости (C_1, B_2), не объявлять войну ни при каких обстоятельствах (B_2, C_2).

Дальнейшим необходимым шагом является составление в виде матрицы (см. таблицу) профилей наилучших ответов Азербайджана и Армении. В составленной матрице наилучший ответ Азербайджана на решение Армении обозначен штрихом, а наилучший ответ Армении на решение Азербайджана обозначен символом звезды.

Как видим, в полученной матрице есть 3 разных равновесия Нэша: объявление войны Азербайджаном Армении при непризнании Арменией сепаратистского режима (A_2, B_1-C_2), объявление Азербайджаном войны Армении при условии признания Арменией сепаратистского режима (A_1, C_1-B_2) и объявление Азербайджаном войны Армении в любом случае (A_1, B_2-C_2).

Итак, на первый взгляд проведенные расчеты не объясняют причины непризнания Арменией Нагорного Карабаха и ненаступления начала новой войны. Наоборот, полученная матрица, исходя из профилей «A_1, C_1-B_2» и «A_1, B_2-C_2», выявляет интерес Армении к признанию независимости НК.

Для решения данной задачи целесообразно обратиться к алгоритму Цермело – Куно и решить задачу от конца к его началу [7, p. 4]. Среди существующих профилей Азербайджана стратегия C_2 (не объявление войны в случае непризнания независимости), будучи самой прибыльной, обусловливает принятие этой стратегии. Определив с помощью расчетов наивероятнейший ход Азербайджана, Армения для максимизации своего платежа выберет стратегию признания независимости Нагорного Карабаха (A_1). Таким образом, профили «A_1, C_1-B_2» и «A_1, B_2-C_2» – это равновесия Нэша, совершенные на подыгре (*SPNE*) [6, p. 101–103].

Однако причиной, по которой Армения до сих пор не признала независимость Нагорного Карабаха, является коллизия между политической теорией и практикой. Для решения этой коллизии надо еще раз взглянуть на матрицу платежей и обратить внимание на то, что к стратегии «A_1» Армении у Азербайджана в двух стратегиях имеется равнозначный платеж. Из-за того, что объявление и необъявление войны при условии признания независимости имеет одинаковый платеж (-15 и -15), то имеется ½ вероятности объявления Азербайджаном войны Армении. А это, в свою очередь, в наихудшем случае несет риск снижения платежей Армении в профилях «A_1, C_1-B_2» и «A_1, B_2-C_2» сразу на 25 пунктов. Таким образом, оказавшись перед риском войны с Азербайджаном, Армения предстает перед трилеммой следующих платежей: «-15», «-10» və «0». Это обусловливает принятие стратегического решения для получения самого прибыльного профиля «A_2, B_1-C_2» с платежом «0».

Стоит особо подчеркнуть, что привлечение в развернутую игру Армении и Азербайджана дополнительных игроков приводит к изменению в постулатах и платежах игры. Если к игре подключить Россию в качестве третьего игрока, то постулаты и последовательность игры изменится. В начале Армения принимает решение о признании или непризнании Нагорного Карабаха. После Армении стратегический союзник первого и стратегический партнер Азербайджана – Россия – принимает решение о поддержке или отказе поддерживать решение Армении. После этого Азербайджан, исходя из решения первых двух игроков, решает объявлять или не объявлять войну Армении.

Множество возможных стратегий Армении состоит из признания или непризнания независимости НК: $E = \{E_1, E_2\}$. Возможные стратегии России – это при любых условиях поддержать Армению (R_1, R_3), поддержать Армению в случае признания независимости и не поддерживать в случае непризнания (R_1, R_4), поддержать Армению в случае непризнания независимости и не поддерживать в случае признания (R_3, R_2), не поддерживать при лю-

	Азербайджан				
Армения		B_1-C_1	B_1-C_2	C_1-B_2	B_2-C_2
	A_1	-10, -15′	-10, -15′	***15, -15′**	***15, -15′**
	A_2	-15, -5	***0, 0′**	*15, -15	0, 0′

бых условиях (R_2, R_4). У Азербайджана при такой развернутой игре есть такие возможные стратегии, как: объявить войну при любых условиях (A_1, A_3, A_5, A_7), объявить войну в случае «признания-поддержки» и не объявлять войну в случае комбинации «признания и неподдержки» (A_1, A_4), не объявлять войну в случае «признании-поддержки» и объявить войну в случае «непризнания-поддержки» (A_2, A_5), объявить войну при комбинации «признания и неподдержки» и не объявить войну в случае «непризнания-поддержки» (A_3, A_6), не объявить войну при комбинации «признания и неподдержки» и объявить войну в случае «непризнания-поддержки» (A_4, A_7), объявить войну в случае «непризнания-поддержки» и не объявить войну при комбинации «непризнания и неподдержки» (A_5, A_8), не объявлять войну при любых условиях (A_2, A_4, A_6, A_8).

Согласно новым постулатам изменившиеся платежи Армении принимают такую форму, что для Армении самым оптимальным вариантом является признание сепаратистского режима при поддержке России и необъявление войны Азербайджаном. Война с Азербайджаном из-за признания при поддержке решения Россией является наилучшим вариантом, нежели непризнание Нагорного Карабаха при тех же условиях. Наихудший вариант для Армении – при непризнании Нагорного Карабаха и неподдержке России оказаться в состоянии войны с Азербайджаном. При всем этом, в случае неизбежности войны и в случае неподдержки России, признание сепаратистского режима более предпочтительно, нежели предыдущий вариант.

Платежи России можно условно сгруппировать таким образом, что для России оптимальным вариантом является неподдержка Армении, непризнание Арменией сепаратистского режима и неначало новой войны на Кавказе. При неизбежности войны и признания НК поддержка Армении является более перспективной, чем неподдержка Армении. Для России приоритетнее неначало новой войны на Кавказе, нежели поддержка Армении в признании НК. При этом поддержать Армению при условиях непризнания независимости НК хуже, чем не поддерживать. Наихудший вариант для России – решение Армении о признании, новая война на Кавказе и неподдержка Армении Россией.

Оптимальный вариант для Азербайджана – неподдержка Россией Армении, непризнание НК Арменией и необращение Азербай-

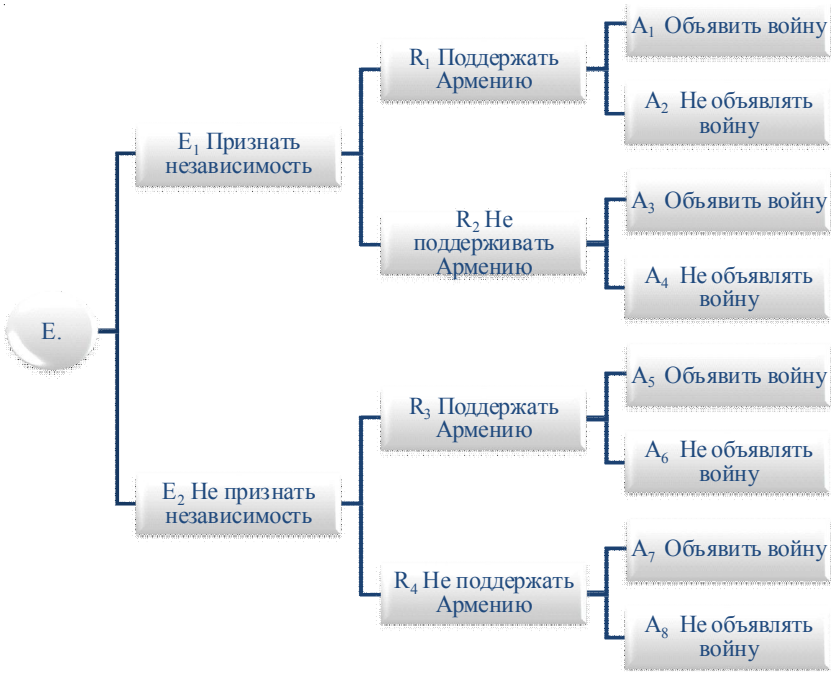

Рис. 2
Fig. 2

джана к полномасштабной войне. При условии неподдержки России, но признания Арменией независимости НК, объявление или необъявление войны Армении одинаково плохо для Азербайджана. Наихудшим вариантом для Азербайджана является объявление войны Армении при условиях поддержки и признания.

Обращаясь к алгоритму Цермело – Куно, мы можем определить, что Азербайджан выберет стратегию A_8. Из всех возможных стратегий России самым прибыльным является неподдержка Армении при условии непризнания НК Арменией (R_4). Для Армении оптимальный вариант – признание независимости при условии поддержки этого решения Россией и необъявления войны Азербайджаном (E_1).

Однако Армения понимает, что в случае принятия в одностороннем порядке стратегии E_1 для предотвращения войны на Кавказе и для того, чтобы не потерять стратегическое партнерство с Азербайджаном, Россия его не поддержит, Армения столкнется с ½ вероятностью новой войны с Азербайджаном. При таком раскладе Армения изменит стратегию и выберет стратегию E_2 о непризнании НК. Таким образом, равновесие Нэша, совершенное на подыграх, состоит из непризнания Арменией сепаратистского образования, неподдержки Россией Армении в желании признать НК и необъявления Азербайджаном войны Армении: $SPNE = \{E_2, R_4, A_8\}$.

Проведенные расчеты объясняют позиции трех государств в трехсторонних встречах о статусе региона. Несмотря на то что факт (при условии «признания и неподдержки» для Азербайджана) объявления и необъявления войны имеет одинаковый негативный выигрыш, вся эта ситуация создает нестабильность и дает возможность к многосторонним манипуляциям. Это может дать определенные стимулы России поддержать решение Армении признать сепаратистский режим в случае серьезных геополитических и геоэкономических проблем с Азербайджаном. При таком раскладе в новой войне наибольший вред получил бы Азербайджан. Поэтому маловероятно, что Азербайджан выберет стратегию объявления войны.

Однако у Азербайджана все же есть возможность улучшить свою позицию и добиться стабильного равновесия Нэша, совершенного на подыграх. Для этого надо трансформировать развернутую игру в игру с коммитментом и целенаправленно сократить количество доступных стратегий [4, p. 11]. Одна из таких возможностей – это через референдум возложить на главнокомандующего вооруженными силами Азербайджана обязанность объявить войну Армении в случае признания сепаратистского режима несмотря ни на какие факторы. В такой развернутой игре с коммитментом Азербайджан добровольно лишает себя таких стратегий, как необъявление войны в случае признания-поддержки (A_2) и признания и неподдержки (A_4). При таком положении дел схема развернутой игры с коммитментом приобретает форму, изображенную на рисунке 3.

При таком раскладе Россия, для которой предотвращение новой войны на Кавказе приоритетнее поддержки Армении и давления на Азербайджан, никогда не выберет стратегию «R_1», что, в свою очередь, сдержит Армению от принятия стратегии «E_2».

Результаты. Согласно теореме Цермело в любой конечной последовательной игре с полной информацией существует равновесие Нэша, совершенное на подыграх. Итак, равновесие Нэша, совершенное на подыграх, снова состоит из непризнания сепаратистского режима Арменией, неподдержки Россией желания Армении о признании и необъявлении войны Армении Азербайджаном: $SPNE = \{E_2, R_4, A_8\}$. Однако, в отличие от первого варианта, равновесие, полученное в игре с коммитментом, приобретает более устойчивую структуру по отношению к разным политическим процессам.

Один из главных факторов, предотвращающих возобновление новой крупномасштабной войны в Закавказье, – это неопределенность, связанная с позицией третьей стороны. Азербайджан, который превосходит Армению в категориях силы и мощи, все равно перед началом боевых действий обязан рассчитать возможные ходы и вероятность этих возможных ходов стратегического союзника Армении – России. Заметим, что анализ и математические расчеты необходимы не только по отношению к возможным действиям России, но и к возможным действиям Турции,

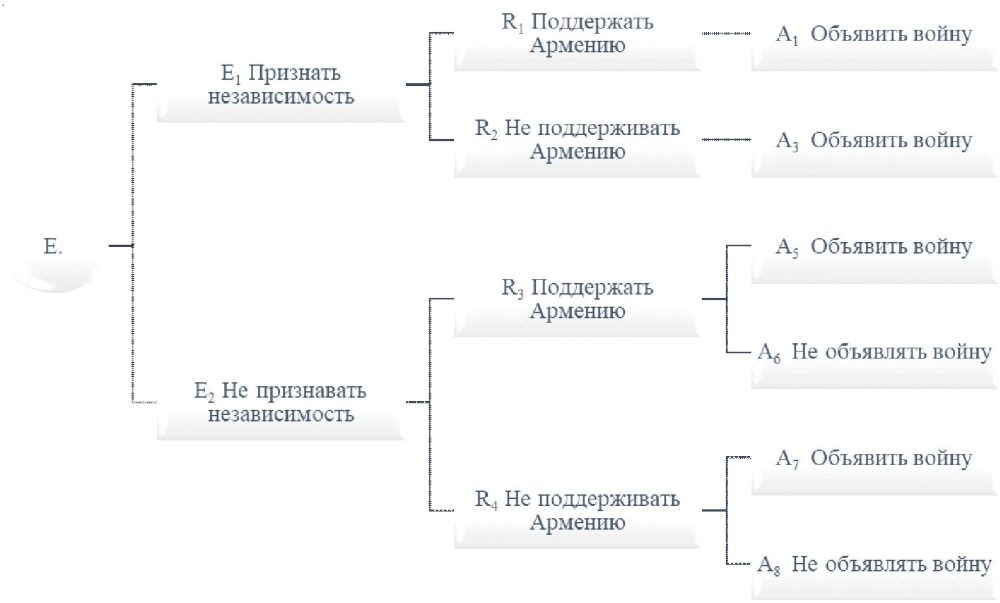

Рис. 3

Fig. 3

Ирана, США и ЕС. Только лишь при правильном расчете позиций всех сторон силовое решение Армяно-Азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта может стать темой обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В рамках Мюнхенской конференции по безопасности состоялись панельные обсуждения по Армяно-Азербайджанскому Нагорно-Карабахскому конфликту, 15 февраля 2020, 20:30. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ru.president.az/articles/35813 (дата обращения: 26.05.2020). – Загл. с экрана.

2. Григорьев, А. В. Теория Игр : учеб. пособие / А. В. Григорьев. – Томск : Изд-во ТГАСУ, 2014. – 79 с.

3. Сунь-цзы. Искусство войны / Сунь-цзы. – М. : АСТ, 2014. – 192 с.

4. Itai, A. Commitments in Extensive Form Games / A. Itai, Ya. Babichenko, M. Tennenholtz. – 2015. – May 16. – P. 1–31. – Electronic text data. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2613019 (date of access: 10.12.2019). – Title from screen.

5. Art, J. R. International Politics: enduring concepts and contemporary issues / R. J. Art, R. Jervis. – N. Y. : Pearson Education, 2007. – 586 p.

6. Rubinstein, A. Perfect Equilibrium in a Bargaining Model / A. Rubinstein // Econometrica. – 1982. – № 50. – P. 97–109.

7. Schwalbe, U. Zermelo and the Early History of Game Theory / U. Schwalbe, P. Walker. – United States, Massachusetts, Cambridge : Harvard University Press, 1999. – 15 p.

REFERENCES

1. *V ramkakh Myunkhenskoy konferentsii po bezopasnosti sostoyalis panelnye obsuzhdeniya po armyano-azerbaydzhanskomu nagorno-karabakhskomu konfliktu, 15 fevralya 2020, 20:30* [Panel Discussions on the Armenian-Azerbaijan Nagorno-Karabakh Conflict Were Held Within the Framework of the Munich Security Conference, February 15, 2020, 20:30.] URL: https://ru.president.az/articles/35813 (accessed 26 May 2020).

2. Grigoryev A.V. *Teoriya Igr: uchebnoe posobie* [Game Theory. Study Guide]. Tomsk, Izd-vo TGASU, 2014. 79 p.

3. Sun Tzu. *Iskusstvo voyny* [The Art of War]. Moscow, AST Publ., 2014. 192 p.

4. Itai A., Babichenko Ya., Tennenholtz M. *Commitments in Extensive Form Games*, 2015, May 16, pp. 1-30. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2613019 (accessed 10 December 2019).

5. Art J.R., Jervis R. *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. New York, Pearson Education, 2007. 586 p.

6. Rubinstein A. Perfect Equilibrium in a Bargaining Model. *Econometrica*, 1982, no. 50, pp. 97-109.

7. Schwalbe U., Walker P. *Zermelo and the Early History of Game Theory*. Cambridge, Harvard University Press, 1999. 15 p.

Information About the Author

Jel'shan N. Medzhidov, Doctoral Student, Lecturer, Azerbaijan University of Languages, Rashida Bekhbutova St., Baku, Azerbaijan Republic, madjidov_elshan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1875-8533

Информация об авторе

Эльшан Назимович Меджидов, докторант, преподаватель, Азербайджанский университет языков, ул. Рашида Бехбутова, г. Баку, Азербайджанская Республика, madjidov_elshan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1875-8533

www.volsu.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.13

UDC 327.8
LBC 66.4

Submitted: 08.10.2019
Accepted: 02.12.2019

INFORMATION INTERFERENCE AS A PHENOMENON OF THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL POLICY SUBJECTS ACTIVITY

Sergey V. Volodenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author aims to analyze the phenomenon of information interference with national political processes in the conditions of the contemporary information society and the evolution of the Internet as a space of political communications. The article shows that the digital information intervention is relevant and at the same time, a complex multidimensional phenomenon of contemporary politics. In many respects, the potential of the digital interference phenomenon is closely related to the essential features of functioning and the transformation of the contemporary Internet, which has been actively used when changing political regimes in many countries. The problem of information security and sovereignty of the present state on the Internet is becoming one of the most urgent in the conditions of the rapid development of information and communication technologies. *Methods and materials*. The issues identified in the article are investigated using the methods of comparative, structural-functional and normative analysis, included observation, as well as the case-study method. The method of scientific forecasting and scripting techniques has allowed to form a scenario for the effective settlement of international conflicts in the field of information security. The empirical base of the study is reports of foreign experts, official materials of state authorities of the Russian Federation and foreign countries, reports of Freedom House international organization, official speeches and statements by the heads of state on the issues outlined in the work. *Analysis.* Countering external information expansion is becoming one of the most critical tasks of effective political governance at the state level to preserve the sovereignty of the national political communication space, including domestic segments of the Internet. The initiatives of states to form the sovereign national segments of the Internet space are, on the one hand, an attempt to protect their political systems from external influence and invasion, to ensure their own political stability, and on the other hand, they create risks for the democratic potential of the Internet. The article substantiates the thesis that the phenomenon of interference in elections in actual practice often becomes not so much an objective process as an instrument of information warfare, mass political propaganda and discrediting political opponents, a manipulative tool that can be actively used not only by authoritarian regimes with a low level of democratic development. *Results.* The study shows that differences in understanding and defining the essence of the Internet by various countries give rise to a significant potential for political conflicts on a global scale. This circumstance leads the author to the conclusion that it is necessary to form international institutions capable of preventing and regulating information conflicts in the Internet space, as well as reducing global political risks (including risks associated with potential interference in the electoral process of sovereign states). The implementation of this scenario will allow forming a collective responsibility in the functioning of the global Internet.

Key words: information intervention, political process, elections, internet communication, international security.

Citation. Volodenkov S.V. Information Interference as a Phenomenon of the Contemporary International Policy Subjects Activity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 148-160. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.13

© Володенков С.В., 2020

УДК 327.8
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 08.10.2019
Дата принятия статьи: 02.12.2019

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО КАК ФЕНОМЕН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Сергей Владимирович Володенков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Цель автора состояла в том, чтобы проанализировать феномен информационного вмешательства в национальные политические процессы в условиях современного информационного общества и эволюции Интернета как глобального пространства политических коммуникаций. В работе показано, что цифровое информационное вмешательство является актуальным и в то же время сложным многомерным явлением современной политики. Во многих отношениях потенциал феномена цифрового вмешательства тесно связан с существенными особенностями функционирования и трансформации современного Интернета, который активно используется при смене политических режимов во многих странах. Проблема информационной безопасности и суверенитета современного государства в сети Интернет становится одной из самых актуальных в условиях бурного развития информационно-коммуникационных технологий. Инициативы государств по формированию суверенных национальных сегментов интернет-пространства являются, с одной стороны, попыткой защитить свои политические системы от внешнего влияния и вторжения, обеспечить собственную политическую стабильность, а с другой – риском для демократического потенциала Интернета. В статье обосновывается тезис о том, что явление вмешательства в выборы на практике часто становится не столько объективным процессом, сколько инструментом информационной войны, массовой политической пропаганды и дискредитации политических оппонентов, манипулятивным инструментом, который может активно использоваться не только авторитарными режимами с низким уровнем демократического развития. Отмечается, что различия в понимании и определении сущности Интернета различными странами создают значительный потенциал для политических конфликтов в глобальном масштабе. Это обстоятельство приводит к необходимости формирования международных институтов, способных предотвращать и регулировать информационные конфликты в интернет-пространстве, а также снижать глобальные политические риски (в том числе риски, связанные с возможным вмешательством в избирательный процесс суверенных государств). По итогам исследования в работе сделан вывод о том, что формирование режима коллективной ответственности в сфере функционирования глобального Интернета является одним из ключевых факторов обеспечения долгосрочной международной стабильности в условиях формирования и стремительной эволюции современного цифрового общества.

Ключевые слова: информационное вмешательство, политический процесс, выборы, интернет-коммуникация, международная безопасность.

Цитирование. Володенков С. В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 148–160. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.13

Введение. На протяжении последних лет в международном политическом дискурсе все более широкую представленность получает феномен внешнего информационного вмешательства в национальные избирательные процессы. Мы становимся свидетелями появления все новых и новых заявлений различных стран о вторжении в их суверенные политические системы со стороны внешних акторов. Данной проблеме посвящено значительное число научных работ как западноевропейских, так и американских и англосаксонских ученых [4; 5; 8; 19; 26; 32].

Россия, США, Франция, Германия, Великобритания, Испания (Каталония), Черногория, Украина – лишь малая часть длинного перечня государств, заявляющих о разнообразном вмешательстве в свои выборы.

Тем не менее, подразумевая под политикой в первую очередь определенную систему отношений по поводу власти, отметим, что такого рода отношения всегда разворачива-

ются в публичном высококонкурентном пространстве.

Наличие значительного числа политических акторов, включая и теневых, состоящих в разнообразных взаимоотношениях и взаимодействиях, уровни сложности которых постоянно возрастают, характерно для современных национальных избирательных систем.

Ввиду этого избирательная система современного государства не может быть подвержена полному «капсулированию». Более того, в условиях глобализации современного мира суверенная политика ведущих государств оказывает существенное влияние и на политические процессы в других странах, формирует международную политическую ситуацию. Данное обстоятельство также приводит нас к вопросу о том, может ли политический (и в частности избирательный) процесс конкретного государства представлять из себя полностью закрытую систему.

Положительный ответ на поставленный вопрос был бы весьма парадоксальным в силу того, что наличие влияния на окружающую среду (в данном случае международное политическое пространство) само по себе является в рамках классической общей теории систем характеристикой открытой, но не замкнутой системы, которая безусловно и неминуемо будет подвергаться и обратному влиянию внешней среды.

В данном случае мы можем говорить о наличии значительного числа политических акторов, представляющих свои интересы в рамках проводимых выборов, которые, подчеркнем еще раз, проводятся в условиях публичности и высокой конкурентности, а также системной открытости (эти условия являются базовыми для любого современного демократического режима, и попытка отрицать данный факт характерна для авторитарных режимов, пытающихся сделать свою политическую и избирательную системы максимально закрытыми). Что касается онлайн-пространства, то оно еще более конкурентно, чем традиционное публичное оффлайн-пространство, в нем активно выражает и продвигает свои интересы значительное число институциональных и неинституциональных субъектов политической деятельности [15; 16; 17; 28; 29; 41].

Может ли в подобных условиях политическая конкуренция считаться вмешательством в выборы? Может ли конкуренция в публичном политическом пространстве классифицироваться как вторжение в суверенный избирательный процесс? Могут ли политические акторы, имеющие собственные политические интересы в конкретных государствах, экстерриториально артикулировать их в публичном пространстве соответствующих выборных процессов? Какими характеристиками должен обладать политический интересант, чтобы его можно было классифицировать как «внешнего агента вмешательства»? В условиях взаимного влияния друг на друга и формирования международных политических конгломераций, каким образом должны отделяться «внутренние» акторы от «внешних»? Может ли активность неинституциональных политических акторов рассматриваться как вмешательство в выборы? Меняются ли характеристики национальных избирательных кампаний в условиях глобализации и интенсивной эволюции Интернета как экстерриториального пространства политических коммуникаций? Ответы на данные вопросы во многом могут определить саму жизнеспособность и содержательные характеристики феномена вмешательства в выборы в современных условиях.

К сожалению, на сегодняшний день мы находимся лишь на стадии постановки подобных вопросов в научном сообществе. Научные работы в этой области преимущественно посвящены вопросам выявления и анализа методов, технологий и последствий информационного вмешательства в традиционный избирательный процесс [10; 22; 27]. Это во многом имеет объективные причины, так как демократии, как правило, достаточно медленно реагируют на кризисы – их системы сдержек и противовесов, открытые обсуждения и участие общественности не способствуют быстрому принятию решений.

Однако, по нашему глубокому убеждению, избирательный процесс уже никогда не вернется к традиционным форматам в условиях развития современных цифровых информационно-коммуникационных технологий. Влияние Интернета, как нам представляется, является необратимым и требующим пере-

смотра классических представлений об избирательной системе и национальной информационной безопасности. Уже сегодня политические системы функционируют в гибридных режимах, будучи подверженными значительному информационному влиянию как внутри собственных национальных пространств, так и снаружи. Де факто национальные избирательные процессы становятся значимой и неотъемлемой компонентой современной системы международной политики в целом, де юре суверенный статус национальных выборов становится во многом условным с содержательной точки зрения в ситуации эволюции глобального и экстерриториального информационно-коммуникационного пространства.

Методы. Обозначенные в статье вопросы были исследованы с применением методов сравнительного, структурно-функционального и нормативного анализа, включенного наблюдения, а также метода case-study. Метод сравнительного анализа позволил изучить практику регулирования интернет-пространства различными государствами и выделить принципиально противоположные по своей стратегии действия в информационно-коммуникационном пространстве группы стран.

Метод case-study позволил проанализировать актуальную политическую практику в аспекте использования ресурсов Интернета различными политическими режимами и выявить на основе проведенного анализа основные риски и «линии разлома» в системе международной информационной безопасности.

В свою очередь, структурно-функциональный анализ позволил рассмотреть имеющиеся на сегодняшний день институты информационного вмешательства и выполняемые ими функции в условиях современного информационного противоборства как открытой среды.

Кроме того, в работе были применены методы научного прогнозирования и сценариотехник, позволившие сформировать сценарий эффективного урегулирования международных конфликтов в сфере информационной безопасности.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы доклады зарубежных экспертов, официальные материалы государственных органов власти Российской Федерации и зарубежных стран, доклады международной организации Freedom House, официальные выступления и заявление руководителей государств по обозначенной в работе тематике.

Анализ. Актуальная практика информационного противоборства в сфере современной международной политики. Еще в 2006 г. Й. Бенклер в своей работе указывал на то, что радикальная демократизация доступа к интеллектуальной продукции и облегчение дистрибуции этой продукции благодаря дешевым компьютерам и Интернету за короткое время может до неузнаваемости изменить политические жизни людей [7].

При этом изначально заложенные глобальность, открытость и прозрачность сетевого пространства на сегодняшний день сформировали уже на новом уровне эволюции Интернета его инструментальный потенциал в аспекте применения технологий интернет-коммуникации для экстерриториального вторжения в национальные онлайн-сегменты и трансформации традиционных массовых ценностей и смыслов населения государств-мишеней, а также искажения массового восприятия политической действительности значительной части граждан, обладающих высокой политической и электоральной активностью. Это во многих случаях приводит к трансформации массовых электоральных установок и моделей электорального поведения с акцентом на формирование в государстве-мишени массового протестного потенциала по отношению к собственным институтам государственной власти [13; 25].

Экстерриториальное конструирование альтернатив – мировоззренческих и поведенческих моделей, носящих преимущественно протестный характер, с одновременной заменой традиционных культурных и ценностных компонент общественного сознания самым непосредственным образом способствует формированию потенциала влияния на стабильность функционирования государственных политических режимов, позволяя в дальнейшем трансформировать электоральное пространство и оказывать существенное влияние на избирательный процесс с акцентом на делигитимацию существующих властных институтов, что выступает одной из ключевых угроз для систем суверенного политического управления современных государств [33; 40].

Отметим, что в современном пространстве международных отношений существует достаточно большое число политических (и не только) акторов, преследующих в качестве одной из своих целей реализацию сценариев собственного доминирования в национальных пространствах государств-мишеней, а также формирование монопольного режима управления информационно-коммуникационной инфраструктурой глобального сетевого пространства, в рамках которого функционирует значительное количество ресурсов, способных выступать в качестве инструмента для осуществления внешнего информационного вторжения.

В результате на сегодняшний день сложились условия для возникновения такого формата современных межгосударственных отношений, который можно определить как интенсивное информационное противоборство с целью обеспечения доступа к ядру электоральных процессов в странах-оппонентах.

При этом помимо таких субъектов информационного противоборства, как государства, следует выделить и различные неинституциональные и неоинституциональные субъекты, например, международные террористические организации, которые активно осуществляют собственную пропагандистскую деятельность в глобальных масштабах. Этой проблеме посвящено значительное число работ, что подчеркивает высокую актуальность проблемы проникновения террористических структур в сетевое пространство [18; 23; 38].

На наш взгляд, в подобном противоборстве наиболее существенными конкурентными преимуществами будут обладать акторы с наиболее технологически развитым и разнообразным арсеналом инструментов, технологий и методов информационно-коммуникационной борьбы, характеризующейся в первую очередь воздействием на массовое сознание, формированием паттернов массового поведения, а также трансформацией ценностно-смысловых систем координат населения стран-оппонентов с последующей имплементацией в сознание населения выгодных установок и стереотипов.

Данное обстоятельство предопределяет необходимость формирования современными государствами собственной развитой сетевой информационно-коммуникационной инфраструктуры, разработки технологий и методов сетевой информационно-коммуникационной активности, а также информационных стратегий и компетенций успешной деятельности в сетевом пространстве. Иначе значительно усиливается потенциал угроз, связанных с потерей контроля над собственными национальными сегментами цифрового пространства общественно-политических коммуникаций и существенного снижения стабильности национальных политических систем в результате внешнего информационно-коммуникационного воздействия.

Национальные сегменты сети vs глобальный интернет: столкновение парадигм. Вопросы информационного суверенитета и национальной безопасности в условиях стремительной эволюции Интернета приобретают все более острое звучание. В свою очередь, задачи по противодействию внешнему информационно-коммуникационному воздействию и защите от вторжения в суверенные информационные пространства со стороны технологически развитых государств превращаются в одну из наиболее актуальных задач в сфере современного государственно-политического управления [39].

Акценты в процессах внешнего вмешательства в суверенный избирательный процесс сегодня смещаются именно в сторону онлайн-пространства, которое стало ключевым источником получения информации для ключевых политически активных электоральных групп, включая молодежь, рассматриваемую на сегодняшний день внешними интересантами в качестве основного носителя протестного потенциала при осуществлении проектов Regime Change.

При этом превращение онлайн-пространства в инструмент глобального информационного противоборства порождает ответную реакцию – все большую фрагментацию Интернета на национальные сетевые сегменты, в рамках которых государства обеспечивают информационный контроль, управление и противодействие процессам внешнего воздействия на сознание собственного населения, формируя систему национальной сетевой информационной безопасности.

Многие страны активно используют современные цифровые технологии коммуникации в сетевом пространстве в собственных политических интересах. Так, например, после серии антикоррупционных протестов в Турции и критического освещения в международных СМИ турецкое правительство наняло тысячи профессиональных троллей в попытке создать армию в социальных сетях. В Венесуэле власти использовали проправительственных ботов в Твиттере для манипулирования одним из немногих источников новостей, еще не контролируемых государством; фальшивые последователи Твиттера президента Венесуэлы Николаса Мадуро были настолько лояльны, что он стал третьим самым ретвитированным общественным деятелем в мире, уступив только королю Саудовской Аравии и Папе Римскому [10].

Кроме того, существует и такая тенденция, как ограничение со стороны ряда государств широкого доступа своих граждан к внешним сетевым ресурсам, которые могут транслировать во многих случаях неблагоприятный для действующих политических режимов альтернативный идеологический и пропагандистский контент, включающий в себя идеологические и ценностно-смысловые компоненты, обладающие способностью влияния на стабильность действующих политических систем. В рамках данной деятельности со стороны государств активно используются разнообразные технологии и методы, включая запрет возможности анонимного доступа к интернет-ресурсам, блокировка VPN-серверов и анонимайзеров, фильтрация и блокировка запрещенного контента, ограничение и запрет использования различных информационных интернет-площадок, как внешних, так и внутренних.

Кроме такого рода ограничений с целью противодействия внешнему информационно-коммуникационному влиянию на сознание своего населения, значительное число стран реализует политику государственного контроля Интернета, одной из значимых частей которой является защита и поддержка национальных интернет-ресурсов, включая противодействие их попаданию под прямое или опосредованное управление со стороны внешних акторов, имеющих собственные политические интересы.

Иными словами, несмотря на публично декларируемую и активно поддерживаемую значительным числом западных стран концепцию открытости и глобальности интернет-пространства, многие страны на сегодняшний день реализуют стратегии формирования контролируемых и управляемых национальных сегментов Интернета.

Неслучайно в России совсем недавно был принят федеральный закон об автономном Рунете, предполагающий создание независимой технологической инфраструктуры для обеспечения возможности полностью автономного функционирования национального сегмента интернет-пространства. Нельзя обойти стороной и практику активного применения в России блокировки сетевых ресурсов со стороны Роскомнадзора, которые могут представлять угрозу национальной безопасности.

Очевидно, что реализация подобного сценария на уровне значительного числа стран потенциально может привести к формированию на базе глобального Интернета максимально закрытых и регулируемых в аспекте информационно-коммуникационного взаимодействия друг с другом национальных сегментов Интернет-пространства, находящихся под пристальным государственным контролем.

При этом актуализируется и приобретает новое звучание проблема обеспечения свободы интернета от роста цифрового авторитаризма. Современные информационно-коммуникационные технологии должны позволять гражданам делать свой собственный политический выбор без принуждения или скрытых манипуляций. Однако, если антидемократические структуры будут эффективно захватывать Интернет, гражданам будет отказано в предоставлении форума для формулирования общих ценностей, обсуждения политических вопросов и мирного урегулирования внутрисоциальных споров.

Чтобы демократия выжила в эпоху цифровых технологий, технологические компании, правительства и гражданское общество должны работать вместе, чтобы найти реальные решения проблем манипулирования социальными сетями и неправомерного сбора данных.

Сейчас Интернет становится все менее свободным во многих странах, а сами демок-

ратические режимы испытывают давление под его влиянием.

Например, когда в Венесуэле состоялись последние президентские выборы, призванные закрепить авторитарное правление Николаса Мадуро, правительство приняло закон, который предусматривал суровые тюремные сроки за разжигание «ненависти» в Интернете. Внедрение «Карты Отечества» – электронной системы идентификации, используемой для направления социальной помощи – вызвало подозрения, что данные, собранные с помощью устройства, могут быть использованы для мониторинга и давления на избирателей. В преддверии всеобщих выборов в июле 2018 г. в Камбодже произошел всплеск арестов и тюремных сроков за речь в Интернете, поскольку правительство стремилось расширить арсенал преступлений, используемых для подавления инакомыслия, в том числе новый закон, запрещающий оскорбления монархии.

Подобных примеров существует достаточно много, и все они свидетельствуют о том, что в ряде стран под предлогом защиты суверенного информационного пространства происходит движение к цифровому авторитаризму с использованием моделей широкой цензуры и автоматизированных систем наблюдения.

Только за 2017 г. тактика манипуляции и дезинформации в интернет-пространстве сыграла важную роль на выборах по меньшей мере в 17 других странах, что подорвало способность граждан выбирать своих лидеров на основе фактических новостей и подлинных дебатов [21].

В 2018 г. в результате этих тенденций по данным Freedom on the Net глобальная свобода интернета также продолжала снижаться восьмой год подряд [36].

Таким образом, мы можем констатировать значительные трансформации сущности Интернета в его традиционном понимании как единого, свободного, открытого и демократического пространства.

На сегодняшний день анализ актуальной практики демонстрирует активное формирование условно автономных сетевых сегментов, информационно-коммуникационные связи между которыми контролируются со стороны государств и могут быть оперативно ослаблены в той или иной степени (или даже полностью блокированы) в случаях потенциальных внешнеполитических конфликтов и кризисов, а также обострения отношений между конкретными государствами, блоками и альянсами.

При этом с высокой степенью вероятности стороны-оппоненты будут осуществлять попытки проникновения в закрытое коммуникационное пространство противника, а также его «взлома» для обеспечения возможностей информационного воздействия на население государства-мишени, в том числе и в ходе проведения предвыборных кампаний, что может лишь ускорить процессы «капсулирования» национальных сегментов Интернета.

Отметим, что подход России к определению сущности Интернета, а также его потенциала и угроз в сфере информационной безопасности заключается на сегодняшний день в признании права на существование национальных сетевых сегментов, которые могут регулироваться на основе необходимости защиты государственных интересов.

Так, в «Концепции внешней политики РФ» определено, что Россия является самостоятельным и независимым субъектом, имеющим право формировать собственную «государственную систему противодействия информационным угрозам и рискам в сфере политической и общественной безопасности на национальном уровне, включая защиту от внешнего информационного вмешательства во внутренние дела России» [20].

Что примечательно, дискуссии о кибербезопасности в России, а также в странах Северной Америки и Западной Европы все больше напоминают друг друга в аспекте рассматриваемой проблематики [31].

В результате столкновения двух противоречащих друг другу по смыслу парадигм (Интернет – глобальное информационно-коммуникационное пространство и Интернет – совокупность национальных онлайн-сегментов) необходимо констатировать формирование такого сценария развития интернет-пространства, в рамках которого будут проявляются контуры двух основных групп государств, имеющих диаметрально противоположные позиции в аспекте восприятия интернет-пространства.

Так, ряд технологически развитых держав, включая США, рассматривают Интернет как глобальное коммуникационное пространство, не имеющее национальных границ. Соответственно, право на существование независимых сетевых сегментов ими не признается, так как в подобном случае резко снижаются возможности по продвижению либеральных и демократических идей, а также ограничиваются как свобода слова, так и права граждан на доступ к информации [1; 2; 9; 11; 14; 30; 35].

В рамках реализации данной парадигмы весьма показательным является заявление американского экс-госсекретаря Х. Клинтон, в соответствии с которым США намерены не ограничиваться в обеспечении прав на доступ граждан к информации, а также свободы слова только собственной территорией, но будут осуществлять подобную деятельность и по отношению к другим странам [12].

Применительно к Интернету речь идет об обеспечении глобального неограниченного доступа к ключевым глобальным ресурсам, бенефициарами которых являются представители США. Это в первую очередь социальная сеть Facebook, сервис микроблогинга Twitter, поисковый гигант Google, видеохостинг YouTube, онлайн-энциклопедия Wikipedia, фотосервис Instagram.

При этом данные ресурсы имеют право по всему миру блокировать аккаунты и доступ к ним любого человека. Однако любые попытки других государств обеспечивать контроль над своими национальными сегментами Интернета трактуются представителями американских властей исключительно как антидемократическое нарушение гражданских прав и свобод со стороны «диктатур».

Как заявила Х. Клинтон, во многих случаях власти «несвободных» стран манипулируют темой контроля над онлайн-пространством в качестве инструмента ограничения прав и свобод человека в Интернете, возведения искусственных национальных барьеров в сети и отстранения гражданского общества от возможностей участия в управлении глобальным коммуникационным пространством. Власти таких стран желают заменить эффективно работающую систему репрессивной [12].

Однако, несмотря на принципиальную позицию США, на сегодняшний день в мире сформировалась и продолжает формироваться значительная по своему составу альтернативная группа стран, которые не признают глобальный и открытый характер Интернета, рассматривая собственные национальные сетевые сегменты как суверенные и отстаивая право на их самостоятельное регулирование и контроль со стороны государства, включая противодействие внешнему информационно-коммуникационному влиянию на собственное население [3; 24; 34; 37].

В результате мы можем наблюдать принципиальные расхождения в понимании сущности Интернета со стороны представителей двух описанных нами блоков государств, что может формировать потенциальные вызовы в сфере международных отношений и глобальной политики.

Что будет подразумеваться под вмешательством в избирательный процесс в трактовке представителей обозначенных блоков и насколько позиции данных блоков будут несовместимыми – уже само по себе обеспечивает формирование потенциального глобального конфликта между государствами в сфере национальной информационной безопасности. Потенциал такого рода конфликта может выступать значимым фактором, способным оказать существенное влияние на содержательные аспекты международной политики ближайшего будущего.

Результаты. Исходя из результатов анализа сложившейся ситуации, на сегодняшний день следует говорить о важности переоценки и пересмотра существующих представлений об Интернете и его ключевых характеристик в силу неоднозначности актуальных подходов к его пониманию. По мере неуклонного повышения интенсивности информационного противоборства между ведущими государствами неопределенность, двойственность подходов к пониманию интернет-пространства будет все в большей степени влиять на формирование межгосударственных политических конфликтов, выступать фактором дестабилизации международной политической ситуации, а также предлогом для введения экономических санкций в отношении стратегических конкурентов на мировой арене.

На наш взгляд, данное обстоятельство во многом может определить вектор в сфере глобальной политики, в рамках которого одна из ключевых стратегических задач технологически развитых государств будет заключаться в формировании и отстаивании в рамках современного международного права определенной позиции касательно понимания сущности Интернета. Именно закрепленный в нормах международного права подход к определению Интернета существенным образом позволит определить особенности, потенциал и характер информационно-коммуникационной деятельности различных политических акторов в сетевом пространстве в аспекте глобального влияния на актуальные процессы современной международной политики.

Однако в актуальных условиях неоднозначности понимания того, является ли Интернет единым пространством либо в его границах существуют отдельные национальные сегменты, дискуссии о вмешательстве в избирательный процесс тех или иных государств представляются нам некорректными, требующими формирования определенной международной конвенции.

На данный же момент в условиях неоднозначности и неурегулированности вопроса сам феномен вмешательства в выборы становится не столько объективным процессом, сколько инструментом ведения информационной борьбы, массовой политической пропаганды и дискредитации политических оппонентов, манипулятивным инструментом международного масштаба.

Как в связи с этим справедливо пишет Й. Бенклер, «на протяжении последних трех лет главной движущей дезинформационной силой в американской политике была не Россия, а канал Fox News, а также ориентирующаяся на него замкнутая экосистема СМИ правого толка. Все, что сделали русские – так это запрыгнули в вагон с правой пропагандой: их усилия меркнут по сравнению с работой СМИ местного разлива. Более того, все пропагандистские победы, которые одержали русские, были одержаны только тогда, когда информационная машина правых подхватывала эти сюжеты, зачастую их приукрашая» [6].

В качестве действенного инструмента решения обозначенной проблемы может выступить создание совместных международных институциональных структур, обладающих компетенциями в сфере регулирования Интернета как единого глобального коммуникационного пространства. При реализации подобного сценария возможно формирование коллективной ответственности, в рамках которой государства-участники имеют прозрачные и четкие обязательства в сфере обеспечения и поддержания нейтрального статуса и открытого характера Интернета.

Описанный нами сценарий представляется потенциально перспективным в аспекте обеспечения международной стабильности и глобальной информационной безопасности, которые во многом в ближайшем будущем будут определяться возможностями предотвращения трансформации интернета в инструмент доминирования и информационной агрессии со стороны узкой группы технологически развитых политических акторов в отношении подавляющего большинства других стран. Минимизация рисков возникновения неуправляемых политических конфликтов, связанных с темой вмешательства в выборы того или иного государства, также представляется реализуемой задачей в рамках подобного сценария.

Форматы коллективного контроля и регулирования Интернета на международном уровне обладают, по нашему мнению, существенным потенциалом для снижения глобальных политических рисков за счет обеспечения полноправного и равного участия современных государств в глобальной информационно-коммуникационной деятельности, а также предотвращения информационных конфликтов между различными странами, в том числе конфликтов в политической сфере, связанных не только с потенциальным вмешательством в суверенные избирательные процессы, но и с другими крайне чувствительными аспектами функционирования современных политических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aaronson, S. A. What Might Have Been and Could Still Be: The Trans-Pacific Partnership's Potential to Encourage an Open Internet and Digital Rights / S. A. Aaronson // Journal of Cyber Policy. –

2017. – Vol. 2, № 2. – P. 232–254. – DOI: https://doi.org/10.1080/23738871.2017.1356859.

2. Adami, R. Human Rights for More than One Voice: Rethinking Political Space Beyond the Global/Local Divide / R. Adami // Ethics & Global Politics. – 2014. – Vol. 7, № 4. – P. 163–180. – DOI: https://doi.org/10.3402/egp.v7.24454.

3. Akhavan, N. Blogistan: The Internet and Politics in Iran / N. Akhavan // Iranian Studies. – 2013. – Vol. 46, № 1. P. 131–133. – DOI: https://doi.org/10.1080/00210862.2012.740889.

4. Baines, P. Influence and Interference in Foreign Elections / P. Baines, N. Jones // The RUSI Journal. – 2018. – Vol. 163, № 1. – P. 12–19. – DOI: https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1446723.

5. Bastos, M. T. The Brexit Botnet and User-Generated Hyperpartisan News / M. T. Bastos, D. Mercea // Social Science Computer Review. – 2019. – Vol. 37, № 1. – P. 38–54. – DOI: https://doi.org/10.1177/0894439317734157.

6. Benkler, Y. The Russians Didn't Swing the 2016 Election to Trump. But Fox News Might Have / Y. Benkler. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/outlook/2018/10/24/russians-didnt-swing-election-trump-fox-news-might-have/?noredirect=on&utm_term=.bd3b8b18119c (date of access: 10.03.2019).

7. Benkler, Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom / Y. Benkler. – New Haven ; L. : Yale University Press, 2006. – 515 p.

8. Bessi, A. Social Bots Distort the 2016 U.S. Presidential Election Online Discussion / A. Bessi, E. Ferrara. – Electronic text data. – Mode of access: http://firstmonday.org/article/ view/7090/5653 (date of access: 15.03.2019).

9. Bildt, C. The One and Future Internet / C. Bildt, G. Smith // Journal of Cyber Policy. – 2016. – Vol. 1, № 2. – P. 142–156. – DOI: https://doi.org/10.1080/23738871.2016.1235908.

10. Brooking, E. T. War Goes Viral. How Social Media is Being Weaponized Across the World / E. T. Brooking, P. W. Singer. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/11/war-goes-viral/501125 (date of access: 28.02.2019).

11. Chandler, D. Deriving Norms from 'Global Space': The Limits of Communicative Approaches to Global Civil Society Theorizing / D. Chandler // Globalizations. – 2007. – Vol. 4, № 2. – P. 283–298. – DOI: https://doi.org/10.1080/14747730701345283.

12. Chernenko, Ye. Cold War 2.0? / Ye. Chernenko // Russia in Global Affairs. – 2013. – № 1 (11). – P. 101–109.

13. Chou, L. The Influence of Internet on Politics: the Impact of Facebook and the Internet Penetration on Elections in Taiwan / L. Chou, C. Fu // Applied Economics Letters. – 2017. – Vol. 24, № 7. – P. 494–497. – DOI: https://doi.org/10.1080/13504851.2016.1205715.

14. Christou, G. The European Union, Multilateralism and the Global Governance of the Internet / G. Christou, S. Simpson // Journal of European Public Policy. – 2011. – Vol. 18, № 2. – P. 241–257. – DOI: https://doi.org/10.1080/13501763.2011.544505.

15. Digital Astroturfing in Politics: Definition, Typology, and Countermeasures / M. Kovic [et al.] // Studies in Communication Sciences. – 2018. – Vol. 18, № 1. – P. 69–85. – DOI: https://doi.org/10.24434/j.scoms.2018.01.005.

16. Eberwein, T. Media as Political Actors / T. Eberwein, C. Porlezza, S. Splendore. – Electronic text data. – Mode of access: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781118541555 (date of access: 28.01.2019).

17. Election Campaigning on Social Media: Politicians, Audiences, and the Mediation of Political Communication on Facebook and Twitter / S. Stier [et al.] // Political Communication. – 2018. – Vol. 35, № 1. – P. 50–74. – DOI: https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1334728.

18. Examining Ideologically Motivated Cyberattacks Performed by Far-Left Groups / T. J. Holt [et al.]. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2018.1551213 (date of access: 28.01.2019).

19. Ferrara, E. Disinformation and Social Bot Operations in the Run up to the 2017 French Presidential Election / E. Ferrara. – Electronic text data. – Mode of access: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/8005 (date of access: 15.03.2019).

20. Foreign Policy Concept of the Russian Federation. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (date of access: 15.02.2019).

21. Freedom on the Net 2017. Manipulating Social Media to Undermine Democracy. – Electronic text data. – Mode of access: https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2017 (date of access: 17.01.2019).

22. Hart, S.W. 1st Troll Battalion: Influencing Military and Strategic Operations Through Cyber-Personas / S. W. Hart, M. C. Klink // 2017 International Conference on Cyber Conflict (CyCon U.S.). – Washington : [s. n.], 2017. – P. 97–104. – DOI: https://doi.org/10.1109/CYCONUS.2017.8167503.

23. Innes, M. Disinformation and Digital Influencing After Terrorism: Spoofing, Truthing and Social Proofing / M. Innes, D. Dobreva, H. Innes. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21582041.2019.1569714 (date of access: 12.02.2019).

24. Jiang, M. Managing the Micro-Self: The Governmentality of Real Name Registration Policy in Chinese Microblogosphere / M. Jiang // Information, Communication & Society. – 2016. – Vol. 19, № 2. – P. 203–220. – DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1060723.

25. Karagiannopoulos, V. The Role of the Internet in Political Struggles: Some Conclusions from Iran and Egypt / V. Karagiannopoulos // New Political Science. – 2012. – Vol. 34, № 2. – P. 151–171. – DOI: https://doi.org/10.1080/07393148.2012.676394.

26. Keller, T. R. Social Bots in Election Campaigns: Theoretical, Empirical, and Methodological Implications / T. R. Keller, U. Klinger. – Electronic text data. – Mode of access: https://www. zora.uzh.ch/id/eprint/159241/1/Keller__Klinger_%282018%29_Social_bots_in_election_campaigns.pdf (date of access: 12.03.2019).

27. King, G. How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, not Engaged Argument / G. King, J. Pan, M. E. Roberts // American Political Science Review. – 2017. – Vol. 111, № 3. – P. 484–501. – DOI: https://doi.org/10.1017/S0003055417000144.

28. Kreiss, D. In Their Own Words: Political Practitioner Accounts of Candidates, Audiences, Affordances, Genres, and Timing in Strategic Social Media Use / D. Kreiss, R. G. Lawrence, S. C. McGregor // Political Communication. – 2018. – Vol. 35, № 1. – P. 8–31. – DOI: https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1334727.

29. Lee, S. H. Digital Democracy in Asia: The Impact of the Asian Internet on Political Participation / S. H. Lee // Journal of Information Technology & Politics. – 2017. – Vol. 14, № 1. – P. 62–82. – DOI: https://doi.org/10.1080/19331681.2016.1214095.

30. Perez, Y. V. Internet as Freedom – Does the Internet Enhance the Freedoms People Enjoy? / Y. V. Perez, Y. Ben-David // Information Technology for Development. – 2012. – Vol. 18, № 4. – P. 293–310. – DOI: https://doi.org/10.1080/02681102.2011.643203.

31. Pigman, L. Russia's Vision of Cyberspace: A Danger to Regime Security, Public Safety, and Societal Norms and Cohesion / L. Pigman. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23738871.2018.1546884 (date of access: 10.03.2019).

32. Pope, A. E. Cyber-Securing Our Elections / A. E. Pope // Journal of Cyber Policy. – 2018. – Vol. 3, № 1. – P. 24–38. – DOI: https://doi.org/10.1080/23738871.2018.1473887.

33. Ruijgrok, K. From the Web to the Streets: Internet and Protests Under Authoritarian Regimes / K. Ruijgrok // Democratization. – 2017. – Vol. 24, № 3. – P. 498–520. – DOI: https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630.

34. Safshekan, R. Iran and the Global Politics of Internet Governance / R. Safshekan // Journal of Cyber Policy. – 2017. – Vol. 2, № 2. – P. 266–284. – DOI: https://doi.org/10.1080/23738871.2017.1360375.

35. Seo, H. Network Approach to Regime Type and Global Internet Connectedness / H. Seo, S. Thorson // Journal of Global Information Technology Management. – 2017. – Vol. 20, № 3. – P. 141–155. – DOI: https://doi.org/10.1080/1097198X.2017.1354597.

36. Shahbaz, A. Freedom on the Net 2018. The Rise of Digital Authoritarianism / A. Shahbaz. – Electronic text data. – Mode of access: https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2018/rise-digital-authoritarianism (date of access: 28.01.2019).

37. Shen, H. China and Global Internet Governance: Toward an Alternative Analytical Framework / H. Shen // Chinese Journal of Communication. – 2016. – Vol. 9, № 3. – P. 304–324. – DOI: https://doi.org/10.1080/17544750.2016.1206028.

38. StySzyńSki, M. Jihadist Activities in the Internet and Social Medias / M. StySzyńSki // Acta Asiatica. – 2015. – № 28. – P. 193–201.

39. Verrall, N., Mason D. The Taming of the Shrewd. How Can the Military Tackle Sophistry, 'Fake' News and Post-Truth in the Digital Age? / N. Verrall, D. Mason // The RUSI Journal. – 2018. – Vol. 163, № 1. – P. 20–28. – DOI: https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1445169.

40. Wagner, K. M. Digital Uprising: The Internet Revolution in the Middle East / K. M. Wagner, J. Gainous // Journal of Information Technology & Politics. – 2013. – Vol. 10, № 3. – P. 261–275. – DOI: https://doi.org/10.1080/19331681.2013.778802.

41. Williams, C. B. Introduction: Social Media, Political Marketing and the 2016 U.S. Election / C. B. Williams // Journal of Political Marketing. – 2017. – Vol. 16, № 3–4. – P. 207–211. DOI: https://doi.org/10.1080/15377857.2017.1345828.

REFERENCES

1. Aaronson S.A. What Might Have Been and Could Still Be: The Trans-Pacific Partnerships Potential to Encourage an Open Internet and Digital Rights. *Journal of Cyber Policy*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 232-254. DOI: 10.1080/23738871.2017.1356859.

2. Adami R. Human Rights for More than One Voice: Rethinking Political Space Beyond the Global/Local Divide. *Ethics & Global Politics*, 2014, vol. 7, no. 4, pp. 163-180. DOI: 10.3402/egp.v7.24454.

3. Akhavan N. Blogistan: The Internet and Politics in Iran. *Iranian Studies*, 2013, vol. 46, no. 1, pp. 131-133. DOI: 10.1080/00210862.2012.740889.

4. Baines P., Jones N. Influence and Interference in Foreign Elections. *The RUSI Journal*, 2018, vol. 163, no. 1, pp. 12-19. DOI: 10.1080/03071847.2018.1446723.

5. Bastos M. T., Mercea D. The Brexit Botnet and User-Generated Hyperpartisan News. *Social Science Computer Review*, 2019, vol. 37, no. 1, pp. 38-54. DOI: 10.1177/0894439317734157.

6. Benkler Y. *The Russians Didn't Swing the 2016 Election to Trump. But Fox News Might Have*. URL: https://www.washingtonpost.com/outlook/2018/10/24/russians-didnt-swing-election-trump-fox-news-might-have/?noredirect=on&utm_term=.bd3b8b18119c (accessed 10 March 2019).

7. Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven, London, Yale University Press, 2006. 515 p.

8. Bessi A., Ferrara E. *Social Bots Distort the 2016 U.S. Presidential Election Online Discussion*. URL: http://firstmonday.org/article/ view/7090/5653 (accessed 15 March 2019).

9. Bildt C., Smith G. The One and Future Internet. *Journal of Cyber Policy*, 2016, vol. 1, no. 2, pp. 142-156. DOI: 10.1080/23738871.2016.1235908.

10. Brooking E.T., Singer P.W. *War Goes Viral. How Social Media Is Being Weaponized Across the World*. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/11/war-goes-viral/501125 (accessed 28 February 2019).

11. Chandler D. Deriving Norms from Global Space: The Limits of Communicative Approaches to Global Civil Society Theorizing. *Globalizations*, 2007, vol. 4, no. 2, pp. 283-298. DOI: 10.1080/14747730701345283.

12. Chernenko Ye. Cold War 2.0? *Russia in Global Affairs*, 2013, no. 1 (11), pp. 101-109.

13. Chou L., Fu C. The Influence of Internet on Politics: The Impact of Facebook and the Internet Penetration on Elections in Taiwan. *Applied Economics Letters*, 2017, vol. 24, no. 7, pp. 494-497. DOI: 10.1080/13504851.2016.1205715.

14. Christou G., Simpson S. The European Union, Multilateralism and the Global Governance of the Internet. *Journal of European Public Policy*, 2011, vol. 18, no. 2, pp. 241-257. DOI: 10.1080/13501763.2011.544505.

15. Kovic M., Rauchfleisch A., Sele M., Caspar C. Digital Astroturfing in Politics: Definition, Typology, and Countermeasures. *Studies in Communication Sciences*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 69-85. DOI: 10.24434/j.scoms.2018.01.005.

16. Eberwein T., Porlezza C., Splendore S. *Media as Political Actors*. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781118541555 (accessed 28 January 2019).

17. Stier S., Bleier A., Lietz H., Strohmaier M. Election Campaigning on Social Media: Politicians, Audiences, and the Mediation of Political Communication on Facebook and Twitter. *Political Communication*, 2018, vol. 35, no. 1, pp. 50-74. DOI: 10.1080/10584609.2017.1334728.

18. Holt T.J., Stonhouse M., Freilich J., Chermak S.M. *Examining Ideologically Motivated Cyberattacks Performed by Far-Left Groups*. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2018.1551213 (accessed 28 January 2019).

19. Ferrara E. *Disinformation and Social Bot Operations in the Run up to the 2017 French Presidential Election*. URL: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/8005 (accessed 15 March 2019).

20. *Foreign Policy Concept of the Russian Federation*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 15 February 2019).

21. *Freedom on the Net 2017. Manipulating Social Media to Undermine Democracy*. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2017 (accessed 17 January 2019).

22. Hart S.W., Klink M.C. 1st Troll Battalion: Influencing Military and Strategic Operations Through Cyber-Personas. *2017 International Conference on Cyber Conflict (CyCon U.S.)*. Washington, 2017, pp. 97-104. DOI: 10.1109/CYCONUS.2017.8167503.

23. Innes M., Dobreva D., Innes H. *Disinformation and Digital Influencing After Terrorism: Spoofing, Truthing and Social Proofing*. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21582041.2019.1569714 (accessed 12 February 2019).

24. Jiang M. Managing the Micro-Self: The Governmentality of Real Name Registration Policy in Chinese Microblogosphere. *Information, Communication & Society*, 2016, vol. 19, no. 2, pp. 203-220. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1060723.

25. Karagiannopoulos V. The Role of the Internet in Political Struggles: Some Conclusions from Iran and Egypt. *New Political Science*, 2012, vol. 34, no. 2, pp. 151-171. DOI: 10.1080/07393148.2012.676394.

26. Keller T.R., Klinger U. *Social Bots in Election Campaigns: Theoretical, Empirical, and Methodological Implications*. URL: https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/159241/1/Keller__Klinger_%282018%29_Social_bots_in_election_campaigns.pdf (accessed 12 March 2019).

27. King G., Pan J., Roberts M.E. How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, not Engaged Argument. *American Political Science Review*, 2017, vol. 111, no. 3, pp. 484-501. DOI: 10.1017/S0003055417000144.

28. Kreiss D., Lawrence R.G., McGregor S.C. In Their Own Words: Political Practitioner Accounts of Candidates, Audiences, Affordances, Genres, and Timing in Strategic Social Media Use. *Political Communication*, 2018, vol. 35, no. 1, pp. 8-31. DOI: 10.1080/10584609.2017.1334727.

29. Lee S.H. Digital Democracy in Asia: The Impact of the Asian Internet on Political Participation.

Journal of Information Technology & Politics, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 62-82. DOI: 10.1080/19331681.2016.1214095.

30. Perez Y.V., Ben-David Y. Internet as Freedom – Does the Internet Enhance the Freedoms People Enjoy? *Information Technology for Development*, 2012, vol. 18, no. 4, pp. 293-310. DOI: 10.1080/02681102.2011.643203.

31. Pigman L. *Russias Vision of Cyberspace: A Danger to Regime Security, Public Safety, and Societal Norms and Cohesion*. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23738871.2018.1546884 (accessed 10 March 2019).

32. Pope A.E. Cyber-Securing Our Elections. *Journal of Cyber Policy*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 24-38. DOI: 10.1080/23738871.2018.1473887.

33. Ruijgrok K. From the Web to the Streets: Internet and Protests Under Authoritarian Regimes. *Democratization*, 2017, vol. 24, no. 3, pp. 498-520. DOI: 10.1080/13510347.2016.1223630.

34. Safshekan R. Iran and the Global Politics of Internet Governance. *Journal of Cyber Policy*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 266-284. DOI: 10.1080/23738871.2017.1360375.

35. Seo H., Thorson S. Network Approach to Regime Type and Global Internet Connectedness. *Journal of Global Information Technology Management*, 2017, vol. 20, no. 3, pp. 141-155. DOI: 10.1080/1097198X.2017.1354597.

36. Shahbaz A. *Freedom on the Net 2018. The Rise of Digital Authoritarianism*. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2018/rise-digital-authoritarianism (accessed 28 January 2019).

37. Shen H. China and Global Internet Governance: Toward an Alternative Analytical Framework. *Chinese Journal of Communication*, 2016, vol. 9, no. 3, pp. 304-324. DOI: 10.1080/17544750.2016.1206028.

38. StySzyńSki M. Jihadist Activities in the Internet and Social Medias. *Acta Asiatica*, 2015, no. 28, pp. 193-201.

39. Verrall N., Mason D. The Taming of the Shrewd. How Can the Military Tackle Sophistry, Fake News and Post-Truth in the Digital Age? *The RUSI Journal*, 2018, vol. 163, no. 1, pp. 20-28. DOI: 10.1080/03071847.2018.1445169.

40. Wagner K.M., Gainous J. Digital Uprising: The Internet Revolution in the Middle East. *Journal of Information Technology & Politics*, 2013, vol. 10, no. 3, pp. 261-275. DOI: 10.1080/19331681.2013.778802.

41. Williams C.B. Introduction: Social Media, Political Marketing and the 2016 U.S. Election. *Journal of Political Marketing*, 2017, vol. 16, no. 3-4, pp. 207-211. DOI: 10.1080/15377857.2017.1345828.

Information About the Author

Sergey V. Volodenkov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Public Policy Department, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119991 Moscow, Russian Federation; Scientific Director, Educational and Scientific Laboratory of Internet Projects and Research, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradskiy, 49, 125167 Moscow, Russian Federation, s.v.cyber@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2928-6068

Информация об авторе

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119991 г. Москва, Российская Федерация; научный руководитель учебно-научной лаборатории интернет-проектов и исследований Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125167 г. Москва, Российская Федерация, s.v.cyber@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2928-6068

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.14

UDC 94(41/99)
LBC 66.4

Submitted: 12.08.2019
Accepted: 20.11.2019

CURRENT ISSUES OF INFORMATION SUPPORT OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE NEW POLITICAL ENVIRONMENT

Petr V. Menshikov
MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Aida Ya. Neymatova
MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. In the context of growing anti-Russian information wars, intensive and sharp ideological confrontation active information support of Russia's foreign policy becomes more and more crucial. *Methods*. Authors use mainly the methods of expert evaluation and trends, opinion polls to prove that the US has long been waging information wars against Russia first using the term ("information war") back in 1992. Moreover, with time the United States makes the methods of struggle more and more sophisticated and has already attracted the EU and NATO as associates. In addition, the methods of comparative analysis of research results of leading domestic and foreign experts in the field of information and ideological component of modern international relations and issues of information support of foreign policy of the Russian Federation, as well as general scientific and special methods of knowledge of legal phenomena and processes made as the object of the research: the method of systematic and structural analysis, comparative legal and formal-logical methods have been used. *Analysis*. Along with the tools of public diplomacy our state takes all the needed measures to defend its information sovereignty at all levels. Despite the fact that the Russian state strategy has consistently created a system of detecting, preventing and eliminating threats to its information security, still it is necessary to deal with ever growing amount of anti-Russian false information in the global media space. *Results*. Being one of the instruments of public diplomacy and foreign policy of any sovereign state, soft power takes into account the objective conditions of international relations and world politics and proceeds from the requirements of the national interests of the state as the main actor of the entire system of modern international relations. In the world practice of implementing the policy of soft power, starting with the creation of the Westphalian system of international relations, there was no precedent, when the state regardless of the socio-political nature of building a political system or the purposes of the foreign activity would be guided by different objectives and methods of analysis of world politics, the entire system of international relations and other goal-setting action in the international arena, including defined in the last decade by the concept of soft power. In the history of international relations, there has not been any world policy free from its ideological component. The thesis of de-ideologization of international relations, which received its definite distribution in the period immediately after the collapse of the Soviet Union, in the practice of foreign policy actions of all the main actors of modern world politics has clearly proved its complete failure. Today, in the context of "hybrid wars" within the entire system of international relations, the world politics is no less ideologized than during the "cold war". The political leadership of Russia allows the hypothetical possibility of cyberwarfare, provoked by the actions of the Republican administration of the United States. In December 2019, the White House authorized the preparation of a plan for conducting an information war with the Russian Federation by special forces of the U.S. Army, assigning the solution of this task to the above-mentioned cyber command. The policy of soft power of Russia, as well as its public diplomacy, as the whole complex of foreign policy activities of the Russian Federation in the international arena, is derived from the fundamental function of defending the national interests of Russia in the new political reality. The Russian Federation has consistently opposed the transformation of international relations into an arena of ideological confrontation with the use of tools of the so-called "information wars". State sovereignty is unified. Information security, as a factor of ensuring information sovereignty, is a basic component of the unified state sovereignty. This is an accepted truth underlying the understanding of the nature of modern international relations, the principle underlying the foreign policy activity of any modern sovereign state, due to the objective regularity of the growth of the ideological factor of modern international relations. Moreover, in the face of targeted misinformation Russia needs to ensure its information security at both levels:

© Menshikov P.V., Neymatova A.Ya., 2020

political (ideological) and technical (technological) ones combining cyber as well as soft power tools. Only such a combination of these two crucial elements and continuous improvement can lead to victory in hybrid wars.

Key words: information policy, information security, information infrastructure, foreign policy PR, soft power, public diplomacy, "hybrid wars", cyber war.

Citation. Menshikov P.V., Neymatova A.Ya. Current Issues of Information Support of Russian Foreign Policy in the New Political Environment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 161-171. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.14

УДК 94(41/99)
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 12.08.2019
Дата принятия статьи: 20.11.2019

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Петр Витальевич Меньшиков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Аида Ягутовна Нейматова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. В условиях интенсивного идеологического противостояния и нарастающей антироссийской информационной войны все более релевантным становится вопрос грамотного информационного сопровождения внешней политики России. *Методы*. В первую очередь авторами были использованы метод экспертной оценки и трендовый метод, которые доказывают, что Соединенные Штаты уже на протяжении долгих лет целенаправленно ведут информационные войны против России. Стоит отметить, что впервые термин «информационная война» был официально введен в директиве министра обороны США в 1992 году. С каждым годом методы, находящиеся в арсенале США, становятся все более изощренными и масштабными (ЕС и НАТО уже выступают в качестве союзников). Кроме того, авторами использовались методы компаративного анализа результатов исследований ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области информационной и идеологической составляющей современных международных отношений и проблематики информационного сопровождения внешней политики РФ, а также общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов, вынесенных в качестве объекта исследования: метод системно-структурного анализа, сравнительно-правовой и формально-логический методы. *Анализ*. Наряду с инструментами публичной дипломатии наше государство принимает все необходимые меры для защиты своего информационного суверенитета на всех уровнях. Несмотря на то что в России последовательно создается система выявления, предотвращения и устранения угроз информационной безопасности, по-прежнему актуальным остается вопрос борьбы со всевозрастающим объемом недостоверной антироссийской информации в мировом медиапространстве. *Результаты*. Будучи одним из инструментов публичной дипломатии и внешней политики в целом любого суверенного государства, «мягкая сила» учитывает объективные условия международных отношений и мировой политики и исходит из требований национальных интересов государства как основного актора всей системы современных международных отношений. В мировой практике имплементации политики «мягкой силы», начиная с создания Вестфальской системы международных отношений, не было ни одного прецедента, когда государство вне зависимости от общественно-политического характера построения политической системы или целей внешнеполитической активности руководствовалось бы иными целями и методами анализа мировой политики, всей системы международных отношений и иным целеполаганием действий на международной арене, в том числе определяемых в последние десятилетия понятием «мягкая сила». В истории международных отношений нет мировой политики, свободной от ее идеологической составляющей. Тезис о деидеологизации международных отношений, получивший свое определенное распространение непосредственно после распада СССР, на практике внешнеполитических действий всех основных акторов современной мировой политики однозначно доказал свою полную несостоятельность. Сегодня, в условиях «гибридных войн» во всей системе международные отношений, мировая политика не менее идеологизирована, чем во времена

холодной войны. Политическое руководство России допускает гипотетическую возможность кибервойны, спровоцированной действиями республиканской администрации Соединенных Штатов. В декабре 2019 г. Белый дом санкционировал подготовку плана ведения информационной войны с РФ силами спецподразделений американской армии, возложив решение такой задачи на упоминавшееся выше киберкомандование. Политика «мягкой силы» России, как и ее публичная, народная дипломатия, есть комплекс внешнеполитической деятельности страны на международной арене является производным от принципиальной по своему значению функции отстаивания национальных интересов России в условиях новой политической реальности. Россия последовательно выступает против превращения международных отношений в арену идеологического противоборства с задействованием инструментария так называемых информационных войн. Государственный суверенитет един. Информационная безопасность как фактор обеспечения информационного суверенитета является базовой составляющей единого государственного суверенитета. Это общепризнанная истина, являющаяся фундаментальной для понимания характера современных международных отношений, принцип, лежащий в основе внешнеполитической деятельности любого современного суверенного государства, обусловленный именно объективной закономерностью возрастания идеологического фактора современных международных отношений. Более того, в условиях ведения «гибридных войн» России необходимо обеспечить свою информационную безопасность на обоих уровня: как на политическом (идеологическом), так и на техническом (технологическом), комплексно используя и «мягкую силу», и передовые цифровые технологии.

Ключевые слова: информационная политика, информационная безопасность, информационная инфраструктура, внешнеполитический PR, мягкая сила, публичная дипломатия, «гибридные войны», кибервойна.

Цитирование. Меньшиков П. В., Нейматова А. Я. Актуальные вопросы информационного сопровождения внешней политики России в новых политических условиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 161–171. – (На англ. яз.) – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.14

Introduction. The information space of the modern multi-polar world is characterized by an already open and ever growing ideological confrontation, numerous sanctions regimes against Russia, a desire to root the negative image of our country in the international public consciousness and attempts to discredit its domestic and foreign policy. Both the long-standing notorious stereotypes of the Cold War era and the new-fangled "accusations" of various machinations of official Moscow – from "Russian hackers" to the so-called "Pro-Kremlin" media are being used. According to them, Russia interferes, supposedly, in the internal affairs of the United States, England, France, Germany in order to provide the impact on the electorate of these countries "in the best interests of the Kremlin", trying, allegedly, to achieve some kind of destabilization of the internal political situation during the election campaigns or on their eve. In Western countries (UK, USA, France, Latvia, Lithuania and others) and countries to which the West is trying hard to extend its influence (Moldova, Ukraine and others), the Russian press faces various kinds of discrimination and restrictions: from censorship on the Internet and forcing around her an atmosphere of hostility, to physical pressure and threats of violence against our journalists, refusals of accreditation to official events, expulsions and bans on crossing state borders. The "collective West" is actively developing initiatives to legalize discriminatory measures against the media and to clean up its information space from undesirable points of view at the international level, which are supposedly designed to counteract disinformation and improve the quality of journalism. France continues to be the main inspirer on this track today. For example, the French authorities in close conjunction with the Paris-based NGO "Reporters Without Borders" promote international projects that discriminate against our media, in particular the "Media Confidence Initiative" (the so-called "white lists" of the media), which offers the division of the media into trustworthy information resources and sources of disinformation. Ironically, the Russian media from the point of view of official Paris are associated exclusively with the latter.

Methods. In 2018, Russia was in the penultimate place among countries that Americans considered to be allies or friendly states. According to this joint survey conducted by the Economist and YouGov, a research organization, a third of Americans consider Russia an enemy rather than a friend of the United States [7]. Does Russia make any attempts to improve its image abroad?

Russia's foreign information policy is defined in the concept of Russia's foreign policy, approved by President Vladimir Putin on November 30, 2016. It contains two separate sections – Information support of Russian foreign policy and International humanitarian cooperation and human rights. The task of bringing to the world community objective information about Russia's position on the main international issues, its foreign policy initiatives and actions, processes and plans of the social and economic development of the country, achievements of the Russian culture and science is formulated in them as two independent complementary directions of foreign policy activity. In this context, the participation of civil society institutions in solving international problems, the use of public diplomacy, international cultural and humanitarian cooperation as a means of establishing an inter-civilizational dialogue, reaching agreement and ensuring mutual understanding between nations are identified as one of the top-priority tools for achieving this goal.

In fact, all the above is entirely the subject of such a discipline as foreign policy PR, as one of the key components of soft power – a foreign policy strategy, involving the ability to achieve the desired results based on voluntary participation, and public diplomacy – a set of measures aimed at studying and informing foreign audiences in order to establish long-term relationships and promote national foreign policy in order to achieve a better understanding of national values and institutions abroad. The key element of soft power is the ability to set meanings [2]. Soft power is a more complex phenomenon and public diplomacy is its most important component. Public diplomacy is a key tool of soft power, a means of transmitting components of soft power to foreign countries, a tool of cross-border export of national values and interests. Public diplomacy and soft power in their unity of action pursue the goal of converting the influence of one state into the motivation of another through the implementation of national interests in the sphere of international relations. In this case non-violent methods of foreign policy are used exclusively peacefully to influence foreign public opinion in general and its individual specific target audiences in particular. Among other things, the most important result of such foreign policy activity is to create a favorable international image of the country.

At first glance it may seem that the conceptual foundations of such types of foreign policy activity as soft power and public diplomacy [8] developed by Joseph S. Nye Jr. are not relevant in the present time, characterized by a well-known aggravation of international relations, "hybrid wars" and multiple sanctions regimes against Russia. But, in fact, they are. Russia has the potential of soft power and public diplomacy for the large-scale promotion of its national interests in international relations precisely through these components of foreign policy activity. Besides, it is crucial to note that soft power can be based on conservative values [3].

In the analysis of the modern world and Russia's foreign policy (Section II of the foreign policy Concept of Russia) it is emphasized that the use of soft power tools, primarily civil society, information and communication, humanitarian and other methods and technologies, in addition to traditional diplomatic methods, is becoming an integral part of modern international policy (Paragraph 9) [10].

The institutional framework of the Russian soft power system policy is formed by state institutions (included in the structure of Rossotrudnichestvo of the Russian Ministry of Foreign Affairs), non-governmental organizations and civil society institutions ("Russkiy mir" foundation and the Alexander Gorchakov Public Diplomacy fund), the global media (MIA "Russia Today", project of Rossiyskaya Gazeta "Russia Beyond the Headlines"), the country's leading universities (MGIMO University, RUDN University), the Russian Orthodox Church and other religious institutions. Every year the work with foreign media representatives is being brought to a higher level. In confirmation of this, it should be mentioned that in 2018 Russian Foreign Ministry ensured the participation of foreign press and – for the first time – bloggers in covering the election of the President of the Russian Federation and the the FIFA World Cup 2018 [9].

In fact, all the above is as a special form of the ideological activity of foreign policy subjects aimed at effectively managing their public communication in international relations and increasing political competitiveness by attracting public support of the broad layers of world public

opinion and shaping a correct image of the state abroad. It is important to stress the ideological component of the information support of foreign policy, which undoubtedly implies a purposeful ideological impact on foreign public consciousness, but it is not identical to the function of propaganda with its inherent method of manipulating mass consciousness [4]. Russia has never acted as an initiator of information wars anywhere - neither in the sphere of international relations, nor in the context of bilateral or multilateral diplomacy and foreign policy activity in general.

Any attempts to adhere to the classical traditional formulations of the principles of foreign policy PR as a communicative process, devoid of an ideological component and not implying active advocacy and, in a certain sense, the promotion of a set of ideas that constitute the ideological basis of national interests and a specific system of values, are doomed to failure. The practice of foreign policy PR activity of all the leading actors of modern international relations, without exception, characterized by a very high intensity and sharpness of ideological rivalry, competition, sometimes open confrontation, clearly supports the above considerations, which in the context of "hybrid wars" has taken the form of a statement of fact.

It has been a long time since the development of the basic theoretical foundations of PR and the whole world around us, the whole system of international relations has changed dramatically, where the role of the force factor (the Concept of Russia's foreign policy of 2016) [10], the content and technological level of cross-border information flows has increased. Russia's understanding of its place in the modern world, the importance of its own national interests, the need for their consistent active defense and the offensive nature of progress in international relations has also changed.

Besides the conditionally defensive measures and among the relevant challenges of information support of Russian foreign policy is, of course, the problem of providing the intellectual leadership by means of foreign policy PR and participation in the formation of the international agenda. A good example of this type of activity are, in particular, Vladimir Putin's annual speeches during the "Valdai" International Discussion Club, designed primarily for the elite of world public opinion, which, as an effective channel of subsequent communication, is a very authoritative source of wide dissemination of the principled positions of our state on the most pressing international issues. Vladimir Putin also periodically publishes articles in the world's leading media and gives numerous interviews, which is one of the important communication channels of direct appeal to mass foreign audiences. Another form of communication with the foreign public, equally significant in its informational effect, is the press conference of the President of Russia with the participation of representatives of foreign media. Together, these types of communication with the participation of the head of the Russian state form the highest level of information support of the country's foreign policy, setting the tone and largely forming the representation of the world public opinion on the most pressing and fundamental issues of international relations. All the above mentioned initiatives are being implemented in order to gain trust which is "the high prize in the Public Diplomacy game" [6].

Nowadays in the context of new political conditions, in particular the already mentioned "hybrid wars", one of the relevant challenges for Russia is to effectively secure its information infrastructure. For this purpose, over the past decades Russian state strategy has consistently created a system for detecting, preventing and eliminating threats to its information security, including the consequences of computer attacks on the country's information resources, cybercrime, various information and ideological attacks, which sabotage to undermine the information sovereignty and national security of the Russian Federation as a whole. The information security, as a priority component of the information sovereignty of the state, includes two main components – technical and technological, political and ideological (informational), in other words, they have a technical and a political dimensions. The information sphere was transformed into a zone of military activity along with the traditional theaters of military operations on land, at sea and in aerospace – in fact, what British The Economist wrote about – cyber war actually became the fifth area of the war. Today critical infrastructure is the object of increasingly sophisticated cyber attacks, virtual space – information and psychological sabotage.

Russian President Vladimir Putin has repeatedly drawn attention to the already mentioned trend – the changing nature of military conflicts, the ways of their unleashing and conducting, the ongoing militarization of cyberspace, the widespread use of special operations mechanisms and soft power tools. Moreover, Vladimir Putin stressed that Russia should effectively respond to cyber threats and increase the level of protection of information systems of strategic objects, be ready to effectively fend off threats in the information space by increasing the level of protection of the relevant infrastructure, first of all, information systems of strategic and critically important facilities. The so-called "information attacks" are already being used to solve military-political problems and their "striking force" may be higher than that of conventional weapons.

Russia's new Military doctrine sets out the main tasks to curb and prevent military conflicts, including the creation of conditions that reduce the risk of using information and communication technologies for military and political purposes to carry out actions that are contrary to international law, directed against the sovereignty, political independence, territorial integrity of countries and pose a threat to international peace, security, global and regional stability. The doctrine also notes the importance of developing the forces and means of information warfare; the qualitative improvement of information exchange tools based on the use of modern technologies and international standards, as well as the creation of a single information space of the Armed Forces, other troops and agencies as part of the Russian information space.

Along this path, the Ministry of Defense has taken a number of important steps to implement the provisions of the Military Doctrine of 2010 concerning the tasks of ensuring information security of the Russian Armed Forces. On January 14, 2014, the Minister of Defense of the Russian Federation, Army General S.K. Shoigu signed an order to establish a cyber command within the General Staff of the Russian Armed Forces, whose main task is to protect against unauthorized interference in Russia's electronic control systems.

Speaking on February 22, 2017 at the "government hour" in the State Duma, Minister of Defense, Army General S.K. Shoigu reported on the creation of the troops of information operations in the Russian Armed Forces – a special formation of the Russian Army, whose main tasks are the management and protection of military computer networks, Russian military control systems and communications from cyber attacks and reliable protection of information passing through them. The troops of information operations are called upon to coordinate and integrate operations conducted by cyber subdivisions, to examine the cyber potential of the Russian Ministry of Defense and to expand the possibilities of its actions in cyberspace. Their main purpose is to protect the Russian military control and communication systems from cyber-terrorism and ensure that information passing through them is blocked from a possible enemy.

Analysis. According to available estimates, in terms of the level of the cyber warfare development, Russia can be in the top 5 countries of the world along with the United States, China, the United Kingdom and South Korea. Several dozens of states, unofficially over a hundred have special units for cyber security. Officially several dozen countries, unofficially more than a hundred have specialized cyber security divisions. The USA has the strongest army in cyberspace, where, according to published data, government funding in this area may be about $7 billion a year, and the number of hackers working for the Pentagon is up to 9 thousand people, in China – 1.5 billion dollars and about 20 thousand people, Great Britain – 450 million dollars a year for the maintenance of 2 thousand specialists, South Korea – 400 million dollars, 700 people. The assessment of the potential of such special troops is based on the military budgets of these coutries, cybersecurity strategies, statutory documents, reference information of international organizations, official comments and insider information. The main activities of the U.S. and NATO cyber forces are espionage, cyber attacks and information wars, including various means of influencing the mood and behavior of people in different countries of the world.

For the first time cyber troops appeared in the American Army. The term "information war" has been used for more than a quarter of a century after it was introduced into circulation in the Directive of the United States Secretary of Defense DODD 3600 dated December 21, 1992. The directive of the Chiefs of Staff Committee

no. 30 of 1993 laid down the basic principles waging information warfare. At the end of 1998, the Chiefs of Staff Committee of the United States Armed Forces issued the document "Doctrine for conducting information operations" (Joint Doctrine of Information Operations), which for the first time officially confirmed the fact of preparation of armed forces of the United States to conduct offensive information operations not only in war but also in peace, although previously there has always been a defensive focus of action in the information sphere. Information and psychological weapons are a type of non-lethal weapons of mass destruction capable of providing a decisive strategic advantage over a potential enemy with a distinctive ability not to fall under the concept of "aggression" adopted in international norms.

"Dominance across the spectrum" acquired the status of a key concept of the U.S. military construction in the early twenty-first century [1]. On the basis of the 688th wing of the U.S. electronic intelligence formed in 2006 an experimental operational command to repel cyber threats. Since October 2008, the Pentagon, in the framework of the Joint Doctrine of Information Operations considers information and psychological support of hostilities as one of the most important components that ensure the success of military operations in modern conditions. On May 5, 2009 the head of the U.S. National Security Agency (NSA), Lieutenant General Keith Alexander announced the beginning of the formation of the cyber army as a special unit of the U.S. Strategic Command, which was created on June 23, 2009. According to the order of the then U.S. Secretary of Defense R. Gates, such a special unit of the U.S. Army was entrusted with the responsibility for the security of military information networks, protecting the country from attacks through computer networks, as well as, as shown later by the well-known revelations of E. Snowden, the creation of a global electronic intelligence mechanism.

The U.S. Cyber Command (USCYBERCOM) was established on May 21, 2010 and achieved full operational capability on October 31, 2010. It is a formation of the U.S. armed forces, which is subordinate to the United States strategic command to coordinate the cyber commands of the army, navy, air force, coast guard and marine corps. The U.S. Cyber Command is organizationally combined with the National Security Agency. The commander of the Cyber Command is at the same time the head of the NSA. The Cyber Command united under its command several previously existing organizations, such as Global Network Operations (JTF-GNO), Network Warfare Joint Command (JFCC-NW), Military Information Systems Agency, a division of JTF-GNO, and is stationed at the military base of Fort Mead, Maryland. The main tasks of the command are centralized operations of cyber war, the management and protection of U.S. military computer networks.

Eight large brigades were introduced into the U.S. cyber armies. The United States was the first in 2010 to carry out a real military operation with the help of these troops, when Iranian nuclear facilities, in particular the Bushehr nuclear power plant, were attacked by a hacker using the Staxnet computer virus developed by the Pentagon in cooperation with Israel.

In 2011, the U.S. Department of Defense adopted the Strategy for Operating in Cyberspace, which assesses the challenges and opportunities arising from the growing importance of information technology for military, intelligence operations and business. In the documents of the Chiefs of Staff Committee of the U.S. Department of Defense "Unified Outlook 2010" and "Unified Outlook 2020" the goal of conquering the informational superiority over the enemy by conducting information operations is stated. Moreover, a special Cyber Warfare Intelligence Center was created. It declared the formation of the 41st special brigade as a part of the cyberarmies of the United States. Staff and field exercises were conducted to test cyberattacks on power grids, oil pipelines, information networks of banks and government agencies.

It is important to note that the White House declares its readiness to announce its intention to use offensive and defensive cyber capabilities in the interests of NATO when the need arises. The US openly announces its readiness to offer the Pentagon's cyber capabilities to the North Atlantic Alliance, stressing that such a statement is addressed primarily to Russia. The Pentagon's new cyber security strategy says that Russia, China, Iran and North Korea pose a threat to Washington, as they use cyber weapons to harm the Americans and their

interests. The military Department proposes to "stop malicious activity in its source." The Pentagon believes that for this aim, it is necessary to create "more deadly forces" to conduct combat operations and counter cyber threats.

NATO, the US, leading EU countries are actively expanding their efforts to create a large-scale system of information warfare in the international arena, which makes the task of removing ideology from international relations all the more distant and illusory perspective. Technologies of cross-border dissemination of information dramatically increase the danger of cyber attacks, including those aimed at critical public infrastructure, including strategic military control systems. Declared by the West some pseudo-threats from the information impact of the Russian global media on the Western audience significantly prevail over the real danger of real ideological influence from international terrorist groups.

Within NATO, information and psychological operations, as part of the Alliance's overall information and political-ideological activities, are coordinated by the Atlantic Council. The fundamental document in this context is the single Directive "On the principles of planning and conducting psychological operations", which states that psychological operations are a vital part of NATO's diplomatic, military, economic and information activities and represent planned psychological activities in peacetime, crisis or wartime towards an enemy, friendly or neutral audience in order to influence its attitude and behavior in order to achieve its own political and military goals.

A special Public Diplomacy Division has been operating in the structure of the NATO Secretary General since 2002. NATO's official policy in cyberspace was defined in the NATO Cyber Defence Policy doctrine at the summit in Bucharest in April 2008. In 2010, at the Lisbon summit, this doctrine has been significantly upgraded and fleshed out, and entered into force in June 2011. In the new edition of the document the so-called information threat is located immediately after the one of the spread of weapons of mass destruction and global terrorism.

There is the Cyber Defence Centre of Excellence and the Computer Incident Response Capability, as well as the Cyber Security Authority, the Cyber Defense Management Board, composed of the heads of NATO's political, military, operational and technical bodies, which, in turn, is part of the Emerging Security Challenges Division of the North Atlantic Alliance Headquarters.

The work of the NATO Strategic Communications Centre of Excellence or STRATCOM, established in Riga in summer 2015, has been significantly activated. There are twenty centres like this. Three of them are located in the Baltic States. The centre in Estonia deals with cybersecurity, in Lithuania – with energy security, in Latvia – with strategic communication of the Alliance. The mission of the centre is to conduct research and develop recommendations for conducting information and psychological operations, public relations, propaganda.

The Cyber Defense Centre of Excellence, accredited since 2008 under NATO, operates in Tallinn. It trains specialists and conducts research in the field of information and psychological operations in the virtual space in cooperation with the Committee for Planning the Use of Civilian Communication Systems, deployed in Ankara. Moreover, there are agreements between NATO and the EU on seventy-four areas of cooperation, including cyber security and military cooperation.

The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats has been opened in Helsinki. Twelve Western European countries participate in its work. The centre is a platform for ideological cooperation between the EU and NATO. The declared goal of the center is to collect and disseminate information about hybrid threats, including those related to information influence at the international level of Russia.

NATO as a whole has established a unified organizational system at both the organizational, tactical and strategic levels on the basis of NATO's long-term doctrines, which include, in particular, the use of the potential of cyberattacks as a means of digital propaganda, DDoS-attack campaigns, website defaces, information leakage due to hacker cyberattacks, the use of malicious software for intelligence and subversive purposes. As adopted by the Pentagon in 2015, the new law of war manual actually states the fact that the U.S. government has come to believe that in order to control and manipulate information as a weapon of soft power it is necessary to combine psychological operations, propaganda and work with the public under the phrase "strategic communications". In other words, it is a common

practice of information policy of the United States and NATO to use psychological operations and manipulative methods of influence in the processes of forming public opinion and public consciousness to form the views of the target groups.

In September 2017, the U.S. Secretary of State approved the spending of $60 million allocated in 2016 by the Congress to combat propaganda of ISIS (a terrorist group banned in Russia) and to counter the influence of information of such states as Russia. At the same time, it is planned to spend three times less money on the information counteraction to terrorism than on the fight against the so-called Russian propaganda – $20 and $40 million, respectively [5].

The United States allocated $160 million from its budget for the activities of the Global Engagement Center (GEC), including the information war with Russia. Its main goal is to conduct and coordinate the efforts of the U.S. government both to reduce the influence of foreign terrorist organizations and to counter state propaganda and misinformation that undermine the interests of the national security of the United States. The fight against "foreign propaganda" is expected through, in particular, the allocation of grants to journalists, non-profit organizations and private campaigns in the host countries of information expansion in the United States.

In 2015, a working group on strategic communications East StratCom Task Force was established in the EU to "counter Russian disinformation campaigns". The group oversees the implementation of the EU project against disinformation, which has launched a special website in Russian, English and German with a similar name. Its purpose – "fight against false information" and "denial of the Russian promotion". The site was launched in the context of the EU activities on the implementation adopted in November 2016. The EU Parliament adopted the resolution "Strategic communications of the EU as a counteraction to propaganda of third countries", within the framework of which it was also supposed to introduce censorship against a number of Russian media.

Results. The accusations of Russia's informational interference in the internal political affairs of Western countries – from D. Trump's election campaign to the protests of "yellow vests" in France are being purposefully escalated. It deliberately creates a false idea in its essence that there is no mechanism in the United States to oppose Russian propaganda and that the West does not take systematic actions to response to the misinformation spread by Russia, China and the ISIS (banned in Russia), allegedly directed against the development of democracy, strengthening alliances and protecting U.S. international reputation.

Facebook officially acknowledged the leakage of personal data of 84 million users from all over the world during the American investigation of trumped-up accusations against some Russian hackers who allegedly tried to influence the course of the presidential campaign in the United States. In fact, the British company Cambridge Analytica, founded in 2013 as a branch of the English Strategic Communication Laboratories (SCL Group) for participation in political campaigns in the United States, stole Facebook's data. The company's relationship with the government of England and its involvement in more than 200 election campaigns around the world, including the United States, Argentina, India, Kenya, Nigeria and the Czech Republic, became public.

Since 2013, Cambridge Analytica has participated in forty-four political campaigns in the United States. Personal information stolen from Facebook was used to create algorithms for targeted political advertising, in particular to support D. Trump's election campaign in 2016. The company had access to secret data of the British Ministry of Defense and co-developed several projects with it, in particular, codenamed Duco (2014), to study people's reaction to information disseminated by the government on various socially significant problems. The company received 548 thousand pounds for the development related to the analysis of methods of influence on the change of political attitudes and social and socio-behavioral patterns of various target audiences, including a two-month training course for NATO personnel.

The fact that Cambridge Analytica stole data from Facebook became an unprecedented episode for the global information space which demanded an explanation. First of all – to achieve what political and ideological goal this cybercrime was committed using big data technologies, and from what positions the ruling circles of Western countries interpreted it. Cambridge Analytica made only one statement that the company really used social platforms for carrying out some

external marketing, providing the created content again to a certain target audience. An investigation conducted by a journalist of the British Channel 4, who, posing in 2017–2018 as a person interested in influencing the elections in Sri Lanka, showed that the system of Cambridge Analytica included the collection of compromising evidence, provocative bribery and other methods of discrediting political opponents, by posting compromising data on various sites and social networking platforms.

The U.S., UK and EU authorities have urged Facebook to give explanations about the theft of personal data of nearly one hundred million users, adding speculation about the so-called "possible Russian trace". Paradoxically, no one in the West specifically asked for the cybercriminals themselves, nor did they really require any clear answer about the obvious cybercrime in the global information space for the purpose of openly interfering in the electoral processes of the countries of "advanced democracy".

Building the foreign policy information and propaganda potential of the USA, NATO, the EU goes in several directions at once. The existing structures are being reformed and new ones are being created, and significant allocations are being made for their technical equipment. Advanced technologies of modern strategic communications are used. The priority of shifting the activity mainly towards strengthening the communication presence in the global Internet is obvious.

Russia has never acted as an initiator of information wars and nowadays combats attempts to undermine information security (including its both dimensions – political (ideological) and technical (technological)) and foremost counteract disinformation at all levels. Soft power, as one of the instruments of public diplomacy and foreign policy of any sovereign state, takes into account the objective conditions of international relations and world politics and proceeds from the requirements of the national interests of the state, as the main actor of the entire system of modern international relations. In the world practice of implementing the policy of soft power, starting with the creation of the Westphalian system of international relations, there was no precedent, when the state regardless of the socio-political nature of building a political system or the purposes of the foreign activity would be guided by different objectives and methods of analysis of world politics, the entire system of international relations and other goal-setting action in the international arena, including defined in the last decade by the concept of soft power. In the history of international relations, there has not been any world policy free from its ideological component. The thesis of de-ideologization of international relations, which received its definite distribution in the period immediately after the collapse of the Soviet Union, in the practice of foreign policy actions of all the main actors of modern world politics has clearly proved its complete failure. Today, in the context of "hybrid wars" within the entire system of international relations, the world politics is no less ideologized than during the "cold war". The political leadership of Russia allows the hypothetical possibility of cyberwarfare, provoked by the actions of the Republican administration of the United States. In December 2019, the White House authorized the preparation of a plan for conducting an information war with the Russian Federation by special forces of the U.S. Army, assigning the solution of this task to the above-mentioned cyber command. The policy of soft power of Russia, as well as its public diplomacy, as the whole complex of foreign policy activities of the Russian Federation in the international arena, is derived from the fundamental function of defending the national interests of Russia in the new political reality. The Russian Federation has consistently opposed the transformation of international relations into an arena of ideological confrontation with the use of tools of the so-called "information wars". State sovereignty is unified. Information security, as a factor of ensuring information sovereignty, is a basic component of the unified state sovereignty. This is an accepted truth underlying the understanding of the nature of modern international relations, the principle underlying the foreign policy activity of any modern sovereign state, due to the objective regularity of the growth of the ideological factor of modern international relations.

At the forefront of this "information war" are the President of the Russian Federation, the Russian Ministry of Foreign Affairs including all its structures in Russia and abroad first of all adhering to the soft power system policy as well as the Ministry of Defense fighting in cyber warfare effectively responding to cyber threats and increasing the level of protecting information

systems of strategic objects. Strengthening the anti-Russian discourse abroad is a reaction from the ruling civil and military elites of Western countries to the objectively advanced historical stage of the Russian national revival. It is possible that Russia's consistent defense of its national interests, including the use of the potential of the Armed Forces to actively counter cybercrime and ideological sabotage, will lead to an even tougher confrontation and even greater strengthening of the anti-Russian content of global information flows.

REFERENCES

1. Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. Informatsionnaya voyna v informatsionnom obshchestve [Information War in the Information Society]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2016, no. 11, pp. 5-14.

2. Andreev A. "Myagkaya sila": aranzhirovka smyslov v rossiyskom ispolnenii ["Soft Power": Arrangement of Meanings in the Russian Version]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 5, pp. 122-133.

3. Keating V.C., Kaczmarska K.J. Conservative Soft Power: Liberal Soft Power Bias and the 'Hidden' Attraction of Russia. *Journal of Intrenational Relations and Development*, 2019, vol. 22, pp. 1-27.

4. Menshikov P.V. Aktualnye aspekty informatsionnogo obespecheniya rossiyskoy vneshney politiki [Current Aspects of Information Support of Russian Foreign Policy]. Martynenko E.V., ed. *Mediaprostranstvo mnogopolyarnogo mira: sb. nauch. st. (Moskva, RUDN, 13 apr. 2017 g.)* [Media Space of the Multipolar World. Collection of Scientific Articles (Moscow, RUDN, April 13, 2017)]. Moscow, PFUR, 2017, pp. 346-358.

5. Menshikov P.V. PR v kontekste rossiyskoy vneshney politiki [PR in the Context of the Russian Foreign Policy]. *Mezhdunarodnye kommunikatsii* [The Moscow Journal of International Communications], 2016, December, no. 1. URL: http://www.intcom-mgimo.ru/2016-01/polit-pr.

6. Mogonsen K. "International Trust and Public Diplomacy." *The International Communication Gazette*, 2015, vol. 77, no. 4, pp. 315-336.

7. *Nazvano otnoshenie amerikantsev k Rossii* [The Attitude of Americans to Russia Was Named]. URL: https://lenta.ru/news/2018/10/17/usa_russia.

8. Nye J.S. Soft Power. *Foreign Policy*. 1990, Autumn, no. 80, Twentieth Anniversary, pp. 153-171.

9. Obzor vneshnepoliticheskoy deyatelnosti v 2018 godu [Review of Foreign Policy Activities of the Russian Federation in 2018]. *Sayt Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii* [Website of the Russian Foreign Ministry]. URL: http://www.mid.ru/ru/activity/review.

10. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.2016 № 640 "Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 2016 no. 640 "On Approving the Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/4145.

Information About the Authors

Petr V. Menshikov, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Advertising and Public Relations, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, menshikov-petr@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6547-6032

Aida Ya. Neymatova, Candidate of Sciences (History), Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, aida.neimatova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4765-3554

Информация об авторах

Петр Витальевич Меньшиков, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, menshikov-petr@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6547-6032

Аида Ягутовна Нейматова, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, aida.neimatova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4765-3554

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15

UDC 327(73):316.77
LBC 66.4(7Coe),9

Submitted: 09.12.2019
Accepted: 25.05.2020

SOCIAL MEDIA IN AMERICAN PUBLIC POLICY (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL NETWORK TWITTER) [1]

Elena V. Efanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the age of digitalization of the public space of communication, social media acts as a new channel of interaction between power and society. On the one hand, electronic forms of public communication formulate a political course and influence the political behavior of the electorate, and on the other hand, replace mass communication by a network. Twitter's technological capabilities, being an electronic form of public communication, are addressed by representatives of the political elite in the USA. *Methods and materials.* The work uses network and communicative approaches, methods of situational analysis. The author addresses statistics and Twitter accounts of American politicians. *Analysis.* As a result of the computerization and the global spread of the Internet, social media has become an integral part of modern politics. The social network Twitter acts as a new communicative practice in the system of public administration of the USA. For President D. Trump, Twitter is an effective source and platform for presenting his position on domestic and foreign policy issues. *Results.* Twitter, being an interactive Internet platform based on the principles of network communication, is part of Twitter diplomacy implemented in the United States. The politicization of Twitter in the United States is targeted and ensures the interaction of the highest authorities and the electorate. Twitters functionality is used in modern American politics to shape the image characteristics of individual politicians and the country as a whole.

Key words: communication, Internet, social media, social network, Twitter, public policy, president, USA.

Citation. Efanova E.V. Social Media in American Public Policy (On the Example of the Social Network Twitter). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 172-179. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15

УДК 327(73):316.77
ББК 66.4(7Coe),9

Дата поступления статьи: 09.12.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER) [1]

Елена Владимировна Ефанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В условиях становления информационного общества и виртуализации публичного политического пространства граждане получили возможность опосредственного контакта с политикой. В связи с этими тенденциями деятельность политика все чаще предполагает налаживание «связей с общественностью» и применение PR-технологий. В статье доказано, что развитие интернет-технологий и появление социальных медиа повлияли на структуру массовой коммуникации и повлекли за собой изменение коммуникативных практик между политиком и аудиторией. В целом социальные медиа – это интерактивные интернет-платформы, основанные на принципах сетевой коммуникации, где любой пользователь получает возможность создавать, хранить и распространять информацию, адресованную широкой аудитории. Установлено, что главными преимуществами социальных медиа по сравнению с традиционными СМИ являются возможность создания аутентичных сообщений, которые позволяют «очеловечить» имидж политика, и ощущения прямого диалога между политиком и аудиторией. В частности, Соединенные Штаты Америки, став первооткрывателем в области цифровой дипломатии, активно развиваются в этой сфере посредством внедрения

© Ефанова Е.В., 2020

новых эффективных интернет-ресурсов, улучшения качества взаимодействия простых граждан с ведущими политиками и дипломатами через социальные сети. Президент США Д. Трамп является активным пользователем социальной сети Twitter. Начиная с президентской избирательной компании в 2016 г., Twitter является неотъемлемой частью политики нынешнего американского президента. Иными словами, в современной американской политике социальные медиа выступают в роли нового канала публичной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, Интернет, социальные медиа, социальная сеть, Twitter, публичная политика, президент, США.

Цитирование. Ефанова Е. В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 172–179. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15

Введение. «Интернет-революция» затронула все сферы жизни общества, и начиная с 2000-х гг. в структуре массовой коммуникации активно развивается новый вид коммуникации – социальные медиа, которые во всем своем многообразии (блоги, социальные сети, новостные сайты) замещают массовую коммуникацию сетевой, где производители сообщений контактируют с потребителями, тем самым вовлекая их в дальнейшее распространение этих сообщений. Все это наделяет социальные медиа управленческим потенциалом. Они могут рассматриваться в качестве инструмента политического влияния, и особую ценность социальные медиа представляют для политического пиара. Более того, социальные медиа активно развиваются в техническом плане, а их аудитория постоянно растет. Так, социальная сеть Twitter как один из видов социальных медиа демонстрирует широкую популярность в американском истеблишменте. Президент США Д. Трамп, как и его предшественник Б. Обама, обращается к технологическим возможностям Twitter как электронной формы публичной коммуникации с целью формулирования политического курса и оказания влияния на политическое поведение электората.

Кроме того, интересен тот факт, что помимо Twitter-страницы Д. Трампа институты и отдельные представители государственной власти США имеют свои аккаунты. В частности, в социальной сети есть страница Белого дома (@WhiteHouse), Совета национальной безопасности США (@WHNSC), вице-президента США Майка Пенса (@VP), госсекретарь Майка Помпео (@SecPompeopew). Тем не менее вышеперечисленные страницы содержат лишь официальные заявления того или иного органа государственной власти, которые не несут эмоциональной окраски, или репосты с личной страницы Д. Трампа. Поэтому аккаунт и публикуемые на его платформе твиты нынешнего президента США, которые с 2017 г. считаются официальными заявлениями, служат реальным источником осуществляемой в США Twitter-дипломатии.

Методы и материалы. В качестве методологической базы исследования выступает сетевой подход (М. Кастельс), позволивший выявить специфику отношений между акторами политики в рамках динамически развивающегося сетевого онлайн-пространства, а также принципы коммуникативного подхода (К. Дойч). В работе использован метод ситуационного анализа. Материалы аналитических ведомств характеризуют состояние и тенденции развития современного медиапространства. Данные Twitter-аккаунтов раскрывают особенности цифровой дипломатии США.

Анализ. Для политической сферы социальные медиа стали новым каналом политической коммуникации, который имеет свои возможности и свою специфику. Социальные медиа, аудитория которых постоянно растет, обладают огромным потенциалом для PR-активности крупнейших политических сил. Тем самым пространство социальных медиа становится новым полем информационной борьбы политических деятелей за внимание и доверие избирателей.

В начале XXI в. повсеместная компьютеризация и глобальное распространение Интернета привели к тому, что многие граждане получили доступ к тем же инструментам, что и профессиональные производители новостей. В это же время появляются социальные ме-

диа, которые стали платформой, где различные люди могли сами создавать и распространять свои сообщения [1, с. 610].

Так, оценивая современную конфигурацию эволюционирующего медиапространства, целесообразно обратиться к статистическим данным глобального агентства «We Are Social» [12], согласно которым количество интернет-пользователей на начало 2020 г. достигло 4,54 млрд чел. при народонаселении 7,75 млрд чел., а аудитория социальных медиа составляла 3,80 млрд человек.

Социальные медиа представляют собой особую разновидность СМИ и обладают характерными чертами, среди которых – возможность корректировки публикуемой информации, интерактивность, возможность отслеживать популярность сообщения, доступность старых материалов, мультимедийность, ссылки на другие материалы и неполный контроль за содержанием страницы [2, с. 228]. В общем смысле социальные медиа представляют интерактивные многопользовательские сайты, где пользователи сами формируют общий контент, то есть «сайт представляет собой автоматизированную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общим интересом» [3, с. 245].

Заметим, что распространение сообщений в социальных медиа носит не хаотичный характер, а, наоборот, строго структурированный. Сообщения, которые распространяют пользователи, отмеченные как «друзья», формируют поток сообщений, называемый «лентой новостей». «Лента новостей» является центральным элементом любой социальной сети. Также необходимо отметить, что информация в социальных медиа представлена как в визуальной, так и в текстовой форме. Обширный функционал социальных медиа позволяет моментально загрузить фотографию или видеофайл на страницу, который сразу же отобразится в «ленте новостей».

Американский исследователь Б. Солис акцентирует внимание на технологической природе социальных медиа. По его мнению, «социальные медиа в самом общем виде – это способ, при помощи которого люди обнаруживают, читают и комментируют новости, информацию и содержание. Это слияние социальной составляющей и высоких технологий, трансформирующих монолог (от одного ко многим) в диалог (многие ко многим)» [16, p. 19]. То есть пользователи социальных медиа, устанавливая взаимосвязи друг с другом и различными сообществами, формируют определенную сеть. Внутри этой сети разворачивается вся коммуникация: пользователи сами создают и редактируют сообщения, распространяя их по всей сети между «друзьями». Число получателей этих сообщений может быть ограничено одним человеком или составлять множество людей, которые также являются производителями сообщений. Иными словами, коммуникация в социальных медиа представляет собой новый вид коммуникации или, по мысли М. Кастельса, новую форму массовой самокоммуникации. Коммуникация в социальных медиа потенциально может достичь глобальной аудитории посредством массовой рассылки сообщения и распространения по сети. В то же время производство сообщений осуществляется самостоятельно каждым пользователем, так же как и другие действия, например поиск получателя сообщения [5, с. 74].

Такие сети коммуникации характеризуются открытостью, децентрализованностью, преобладанием горизонтальных связей, саморазвитием, автономностью включенных в них узлов. Именно эти свойства позволяют эффективно работать с информацией в социальных медиа [11, p. 13]. Коммуникационные сети не содержат ничего, кроме связей и узлов. Связи подразумевают взаимодействие между пользователями сети и обмен информацией, а узлы – это пользователи. Появление устойчивых связей между узлами выступает необходимым условием для соединения отдельных пользователей в единую сеть. Главная особенность данной сети заключается в возможности выстраивания одновременного взаимодействия множества таких узлов. Таким образом, социальные медиа обладают собственной спецификой и особым коммуникационным потенциалом, поэтому использование политическими субъектами социальных медиа для достижения своих целей становится неизбежным.

Возможности социальных медиа создают иллюзию прямого контакта между политиком и электоратом, позволяют общаться с

представителями целевых аудиторий и получать от них обратную связь. Благодаря возможностям коммуникационной сети, пользователи сами распространяют идеи и сообщения, принимаемые от политического лидера, среди своего окружения.

Социальные медиа заметно изменили коммуникативные практики в современном обществе. Они стали новым высокотехнологичным и вседоступным инструментом формирования социального капитала политика и продвижения его имиджа в общественном сознании. На современном этапе социальные медиа являются одним из важнейших ресурсов информационного влияния, активизируя общественное мнение и электоральное поведение, консолидируя общественность и формируя отношение доверия между политиком и обществом [6, с. 77].

Изменение коммуникативных практик и развитие социальных медиа повлекли за собой изменения в сфере политических связей с общественностью. Политический PR в социальных медиа стал смещаться в сторону непосредственного общения с электоратом. Политики и имиджмейкеры получили возможность отслеживать мнение электората о политике в реальном времени, внедряться в интернет-сообщества для распространения необходимой информации и влиять на мнение электората, используя более привлекательные для аудитории каналы (видео, фото, ссылки, подкасты). К основным направлениям политического PR в социальных медиа стоит отнести оптимизацию официальных страниц лидеров политических партий под поисковые системы, создание дискуссий в блогосфере, размещение пресс-релизов, взаимодействие с сетевыми СМИ, проведение онлайн-конференций, создание подкастов, видео и их рассылка и т. д. [2, с. 230].

Социальная сеть Twitter является особой разновидностью социальных медиа, используемой правительствами и ведомствами для реализации своих целей в политике. По состоянию на апрель 2016 г. в Twitter было в общей сложности 793 аккаунта, принадлежащих политическим лидерам 173 стран. Таким образом, 90 % стран – участниц ООН представлены в Twitter, охватывая аудиторию 324 миллиона подписчиков. Только 20 стран, главным образом из Тихоокеанского региона и Африки, не имеют каких-либо учетных записей в Twitter. Даже правительство Китая, блокирующее на территории своей страны социальные медиа западных стран, медленными темпами идет в сторону большей вовлеченности в социальные сети, и некоторые из дипломатических представителей Китая активно взаимодействуют с публикой путем использования Twitter [15].

Считается, что политизация данной социальной сети началась в 2007 г., когда там зарегистрировался Барак Обама с целью всестороннего охвата аудитории во время своей первой предвыборной кампании. Помимо личной страницы Б. Обамы, в июне 2013 г. был зарегистрирован аккаунт @POTUS (President of the United States), который стал специальной учетной записью, созданной для президента США. Интересен тот факт, что доступ к этой странице Б. Обама получил только в 2015 г., хотя его второй строк президентства начался в 2012 г. и продлился до 2017 года. В основном данные аккаунты содержали лишь ретвиты и ответы на вопросы, а также официальные заявления президента. Кроме того, многие из опубликованных твитов были написаны не лично Б. Обамой [3, с. 246]. Таким образом, в период двух президентских сроков Б. Обама использовал Twitter лишь для контента информационного характера, то есть для того, чтобы широкая общественность имела открытый доступ к ресурсам, непосредственно касающимся процесса принятия политических решений и проводимой политики в США.

Единственной прорывной идеей в сфере социальных сетей во второй президентский срок Б. Обамы стало использование Twitter как мощного и эффективного инструмента создания политических протестов нового типа. Так, в 2011 г. в странах Северной Африки вспыхнули восстания, результатом которых стало изгнание президентов в Египте, Йемене и Ливии; массовые беспорядки наблюдались на Ближнем Востоке, волнения были зафиксированы в Соединенных Штатах и Испании. Новшеством во всех раннее указанных волнениях стало использование социальных медиапрограмм и интернет-платформ, явившихся источником отражения попыток подавления протеста, а также способом коммуницирования в среде проте-

стующих. «Арабская весна» стала известна также как «сетевая революция» или «вирусная сетевая технология» [4].

В частности, в период с 2010 по 2011 г. мировое сообщество осознало, какую огромную роль социальные сети могут играть в организации массовых беспорядков, революций и государственных переворотов, которые охватили множество стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Следует отметить, что впервые события «арабской весны» вспыхнули в Тунисе, который занимал лидирующие позиции среди стран Северной Африки по числу пользователей сети Интернет. Социальные сети оппозиция взяла под свой контроль и использовала для координации действий протестующих, призывов к решительным действиям, а также к смене политического режима, к чему и привели данные события. В частности, активисты с площади Тахрир активно использовали хештеги #Jan25 и #tahrir, призывая молодых людей к мобилизации. Таким образом, социальные сети, в том числе и Twitter, стали новым форматом политического участия: многие пользователи самостоятельно создавали новые аккаунты и группы для подготовки митингов с требованиями отставки президента страны. В результате социальные сети выступили как единый организатор революционных настроений среди граждан арабских стран и как объединяющая сила против власти. Позже данные события стали называться «твиттерными революциями» [7, с. 123].

Однако, как считают многие современные аналитики, настоящий прорыв в использовании социальной сети Twitter как политического инструмента совершил нынешний президент США Дональд Трамп. Он начал использовать свою личную страницу в качестве площадки для предоставления идей и информации, причем не только во время предвыборной гонки, но и после избрания его президентом.

Д. Трамп значительно изменил коммуникацию политической элиты, перевернув представление о роли социальных сетей в сфере политики. С приходом нового президента к власти возникло понятие «Twitter-дипломатия», которое приобрело негативную коннотацию и ассоциируется с отсутствием серьезного подхода к решению политических проблем. Тем не менее для Д. Трампа Twitter стал одним из основных инструментов реализации его политики, как внутренней, так и внешней.

Д. Трамп пользуется двумя аккаунтами в Twitter – официальным (@POTUS) и личным (@realDonaldTrump). По заявлению Белого дома в июне 2017 г., твиты Д. Трампа на личной странице @realDonaldTrump считаются официальными заявлениями президента США [8, с. 396]. Однако иные СМИ Д. Трамп все же поддерживает. Зачастую он излагает мнения и делится (делает ретвит) статьями, которые отвечают его убеждениям (некоторые публикации заимствуются с ресурсов «Washington Post» и «Daily Mail» [13]).

Госсекретарь США Майк Помпео называет сообщения Д. Трампа в Twitter «невероятно эффективным средством коммуникации»: «Я хорошо знаю президента Трампа... Я наблюдаю, как он доносит информацию. В былые времена это делалось посредством заявлений для прессы, пресс-релизов или же кто-то давал пресс-конференцию с трибуны в Западном крыле Белого дома. Президент Трамп делает это посредством Twitter. Таким образом, он может донести свои мысли до всего мира в один миг. Это невероятно эффективное средство общения» [9]. Кроме того, госсекретарь США не раз утверждал, что осуществляемая Twitter-дипломатия является оперативным источником для влияния на информационное поле действий, во многом потому, что мировые лидеры быстро реагируют на публикуемые в социальной сети твиты.

Помимо М. Помпео свое мнение о явлении Twitter выражает и пресс-секретарь Белого дома Сара Сандерс (до 1 июля 2019 г.). В частности, она отмечает, что твиты для Д. Трампа – это способ выражать напрямую, без фильтров, мнение своим последователям. При этом советник президента Келлиэн Конуэй называет одержимостью СМИ тот факт, что они много времени уделяют освещению сообщений Д. Трампа в Twitter вместо того, чтобы сконцентрироваться на том, какие действия он совершает в качестве президента [10].

В июле 2017 г., когда Д. Трамп официально стал президентом Соединенных Шта-

тов Америки, он заявил, что не намерен прекращать делать записи в Twitter, несмотря на многочисленные призывы со стороны конгресса, а также СМИ. Президент также выразил свое мнение и в Twitter: «Это мой голос... им не заставить меня прекратить использовать социальные сети» [14]. Кроме того, сам президент называет свою модель ведения политики посредством социальных сетей стилем работы «президента сегодняшнего дня».

Следует отметить, что для Д. Трампа Twitter является наиболее эффективным источником и платформой для представления своей позиции по ряду важнейших экономических, политических и социальных вопросов. Это также и средство информирования аудитории и формирования общественного мнения, площадка для дискуссий со своими оппонентами и механизм самопрезентации, конструирования действительности, отражение реальности через свое собственное видение. Самопрезентация, или самореклама, является основной особенностью личного аккаунта президента США. Цель Д. Трампа показать себя в лучшем свете достигается при помощи таких приемов, как восхваление своей политической деятельности, подчеркивание собственных достоинств, сравнение с деятельностью американских президентов-предшественников и президентов других стран мира.

Результаты. Появление социальных медиа повлекло за собой изменение коммуникативных практик между субъектами политики. С точки зрения коммуникативного подхода социальные медиа – это интерактивные интернет-платформы, основанные на принципах сетевой коммуникации, где любой пользователь получает возможность создавать, хранить и распространять информацию, адресованную широкой аудитории. Социальные медиа представляют новый вид коммуникации, называемый самокоммуникацией или сетевой коммуникацией, где каждый участник может одновременно выступать в роли производителя и получателя сообщений. Коммуникация в таких медиа, благодаря использованию новых информационных технологий, образует сеть взаимосвязанных узлов и основывается на принципах автономности, саморазвития, децентрализованности и преобладания горизонтальных связей. Создание дискуссий в блогосфере, размещение пресс-релизов, взаимодействие с сетевыми СМИ, проведение онлайн-конференций, создание подкастов, видео и их рассылка, организация мероприятий, проведение офлайн-встреч – все это выступает в роли приемов сетевого взаимодействия современного политика и электората.

Широкий спектр функциональных возможностей социальных сетей способствует открытой информационной деятельности современных государств. С приходом на пост президента Д. Трампа позиция Америки по актуальным вопросам внутренней и внешней политики стала отражаться не только в официальных заявлениях Белого дома и нормативных документах, но и на личной странице президента в Twitter, что, в свою очередь, стало частью реализуемой в США Twitter-дипломатии. Очевидно, что посредством социальной сети Twitter Д. Трамп решает как внутриполитические (формирование позитивного имиджа в глазах электората), так и внешнеполитические задачи (улучшение образа своей страны, распространение своих ценностей за рубежом, развитие международного сотрудничества).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project No. 19-411-340006 “Socio-political design of public space and mass communication system in the regions of the Russian Federation (the example of the Volgograd region)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балуев, Д. Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования / Д. Г. Балуев // Образовательные технологии и общество. – 2013. – № 2. – С. 604–616.

2. Быков, И. А. Технология Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополни-

тельные возможности? / И. А. Быков, О. Г. Филатова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 226–237.

3. Ефимова, И. Н. Социальные сети как новый механизм формирования имиджа субъектов политической деятельности / И. Н. Ефимова, А. В. Маковейчук // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 4–1 (76). – С. 245–248.

4. Ильичева, Ю. А. Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства / Ю. А. Ильичева // Медиаскоп. – 2013. – № 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/1335 (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.

5. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2016. – 564 с.

6. Рыхтик, М. И. Роль социальных медиа в реализации имиджевых стратегий политических деятелей в контексте формирования информационного общества на региональном уровне / М. И. Рыхтик, А. В. Маковейчук // Вопросы управления. – 2015. – № 6 (18). – С. 76–82.

7. Торочкова, П. А. Социальные сети как элемент информационных технологий – новый актор мировой политики / П. А. Торочкова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – № 7 (129). – С. 116–126.

8. Харламова, Т. В. Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере) / Т. В. Харамова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 396–402.

9. Таран, И. «Элемент информационной войны»: как Twitter-дипломатия Трампа влияет на международную политику / И. Таран, А. Медведева // RT на русском. – 2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/686383-ssha-tramp-pompeo-twitter-diplomatiya (дата обращения: 30.11.2019). – Загл. с экрана.

10. Buncombe, A. Kellyanne Conway Says Media Is "Obsessed" with Trump's Tweets After President Goes on Early Morning Tirade / A. Buncombe. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-travel-ban-tweets-kellyanne-conway-media-obsessed-twitter-president-a7773726.html (date of access: 01.04.2019). – Title from screen.

11. Castells, M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society / M. Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 292 p.

12. Digital in 2020. – Electronic text data. – Mode of access: https://wearesocial.com/digital-2020 (date of access: 30.03.2020). – Title from screen.

13. Graham, J. Trump vs. Clinton: How the Rivals Rank on Twitter, Facebook, More / J. Graham. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/08/04/trump-clinton-social-media-twitter-facobook-youtube-snapchat/87974630 (date of access: 05.04.2019). – Title from screen.

14. Leibovich, M. This Town Melts Down / M. Leibovich // The New York Times Magazine. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2017/07/11/magazine/washington-dc-politics-trump-this-town-melts-down.html?_r=0&mtrref=www.axios.com (date of access: 30.03.2019). – Title from screen.

15. Lüfkens, M. Twiplomacy Study 2017 / M. Lüfkens. – Electronic text data. – Mode of access: https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2017 (date of access: 30.03.2019). – Title from screen.

16. Solis, B. Putting the Public Back in Public Relations: How Social Media Is Reinventing the Aging Business of PR / B. Solis, D. Breakenridge. – Upper Saddle River : Pearson Education Inc., 2009. – 352 p.

REFERENCES

1. Baluev D.G. Politicheskaya rol sotsialnykh media kak pole nauchnogo issledovaniya [The Political Role of Social Media as a Field of Scientific Research]. *Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo* [Educational Technology & Society], 2013, no. 2, pp. 604-616.

2. Bykov I.A., Filatova O.G. Tekhnologiya Veb 2.0 i svyazi s obshchestvennostyu: smena paradigmy ili dopolnitelnye vozmozhnosti? [Web 2.0 and Public Relations Technology: Paradigm Shift or Additional Capabilities?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9, Philology, Asian Studies, Journalism], 2011, no. 2, pp. 226-237.

3. Efimova I.N., Makoveychuk A.V. Sotsialnye seti kak novyy mekhanizm formirovaniya imidzha subyektov politicheskoy deyatelnosti [Social Networks as a New Mechanism for Shaping the Image of Political Actors]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University Journal], 2017, no. 4-1 (76), pp. 245-248.

4. Ilicheva Yu. A. Mobilizatsionnye tekhnologii: sushchnost, predposylki vozniknoveniya, osnovnye instrumenty i sredstva [Mobilization Technologies: Essence, Prerequisites, Basic Tools and Means]. *Mediaskop* [Mediascope], 2013, no. 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1335 (accessed 1 April 2019).

5. Kastels M. *Vlast kommunikatsii* [Power of Communication]. Moscow, GU VShE, 2016. 564 p.

6. Rykhtik M.I., Makoveychuk A.V. Rol sotsialnykh media v realizatsii imidzhevykh strategiy politicheskikh deyateley v kontekste formirovaniya informatsionnogo obshchestva na regionalnom urovne [Role of Social Media in the Implementation of Image Strategies of Politicians in the Context of the Formation of the Information Society at the Regional Level]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2015, no. 6 (18), pp. 76-82.

7. Torochkova P.A. Sotsialnye seti kak element informatsionnykh tekhnologiy – novyy aktor mirovoy politiki [Social Networks as an Element of Information Technology – A New Actor of World Politics]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"], 2014, no. 7 (129), pp. 116-126.

8. Kharlamova T.V. Sotsialnye seti kak instrument sovremennoy politicheskoy vlasti (na materiale mikrobloga D. Trampa v Tvittere) [Social Media as a Tool of Modern Political Power (on D. Trumps Twitter Microblog)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2018, vol. 18, no. 4, pp. 396-402.

9. Taran I., Medvedeva A. «Element informatsionnoy voyny»: kak Twitter-diplomatiya Trampa vliyaet na mezhdunarodnuyu politiku ["Information War Element": How Trumps Twitter Diplomacy Affects International Politics]. *RT na russkom*. [RT in Russian.], 2019. URL: https://russian.rt.com/world/article/686383-ssha-tramp-pompeo-twitter-diplomatiya (accessed 30 November 2019).

10. Buncombe A. *Kellyanne Conway Says Media Is "Obsessed" with Trumps Tweets After President Goes on Early Morning Tirade*. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-travel-ban-tweets-kellyanne-conway-media-obsessed-twitter-president-a7773726.html (accessed 1 April 2019)

11. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford, Oxford University Press, 2001. 292 p.

12. *Digital in 2020*. URL: https://wearesocial.com/digital-2020 (accessed 30 March 2020).

13. Graham J. *Trump vs. Clinton: How the Rivals Rank on Twitter, Facebook, More*. URL: https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/08/04/trump-clinton-social-media-twitter-facobook-youtube-snapchat/87974630 (accessed 5 April 2020).

14. Leibovich M. This Town Melts Down. *The New York Times Magazine*. URL: https://www.nytimes.com/2017/07/11/magazine/washington-dc-politics-trump-this-town-melts-down.html?_r=0&mtrref=www.axios.com (accessed 30 March 2019).

15. Lüfkens M. *Twiplomacy Study 2017*. URL: https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2017 (accessed 30 March 2019).

16. Solis B., Breakenridge D. *Putting the Public Back in Public Relations: How Social Media Is Reinventing the Aging Business of PR*. Upper Saddle River, Pearson Education Inc., 2009. 352 p.

Information About the Author

Elena V. Efanova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, efanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2019-1273

Информация об авторе

Елена Владимировна Ефанова, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, efanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2019-1273

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.16

UDC 94(41/99), 327.83+37
LBC 66.4(2Poc),0

Submitted: 28.08.2019
Accepted: 13.12.2019

PROMOTING THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN SPAIN AS A SOFT POWER TOOL OF THE RUSSIAN FEDERATION [1]

Viktoriia V. Kuznetsova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This work inspects the activities of Russian institutions (government agencies, foundations, public associations and educational organizations) as instruments of soft power in the field of the dissemination of the Russian language and culture in Spain. The pre-requisites of establishing the language strategy as a foreign policy instrument, the main forms and sphere of activities in promoting and supporting the Russian language in Spain are analyzed in this article. *Methods.* The comparative historical method is used to substantiate the aspects of the formation and development of the language policy program of the Russian Federation in Spain and other European countries in the historical retrospective. The systematic approach is used to formulate a holistic view of the policy of promoting the Russian language and culture in Spain as an instrument of soft power. Also, the institutional and neo-institutional approaches are used to identify formal and informal institutions of soft power in the field of popularization of the Russian language and culture in Spain. *Analysis.* As a result of analyzing the problem, the legal foundations and institutional foundations of the activities of the Russian Federation to popularize the Russian language and culture in Spain have been studied. The main directions and results of the soft power policy in the field of popularizing the Russian language and culture in Spain and their role in creating a positive image of Russia in Spain have also been identified. *Results.* The study shows that in recent years, thanks to the soft power policy, the Russian Federation has managed to maintain and, in some positions, expand its presence in Spain in the humanitarian and information space.

Key words: soft power, Russian foreign policy, language policy, cultural policy, "Russian world", Spain, Russia.

Citation. Kuznetsova V.V. Promoting the Russian Language and Culture in Spain as a Soft Power Tool of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 180-191. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.16

УДК 94(41/99), 327.83+37
ББК 66.4(2Рос),0

Дата поступления статьи: 28.08.2019
Дата принятия статьи: 13.12.2019

ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ИСПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [1]

Виктория Владимировна Кузнецова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается деятельность российских институтов (государственных учреждений, фондов, общественных объединений и образовательных организаций) как инструментов «мягкой силы» в области распространения русского языка и культуры в Испании. Анализируются предпосылки становления языковой и культурной политики в качестве внешнеполитического инструмента РФ в Испании, а также основные формы и направления деятельности по распространению и поддержке русского языка и культуры в Испании. *Методы.* В качестве методов исследования был использован сравнительно-исторический метод при обосновании аспектов формирования и развития программы лингвистической политики РФ в Испании и других европейских странах в исторической ретроспективе. В работе были использованы системный подход для формирования целостного представления о политике продвижения русского языка и культуры в Испании как инструмента «мягкой силы», а также институциональный и неоинституциональный подходы для выявления формальных и неформальных институтов «мягкой силы» в сфере

© Kuznetsova V.V., 2020

популяризации русского языка и культуры в Испании. *Анализ.* В результате анализа проблемы были изучены нормативно-правовая база и институциональные основы деятельности Российской Федерации по популяризации русского языка и культуры в Испании. Также были определены основные направления и результаты политики «мягкой силы» в области популяризации русского языка и культуры в Испании и их роль в формировании положительного имиджа России в Испании. *Результаты.* Исследование показало, что в последние годы благодаря политике «мягкой силы» Российской Федерации удалось сохранить, а по некоторым позициям расширить свое присутствие в Испании в гуманитарном и информационном пространстве.

Ключевые слова: «мягкая сила», российская внешняя политика, лингвистическая политика, культурная политика, «Русский мир», Испания, Россия.

Цитирование. Кузнецова В. В. Продвижение русского языка и культуры в Испании как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 180–191. – (На англ. яз.) – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.16

Introduction. Due to the increased pace of globalization and internationalization, many countries have shifted from the military and economic sphere to culture and education. Currently, there is a focus on "soft power" instruments in foreign state policies. In regard to this concept, countries promote and defend their national interests to create a positive image on the global stage. Currently, cultural diplomacy which includes soft power policy plays the most important role for Russia.

Secondly, Russia and Spain never went to war against each other. The dialogue between the two countries is based on strong cultural relations with a long historical tradition which serve as an important pre-requisite for developing the Russian-Spanish co-operation in the sphere of education.

Despite the hardship in the relations between Russia and the EU countries, the Russian culture and language (especially after the 2018 FIFA World Cup) still attract Spain.

Finally, this topic is timely due to the fact that the promotion of the Russian language in Spain is poorly explored despite the emphasis on bilateral political, economic and cultural relations in Russian and Spanish literature.

Methods. At present, one of the most important goals of any state is to strengthen its international position and authority, as well as to provide favorable foreign policy conditions for solving domestic political problems.

The cusp of the 20th and 21st centuries witnessed active discussion and the use of soft power in the sphere of international clout and defense of national interests [46, p. 57]. Nevertheless, this concept has appeared in the domestic and foreign scientific community long ago. According to O. Krasina, the soft power phenomenon was mentioned first in Ancient Chinese and Greek philosophy by Laozi, Confucius, Plato and Aristotle. Later thoughts on the efficiency of non-violent methods were mentioned in the works of medieval and early modern thinkers such as Augustine of Hippo or Blaise Pascal. Krasina also considers H. Grotius, I. Kant, M. L. King and M. Gandhi as the predecessors of the concept of soft power [25].

Nevertheless, Joseph Nye, professor of Harvard University, should be considered as the rightful author of the soft power concept. According to the scholar's work, the main method of the state to reach the desired foreign policy goals is making its culture, ideology, domestic and foreign policy more attractive [35, p. 16].

The cultural and spiritual potential forms an important part of any state, so both global and regional actors of international relations actively use promotion of cultural experience abroad as a soft power instrument [53, p. 24].

In Russia, the embrace of soft power has started since 2000s when V. Putin was elected as president [24, p. 97]. Due to the important role of this concept in strengthening the international image of the country, the president made it one of the key instruments of the Russian foreign policy.

The target of the research is Russia's soft power policy in Spain. The subject of the research is the main spheres of promoting and supporting the Russian language and culture in Spain on the new stage of bilateral relations (1990s – 2000s). The aim of this work is to create a comprehensive picture on the formation and implementation of the Russian language policy in Spain as a soft

power instrument and to determine the role and the results of this policy in shaping the cultural image of Russia in Spain.

The comparative-historical method is used to justify the aspects of the formation and development of the language policy program of the Russian Federation in Spain and other European countries in the historical retrospective. The comprehensive approach is applied for studying the role and significance of promoting Russian in Spain as a soft power instrument in the contemporary foreign policy of Russia. The institutional approach reveals the features of the functioning of individual soft power institutions in the field of the Russian language policy, which is represented by state institutions, professional organizations, news agencies, and non-profit structures. The non-institutional approach allows us to determine the role of informal organizations which promote the Russian language and culture in Spain and participate in the process of generating and implementing the Russian soft power strategy.

Analysis. The implementation of the soft power policy pursued by states is accompanied by the development of its institutional structure, resource and information-image support. The most active institutions in the humanitarian dimension of foreign policy and cultural diplomacy in Western Europe are the Alliance Francis (France), the Intergovernmental Agency of French-speaking countries (France), the British Council (the United Kingdom), the Goethe-Institut (Germany), the Cervantes Institute (Spain), etc. The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) fulfills this function in Russia, and its strategic direction is determined by the Russian Ministry of Foreign Affairs. This specialized institute coordinates with the foreign diaspora, directs efforts to preserve the language in this environment and spreads the Russian language and culture among foreign citizens. In recent years, the priority area of Rossotrudnichestvo is to find ways to export the cultural product [50, p. 244] as an instrument of soft power.

The need of supporting the positive image of Russia on the global stage was first officially mentioned in the Foreign Policy Concept of the Russian Federation approved by a Presidential Decree in 2000 [22]. The 2013 Foreign Policy Concept contained the term "soft power" itself. Thus, according to clause 20, "Soft power, a comprehensive toolkit for achieving foreign policy objectives building on the civil society potential, information, cultural and other methods and technologies alternative to traditional diplomacy, is becoming an indispensable component of modern international relations" [23].

The national language and culture play a very important role in presenting the image of a country on the global stage.

The president of Russia focuses on preserving, developing and promoting the Russian language as it plays an important role in strengthening the sovereignty and integrity of Russia, consolidation of the Russian society and inclusion of Russia into the global economic, political, cultural and educational space [47].

Currently, Russian becomes more and more important in the world policy. It serves as the language of cross-national communication and is one of the United Nation languages. According to *Ethnologue: Languages of the World* reference, in 2017, the Russian language was ranked the 4th after English, Chinese and Spanish: the number of Russian-speaking people in the world exceeded 258 million people [13]. Besides, Russian is the official working language of many international organizations such as the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), the United Nations (UN), and EuroAsian Economic Community (EurAsEC), etc.

At present, the Russian language plays a leading role in uniting the sociopolitical and cultural space of the Russian world [15, p. 221], which was formed over time as a result of several emigrant waves under the influence of historical changes in the fate of Russia [31, p. 179]. Today, the Russian world, which is the world of a special trans-state and transcontinental culture, is an important strategy of Russia for creating the country image on the global stage [27]. At the same time, it should be admitted that unfortunately, the concept of the Russian world is largely unknown abroad, so a more active promotion of the Russian language and culture on the global stage is important for its popularization [43]. Moreover, in the context of soft power, the Russian world can present a strategy like the post-imperial cultural "world" known as Hispanidad or Francophonie [52].

Currently, Russia has a huge cultural and language heritage and it is interested in strengthening and expanding its own positions in the international arena. Hence, Russia faces the task of actively using these resources.

According to V. Tishkov, academic fellow and director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, language has always served as a means of political and ideological impact, interstate and intergroup domination and rivalry [51, p. 295].

Presently, to strengthen the authority of Russia on the global stage it is important not only to promote the Russian cultural heritage abroad, but also to preserve and strengthen the Russian-speaking area [29, p. 93]. Therefore, language activity is one of the priority areas of the Russian governmental soft power policy.

According to A. Gromyko, director of Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, the Russian language and culture are the world brands of Russia which millions of people around the world are familiar with or heard of. But these brands should be developed and promoted on the global stage; otherwise they will stop playing any significant role in the country's impact abroad [17, p. 11]. This point of view is very relevant, since in the new geopolitical situation that appeared in the world after 2014 there was a noticeable strengthening of the eastern vector of Russia's foreign policy. This entailed the expansion of opportunities to strengthen and promote the position of the Russian language in the countries of the Asia-Pacific region. At the same time, there was a risk of weakening the position of the Russian language in several European countries due to the development of anti-Russian sentiments and unfriendly measures. Under these conditions, the government of the Russian Federation recognized the optimal distribution of program activities for specific countries of their implementation, taking into account the current situation in line with Russia's geostrategic interests, as a measure to minimize these risks.

Spain occupies a special place in the foreign policy concept of modern Russia. Relations between the two countries have a long history with rises and falls during different epochs of its existence [1, p. 5]. A triple anniversary of Russian-Spanish relations was celebrated in 2017: 40 years since resuming the diplomatic relations, 350 years since the arrival of the first Russian embassy headed by stolnik Potemkin to Madrid and 500 years since the first official contact between Russia and Spain when Charles V, King of Spain and Holy Roman Emperor, sent a message with an offer to establish diplomatic relations to Vasili III, Grand Prince of Moscow [28]. Besides, it should be mentioned that the leading world paleogenetics have proved that the contemporary Spaniards are descendants of the inhabitants of Black Sea and Caspian steppes, thus, this can also serve as a factor for bonding both nations [26]. Historically, the cultural and humanitarian sphere was a strong point of the bilateral co-operation. Unfortunately, the Russian language in Spain is not so widespread as Spanish in Russia [12, p. 96].

The new impulse for the Russian-Spanish cultural and humanitarian cooperation in the sphere of popularization, support and development of the Russian language was given at the cusp of the new millennium after Putin visited Spain in 2000. After that, a number of agreements were signed, which served as the legal basis for further expansion of the bilateral cooperation, (including: "Program of co-operation between the Kingdom of Spain and the Russian Federation in the sphere of culture and education for 2005–2007" [41], "Declaration of strategic partnership between the Russian Federation and the Kingdom of Spain for 2009" [5]. In particular, the Program provided for mutual assistance in teaching the Russian language in Spain and Spanish in Russia for a deeper knowledge of the languages, literature and culture of the two countries [41].

An important tool of cultural diplomacy was the organization and conduct of cross-years. The Russian-Spanish bilateral year practice was established in 2011 when the first Russia-Spain Cross-Cultural Year was held. The Cross-Year of the Language and Literature of Russia and Spain was held in 2015–2016 and after that in 2016–2017 the Year of Tourism was held. As part of these cross-years, a lot of events were held in various areas of bilateral cooperation, which have arisen new interest in the Russian culture and language. Opening of the Málaga branch of the Russian Museum in 2015 was a milestone event. It is planned to open a Hermitage branch in Barcelona in the nearest future.

In the context of soft power politics, Days of the Russian language and culture are regularly

held in different cities and regions of Spain. As a result of such events very important acrions took place that affect the process of perception of Russia in Spain, for example, the unveiling of the monuments to A. Pushkin in Granada and Madrid, and the monument to Yu. Gagarin in Alicante.

2019–2020 was declared the Russian-Spanish cross-year of science and education. According to the Ambassador of Russia to Spain Yu.P. Korchagin, different projects implemented within the framework of this cross-year, help build confidence between the two countries, as well as intensify various academic, cultural, scientific and humanitarian relations [58, p. 442].

In these conditions, Russia and Spain consider the mutual study of languages and cultures as a basis for further expansion of cooperation in the humanitarian, socio-political and other spheres of society [2, p. 27].

However, as Spain is an attractive resort among Russians, at present there is currently a growing popularity of studying the Russian language and culture in Spain. Thus, Spain is visited by more than 1 million Russian citizens each year [19]. In 2017, compared with 2016, 14% more Russian tourists arrived: 2016 – 1.005.000 people, 2017 – 1.151.000 people, 2018 – 1.228.000 people [48]. There is also a gradual increase in the number of Spanish tourists in Russia. Their number in 2017 amounted to about 120 thousand people [42].

As it is known, football is the most popular kind of sports in Spain. In this regard, an important event to strengthen Russia's image in the world was the 2018 FIFA World Cup. The FIFA World Cup allowed, on the one hand, to attract Spanish tourists to matches in Russia and to show the tourist attractiveness of the Russian Federation as the hostess of the championship, and on the other hand, the interest in the Spanish language in Russia has been reawakened.

For its part, the Russian Federation in recent years have been actively implementing its cultural diplomacy, including in the field of language policy aimed at spreading the Russian language and raising its status abroad. To achieve this goal, the Russian Language Federal Targeted Program was developed [34, p. 72]. The Program refers to the creation of a "competitive international instrument of communication in the field of science and education," about "the development of new bilateral and multilateral forms of cooperation with foreign states that contribute to the spread of the Russian language in the world and at the same time do not impede the use and popularization of other languages" [21, p. 24].

Currently, the fourth program for the period 2016–2020 is being implemented. It is aimed for "developing the overall application and promotion of Russian as a fundamental of civil self-identity, cultural and educational unity of multinational Russia, efficient international dialogue" [14].

The Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation also makes its contribution into the preservation and consolidation of the Russian position abroad. This allows increasing the number of schools and classrooms for learning Russian, retraining teachers from Russian-speaking schools and organizing study trips to Russia.

The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) is one of the main structures in the sphere of promotion and preservation of the Russian language and culture abroad. The agency is the successor of the Russian Center for International Scientific and Cultural Cooperation (formerly – the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS) established in 1925) [20]. The VOKS began its activity in Spain only in 1986 [16]. Within this organization, the Spain-USSR Association acted, which largely contributed to the expansion of the cultural presence of the USSR in Spain and Spain in the USSR and laid the foundations for studying the Russian language in Spain outside state educational institutions.

A representation of Rossotrudnichestvo in Spain – The Russian Science and Culture Center – was opened in 2011 in Madrid. Along with the Ministry of Foreign Affairs of Russia and Rossotrudnichestvo, Russia forms its own public infrastructure, focused on the long-term work in the field of humanitarian and cultural diplomacy. This is evidenced by the development process of foundations and non-governmental organizations of foreign policy: the Institute for Democracy and Cooperation, the Russkiy Mir Foundation, the Russian Language Center, etc.

The Russkiy Mir Foundation plays a special role in the diplomacy of soft power and the expansion of cultural and humanitarian

cooperation between Russia and Spain. According to the Decree of June 21, 2007 of the president of Russia on establishing the Russkiy Mir Foundation, this is done "for promoting Russian as a national asset of Russia and an important part of Russian and world culture so as for supporting programs for learning Russian abroad" [54]. The Russkiy Mir Foundation activities in preserving the Russian language also involve federal legislative and executive authorities, Russian regions, mass media and educational institutions of all levels.

The Russian center in Valencia, Russian center at the University of Granada and Russian center of the Russia House in Barcelona have been opened with the assistance of the Russkiy mir Foundation [57]. The Russkiy Mir Cabinet program is one of the main of the Russkiy mir Foundation programs. This project is targeted on supporting the activity of non-profitable organizations for the promotion and popularization of the Russian language, literature and culture [38]. The first Russkiy Mir Cabinet was opened in Catalonia in 2011 based on the Russian Center of Science and Culture named after A. Pushkin. Besides, a similar Russkiy Mir Cabinet operates in Madrid. The Russian side provides the participants of the program with academic, scientific and fiction literature; visual aids; multimedia, photo and video materials; technical means of reproduction; access to network information resources in Russian, etc. [4].

Currently, the Pushkin Russian Language Institute in Barcelona established in 1992 is one of the largest Russian educational and cultural centers in Spain. The Centre of the Russian language and culture in the University of Cádiz and Pushkin Russian Institute in Madrid have been opened at its premises in 2016 and 2018 correspondingly. Through various cultural and educational events, the Pushkin Russian Language and Culture Institute in Barcelona have been popularizing the Russian language and culture in Spain. In addition to the main Russian language course, the Institute conducts various special courses, for example, business courses, tourism courses, Russian language courses for parents who want to adopt a child in Russia, etc. The consulate-general of Russia in Barcelona and Embassy of Russia in Spain help the Institute in its activity [37].

The Alexander Pushkin Foundation has been opened in the rise of the 90s for the popularization of the Russian language and culture in Spain with the active participation of Valentina Tereshkova – the first spacewoman. This Foundation is the main center for promoting the Russian language and popularizing Russian culture. From 2000 to 2014, an average of 220 students per year studied the Russian language at the Alexander Pushkin Foundation. In 2015, the Foundation for the first time opened the Russian language courses also for children – from 4 to 6 years old [3, p. 21].

Educational organizations are an important tool of soft power policy of the state [32, p. 4820]. Presently, more Spanish students learn Russian as a second language.

The University of Granada is the oldest place for studying Russian in Spain; a Russian studies center has been actively operating there for 60 years already. The university has been successfully developing relations with foreign educational institutions and has entered into several bilateral agreements with leading Russian higher educational institutions (Saint Petersburg University, Moscow State Linguistic University, Kazan Federal University, etc.) [56].

The Russkiy Mir Foundation together with the University of Granada publishes "Cuadernos de rusística española", which is the only publication on Russian studies in Spain and in the Spanish-speaking world. This publication issues studies on current issues of linguistics and literary criticism, theory and practice of teaching the Russian language [18, p. 7].

The Universities of Granada, Madrid, Barcelona, Valladolid, Santiago de Compostela, Alicante and other cities have departments with the "Slavic philology" specialization with advanced learning of Russian for Spanish students [10]. In 2015, approximately 7 000 Spanish students learned Russian [39].

The interest to learning Russian in Spanish schools has also increased. According to the report "Russian in the world" of the Ministry for Foreign Affairs of Russia of 2001, 3 000 persons in Spain learned Russian (approximately 700 persons at the universities and more than 1,600 persons at public foreign languages schools, the rest at private educational schools and courses) [6]. In 2014–2015 this figure has been exceeded significantly; it was

established that 3,500 schoolchildren learned Russian [8].

Unfortunately, at present, the Russian language is taught only in 16 schools among the 300 official schools in Spain. However, due to the low tuition fees, there are many students who want to learn Russian in these schools [3, p. 19].

Great efforts in supporting the Russian language and culture in Spain are made by the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL) [17, p. 15]. The congresses of MAPRYAL, which take place every four years in different countries of the world, are very important for the development of the world linguistics and Russian studies.

In 2015, in the Cross-Year of Russian and Spanish Languages and Literature, which took place in Russia and Spain, the 8th MAPRYAL Congress was held at the University of Granada [36]. The opening of the monument to A. Pushkin on the territory of the oldest University of Granada was timed to coincide with this event.

Thus, the educational sphere is one of the strongest points of Russian-Spanish relations. In recent years, especially after Russia's transition to the Bologna Process, Russian universities focus on bilateral cooperation between higher educational institutions in the sphere of developing joint educational programs for dual degrees, student and academic mobility as well as mutual recognition of degrees [33, p. 194].

Such Russian higher educational institutions as Moscow State University, St Petersburg University, Peoples' Friendship University of Russia, Higher School of Economics National Research University, Voronezh State University, Pyatigorsk State University, Kazan Federal University and Moscow State Linguistic University perform active international activities and successfully co-operate with many Spanish universities on the basis of corresponding agreements. Recently the overall scale of implementing bilateral educational programs has been extended significantly [59, p. 3698]. The number of Spanish students studying at Russian universities in 2017/2018 amounted to 311 people (303 of them are full-time students), 3 Spanish students studied at secondary vocational schools and a little over 20 children from families of Spanish citizens studied in secondary schools. At the same time, this indicator of the number of full-time students in Russian universities in the academic years 2016/2017 and 2017/2018 was 268 and 292 students, respectively [9].

One of the important results of the cooperation between Spain and Russia in the field of education is the agreement of the two countries on the mutual recognition of education, qualifications and academic degrees. Secondary and higher education received in Russia and confirmed by diplomas and education of the appropriate level received in Spain will be recognized as comparable. In addition, the agreement is equal to the degree of candidate of sciences obtained in Russia and the degree of doctor (Título de Doctor) obtained in Spain. Signing of the similar document was an important step in the development of Russian-Spanish relations, which will open new opportunities for further development of academic mobility and the attraction of highly qualified personnel.

It should be mentioned that the diaspora resources play an important role in the soft power policy of any state. In the post-Soviet period, there was an understanding that "Russia and the foreign Russian world are part of one ethno-cultural space" [30]. The Russian government today considers compatriots as the basis of Russian influence abroad. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and Rossotrudnichestvo have established the Fund for the Support and Protection of the Rights of Compatriots Living Abroad. The Fund performs such important tasks such as protecting compatriots from any forms of discrimination, enforcing their legal rights and freedom, providing an opportunity to study their native language, preserving cultural and spiritual traditions [60].

Currently, many Russian speakers live in Spain. According to the statistics of 2017, about 73 thousand citizens of the Russian Federation lived in Spain. And this indicator is growing steadily [49]. According to the Spanish National Statistics Institute as of January 1, 2019, there were 4.9% more residents registered as immigrants from Russia [40] compared with the same indicator in 2018 (73,930 people) [11]. According to the results of 2019, the number of residents-immigrants from Russia has already reached 77,379 people [48].

Presently, most Russian compatriots who live in Spain have integrated into the business, cultural and scientific life of Spanish society and at the

same time created institutions to preserve their national identity and native language.

Such Russian-speaking organizations as Fyodor Dostoyevsky Association of Russian culture, Russian Seville Association of compatriots, Creixer Junts Association dealing with inter-country adoption, Centre of Russian language and culture association, Russian Word Association of teachers of Spain, Olimpiya Association of parents of bilingual children have been established in Madrid, Barcelona, Palma de Mallorca, Zaragoza, Pamplona and many other cities.

By creating associations, cultural centers and schools, Russian compatriots strengthen the position of Russian culture and expand cooperation between various educational institutions of Russia and Spain and promote domestic educational services. In turn, this favorably influences the consolidation of bilateral relations and creates a positive image of Russia in Spain [12, p. 97].

Different theme holidays, concerts, festivals, exhibitions and other events devoted to anniversaries of outstanding Russian cultural figures and important dates in the history of Russia are organized on a regular basis for developing educational and cultural relations with compatriots, supporting and preserving Russian spiritual, cultural and language environment so as to strengthen the positive image of Russia in Spain [7].

In this area, annual campaign devoted to the Victory Day – Memorial March, which was held in Spain in 2016 for the first time – is very important. A good tradition introducing the Spaniards to Russian history is holding patriotic and memorial festivals "Victory" and "I Remember! I'm proud!".

Besides, the activity of language courses, Saturday schools, trainings and education centers for bilinguals is worth mentioning. Both adults and children from bilingual families study here. These centers were opened upon the initiative of active Russian compatriots in Spain. There are a lot of such schools in Spain: "Azbuka", "Slovo", "Raduga" schools for children of Russian compatriots, "Parus" summer school-camp, etc. [44].

According to O. Lavrova, President of "Parus" Centre of Russian language and culture in Alicante, teaching the Russian language and literature to children will make them people of the new generation who combine and develop the best traditions of two cultures [45].

Russian-language media are of great importance for the Russian diaspora both to preserve their cultural and linguistic origin, and to inform compatriots and tourists. There is a large selection of Russian-language newspapers and magazines in Spain: "Russian Inn", "MK News of Spain", "ImpulsPlus", "SUR in Russian", "IMPULS", "LINDA", etc. There is also Russian-Language radio and TV channels: "Matrioshka FM", "RusRadio Marbella", "Smile FM", "Radio Kartina", "Russian Radio Mallorca", "Spain TV". The most popular Russian-language information websites in Spain are "AvtoSputnik Marbella", "Our Spain", "MADRIDRU.ES", "Spain in Russian", "Noticia.ru", etc. [55].

Speaking about the role of mass media, primarily the Internet, television and radio broadcasting, in the modern world, A. Sukharev rightly notes the following: "In the field of public diplomacy, the ultimate effectiveness of this work is determined not so much by a well-balanced broadcast format and its informational content, as by the creating a communications trust environment" [50, p. 307].

Results. The study shows that in the context of modern globalization processes, the success of a state in the international arena largely depends on its ability to promote its language and culture and increase its status abroad. The example of Russia shows that thanks to the promotion of the Russian language and culture in the EU countries and, in particular, in Spain, it provided direct access to the culture of the Russian peoples, and there are wide opportunities for intercultural interaction between Russia and Spain.

At the same time, today, in the conditions of confrontation with the West, Spain is one of the few countries of the European Union whose position towards Russia remains sympathetically neutral. In many ways, Madrid's similar attitude to Moscow is due to the long-standing historical and cultural relations between the two countries, which were not interrupted even in the most difficult historical periods.

In turn, Spain remains a partner for Russia, with which Moscow seeks to intensify mutually beneficial bilateral relations, considering them as an important resource for promoting its own national interests.

It can be stated that in recent years Russia has managed to maintain, and in some positions

expand its presence in Spain in the humanitarian and information spaces. It created its own institutional system in Spain, which includes state and public structures, professional organizations, and cultural centers. Rossotrudnichestvo takes a special role in the system of Russian departments operating in the field of cultural and humanitarian diplomacy. Thanks to Rossotrudnichestvo, a model for teaching the Russian language with the participation of specialists, and a successful system for testing Russian as a foreign language was created in Spain.

In turn, this contributes to the growth of Russian credibility in the Spanish market of educational services, as it is evidenced by the many years of experience in the development of double diploma programs and double postgraduate studies, as well as the agreement concluded in 2019 on the mutual recognition of education, qualifications and academic degrees.

However, based on the current situation in the world, it becomes clear that more effective measures and more powerful economic resources are required to expand the Russian humanitarian presence abroad. Moreover, it is obvious that it is the policy of promoting Russian that serves as the most important instrument of cultural diplomacy in Russia, a manifestation of the resource of its soft power in the context of globalization. With regard to Spain, the soft power policy contributes to the development of a dialogue between the world of Spain and the Russian world, strengthening mutual understanding between the peoples of the two countries, which is important for creating a positive image of Russia in Spain and in the international arena as a whole.

NOTES

[1] The publication has been prepared with the partial support of the "RUDN University Program 5-100".

REFERENCES

1. Alekseev M.P. *Russkaya kultura i romanskiy mir* [Russian Culture and Romanesque World]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1985. 542 p.

2. Andreeva T.L., Kern K.N. Lingvisticheskiy aspekt kak faktor vneshney politiki KNR v XXI v. [Linguistic Aspect as a Factor of the Foreign Policy of the People's Republic of China in the XXI Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 417, pp. 25-29.

3. Chernosvitov A.A. Kto i kak uchit russkiy yazyk v Ispanii? [Who and How Teaches Russian in Spain?]. *Russkiy yazyk za rubezhom (spetsialnyy vypusk)* [Russian Language Abroad (Special Issue)], 2017, pp. 17-25. URL: https://journal-rla.pushkininstitute.ru/files/Испания.pdf (accessed 23 June 2019).

4. *Chto takoe KABINET?* (What Is the Cabinet?). URL: https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php (accessed 27 May 2019).

5. *Deklaratsiya o strategicheskom partnerstve mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Korolevstvom Ispaniya 2009 g.* [Declaration of Strategic Alliance Between Spain and the Russian Federation 2009]. URL: http://kremlin.ru/supplement/163 (accessed 18 May 2019).

6. *Doklad MID Rossii. Russkiy yazyk v mire* [Report of the Russian Foreign Ministry. Russian Language in the World]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Russian/_Index.php (accessed 5 June 2019).

7. *Doklad o rezultatakh deyatelnosti Rossotrudnichestva po realizatsii vozlozhennykh na nego polnomochiy za 2017 god* [Report on the Results of the Activities of Rossotrudnichestvo in 2016]. URL: http://rs.gov.ru/ru/pages/389 (accessed 21 May 2019).

8. Domingo I. *Dónde estudiar ruso en España*. URL: https://www.rusalia.com/estudiar-ruso-espana (accessed 13 June 2019).

9. *Eksport rossiyskikh obrazovatelnykh uslug: Statisticheskiy sbornik. Vypusk 9* [Export of Russian Educational Services. Statistical Compilation. Issue 9]. Moscow, Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy, 2019. 536 p.

10. *El duro camino de la lengua rusa en España*. URL: https://es.rbth.com/internacional/2013/04/11/el_duro_camino_de_la_lengua_rusa_en_espana_26747 (accessed 10 May 2019).

11. *El Instituto Nacional de Estadística*. URL: https://www.ine.es/welcome.shtml (accessed 22 June 2019).

12. Ershova V.F., Gadzhieva Kh.D. Russkiy mir v Ispanii i kulturnyy dialog (1991–2015 gg.) [Russian Community in Spain and Global Cultural Dialogue (1991–2015)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 92-108. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-92-108.

13. *Ethnologue: Languages of the World*. URL: https://www.ethnologue.com/language/rus (accessed 18 May 2019).

14. *Federalnaya tselevaya programma «Russkiy yazyk» na 2016-2020 gody* ["The Russian Language"

Federal Targeted Programme for 2016–2020]. URL: http://static.government.ru/media/files/UdArRuNmg2Hdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf (accessed 3 June 2019).

15. Gorshkova M.K., Andreeva A.L. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian Society and the Challenges of Time. Book One]. Moscow, Ves Mir Publ., 2015. 336 p.

16. *Gosudarstvennyy arkhiv RF (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 9576, Op. 20, D. 1066, L. 6-7.

17. Gromyko Al.A. Russkiy yazyk i kultura v politike «myagkoi sily» Rossii [Russian Language and Culture in the Policy of "Soft Power" of Russia]. *Bolshaya Evropa v globalnom mire: novye vyzovy – novye resheniya* [Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions], 2013, pp. 9-16.

18. Gusman Tirado R. O russkom yazyke v Ispanii i v Granadskom universitete [About the Russian Language in Spain and at the University of Granada]. *Russkiy yazyk za rubezhom (spetsialnyy vypusk)* [Russian Language Abroad (Special Issue)], 2017, pp. 4-9. URL: https://journal-rla.pushkininstitute.ru/files/Испания.pdf (accessed 23 June 2019).

19. *Intervyu Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova ispanskoy gazete «El Pais», opublikovannoe 5 noyabrya 2018 goda* [Interview with Russian Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov to *El Pais* Spanish Newspaper Published on November 5, 2018]. URL: https://spain.mid.ru/web/spain_ru/-/interv-u-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-ispanskoj-gazete-el-pais-opublikovannoe-5-noabra-2018-goda (accessed 10 June 2019).

20. *Istoriya Rossotrudnichestva* [History of Rossotrudnichestvo]. URL: http://rs.gov.ru/ru/pages/122 (accessed 18 June 2019).

21. *Kontseptsiya gosudarstvennoy podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom* [Concept for State Support and Promotion of the Russian Language Abroad]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188569 (accessed 21 May 2019).

22. *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii, utverzhdennaya ot 28 iyunya 2000 g.* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation Approved on June 28, 2000]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901764263 (accessed 15 May 2019).

23. *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 12 fevralya 2013 g.* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation Dated February 12, 2013]. URL: http://archive.mid.ru//BRP_4.NSF/0/6D8424DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (accessed 15 May 2019).

24. Koroleva A.A. Strategiya «myagkoy sily» v formirovanii vneshnego imidzha Rossii i Ispanii [The Strategy of "Soft Power" in the Formation of the External Image of Russia and Spain]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Management. XXI Cent.], 2015, no. 1, pp. 97-103.

25. Krasina O.V. *«Myagkaya sila» kak teoreticheskaya konstruktsiya i vlastnaya tekhnologiya sovremennoy mirovoy politiki. Sovrem. gumanitar. akad.* ["Soft Power" as a Theoretical Design and a Powerful Technology of the Modern World Politics. Modern Humanitarian Academy]. Moscow, Izd-vo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta, 2011. 139 p.

26. Lomeyko A. *Uchenye nashli skhodstvo mezhdu DNK ispantsev i rossiyan* [Scientists Have Found Similarities Between DNA of Spaniards and Russians]. URL: https://360tv.ru/news/nauka/uchenye-nashli-shodstvo-mezhdu-dnk-ispantsev-i-rossijan/ (accessed 21 May 2019).

27. *«Mir Russkogo mira». Stenogramma podiumnoy diskussii* ["World of the Russian World." Transcript of the Podium Discussion]. URL: https://www.russkiymir.ru/analytics/tables/news/67916/ (accessed 16 May 2019).

28. Moiseev A. *Posol Rossii v Ispanii: Vysokiy interes nashikh narodov k kulture drug druga – eto aksioma* [Russian Ambassador to Spain: The High Interest of Our Peoples in Each Other's Culture Is an Axiom]. URL: http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=199 (accessed 16 May 2019).

29. Molodov O.B. Russkiy yazyk kak instrument ispolzovaniya «myagkoy sily» v stranakh tsentralnoy Azii [Russian Language as the Instrument of "Soft Power" in the Countries of Central Asia]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2017, no. 26, pp. 93-96.

30. Moseykina M.N. Diasporalnaya diplomatiya Rossii v stranakh Latinskoy Ameriki: istoricheskiy opyt i perspektivy [Diasporal Diplomacy of Russia in Latin America: Historical Experience and Prospects]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2015, no. 4, pp. 66-73.

31. Moseykina M. N. *U istokov formirovaniya Russkogo mira. XIX – nachalo XX veka* [At the Origins of the Formation of the Russian World. 19th – Early 20th Century)]. Moscow, AIRO-XXI Publ., Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2014. 392 p.

32. Moseikina M., Kuznetsova V., Kriazheva-Kartseva E., Bosrisov V. The Problems of the International Cooperation Development in the Field of Education Between Russia and Spain (On the Example of Implementation of the Double Diplomas Program for the PFUR and the UIB). *INTED2018 Proceedings*, 2018, pp. 4820-4825. DOI: 10.21125/inted.2018.0942.

33. Moseykin Y.N. Las tendencias mundiales y la reforma de la educación superior en Rusia. *España y Rusia frente a los nuevos desafíos globales*. Moscú, ILA RAN, 2016, pp. 192-198.

34. Niyazova G.A. *Lingvisticheskoe izmerenie politiki Rossii i Velikobritanii v Azerbaydzhane v kontekste globalnykh protsessov: dis. ... kand. polit. nauk* [Linguistic Dimension of the Policy of Russia and Great Britain in Azerbaijan in the Context of Global Processes. Cand. polit. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2014. 181 p.

35. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics.* New York, Public Affairs, 2005. 191 p.

36. *O XIII Kongresse Mezhdunarodnoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury (MAPRYaL)* [About the 13th Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL)]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/1802728 (accessed 24 May 2019).

37. *Ofitsialnyy sayt Instituta russkogo yazyka im. A.S. Pushkina* [Official Website of the Russian Language Institute Named After A. Pushkin]. URL: http://www.centroruso.es/ru (accessed 15 May 2019).

38. *Ofitsialnyy sayt Rossiyskogo tsentra nauki i kultury v Madride* [Official Website of the Russian Centre for Science and Culture in Madrid]. URL: http://esp.rs.gov.ru/ru (accessed 14 May 2019).

39. *Perekrestnyy god russkogo i ispanskogo yazykov okhvatit sto meropriyatiy* [The Russia-Spain Cross-Cultural Year Will Cover One Hundred Events]. URL: https://ria.ru/20150526/1066462002.html (accessed 14 June 2019).

40. *Pokupateli propisalis v Ispanii. Oni vybirayut nedvizhimost dlya immigratsii* [Buyers Apply for Residence in Spain. They Choose Property for Immigration]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4047024 (accessed 12 June 2019).

41. *Programma sotrudnichestva mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Korolevstvom Ispaniya v oblasti kultury i obrazovaniya na 2005–2007 gody* [Program of Cooperation of the Russian Federation and the Kingdom of Spain in the Field of Culture and Education for 2005–2007]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901764263 (accessed 23 May 2019).

42. *Rusia, el mercado que más crece en España*. URL: https://www.hosteltur.com/127099_rusia-mercado-crece-espana.html (accessed 6 June 2019).

43. *Russkiy mir – obshchnost vsekh, kto verit v Rossiyu* [Russian World – Community of Those Who Believe in Russia]. URL: http://румир.рф/publications/216304 (accessed 16 May 2019).

44. *Russkie shkoly v Ispanii* [Russian Schools in Spain]. URL: https://espanarusa.com/ru/pedia/article/551522 (accessed 17 May 2019).

45. *Russkie shkoly v Ispanii: obyedinyaya detey, my obyedinyaem i ikh roditeley* [Russian Schools in Spain: Uniting Children, We Unite Their Parents]. URL: https://www.russkiymir.ru/publications/233383 (accessed 31 May 2019).

46. Smirnov N.A. *Rol publichnoy diplomatii v sovremennykh politicheskikh protsessakh: dis. ... kand. polit. nauk* [Role of Public Diplomacy in Modern Political Processes. Cand. polit. sci. diss.]. Moscow, 2017. 167 p.

47. *Sovmestnoe zasedanie Soveta po mezhnatsionalnym otnosheniyam i Soveta po russkomu yazyku* [Joint Meeting of the Council on Interethnic Relations and the Council on the Russian Language]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/49491 (accessed 18 May 2019).

48. *Statista*. URL: https://es.statista.com (accessed 22 December 2019).

49. *Sube el número de emigrantes de Rusia*. URL: https://datosmacro.expansion.com/demografia/migracion/emigracion/rusia?anio=2017#geo (accessed 30 May 2019).

50. Sukharev A.I. *Transgumanitarnoe izmerenie politiki: Opyt issledovaniya institutsionalizatsii NPO-seti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Trans-Humanitarian Dimension of Foreign Policy: The Experience of Institutionalizing the Non-Governmental Environment in International Relations]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2009. 442 p.

51. Tishkov V.A. Yazyki natsii [The Languages of Nation]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 86, no. 4, pp. 291-303.

52. Tishkov V.A. Russkiy mir: smysl i strategii [Russian World: Meaning and Strategy]. *Strategii Rossii* [Russian Strategies], 2007, no. 7. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035&start_from=&ucat=14& (accessed 9 June 2019).

53. Tsvyk G.I. *Prodvizhenie russkogo yazyka v KNR kak instrument kulturnoy diplomatii Rossiyskoy Federatsii v 2001–2017 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Promotion of the Russian Language in the People's Republic of China as an Instrument of Cultural Diplomacy of the Russian Federation in 2001–2017. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2018. 157 p.

54. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii «O sozdanii fonda «Russkiy mir»* [Decree of the President of the Russian Federation on the Establishment of the Russkiy Mir Foundation]. URL: https://rg.ru/2007/06/23/fond-dok.html (accessed 7 May 2019).

55. *V Ispanii nachal rabotu novyy russko-ispanskiy internet-portal* [A New Russian-Spanish Internet Portal Has Been Launched in Spain]. URL: http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=5836 (accessed 27 May 2019).

56. *V universitete Granady otkryt «Russkiy tsentr» 22.05.2015* [The Russian Center Opens at the University of Granada]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/1511566 (accessed 25 May 2019).

57. *V universitete Valensii otkryvaetsya Russkiy tsentr* [The Russian Center Opens at the University of Valencia]. URL: https://gorchakovfund.ru/news/view/v-universitete-valensiya-otkryvaetsya-russkiy-tsentr (accessed 26 May 2019).

58. Vepretskaya T.Yu. Mastera kultury: Khose Karreras i Plasido Domingo v Rossii [Masters of Culture: Placido Domingo and Jose Carreras in Russia]. *Ispaniya i Rossiya: diplomatiya i dialog kultur. Tri stoletiya otnosheniy* [Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures. Three Centuries of Relationships]. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 440-444.

59. Veselova I. International Cooperation in the Area of Training Highly Qualified Academic Specialists (The Case of Double PhD Program Between the PFUR and the UIB). *INTED 2019 Proceedings: 13th International Technology, Education and Development Conference. Valencia, 2019*. Valencia, 2019, pp. 3696-3699. DOI: 10.21125/inted.2019.0944-3699.

60. Vsemirnyi kongress sootechestvennikov [World Congress of Compatriots]. *Ofitsialnyy sayt Posolstva Rossiyskoy Federatsii v Korolevstve Ispaniya* [Official Website of the Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Spain]. URL: https://spain.mid.ru/web/spain_ru/-/vsemirnyj-kongress-sootecestvennikov (accessed 29 May 2019).

Information About the Author

Viktoriia V. Kuznetsova, Postgraduate Student, Department of Russian History (Dual Degree Ph.D. Programme Between RUDN University and the University of the Balearic Islands, Spain), Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklay St., 6, 117198 Moscow, Russian Federation, kuznetsova_vv@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0003-4545-1676

Информация об авторе

Виктория Владимировна Кузнецова, аспирант кафедры истории России (программа двойной аспирантуры между РУДН и Университетом Балеарских островов, Испания), Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, kuznetsova_vv@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0003-4545-1676

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17

UDC 323.2
LBC 66.3(2Poc),1

Submitted: 23.03.2020
Accepted: 07.04.2020

CHARACTER OF PROTEST POLITICAL MOBILIZATION IN THE REGIONAL PUBLIC SPACE OF VOLGOGRAD REGION [1]

Sergey D. Gavrilov
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Kirill M. Makarenko
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the protest political mobilization in the regional political space of Volgograd region. Particular attention is paid to the study of the main conditions and causes of protest activity in the context of implementing public policy in Volgograd region. The relevance of the problem field is due to the need for a political analysis of the characteristics of the population mobilization at the regional level, including their comparison with federal trends. *Methodology and methods.* The authors conceptualize political mobilization on the basis of the theoretical principles of the theory of collective behavior of G. Blumer, E. Hoffer, T. Garr and the rational basis for the mobilization of D. Gupt. The methodological basis of the study is the theory of collective action (Ch. Tilly), on the basis of which it is concluded that political mobilization is defined as a combination of institutional and social conditions that allow actors to rationally evaluate transaction costs and possible gains from mobilization actions. The analysis of the regional public policy system is based on the conclusions contained in the works of Yu.O. Gaivoronsky, S.I. Morozov, S.A. Pankratov. The empirical basis of the study is the public opinion polls of the Levada Center, expert and analytical materials on the state of protest activity of the Institute of Regional Expertise, as well as the results of monitoring data from Internet resources obtained with the direct participation of the authors in March 2020. *Analysis*. The modern Russian socio-political system is a synthesis of two opposites: a hermetically "closed" institutional political structure, which is determined by the situation of internal uncertainty, and an active social component. At the same time, the specifics of the regional public space of Volgograd Region is a combination of the subject composition of the institutional design of the regional political regime based on copying the features of the federal regime, as well as the diversity of the regional themes of socio-political protest. Based on the results obtained by the case-study method, it was found that the protest dynamics in Volgograd region show a downward trend, however, any manifestations of public protest activity in the region implicitly imply a political nature in direct proportion to the number of participants: the greater the number of participants in the protest stocks, the higher the degree of its politicization. *Results.* According to the results of the study, it was revealed that the protest political mobilization in the public space of Volgograd region is characterized by: firstly, the prevalence of regional problems over federal ones in the protest discourse; secondly, the lack of strong institutional structures that can mobilize material and organizational resources; thirdly, a critically low number of protesters; fourthly, the spontaneous nature of mobilization. A special feature of political mobilization in the regional dimension is the low social potential of the protest and the lack of effective mechanisms for political and communicative interaction between government institutions and the population of Volgograd region on a specific range of problems of a public nature. In order to overcome the shortcomings of dialogue communication, within the framework of representative democracy, the authors propose recommendations for the main actors of the public political space (regional authorities, expert community and civil society institutions).

Key words: political mobilization, political activity, protest potential, public space, public policy institutions, Volgograd region.

Citation. Gavrilov S.D., Makarenko K.M. Character of Protest Political Mobilization in the Regional Public Space of Volgograd Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 192-203. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17

© Гаврилов С.Д., Макаренко К.М., 2020

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос),1

Дата поступления статьи: 23.03.2020
Дата принятия статьи: 07.04.2020

ХАРАКТЕР ПРОТЕСТНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ [1]

Сергей Дмитриевич Гаврилов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу протестной политической мобилизации в региональном политическом пространстве Волгоградской области. Особое внимание уделяется исследованию основных условий и причин протестной активности в контексте реализации публичной политики в Волгоградской области. Актуальность проблемного поля обусловлена необходимостью политологического анализа характеристик мобилизации населения на региональном уровне, в том числе их сравнение с общефедеральными тенденциями. *Методология и методы.* Авторы концептуализируют политическую мобилизацию на основе теоретических положений теории коллективного поведения Г. Блумера, Э. Хоффера, Т. Гарра и рациональных оснований мобилизации Д. Гупта. Методологическую основу исследования составляет теория коллективного действия (Ч. Тилли), на основе которой делается вывод о том, что политическая мобилизация определяется как совокупность институциональных и социальных условий, позволяющих акторам рационально оценить транзакционные издержки и возможные приобретения от мобилизационных действий. Анализ региональной системы публичной политики базируется на выводах, содержащихся в работах Ю.О. Гайворонского, С.И. Морозова, С.А. Панкратова. Эмпирической основой исследования выступают опросы общественного мнения населения «Левада-центра», экспертно-аналитические материалы о состоянии протестной активности АНО «Институт региональной экспертизы», а также результаты мониторинга данных интернет-ресурсов, полученных при непосредственном участии авторов в марте 2020 года. *Анализ.* Современная российская общественно-политическая система представляет собой синтез двух противоположностей: герметично «закрытую» институциональную политическую структуру, которая определена ситуацией внутренней неопределенности, и активную социальную составляющую. Вместе с тем специфика регионального публичного пространства Волгоградской области представляет собой совокупность субъектного состава институционального дизайна регионального политического режима, основанного на копировании черт федерального режима, а также многообразие региональной тематики общественно-политического протеста. На основе результатов, полученных методом case-study, установлено, что протестная динамика в Волгоградской области демонстрирует нисходящий тренд, вместе с тем, любые проявления публичной протестной активности в регионе имплицитно подразумевают политический характер в прямой пропорциональной зависимости от количества участников: чем больше количество участников протестной акции, тем выше степень ее политизации. *Результаты.* По итогам проведенного исследования выявлено, что протестная политическая мобилизация в публичном пространстве Волгоградской области характеризуется: во-первых, превалированием региональных проблем над федеральными в протестном дискурсе; во-вторых, отсутствием сильных институциональных структур, способных мобилизовать материальные и организационные ресурсы; в-третьих, критически низким количеством протестующих; в-четвертых, стихийным характером мобилизации. Особой чертой политической мобилизации в региональном измерении является низкий социальный потенциал протеста и отсутствие действенных механизмов политико-коммуникативного взаимодействия между институтами власти и населением Волгоградской области по определенному кругу проблем публичного характера. С целью преодоления недостатков диалогового общения, в рамках представительной демократии авторами предложены рекомендации для основных акторов публичного политического пространства (органов региональной власти, экспертного сообщества и институтов гражданского общества). С.Д. Гаврилов провел анализ регионального пространства публичной политики, интерпретировал результаты анализа протестной активности Волгоградской области, сформулировал рекомендации основным акторам регионального политического процесса. К.М. Макаренко систематизировал теоретико-методологические подходы к анализу политической мобилизации, провел анализ эмпирических данных «Левада-центра» и мониторинг данных региональных СМИ.

Ключевые слова: политическая мобилизация, политическая активность, протестный потенциал, публичное пространство, институты публичной политики, Волгоградская область.

Цитирование. Гаврилов С. Д., Макаренко К. М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 192–203. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17

Введение. Проблема политической мобилизации перманентно актуализируется в связи с участившимися случаями коллективных действий как в России (в том числе в ее регионах), так и мире. В ретроспективе последних лет фиксируется целый ряд событий, исход которых показывает значимость социальных действий масс граждан, ставящих перед собой единую политическую (и не только) цель. За последнее десятилетие в России случались периоды пика и спада политической протестной активности – от акций «за честные выборы» в 2011–2012 гг. до «мусорной» и «пенсионной» реформ. Вместе с тем общефедеральная повестка часто уступала первенство отдельным региональным кейсам, таким как митинги против строительства никелевого завода в Урюпинске Волгоградской области, протесты по поводу экологической ситуации в Архангельской области, митинги против строительства храма в Екатеринбурге, акции «Допускай», связанные с выборами в Московскую городскую Думу и т. д. В связи с этим наиболее актуальным становится анализ региональной специфики политической протестной мобилизации в публичном пространстве.

Вместе с тем политическое пространство Волгоградского региона обусловлено интеракциями институциональных акторов в контексте существующих формальных и неформальных практик управления, в том числе мобилизации, а также механизмов и технологий достижения общественно-политического консенсуса с целью оптимизации системы политико-административного управления. Особый научный интерес заключен в том числе в проблематике определения позиции Волгоградской области в общефедеральной системе публичной политики с точки зрения протестной мобилизации населения.

Методология и методы исследования. Политическая мобилизация – важный общественно-политический феномен, особое внимание к которому было уделено во второй половине XX в., что обусловливалось ростом общественных движений различной направленности, начиная от социальных движений за гражданские права, заканчивая экологическими активистами. В связи с этим выработалось несколько ключевых подходов к изучению причин, форм и циклов политической мобилизации:

– теория коллективного поведения, базирующаяся на том, что основной причиной политической мобилизации выступает социальная напряженность. В данном подходе хотелось бы выделить исследования Г. Блумера, одного из основоположников данной традиции в изучении групповой активности как результата объединения индивидов на основе общих экспектаций ради выполнения коллективных целей [1]. Э. Хоффер оригинально представил структуру и причины образования масс в работе «Человек убежденный» [18]. Особое внимание автора привлекло исследование Т. Гарра, опубликованное в работе «Почему люди бунтуют?». Фундаментальным тезисом работы послужило выражение, согласно которому протесты (протестная мобилизация) являются следствием разрыва между «ценностными экспектациями и ценностными возможностями», который возникает в результате резкого падения уровня жизни граждан, следующего после периода экономического роста [3];

– рациональный подход, базирующийся на институциональной природе политической мобилизации, где участие в социальном движении является результатом рациональной оценки сложившейся ситуации и сформированной ресурсной базы [5, с. 10]. Также внимания заслуживают положения, обоснованные в работе «Понимая терроризм и политическое насилие» Д. Гупта, согласно которым индивид рационализирует участие в коллективных действиях, оценивая экономические выгоды и субъективные издержки от включения в подобные акции [20].

Методологическую основу исследования составляет теория коллективного действия, представляющая собой логичный синтез как психологических, так и институциональных оснований мобилизационных действий. Авторы придерживаются трактовки американского исследователя Ч. Тилли, определившего в качестве центрального места изучения политической мобилизации – структуру политических возможностей, то есть тех институциональных и социальных условий, позволяющих акторам рационально оценить транзакционные издержки и возможные приобретения от мобилизационных действий [16]. В качестве конкретных методов исследования используются методы кейс-стади, позволяющие провести системный анализ конкретных практик протестной мобилизации, а также сводка и группировка материалов статистического наблюдения, создающие возможность для обработки информации и представления эмпирически значимых выводов. Помимо этого, анализ эмпирической информации основывается на количественных методах сбора и обработки данных, представленных аналитическим центром «Левада-центр» и «Институтом региональной экспертизы».

Анализ. Логика изучения политической мобилизации в модернистском ключе детерминирует понимание изучаемого феномена как необходимого условия крупных общественных изменений. Политическая мобилизация представляет собой процесс вовлечения индивидов и социальных групп в различные формы политической активности. При этом форма активности, ее тип и характер определяются рядом критериев: 1) объемом имеющихся материальных, темпоральных, социальных ресурсов; 2) доминирующими общественными настроениями; 3) совокупностью внутренних и внешних факторов давления на общественно-политическую систему; 4) целями и задачами субъекта (актора) политической мобилизации.

Российская общественно-политическая система представляет собой синтез двух противоположностей: герметично «закрытую» институциональную политическую структуру и активную социальную составляющую, которые находятся в динамическом равновесии при последовательных «атаках» друг на друга. Цикличный характер «атак» определяется синусоидой смены массовых гражданских акций протеста на периоды репрессий. Невозможность инкорпорирования социальной активности в политическую систему современной России определяется характерными чертами «власти-моносубъекта». Власть в России исторически воспринимается как «единая и неделимая, качественно однородная» [10, с. 37]. Отсутствие строго определенных институциональных механизмов циркуляции элит приводит к изменению «паттернов представительства и участия» [19], что выражается в увеличении доли стихийных, неинституциональных форм участия. Симптоматично о подобных системах писал С. Хантингтон в книге «Политический порядок в меняющихся обществах»: «Темпы социальной мобилизации и роста политической активности населения высоки; темпы политической организации и институционализации низки. Результатом оказываются политическая нестабильность и беспорядок» [17, с. 25–26].

Специфика регионального публичного пространства Волгоградской области обусловлена как субъектным составом институционального дизайна регионального политического режима, так и характером сферы публичной политики, в том числе тематикой общественно-политического протеста. Институциональная специфика современного политического режима Волгоградской области обусловлена тенденциями как общефедерального, так и регионального уровней. Общефедеральные тенденции представляют собой особенности реализации общенационального политического курса в контексте осуществления политической модернизации России с учетом «неоднозначности реализации отечественной политической модернизации, незавершенности административной реформы» [9, с. 118]. Тенденции регионального уровня опосредованы изменением положения статусов различных институтов по отношению к процессу принятия решений (как политических, так и административно-политических), обусловленным сменой электорального цикла выборов главы региона, а также общественно-политической повесткой дня. Отметим, что адаптация институциональной системы регионального политического режима к общефедеральной

системе «вертикали власти», ее практикам и инструментам мобилизации происходила в условиях ослабления демократичности и формирования сильного центра региональной власти. Так, примечательно, что на протяжении периода «губернаторов-варягов» в Волгоградской области фиксируется низкий уровень публичной ответственности перед обществом – «у назначаемых губернаторов (как у А.Г. Бровко, так и у С.А. Боженова) отсутствует представление о подлинном носителе суверенитета и легитимности – обществе» [2, с. 293]. Данная тенденция может быть применена и к периоду первого срока полномочий А.И. Бочарова (даже несмотря на то что в сентябре 2014 г. он был избран губернатором Волгоградской области на досрочных выборах с результатом 88,49 % при явке 38,72 % [11]).

Региональное пространство публичной политики определено, с одной стороны, дублированием общероссийских тенденций, с другой – тематикой общественно-политической повестки дня, уникальной исключительно для Волгоградской области. Относительно первого тезиса авторы подразумевают издержки централизации региональных систем управления, что проявляется в политизации гражданского контроля и общественной экспертизы как наиболее целесообразных политических возможностей населения, позволяющих рационально оценить риски, издержки и возможные приобретения от мобилизационных действий. При этом публичная политика напрямую отражает достаточно сложные реалии политико-коммуникативных моделей, используемых различными акторами политического процесса в России. Вместе с тем, как отмечает С.И. Морозов, «явно проявляется недостаточно координированное взаимодействие отечественных государственных и негосударственных акторов; наблюдается отсутствие четких, институционально закрепленных “правил игры” в сфере информационного регулирования, обеспечения информационной безопасности» [6, с. 250]. Вследствие этого публичный протест олицетворяет для населения форму выражения недовольства существующей асистемности в политическом пространстве. Стоит отметить, что проблема институциональной несогласованности типична и для Волгоградской области, так как региональный политический режим в большей части копирует общефедеральную систему осуществления власти.

При этом суть мобилизации протестующих имеет в том числе региональную специфику, которая основана на актуальных проблемах, специфичных для Волгоградской области. Стоит отметить, что в последние годы публичное пространство региона было обусловлено протестной тематикой. Так, по данным исследований АНО «Институт региональной экспертизы» за январь – апрель 2019 г., Волгоградскую область представляется возможным идентифицировать как наиболее протестный регион, который в отдельные периоды входил в «красную» группу [4; 12; 13; 14]. На основании данных, представленных в материалах АНО «Институт региональной экспертизы» за январь – апрель (наиболее актуальные данные) 2019 г., считаем целесообразным показать позицию Волгоградской области в сравнении с регионами, административным центром которых являются города-миллионники, обладающие наибольшим протестным потенциалом (Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область), путем составления графика, в котором ось X фиксирует период замера протестной активности, ось Y – позицию в рейтинге по типу ранжируемости от 1 – наиболее протестный регион, 85 – наименее протестный регион.

Визуализация графиков (сравнение показателей Волгоградской области и наиболее протестных регионов и сравнение показателей регионов Южного федерального округа) позволяет сделать вывод о том, что Волгоградская область хоть и имеет нисходящий тренд динамики протестной активности, но вместе с тем занимает высокую позицию среди крупнейших протестных регионов и ЮФО. Важно также отметить, что среди причин протестов в Волгоградской области за вышеуказанный период формирования рейтинга региональная тематика составила 57 % в социально-экономическом блоке и 25 % в политическом блоке. Данные обстоятельства указывают, что мобилизационные практики обусловлены как федеральными, так и региональными аспектами сферы публичной политики. Вместе с тем у авторов статьи нет оснований утвер-

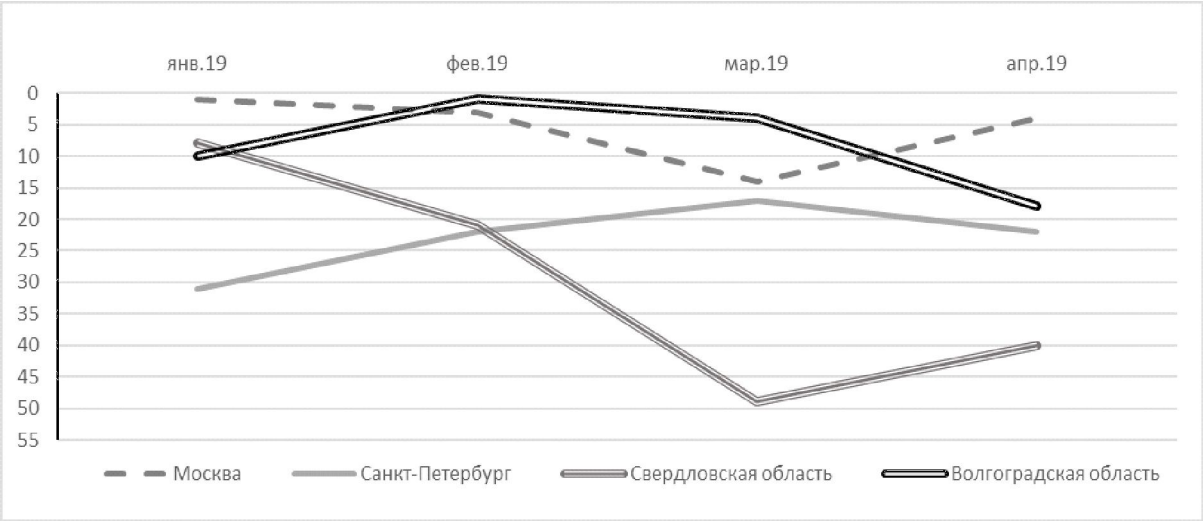

Рис. 1. Рейтинг протестной активности отдельных регионов Российской Федерации (сравнение показателей Волгоградской области и наиболее протестных регионов) за период январь – апрель 2019 г.

Fig. 1. Rating of protest activity of several regions of the Russian Federation (comparison of the indicators of Volgograd region and the most protest regions) for January–April 2019

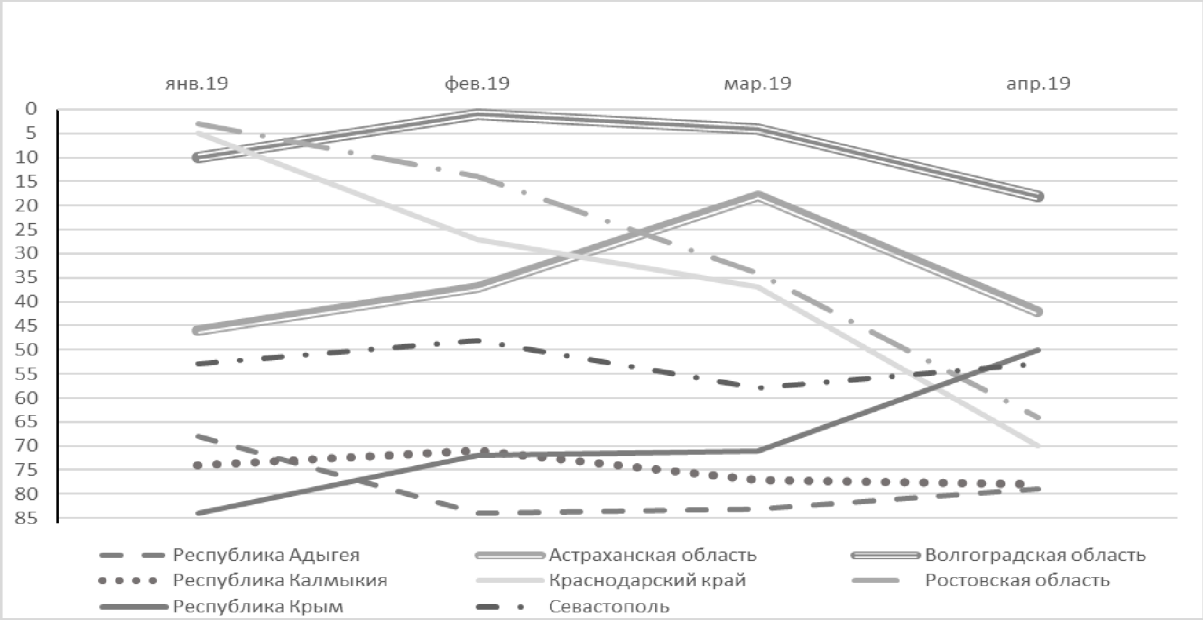

Рис. 2. Рейтинг протестной активности отдельных регионов Российской Федерации (сравнение показателей регионов Южного федерального округа) за период январь – апрель 2019 г.

Fig. 2. Rating of the protest activity of several regions of the Russian Federation (comparison of the indicators of Southern Federal District regions) for January–April 2019

ждать, что в волгоградских реалиях возможно создание мощных социальных движений (объединенных единой глобальной проблемой).

На основании данных, представленных на сайте Левада-центр [8], авторы на одной плоскости построили два графика: потенциал протеста с политическими требованиями и потенциал протеста с экономическими требованиями. Ось *X* представленного графика фиксирует дату проведения опроса, ось *Y* – процент респондентов, положительно отвечавших на вопрос о готовности принять участие в протестах.

Рис. 3. Сравнение потенциала протеста с политическими и экономическими требованиями в Российской Федерации

Fig. 3. Comparison of protest potential with political and economic demands in the Russian Federation

Визуализация графика позволяет сделать вывод о приоритетном характере экономических проблем в современном российском обществе. Хоть графики и находятся в определенной корреляционной взаимосвязи, потенциал экономического протеста (в среднем на 5 %) выше политического.

Анализ и обработка местных протестных кейсов в Волгоградском регионе позволяет построить график, отражающий некоторые мобилизационные тренды местной публичной политики. Основанием графика послужили протестные кейсы за период с апреля 2014 г. (назначение А.И. Бочарова врио губернатора Волгоградской области), удовлетворяющие двум критериям: 1) масштаб участников акций свыше 100 человек; 2) широкий общественный резонанс (освещение событий в региональных СМИ).

Отбор событий осуществлялся на сетевом издании «В1.ру» [15], что обусловлено возможностью обеспечения расширенного поиска информации. Так, в качестве поискового запроса выступала единица счета – «массовый протест». В результате заданных характеристик поиска была сформирована база данных, представленная статьей 131 указанной тематики. В соответствии с обозначенными критериями был выделен ряд событий, зафиксированных на графике.

Таким образом, выделенные протестные события стали «точками» на графике. Ось *X* отражает дату проведения протестной акции, ось *Y* – диапазон участников (на графике представлена «верхняя планка» участников акций).

Как видно на графике, протестная динамика в Волгоградском регионе демонстрирует нисходящий тренд. Анализ выделенной совокупности протестных кейсов позволяет сделать следующие значимые выводы:

– из 12 массовых акций протеста 7 направлены на местные проблемы, 5 – региональное отражение общефедерального тренда, что подтверждает продолжающуюся тенденцию совмещения федеральной и региональной повестки дня в публичном пространстве Волгоградской области;

– наиболее массовая протестная акция (антикоррупционный митинг) 26 марта 2017 г. имела общефедеральный характер и являлась аномальной по количеству участников для Волгоградской области. Реальный масштаб протестующих, проявляющих фрустрацию в связи с проблемами местного характера, лишь единожды превысил 500 человек;

– протестная мобилизация по региональным проблемам имеет общий тренд: массовые акции имеют стихийный характер, коллективные действия организуются без поддержки институциональных структур;

– политический протест в Волгоградской области доминирует в практиках одиночных, либо малых групповых акций, именно данным фактом обусловлен «высокий» уровень

Массовые протесты в Волгоградской области (2014–2020 гг.)

Mass protests in Volgograd region (2014–2020)

Дата проведения акции	Цель мероприятия	Количество участников	Основание протеста
16 октября 2014 г.	Митинг против строительства ресторана KFC на территории парка в Спартановке	300–400 человек	Экологическое
27 ноября 2014 г.	Митинг за восстановление работоспособности «Химпрома»	500–800 человек	Социально-экономическое
4 июля 2016 г.	Митинг против новой транспортной системы	500 человек	Социально-экономическое
26 марта 2017 г.	Антикоррупционные митинги А.А. Навального	800–1500 человек	Политическое
28 марта 2017 г.	«Протест маршрутчиков»	200 человек	Социально-экономическое
2 апреля 2017 г.	Акция в поддержку политзаключенных	200–300 человек	Политическое
2 апреля 2017 г.	Митинг жителей Гумрака из-за работы по реконструкции шоссе Авиаторов	200 человек	Социально-экономическое
12 июня 2017 г.	Митинг сторонников А. Навального на площади Металлургов	500 человек	Политическое
16 июня 2017 г.	Стихийный митинг в п. им. М. Горького из-за слухов о строительстве полигона твердых бытовых отходов	100 человек	Экологическое
28 июля 2018 г.	Митинг против пенсионной реформы	500 человек	Социально-экономическое
11 августа 2018 г.	Митинг против пенсионной реформы	100 человек	Социально-экономическое
16 апреля 2019 г.	Протест водителей «Яндекс.Такси»	150 человек	Социально-экономическое

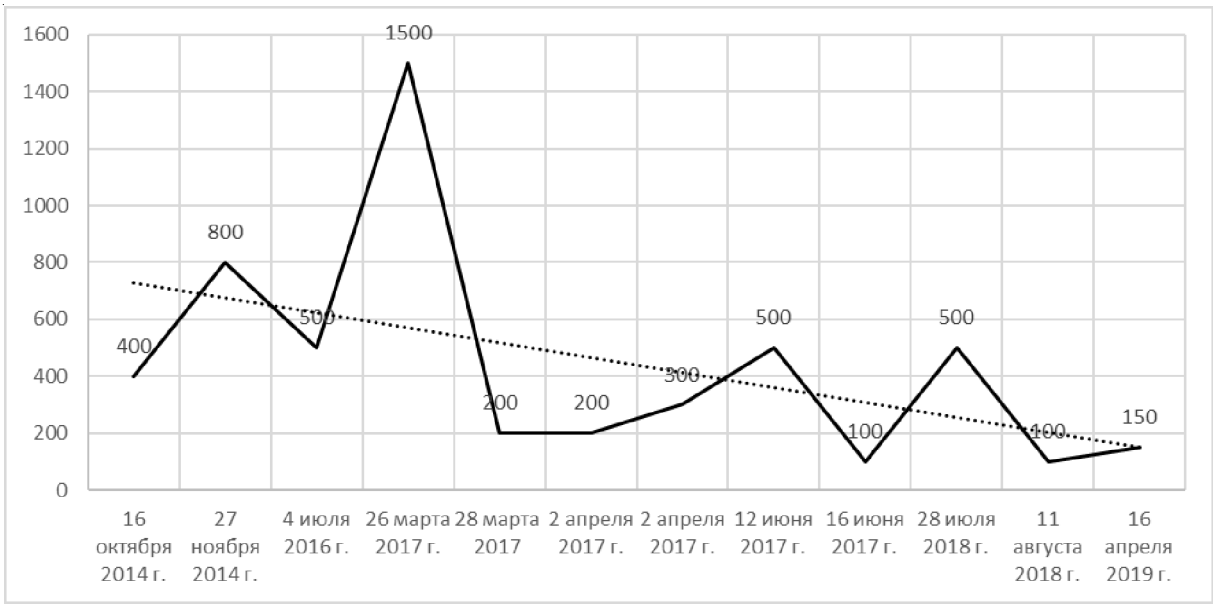

Рис. 4. Практики протестной мобилизации в Волгограде

Fig. 4. Practices of protest mobilization in Volgograd

протестности региона при низком количестве массовых публичных акций протеста.

Причины волгоградских массовых протестов имеют, как правило, социально-экономическое основание (приоритет экономических причин протеста совпадает с общефедеральной повесткой, представленной на рисунке 3 «Сравнение потенциала протеста с политическими и экономическими требованиями в Российской Федерации»). Из 12 массовых протестных акций в Волгоградской области (с апреля 2014 по март 2020 г.), с определенными издержками, можно выделить 7 акций социально-экономического характера, 3 – политического и 2 – экологического. При этом стоит отметить, что любые проявления пуб-

личной протестной активности имплицитно подразумевают политический характер в прямой пропорциональной зависимости от количества участников: чем больше количество участников протестной акции, тем выше степень ее политизации.

Среднее арифметическое от общего количества участников акций – 437,5 человек. При этом, если для чистоты исследования удалить из всей совокупности 1 наиболее (митинг 26 марта 2017 г.) и 1 наименее (митинг 16 июня 2017 г. или 11 августа 2018 г.) массовую акцию, то среднее количество участников уменьшается до 365 человек. Антикоррупционный митинг 26 марта 2017 г. – пиковая акция протестной мобилизации в Волгоградской области, после которой начался нисходящий мобилизационный тренд, вызванный исчерпанием ресурсной базы (социальной и организационной). Объяснение данному феномену исходит из природы (социальной, массовой, политической) мобилизации: индивиды готовы объединяться в группы и бороться, создавать институциональные структуры только в том случае, когда индивидуальные и групповые интересы будут совпадать. Схожая экономико-ориентированная логика была описана М. Олсоном: «[участники большой группы] не станут прилагать никаких усилий для достижения общегрупповых целей до тех пор, пока на них не будет оказано давление или каждому из них не будет предложен индивидуальный мотив к подобному действию» [7, с. 2].

Результаты. Характер протестной политической активности в публичном пространстве Волгоградской области обусловлен рядом социально-экономических и политических аспектов:

– во-первых, региональная система публичной политики проецирует общефедеральную тенденцию институциональной неопределенности и несогласованности акторов политического процесса;

– во-вторых, протестная активность определена совокупностью трех оснований – социально-экономическими, политическими и экологическими проблемами общефедерального и регионального уровней;

– в-третьих, массовые акции имеют стихийный характер, коллективные действия организуются без поддержки институциональных структур.

Протестная политическая мобилизация в регионе имеет ряд особенностей: превалирование местных проблем в протестном дискурсе, отсутствие сильных институциональных структур, способных мобилизовать материальные и организационные ресурсы (местное отделение КПРФ и штаб Навального в Волгограде дискредитировали себя для потенциального протестного электората и активизируют на социально-политическую активность лишь местных активистов), критически низкое для города-миллионника количество протестующих (из расчета среднего арифметического по всем массовым протестным акциям 2014–2020 гг.), стихийный (сиюминутный) характер мобилизации.

Низкий социальный потенциал протеста и отсутствие действенных механизмов политико-коммуникативного взаимодействия между институтами власти и представителями части общества, испытывающей фрустрацию по определенному кругу проблем публичного характера, актуализирует потребность в поиске иных методов диалогового общения в рамках представительной демократии. В соответствии с этим, считаем целесообразным рекомендовать органам региональной власти использовать в своей деятельности ресурсы общенациональных и региональных дискуссионных, консультационных площадок с целью повышения результативности управления социально-политическим протестами и выработки единых «правил игры» для всех акторов публичной политики. С целью минимизации рисков радикализации протеста и выстраивания позитивной публичной повестки в регионе считаем уместным предложить экспертно-аналитическим центрам проявлять инициативу по внедрению современных разработок в области управления коллективными действиями и поведением масс. Региональным средствам массовой информации как основному субъекту трансляции информации необходимо придерживаться нейтральной тональности публикаций с целью сохранения стабильности коммуникационных стратегий акторов публичной политики и недопущения провокаций стихийных массовых акций. Институтам гражданской самоорганизации в Волгоградс-

кой области при осуществлении публичной деятельности следует использовать ресурсы политической мобилизации, основанные на конструктивной публичной критике существующих системных проблем.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 р_а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

The reported study was funded by RFBR and Volgograd Region Administration in the framework of research project no. 19-411-340006 p_a "Socio-Political Design of Public Space and Mass Communication System in the Regions of the Russian Federation (The Example of the Volgograd Region)".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер ; пер. с англ. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 168–215.

2. Гайворонский, Ю. О. Вызовы централизации и трансформации региональных политических режимов (на примере Волгоградской области) / Ю. О. Гайворонский // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 281–296.

3. Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр. – СПб. : Питер, 2005. – 461 с.

4. «Заметный март»: рейтинг протестной активности регионов РФ, март 2019 года // ИА REGNUM. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2609425.html (дата обращения: 28.02.2020). – Загл. с экрана.

5. Климов, И. А. Социальная мобилизация: к истории понятия / И. А. Климов // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 1. – С. 6–23.

6. Морозов, С. И. Практики взаимодействия государственных и негосударственных акторов в контексте регулирования системы массовой коммуникации в Российской Федерации / С. И. Морозов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 241–253. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4. 2020.1.20.

7. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.

8. Оценка текущего положения дел в стране: исследования аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane (дата обращения: 18.03.2020). – Загл. с экрана.

9. Панкратов, С. А. Система административно-политического управления в Волгоградской области: ресурсы и технологии модернизации / С. А. Панкратов, С. И. Морозов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – Т. 20, № 2 (32). – С. 118–121.

10. Пивоваров, Ю. С. «Русская Система» как попытка понимания русской истории / Ю. С. Пивоваров, А.И. Фурсов // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 37–48.

11. Результаты выборов. Досрочные выборы Губернатора Волгоградской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.volgograd.vybory.izbirkom.ru/region/region/volgograd?action=show&root=1&tvd=2342000923659&vrn=2342000923655&region=34&global=&sub_region=34&prver=0& pronetvd=null&vibid=2342000923659&type=234 (дата обращения: 20.03.2020). – Загл. с экрана.

12. Рейтинг протестной активности регионов России, апрель 2019 года // ИА REGNUM. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2626970.html (дата обращения: 20.03.2020). – Загл. с экрана.

13. Рейтинг протестной активности регионов России, февраль 2019 года // ИА REGNUM. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2588639.html (дата обращения: 20.03.2020). – Загл. с экрана.

14. Рейтинг протестной активности регионов России, январь 2019 года // ИА REGNUM. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2568900.html (дата обращения: 20.03.2020). – Загл. с экрана.

15. Сетевое издание «В1.ру». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://v1.ru (дата обращения: 20.03.2020). – Загл. с экрана.

16. Тилли, Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тилли ; пер. с англ. Д. Карасева ; под науч. ред. С. Моисеева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 432 с. – DOI: https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3.

17. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

18. Хоффер, Э. Человек убежденный: личность, власть и массовые движения / Э. Хоффер. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 200 с.

19. Fairbrother, P. Changing Patterns of Union Organisation? Representation and Participation: What is happening in Anglo-American Trade Union Movements? / P. Fairbrother // 18th Annual International Labour Process Conference, April 25–27, 2000. – Scotland : Univ. of Strathclyde, 2000.

20. Gupta, D. Understanding Terrorism and Political Violence: The Life Cycle of Birth, Growth, Transformation, and Demise / D. Gupta. – L. : Routledge, 2008. – 304 p.

REFERENCE

1. Blumer G. Kollektivnoe povedenie [Collective Behavior]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl* [American Sociological Thought]. Moscow, Izd-vo MGU, 1994, pp. 168-215.

2. Gayvoronskiy Yu.O. Vyzovy tsentralizatsii i transformatsii regionalnykh politicheskikh rezhimov (na primere Volgogradskoy oblasti) [Challenges of Centralization and Transformation of Regional Political Regimes (On the Example of Volgograd Region)]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2014, vol. 10, no. 1, pp. 281-296.

3. Garr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why Men Rebel]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2005. 461 p.

4. «Zametnyy mart»: reyting protestnoy aktivnosti regionov RF, mart 2019 goda [Noticeable March: Rating of the Protest Activity of the Regions of the Russian Federation, March 2019]. *IA REGNUM* [Regnum News Agency]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2609425.html (accessed 28 February 2020).

5. Klimov I.A. Sotsialnaya mobilizatsiya: k istorii ponyatiya [Social Mobilization: Toward a History of the Concept]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2004, no. 1, pp. 6-23.

6. Morozov S.I. Praktiki vzaimodeystviya gosudarstvennykh i negosudarstvennykh aktorov v kontekste regulirovaniya sistemy massovoy kommunikatsii v Rossiyskoy Federatsii [Practices of Interaction of State and Non-State Actors in the Context of Regulation of the Mass Communication System in the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 241-253. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.20.

7. Olson M. *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Moscow, FEI, 1995. 174 p.

8. *Otsenka tekushchego polozheniya del v strane: issledovaniya analiticheskogo tsentra Yuriya Levady «Levada-tsentr»* [Assessment of the Current State of Affairs in the Country: Research by the Analytical Center of Yuri Levada "Levada Center"]. URL: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane (accessed 18 March 2020).

9. Pankratov S.A., Morozov S.I. Sistema administrativno-politicheskogo upravleniya v Volgogradskoy oblasti: resursy i tekhnologii modernizatsii [The System of Administrative and Political Management in the Volgograd Region: Resources and Technologies of Modernization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, vol. 20, no. 2 (32), pp. 118-121.

10. Pivovarov Iu.S., Fursov A.I. «Russkaya Sistema» kak popytka ponimaniya russkoy istorii ["Russian System" as an Essay of Grasping Russian History]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2001, no. 4, pp. 37-48.

11. *Rezultaty vyborov. Dosrochnye vybory Gubernatora Volgogradskoy oblasti* [Election Results. Early Elections of the Governor of the Volgograd Region]. URL: http://www.volgograd.vybory.izbirkom.ru/region/region/volgograd?action=show&root=1&tvd=2342000923659&vrn=2342000923655&region=34&global=&sub_region=34&prver=0&pronetvd=null&vibid=2342000923659&type=234 (accessed 20 March 2020).

12. Reyting protestnoy aktivnosti regionov Rossii, aprel 2019 goda [Rating of the Protest Activity of the Regions of Russia, April 2019]. *IA REGNUM* [Regnum News Agency]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2588639.html (accessed 20 March 2020).

13. Reyting protestnoy aktivnosti regionov Rossii, fevral 2019 goda [Rating of the Protest Activity of the Regions of Russia, February 2019]. *IA REGNUM* [Regnum News Agency]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2588639.html (accessed 20 March 2020).

14. Reyting protestnoy aktivnosti regionov Rossii, yanvar 2019 goda [Rating of the Protest Activity of the Regions of Russia, January 2019]. *IA REGNUM* [Regnum News Agency]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2568900.html (accessed 20 March 2020).

15. *Setevoe izdanie «V1.ru»* [Network Edition "V1.ru"]. URL: https://v1.ru (accessed 20 March 2020).

16. Tilly Ch. *Ot mobilizatsii k revolyutsii* [From Mobilization to Revolution]. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. 432 p. DOI: https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3.

17. Khantington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow, Progress- Traditsiya Publ., 2004. 480 p.

18. Hoffer E. *Chelovek ubezhdennyy: lichnost, vlast i massovye dvizheniya* [The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements]. Moscow, Alpina Pablisher Publ., 2017. 200 p.

19. Fairbrother P. Changing Patterns of Union Organisation? Representation and Participation: What Is Happening in Anglo-American Trade Union Movements? *18th Annual International Labour Process Conference, April 25-27, 2000*. Scotland, Univ. of Strathclyde, 2000.

20. Gupta D. *Understanding Terrorism and Political Violence: The Life Cycle of Birth, Growth, Transformation, and Demise*. London, Routledge, 2008. 304 p.

Information About the Authors

Sergey D. Gavrilov, Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilov_sd@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9098-8301

Kirill M. Makarenko, Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1161-5719

Информация об авторах

Сергей Дмитриевич Гаврилов, аспирант, старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilov_sd@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9098-8301

Кирилл Михайлович Макаренко, аспирант, старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1161-5719

www.volsu.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.18

UDC 930.2
LBC 63.1

Submitted: 31.06.2019
Accepted: 16.02.2020

SENTENCE ROLE IN THE HISTORICAL DISCOURSE OF THE "CONCISE RUSSIAN CHURCH HISTORY" OF METROPOLITAN PLATON (LEVSHIN)

Nikolay I. Solntsev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the problem of emergence of analytical conclusions in Russian historical science at the turn of the 19th and 20th centuries. Based on the historiographical analysis of the text of "Concise Russian Church History" of Metropolitan Platon (Levshin) the author makes an attempt to demonstrate that scientific analytics is formed in the historical discourse through authors sentence, the deductive excursus created by the author in the process of making a text and providing the discovery of the pragmatic sense of the narrative. On the basis of the purpose of sentence in general text linguistics, the author makes an assumption that such a sentential generalization finds its way into the historical work of Metropolitan Platon through the orthodox homiletics, making the structure of authors narrative similar in a sense and purpose to a sermon. *Methods.* The research is based on the hermeneutic research method supplemented by the comparative historical and linguistic methods of text research. Applying the historiographical methods results in analyzing the sense and purpose of sentences in the text of historical composition of Metropolitan Platon. *Analysis.* The article describes a number of coincidences of some sentential generalizations suggested by Metropolitan Platon with sentences included in Karamzins "History of Russian State". In particular, the researcher remarks the meaning coincidences of authors sentences in evaluating Russian paganism as well as in characterizing Russian society shortly before and after the Mongol-Tatar invasion. He emphasizes some differences in using authors sentences in these texts, analyses the reasons of these differences, finds out a place of sentences in every composition. *Results.* Finally, the researcher makes a conclusion that in spite of any differences in using sentential generalizations, in these compositions of Platon and Karamzin they form a summarizing part of their historical discourse as an inherent side of their writing styles in presenting historical material. Such a sentence becomes the first step in the formation of scientific analytics, allowing historians of the early 19th century to rise above information of the source, divide information flows, instill scientific discoursivity to the narrative, give conceptual importance to authors conclusions.

Key words: Moscow Metropolitan Platon (Levshin), N.M. Karamzin, Russian historical school of the early 19th century, text hermeneutics, text linguistics, role of sentence in the historical discourse.

Citation. Solntsev N.I. Sentence Role in the Historical Discourse of the "Concise Russian Church History" of Metropolitan Platon (Levshin). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 204-213. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.18

© Солнцев Н.И., 2020

УДК 930.2
ББК 63.1

Дата поступления статьи: 31.06.2019
Дата принятия статьи: 16.02.2020

РОЛЬ СЕНТЕНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ «КРАТКОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА (ЛЕВШИНА)

Николай Игоревич Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросу возникновения концептуально аналитических обобщений в русской исторической науке рубежа XVIII–XIX веков. На основе историографического анализа текста «Краткой российской церковной истории» митрополита Московского Платона (Левшина) делается попытка показать, что научная аналитика формируется в историческом дискурсе через авторскую сентенцию, морализирующее отступление, формируемое автором в процессе создания текста и позволяющее раскрыть прагматическое направление повествования. Исходя из назначения сентенции в общей лингвистике текста высказывается предположение, что сентенциальные обобщения попадают в историческую работу преосвященного историка через православную гомилетику, делая структуру авторского изложения близкой по смыслу и назначению проповеди. В основу исследования положен герменевтический метод исследования, дополненный сравнительно-историческими и лингвистическими приемами исследования текстов. Результатом применения историографических методов становится анализ смысла и назначения сентенций в тексте исторического произведения митрополита Платона. В статье обозначены совпадения некоторых сентенциальных обобщений, высказанных митрополитом Платоном с авторскими сентенциями, вошедшими в «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Отмечены смысловые совпадения авторских высказываний в оценках русского язычества, а также в характеристике русского общества накануне и после монголо-татарского нашествия. Подчеркнуты различия применения авторских сентенций в текстах названных произведений, дается анализ причин данного явления, выясняется место сентенции в каждом историческом произведении. В заключении делается вывод, что, несмотря на некоторую разницу в использовании сентенциальных обобщений в текстах сочинений указанных авторов, она формирует резюмирующую часть исторического дискурса как неотъемлемую черту авторского стиля в подаче исторического материала. Сентенция становится первым шагом в формировании научной аналитики, позволяющей историкам начала XIX в. подняться над информацией источника, расчленить информационные потоки, придать повествованию научную дискурсивность, сформировать концептуальность авторских выводов.

Ключевые слова: Митрополит московский Платон (Левшин), Н.М. Карамзин, русская историческая наука начала XIX в., герменевтика текста, лингвистика текста, роль сентенции в историческом дискурсе.

Цитирование. Солнцев Н. И. Роль сентенции в историческом дискурсе «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона (Левшина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 204–213. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.18

Введение. Петровские реформы конца XVII – начала XVIII в. радикально меняют облик России. Становление нового национального самосознания, борьба за независимость, дипломатические перипетии века дали толчок развитию исторической мысли этого времени. В работах Г.Ф. Миллера, Г.З. Байера, А.Л. Шлецера впервые разрешаются вопросы исторического источниковедения. Развернутую картину прошлого представляет «История Российская...» В.Н. Татищева. Оттачиваются приемы научной дискуссии в спорах норманистов и антинорманистов, в полемике М.М. Щербатова и И.Н. Болтина ставится вопрос оценки исторического процесса, понимания основ исторического развития.

Несмотря на эти явные успехи, история все еще видится современникам как совокупность деяний исторических лиц, а задачи работы историка зачастую не выходят за рамки фиксации положительных и отрицательных примеров прошлого [14, с. 95; 22, с. 54–55; 23, с. 64–65]. Побудительной основой действия исторической личности становится неизмен-

ная человеческая природа, особенностями которой и объясняются все тяготы исторического процесса. Подобный характер исторических представлений XVIII в. отмечает в своей работе С.Л. Пештич. Он указывает на отсутствие в них «диалектичности и историзма» [14, с. 79]. С этим положением трудно не согласиться, историческая аналитика не нуждалась в обобщениях из-за глубокого провиденциализма представлений, характеризующих исторический процесс [11, с. 136–142]. Несмотря на то что история творится не богом, а людьми, в чем исследователи XVIII столетия были уже единогласны, действуют исторические фигуранты все-таки по воле создателя. Это исключало сколь-либо научный анализ исторического события, сводило научное обобщение к минимуму. Недаром видный русский историк церкви митрополит Евгений (Болховитинов), характеризуя задачи историка, замечал, что «сущность истории … представить бытия и деяния так как они были, и в том порядке как были» [17, с. 529–530].

Окончание XVIII в. с его бурными политическими аккордами зримо поставило перед историками-исследователями задачи разрешения причин исторических событий. Традиционно считается, что первым в русской историографии к выявлению причин исторических событий подходит Н.М. Карамзин. Сформировавшись как личность в XVIII в., он подводит черту под научно-исторической эволюцией этого столетия [22, с. 184–185]. Грядущее XIX столетие ставило совершенно новые задачи перед историком-исследователем. На первый план выходило осмысление исторического процесса через выявление казуальных связей между историческими явлениями. Выявить характер этого осмысления, показать, как и с чего начинает формироваться исторический синтез, и стало целью данной работы, новизна которой выражается в применении некоторых приемов лингвистического изучения текста в историографическом исследовании.

Метод. Статья представляет собой историографическое исследование. Это потребовало применения различных приемов и методов историографического анализа, сочетание которых соответствует принципам научной объективности и историзма. Последние дали возможность рассматривать объект исследования комплексно с историографической и источниковедческой стороны, а также позволили рассмотреть проблему во взаимосвязи с историческими процессами, проходящими в России. В основу исследования положен герменевтический метод, дополненный сравнительно-историческими и лингвистическими приемами исследования текстов. Таким образом, результат работы стал следствием применения как общенаучных, так и собственно исторических методов исследования, использованных в диалектическом единстве.

Анализ. По меткому определению А.С. Пушкина, Карамзин становится «последним летописцем» предшествующих эпох. «Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и аповтегмами хронике» [19, с. 40], – замечает поэт. За этой красивой фразой скрывается удивительно точное наблюдение: именно апофегмы Карамзина при всей их простоте ложатся в основу исторического анализа причинно-следственных связей русской истории, многие из которых так или иначе дожили до нашего времени.

Впрочем, приоритет Н.М. Карамзина в подобном выстраивании исторического дискурса следует оспорить. В 1805 г. в Москве, в Синодальной типографии в свет выходит «Краткая церковная российская история», принадлежащая перу митрополита Московского Платона (Левшина).

Митрополит Платон являл собой знаковую фигуру как в светской, так и в церковной истории России. Законоучитель цесаревича Павла Петровича, образованнейший человек своего времени, богослов и церковный историк, реформатор духовного образования в России, царедворец и церковный иерарх, он оставляет потомкам значительное литературное наследие, состоящее из богословских и церковно-исторических трудов, проповедей, путевых заметок и обширной переписки [29, с. 406]. Не удивительно, что его личность привлекла к себе внимание многочисленных исследователей [1; 2; 4; 6; 11; 12; 19; 20; 21; 24; 25, с. 3–108; 26, с. 211–230; 27; 30].

Написанная им «Краткая российская церковная история» открыла ряд подобных произведений, публикациями которых по праву гордится XIX столетие. Работа вызвала

живой интерес читающей публики и широко обсуждалась. Как часто бывает, современники не смогли дать однозначной оценки произведению. «Не история, а летопись в коей на единое лыко летоисчисления без порядка нанизаны бытия как будто вместе и калачи, и сайки, и бублики», – отозвался о работе Платона его современник и творческий конкурент, тогда еще викарный епископ Старорусский Евгений (Болховитинов) [17, с. 438]. Потомки были более благосклонны к работе. Профессор Казанской духовной академии, историк П.В. Знаменский считал труд митрополита «редким по талантливости, полным обилием фактов, метких замечаний и серьезной критики» произведением [5, с. 105]. Естественно, работу нельзя было назвать безгрешной, она несла в себе все недостатки, присущие историческим произведениям XVIII столетия: летописную повествовательность, отсутствие периодизации и бессистемное деление на главы, несмотря на это, имела, как впоследствии отметил А.В. Карташев, «дар исторического прозрения, способность схватывать причинный смысл давно минувших событий» [9, с. 16]. Именно эта причинность, наличие в тексте подобных заключений, и делает «Краткую историю российской церкви» митрополита Платона столь значимым историческим произведением и ставит ее в один ряд с многотомным трудом Н.М. Карамзина, не только по стилю, но и по содержанию. Собственно, Платон, а не Карамзин первым прибегает к нравоучительному отступлению, как к объяснительной части повествования, которые можно определить, как апофегму или сентенцию.

Известный отечественный лингвист, специалист в области стилистики языка и лингвистики текста И.Р. Гальперин характеризует сентенцию как «такие предложения внутри высказывания, которые прерывая последовательность изложения фактов, событий, описаний представляют собой некоторые обобщения, лишь косвенно (иногда довольно отдаленно) связанные с этими фактами, событиями, описаниями» [3, с. 99]. А.П. Квятковский указывает на возможность автора через сентенцию «в открытой форме высказать свои суждения по различным вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к центральной теме» [10, с. 145]. Кроме того, сентенция, вводясь в ритм изложения, дробит события, приостанавливает ритм развития повествования, способствует более глубокому осмыслению описанного, поднимая представленные факты до ступени обобщения. Характерно, что именно сентенции Платона в первую очередь привлекают внимание читателя в его произведении. Именно на сюжеты, содержащие сентенциальные авторские обобщения и умозаключения, обращает внимание А.В. Карташев, давая весьма обстоятельный обзор «Краткой российской церковной истории» в своем историографическом очерке [9, с. 15–16]. Не все выделенные Карташевым сюжеты обладают одинаковой сентенциальностью, однако факт их наличия говорит о зримом шаге вперед в формировании исторической аналитики через выстраивание логического перехода от частного исторического факта к его осмыслению в кратком обобщении. Так, сообщая читателю под 1227 г. о казни волхвов и ведунов в Новгороде, Платон морализирует, осуждая жителей города: «Ибо нередко от одного непросвещения и невежества, а иногда и от злобы, люди неповинные пострадали, или больше наказаны, нежели вина их заслуживала» [15, с. 117]. В другом месте он пытается дать оценку психологии предков: «Ибо таковой готовый во всем достаток, а инде и изобилие, уменьшили труд и ввели праздность, а от того расслабление душевное и телесное» [15, с. 62]. Иногда сентенция поднимается до уровня логического обобщения. Говоря о замене старых церковных книг на новые в реформенное время, Платон замечает: «А надлежало было объяснив все причины исправления книг, и представив пред очи видимые ошибки, так же оговорив, что и в старых книгах ничего церкви противного не заключается, а только находятся некоторые от переписчиков ошибки и от переводчиков неисправности» [16, с. 235]. Подобного рода обобщения достаточно широко встречаются в тексте и напрямую из логики описываемых событий не вытекают. До уровня таких понятий, как научная аналитика, исторический синтез, умозаключения Платона пока не вырастают, это и дает возможность определить их как авторскую сентенцию.

Подобный прием выстраивания текста, примененный митрополитом Платоном, вряд

ли можно назвать случайным. Как проповедник Платон проявил себя уже в пору преподавания в Московской духовной академии [24, с. 30]. Еще до окончания академического курса в 1757 г. по представлению ректора академии епископа Геннадия он был назначен преподавать в академии латинский язык и российскую поэзию, при этом на него была возложена еще и обязанность катехизатора. За год пребывания в этой должности Платон сумел снискать себе славу хорошего проповедника, «способного говорить публично, при собрании людей всякого состояния» [13, с. 5]. Характерной чертой его гомилетики был дух классического рационализма. Как отмечает В.П. Зубов, Платон рассуждает «с математической последовательностью, словно доказывая теорему» [6, с. 86]. Подобный принцип ляжет в основу фактического изложения его церковной истории. Однако подводя итог исторического сюжета он, совсем в стиле XVIII в., переходит к чувственному осмыслению события и морализаторству. Это и порождает сентенцию, через которую Платон пытается подвести читателя к правильному осознанию завершенной части повествования, сократить ненужные размышления, оставить читателя с яркой трактовкой исторического события. Подобное чувственное осмысление всегда приветствовалось в проповеди, так как именно это отличало ее в построении изложения от светской ораторской речи [18, с. 161]. Вместе со вступлением оно являлось своеобразным обрамлением проповеди, несло важную логико-психологическую нагрузку – служило завершением выступления проповедника [28, с. 109].

Достаточно много авторских обобщений, выраженных через сентенцию, присутствует в начале повествования, когда речь о идет временах, получивших в древнерусских источниках весьма скупое описание. Последнее заставляло автора дополнять отсутствующую информацию собственным утверждением, которое формировало тезис, сравнивать его с информацией источника, создавая антитезис, однако далее, следуя логике XVIII столетия, переходить не к синтезу, а к демонстрации противоречия между первым и вторым посылами. Это и порождало сентенцию как примитивную форму синтеза, в задачу которой входило примирение этих противоположных положений.

Так, например, описывая религиозное состояние древнерусского общества до крещения, Платон отмечает: «Россия, как и все страны вселенные, находилась во тьме идолослужения, доколе не воссиял спасительный свет Евангелия, и не разогнал сей глубокий мрак и погибельный» [15, с. 1]. Тем самым формируется тезис, который тут же подвергается опрокидыванию. «В чем именно состояло идолопоклонство, то есть, какие существенные служения того были догматы, какие обряды, какие жертвы, какие боги, и какое каждому мнимому богу приписываемо было, прямое свойство или сила ... в точности определить трудно или невозможно» [15, с. 1]. Указанное столкновение дает возможность показать всю скудность информации источников, противоречивость указаний на языческое прошлое и пантеон богов, и через это усомниться в глубине первоначального языческого падения русского народа. Но так как представить полный религиозный вакуум данной эпохи и отсутствие каких-либо божеств было просто невозможно, Платон в качестве итога рассуждения формулирует сентенцию: «Человек по развращенной своей природе, и по многим порокам своим и беззакониям, всегда чувствовал в совести виновным перед Богом и заслуживающим Его гнев. Поэтому при всяком случае, особливо страшного явления в природе, боялся и трепетал, и ожидал за свои вины поражения мстительной Вышнего руки» [15, с. 5]. Сентенция как бы предполагала вывод, что религиозность присуща людям, без веры в бога общество существовать не может, поэтому идолопоклонство не порок, а незнание истинного бога.

Характерно, что, обращаясь к аналогичному эпизоду своей «Истории государства Российского», Н.М. Карамзин, не по букве, но по смыслу воспроизводит сентенцию Платона. «Грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснить действие Природы и в неизвестностях рока успокаивает сердце надеждою на высшую помощь!» [7, с. 106]. Однако, воспроизводя смысл сентенции, Карамзин теряет в своем произведении ее назначение.

Смысл назидания Платона, изложенный в данном рассуждении, сводится к следующему: славяне были язычниками, достоверных данных о характере славянского язычества мы не имеем, но без бога человек существовать не может, следовательно принятие истинного бога было неизбежным делом ближайшего времени. Ничтожность языческой религии подчеркивается отсутствием ее описаний, если их нет, а Платон акцентирует в своих рассуждениях этот тезис, значит они были настолько неважны для людей, что не оставили следа ни в источниках, ни в народной памяти.

В «Истории...» Н.И. Карамзина сентенция имеет иную функцию. Она либо открывает повествование, играя роль предисловия, своеобразной пресуппозиции, либо становится стилистической уловкой, разрывающей текст и позволяющей автору дозировать весьма обширную информацию. Во втором случае это было просто необходимо, так как фактический материал, изложенный Карамзиным, явно превосходит сказанное преосвященным историком. В остальном же схема построения изложения явно тяготеет к выкладкам Платона. Смысл экскурса в древнерусское язычество и у Карамзина, и у Платона сводится к констатации факта, что все язычники в конечном итоге самой судьбой своей обречены увидеть свет истинной веры. Но если Платон, как и положено проповеднику, ставит данное положение в заключение своих размышлений, то Карамзин начинает свое повествование с данного тезиса: «Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, ... рождает не только законы и правление, но и саму Веру столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишенного понятия о Божестве» [7, с. 92].

Схожи не только общие выводы, одинакова и структура подачи материала, авторы приводят описания богов, рассматривают назначение языческих идолов, дают оценку жреческому сословию. Однако, если для Платона важно показать исключительность древнерусского этноса (отсюда и констатация отсутствия храмов и жрецов у славян), это должно было доказать, что восточные славяне никогда не погружались в пучину язычества и, следовательно, самим богом были уготованы для христианства, то Карамзин в большей степени озабочен демонстрацией восточнославянского язычества как части общих для всех народов Европы религиозных норм. В этом он явно следует традиции XVIII в., произведениям В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, перечисляя древнерусских богов в одном ряду с греческими, римскими и германскими. Таким образом, сентенции Платона по поводу древнерусского язычества порождают своеобразную концептуальность, которой он будет придерживаться во всем своем повествовании. Н.М. Карамзин же в своем экскурсе подобной задачи не ставит, сентенция позволяет автору подняться над информацией источника, придать повествованию дискурсивность.

Несмотря на эту разницу, сентенция как резюмирующая часть исторического дискурса является неотъемлемой составляющей изложения как у Платона, так и у Карамзина. Кроме того, многие оценочные суждения авторов по смыслу странным образом совпадают. Так, давая оценку древнерусскому обществу во времена, предшествующие Батыеву нашествию, Платон восклицает: «Ежлиб между российскими князьями всегда было согласие, или паче ежлиб единому вое подвластны были: не только Татары, но и сколько ни было народов, Россию победить, или себе покорить никак бы не возмогли» [15, с. 125]. Ему практически теми же словами вторит Карамзин: «Наконец скажем, что если бы Россия была единодержавным Государством ... то она не уступила бы в могуществе никакой Державе сего времени; спаслась бы вероятно и от ига Татарского...» [8, с. 225]. «Еще удивляться надобно, и благодарить милосердие Вышнего, что не сделалась Россия совершенною пустынею» [15, с. 124], – констатирует Платон. «Одному собственно счастью надлежит приписать то, что Россия в течении двух веков не утратила своей народной независимости» [8, с. 199], – резюмирует Карамзин.

Кроме смыслового совпадения приведенных цитат, существует и общая схожесть авторского изложения материала, выражающаяся в глубокой назидательности сочинения. Проследить истоки подобного стиля у Пла-

тона достаточно просто, историческое сочинение для него – форма проповеди, назидания со всеми присущими этому аспектами. «Не остается мне более, как желать, и молить Бога, чтобы сия издаваемая мною история послужила к пользе и наставлению юношества...» [15, с. X]. Отсюда и краткость в изложении событий, отраженных в небольших по объему главах, отсюда и наставительность сентенций, выступающих в роли вывода или заключения, объясняющего общий смысл изложенных фактов. Сентенция становится для него своеобразным аналитическим послесловием, определяющим отношение автора к историческому событию, формирующим авторскую концептуализацию, которую он пытается привить его читателю в качестве наилучшего объяснения событий каждого конкретного исторического эпизода. У Карамзина, который «искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить с систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей...» [7, с. XX], сентенция является в большей степени морализирующим отступлением в процессе формирования текста, позволяющим раскрыть прагматическое направление повествования. Концептуализация в столь масштабном историческом произведении не выражена так ярко, поэтому сентенция для Карамзина выступает как некий набор когнитивных признаков, позволяющий пополнить информацией описываемый исторический процесс, раскрыть авторское отношение к конкретному сюжету повествования. Она придает изложению контекстуальность, сообщая смысл каждому последующему историческому эпизоду. Как следствие, Платон пытается наставлять и убеждать, Карамзин – наставлять и констатировать, однако и в том, и в другом случае сентенция становится для авторов инструментом концептуализации исторической информации в своих произведениях.

Естественно возникает вопрос о возможном влиянии «Краткой истории российской церкви» митрополита Платона на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Несмотря на то, что произведение Платона увидело свет раньше, чем вышли первые тома «Истории государства Российского», однозначно ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно. Работа митрополита Платона по выходу своему в тираж пользовалась известностью и широко обсуждалась в читающем обществе. Тем не менее, открывая свое произведение, Карамзин не упоминает опубликованных работ своих предшественников, перечисляя во введении только лишь источниковый материал. Трудно предположить, что Карамзин прошел мимо этого значимого произведения, впрочем, как и мимо работ В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.В. Нехачина, о которых он не упоминает во введении к своей «Истории...». Вне всякого сомнения, они были ему знакомы. Как следствие, предположение о смысловой связи двух произведений весьма возможно, хотя бы потому, что именно в произведениях Платона и Карамзина впервые подвергается сколь-либо обстоятельной оценке русское язычество, даются меткие характеристики общественным нравам, появляется авторская оценка исторического события, близкая по смыслу к исторической аналитике.

Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и некоторое иное родство двух произведений в смысловой и констатирующей их части. Как заметил Н.Я. Эйдельман, конец XVIII в. создал русский язык, а начало XIX – русского читателя [31, с. 49]. Выпестованные прошедшим XVIII в., оба автора оказались на высоте исканий начала XIX века. Их стиль был созвучен эпохе, в которой сентенция проповеди сформировала прообраз исторического синтеза, ставшего неотъемлемой частью исторического дискурса, а это разительно отличало труды этих историков от трудов предшественников и создавало совершенно новый стиль исторического повествования, где появился автор, пытающийся публично рассуждать, делать обобщения и выводы, строить диалог с читателем.

Результаты. Таким образом, можно с высокой долей уверенности утверждать, что на рубеже XVIII–XIX вв. русская историческая наука вплотную подходит к формированию концептуально-аналитических обобщений, первоначально приобретающих в работах митрополита Платона (Левшина) и Н.М. Карамзина форму сентенции в виде морализирую-

щего отступления. Несмотря на некоторую разницу в использовании сентенциальных обобщений в текстах сочинений указанных авторов, она формирует резюмирующую часть исторического дискурса как неотъемлемую черту авторского стиля в подаче исторического материала. Сентенция становится первым шагом в формировании научной аналитики, позволяющей историкам начала XIX в. подняться над информацией источника, расчленить информационные потоки, придать повествованию научную дискурсивность, сформировать концептуальность авторских выводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Платон и Филарет, митрополиты Московские: сравнительная характеристика / В. В. Виноградов // Богословский вестник. – 1913. – № 1. – С. 10–34.
2. Виноградов, В. В. Платон и Филарет, митрополиты Московские: сравнительная характеристика / В. В. Виноградов // Богословский вестник. – 1913. – № 2. – С. 311–347.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Глазева, А. С. Московский митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) и его церковно-государственная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Глазева Алла Сергеевна. – Воронеж, 2014. – 22 с.
5. Знаменский, П. В. Чтения по истории Русской Церкви за время царствования Екатерины II / П. В. Знаменский // Православный собеседник. – 1875. – № 2. – 248 с.
6. Зубов, В. П. Русские проповедники : очерки по истории русской проповеди / В. П. Зубов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
7. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб. : Изд-во Н. Греча, 1818. – Т. I. – 157 с.
8. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин – СПб. : Изд-во Н. Греча, 1818. – Т. III. – 223 с.
9. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. – М. : Терра, 1993. – Т. I. – 987 с.
10. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
11. Косминский, Е. А. Историография средних веков / Е. А. Косминский. – М. : Изд-во Моск. ун-та,1963. – 430 с.
12. Лысогорский, Н. В. Московский митрополит Платон как противораскольничий деятель / Н. В. Лысогорский. – Ростов н/Д : Электро-печать А.И. Тер-Абрамиан, 1905. – 656 с.
13. Надеждин, А. А. Митрополит Московский Платон (Левшин) как проповедник / А. А. Надеждин – Казань : Изд-во императ. ун-та, 1882. – 226 с.
14. Пештич, С. Л. Русская историография XVIII века / С. Л. Пештич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та,1961. – 344 с.
15. Платон (Левшин), митрополит Московский. Краткая церковная российская история / Платон (Левшин). – М. : Синодальная типография, 1805. – Т. I. – 389 с.
16. Платон (Левшин), митрополит Московский. Краткая церковная российская история / Платон (Левшин). – М. : Синодальная типография, 1805. – Т. II. – 356 с.
17. Полетаев, Н. Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории русской церкви / Н. Полетаев. – Казань : Типография Императорского университета, 1889. – 593 с.
18. Поторжинский, М. прот. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах / М. Поторжинский. – Киев : Изд-во Р.К. Лубковского, 1901. – 678 с.
19. Пушкин, А. С. «История русского народа» Н.А. Полевого. Статья I / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Критика. История. Публицистика. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1934. – 546 с.
20. Розанов, Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода 1721–1821 года / Н. П. Розанов. – М. : Синодальная типография, 1870. – Ч. III. – 281 с.
21. Розанов, Н. П. Московский митрополит Платон (1737–1812) / Н. П. Розанов. – М. : Синодальная типография, 1913. – 90 с.
22. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. – 659 с.
23. Сахаров, А. М. Историография истории СССР : метод. указания / А. М. Сахаров. – М. : Высшая школа, 1978. – 256 с.
24. Смолич, И. К. История русской церкви (1700–1917) / И. К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Ч. 2. – 799 с.
25. Снегирев, И. М. Жизнь Московского митрополита Платона : в 2 ч. Ч. 2 / И. М. Снегирев – М. : Типография Ведомства Московской городской полиции, 1856. – 313 с.
26. Стенник, Ю. В. Исторические воззрения митрополита Платона (Левшина) в книге «Краткая церковная российская история» / Ю. В. Стенник // XVIII век : сб. ст. № 23. – СПб. : Наука, 2004. – 430 [1] с.

27. Титлинов, Б. В. Московский митрополит Платон (Левшин) и его участие в церковно-правительственной деятельности своего времени / Б. В. Титлинов // Христианское чтение. – 1912. – № 11. – С. 1199–1260.

28. Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика (теория церковной проповеди) / Феодосий. – Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999. – 326 с.

29. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. 862–1863 гг. / Филарет (Гумилевский) – СПб. : Изд-во И.Л. Тузова, 1884. – 511 с.

30. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Вильнюс : Вильтис, 1991. – 602 с.

31. Эйдельман, Н. Я. Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1983. – 176 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Platon i Filaret, mitropolity Moskovskie: sravnitelnaya kharakteristika [Platon and Filaret, Moscow Metropolitans: Comparative Characteristic]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1913, no. 1, pp. 10-34.

2. Vinogradov V.V. Platon i Filaret, mitropolity Moskovskie: sravnitelnaya kharakteristika [Platon and Filaret, Moscow Metropolitans: Comparative Characteristic]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1913, no. 2, pp. 311-347.

3. Galperin I.R. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.

4. Glazeva A.S. *Moskovskiy mitropolit Platon (Levshin) (1737–1812) i ego tserkovno-gosudarstvennaya deyatelnost: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Moscow Metropolitan Platon (Levshin) and His Church-State Activities. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Voronezh, 2014. 22 p.

5. Znamenskiy P.V. Chteniya po istorii Russkoy Tserkvi za vremya tsarstvovaniya Ekateriny II [Readings on the History of the Russian Church During the Reign of Catherine the II]. *Pravoslavnyy sobesednik*, 1875, no. 2. 248 p.

6. Zubov V.P. *Russkie propovedniki: ocherki po istorii russkoy propovedi* [Russian Preachers. Essays on the History of Russian Sermon]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 232 p.

7. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Saint Petersburg, Izd-vo N. Grecha, 1818, vol. 1. 157 p.

8. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Saint Petersburg, Izd-vo N. Grecha, 1818, vol. 3. 223 p.

9. Kartashev A.V. *Ocherki po istorii russkoy tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, Terra Publ., 1993, vol. 1. 987 p.

10. Kvyatkovskiy A.P. *Poeticheskiy slovar* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 376 p.

11. Kosminskiy E.A. *Istoriografiya srednikh vekov* [Historiography of the Middle Ages]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1963. 430 p.

12. Lysogorskiy N.V. *Moskovskiy mitropolit Platon kak protivoraskolnichiy deyatel* [Moscow Metropolitan Platon as an Anti-Schism Figure]. Rostov-on-Don, Elektro-pechat A.I. Ter-Abramian, 1905. 656 p.

13. Nadezhdin A.A. *Mitropolit Moskovskiy Platon (Levshin) kak propovednik* [Moscow Metropolitan Platon as a Preacher]. Kazan, Izd-vo Imperatorskogo universiteta, 1882. 226 p.

14. Peshtich S.L. *Russkaya istoriografiya XVIII veka* [Russian Historiography of the 18th Century]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1961. 344 p.

15. Platon (Levshin), Moscow Metropolitan. *Kratkaya tserkovnaya rossiyskaya istoriya* [Concise Church Russian History]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1805, vol. 1. 389 p.

16. Platon (Levshin), Moscow Metropolitan. *Kratkaya tserkovnaya rossiyskaya istoriya* [Concise Church Russian History]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1805, vol. 2. 356 p.

17. Poletaev N. *Trudy mitropolita Kievskogo Evgeniya Bolkhovitinova po istorii russkoy tserkvi* [Works of Kiev Metropolitan Evgeny Bolkhovitinov on the History of the Russian Church]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1889. 593 p.

18. Potorzhinskiy M. *Istoriya russkoy tserkovnoy propovedi v biografiyakh i obraztsakh* [The History of Russian Church Preaching in Biographies and Samples]. Kiev, Izd-vo R.K. Lubkovskogo, 1901. 678 p.

19. Pushkin A.S. «Istoriya russkogo naroda» N.A. Polevogo. Statya I ["The History of the Russian People" of N.A. Polevoy. Article I]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t. T. 5. Kritika. Istoriya. Publitsistika* [Complete Works. In 6 Vols. Vol. 5. Criticism. History. Publicism]. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1934. 546 p.

20. Rozanov N.P. *Istoriya Moskovskogo eparkhialnogo upravleniya so vremeni uchrezhdeniya Sv. Sinoda 1721–1821 goda* [History of the Moscow Eparchial Administration Since the Establishment of the Holy Synod 1721–1821]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1870, part 3. 281 p.

21. Rozanov N.P. *Moskovskiy mitropolit Platon (1737–1812)* [Moscow Metropolitan Platon (1737–1812)]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1913. 90 p.

22. Rubinshtein N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow, OGIZ. Gospolitizdat, 1941. 659 p.

23. Sakharov A.M. *Istoriografiya istorii SSSR: metod. ukazaniya* [Historiography of the History of the USSR: Methodical Instructions]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 256 p.

24. Smolich I.K. *Istoriya russkoy tserkvi (1700–1917)* [History of Russian Church (1700–1917)]. Moscow, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997, part. 2. 799 p.

25. Snegirev I.M. *Zhizn Moskovskogo mitropolita Platona: v 2 ch. Ch. 2* [Life of Moscow Metropolitan Platon. In 2 Parts. Part 2]. Moscow, Tipografiya Vedomstva Moskovskoy gorodskoy politsii, 1856. 313 p.

26. Stennik Yu.V. Istoricheskie vozzreniya mitropolita Platona (Levshina): v knige «Kratkaya tserkovnaya rossiyskaya istoriya» [Historical Views of Metropolitan Platon (Levshin): In the Book "Brief Church Russian History"]. *XVIII vek: sb. st. № 23* [18th Century. Collected Articles. No. 23]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. 430[1] p.

27. Titlinov B.V. Moskovskiy mitropolit Platon (Levshin) i ego uchastie v tserkovno-pravitelstvennoy deyatelnosti svoego vremeni [Moscow Metropolitan Platon (Levshin) and His Participation in the Church and Government Activities of His Time]. *Khristianskoe chtenie*, 1912, no. 11, pp. 1199-1260.

28. Feodosiy, Bishop of Polotsk i Glubokoe. *Gomiletika (teoriya tserkovnoy propovedi)* [Homiletics (Church Sermon Theory)]. Sergiev Posad, Moskovskaya dukhovnaya akademiya Publ., 1999. 326 p.

29. Filaret (Gumilevskiy), Archbishop of Chernigov. *Obzor russkoy dukhovnoy literatury. 862–1863 gg.* [Review of Russian Spiritual Literature. 862–1863]. Saint Petersburg, Izd-vo I.L. Tuzova, 1884. 511 p.

30. Florovskiy G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Vilnius, Viltis Publ., 1991. 602 p.

31. Eydelman N.Ya. *Posledniy letopisets* [The Last Chronicler]. Moscow, Kniga Publ., 1983. 176 p.

Information About the Author

Nikolay I. Solntsev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, sochin3@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0001-1071

Информация об авторе

Николай Игоревич Солнцев, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, sochin3@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0001-1071

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.19

UDC 947
LBC 63.3(2)

Submitted: 10.11.2018
Accepted: 15.05.2019

PYGMALION AND THE OWL OF MINERVA: THE PHILOSOPHY OF REVOLUTION BY N.V. USTRYALOV

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article examines the theoretical views on revolution as a socio-political phenomenon advanced by N.V. Ustryalov (1890–1937), main ideologist of National Bolshevism. *Methods and materials*. The article focuses mainly on the publicistic works by N.V. Ustryalov. The task of identifying general theoretical constructs dissolved in the general journalistic discourse or veiled for tactical reasons requires the correct interpretation of images and symbols, careful analysis of all the content, as well as the "reverse" formatting of it in a consistent concept. *Analysis*. Ustryalov differentiated revolution from other similar social phenomena (coup detat, riot, rebellion, etc.). In his point of view, revolution has several unique features: it follows sine and passes its peak in the middle, it "deepens" at its peak to a "clear idea", which is not implemented, and it is characterized by "heterogeneous goals". There is a good reason to assume that Ustryalov considered the stages of the French Revolution as an invariant for a revolution as such. In the article, the stages of the Russian Revolution in Ustryalovs assessing are analyzed: its general coincidences with the French revolution, the difference in their secondary factors and scenarios. *Results*. The author suggests that Ustryalov based on his analysis of the Russian Revolution and the general development of Russia in the 1900s–1920s of the 20th c. was able to formulate a version of Russian history of modern times that is relevant and actual at the moment, because it explains consistent dialectical continuity from the Russian Empire to the USSR, and is the least traumatic for the historical memory of the majority of the population of Russia at the present stage.

Key words: Nikolay Ustryalov, National Bolshevism, Russian Revolution, history of intellectual pursuit in Russia in the 20th century, Russian emigration.

Citation. Voytenko A.A. Pygmalion and the Owl of Minerva: The Philosophy of Revolution by N.V. Ustryalov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 214-224. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.19

УДК 947
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 10.11.2018
Дата принятия статьи: 15.05.2019

ПИГМАЛИОН И СОВА МИНЕРВЫ: ФИЛОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИИ Н.В. УСТРЯЛОВА

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. В статье исследуются общетеоретические взгляды на революцию как на социополитический феномен основного идеолога национал-большевизма Н.В. Устрялова (1890–1937), получившие свое освещение в двух сборниках его статей харбинского периода («В борьбе за Россию» и «Под знаком революции»). *Методы и материалы*. Ввиду того, что в статье главным образом анализируются публицистические произведения Н.В. Устрялова, основная исследовательская задача заключается в выявлении общетеоретических построений, растворенных в публицистическом дискурсе или же завуалированных по тактическим соображениям. Это, в свою очередь, требует выявления общих мест, правильной расшифровки «образного ряда», тщательного анализа всего контента и «обратного» его переформатирования в стройную концепцию. *Анализ*. Устрялов разделял революцию, с одной стороны, и другие сходные с ней социальные феномены (переворот, бунт, мятеж и пр.), с другой. С его точки зрения, революция имеет несколько характерных

© Войтенко А.А., 2020

особенностей: она развивается по синусоиде (свой пик она проходит в середине), на своем пике «углубляется» до «чистой идеи», являющейся нереализуемой в принципе, и характеризуется «гетерогенией целей», когда провозглашенные задачи революции и методы их решения постепенно меняются местами. Есть веские основания предполагать, что Устрялов рассматривал этапы развития Великой французской буржуазной революции как инвариантные любой революции. Далее в статье анализируются оценка и характер протекания этих этапов в период русской революции в оценке Устрялова: общие закономерности с французской революцией и различия во второстепенных факторах и сценариях протекания основных этапов. *Результаты*. Автор статьи предполагает, что на основе анализа русской революции и общего развития России в 1900–1920-е гг. XX в. Устрялову удалось сформулировать такую версию истории России новейшего времени, которая является актуальной и востребованной в настоящее время, поскольку непротиворечиво объясняет диалектическую преемственность Российской империи и СССР и в наименьшей степени травмирует историческую память большинства населения России на современном этапе.

Ключевые слова: Н.В. Устрялов, национал-большевизм, русская революция, история интеллектуальной мысли России в XX веке, русская эмиграция.

Цитирование. Войтенко А. А. Пигмалион и сова Минервы: философия революции Н.В. Устрялова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 214–224. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.19

Введение. Удивительно осознавать, что основной идеолог национал-большевизма, «харбинский одиночка» Николай Васильевич Устрялов (1890–1937), идеи которого являются фундаментом идеологии левоконсервативного крыла современной общественной мысли России, сформировавшегося вокруг газеты «Завтра» и интернет-канала «День» (февраль и «феврализм» как время и идеология энтропии русской государственности, идея Вечной России, большевизм как новая точка сборки Большой России и др.), практически никак не учтен, не почтен и не представлен в пантеоне его героев и духовных наставников. Вопрос о роковой «забывчивости» в отношении Устрялова и его наследия уже поднимался, хотя предложенные ответы (см.: [11, с. 8]), как нам кажется, не совсем верны. Возможно, дело в том, что учитель новых левых патриотов является не человеком «слева», а человеком «справа», в котором не было ничего от марксизма и большевизма (ср. [11, с. 27]).

Научные публикации, так или иначе затрагивающие взгляды Н.В. Устрялова и идеологию национал-большевизма в целом, выходят начиная с 1970-х гг. (см.: [2, с. 2–6; 6, с. 1–6; 9, с. 10–17]). Относительно недавно по Устрялову были защищены как минимум три диссертации (см.: [2; 6; 9]), нет недостатка и в научных статьях (см., например, [3; 10; 14]). Однако, как нам представляется, в обширной историографии, посвященной наследию Устрялова, не достает системного анализа, способного выявить эвристический потенциал его идей. Самым удачным опытом системного подхода, определяющего центральное место взглядов Устрялова в контексте генезиса и общего развития национал-большевизма, можно считать монографию М. Агурского [1], явившуюся в свое время своеобразной «точкой отсчета» для последующих исследований, но остающейся, на наш взгляд, на пока еще не досягаемой высоте – даже если учесть ряд ее недостатков. Определенный интерес также представляет вступительная статья С.М. Сергеева к изданию работ Устрялова 2003 г. [11, с. 5–47], но это, скорее, публицистическое эссе. В статье предложены несколько свежих и интересных идей, оставшихся, впрочем, неразвитыми до конца.

Предметом нашей статьи будет реконструкция взглядов Н.В. Устрялова на революцию как на социополитический феномен в харбинский период его жизни, точнее, на том его этапе (1920–1927), когда он в своей публицистике формулирует основные положения национал-большевизма. Но, поскольку в публицистике Устрялова «философия революции» плотно встроена в его анализ истории России с 1900-х по конец 1920-х гг. и общеевропейского кризиса начала этого столетия, то мы сочли возможным не оставить без внимания и эти темы.

Методы. Большинство статей харбинского периода жизни Устрялова были изначально опубликованы в газете «Новости жизни». Сам жанр и формат газетной статьи отличается рядом особенностей и накладывает на

автора ряд специфических ограничений. «Дискурс» такого рода высказывания помимо компактности, связанной с ограниченным объемом текста, несет в себе два плана: наряду с общетеоретическими идеями неизбежно присутствует «злоба дня» – тот конкретный повод, по которому статья была написана – а сама подача материала подразумевает определенную «пунктирность» и образность (или, по выражению самого Устрялова, «тезисы и намеки»). Есть и иная причина такой тезисности: в переписке он признается, что более откровенные и развернутые высказывания могут лишить его аудитории в России [13, с. 20]. Поэтому задача изучения общетеоретических построений, растворенных в потоке текущего момента или же завуалированных по тактическим соображениям, представляет для исследователя определенную сложность и требует, помимо выявления общих мест, правильной расшифровки «образного ряда» еще и тщательного анализа всего контента и «обратного» его переформатирования в стройную концепцию. Второй насущной задачей является адекватное выражение мысли Устрялова в категориях современной культурологии и политологии, что должно «выравнивать горизонт», то есть проверять степень актуальности его идей, выявлять их «скрытые смыслы» и потенциал, способный помочь выстроить непротиворечивую версию истории России XX в., не травмирующую (или травмирующую в наименьшей степени) историческую память большинства ее населения на нынешнем историческом этапе.

Материалы. Основным материалом для анализа будут тексты из двух его известных сборников «В борьбе за Россию» и «Под знаком революции» по двум вышедшим в последнее время изданиям [11; 12]. В качестве дополнительного материала привлекаются опубликованная переписка Н.В. Устрялова с П.П. Сувчинским [13] и фрагменты из его писем к разным лицам [11, с. 39–42]. Привлечение дополнительного материала необходимо для прояснения некоторых деталей концепции Устрялова, поскольку в переписке он излагает свои мысли более свободно, чем в своей публицистике. Часть писем относится к более позднему периоду, что позволяет увидеть завершение его идей, которые остались незавершенными на страницах его работ 1920–1927 годов.

Анализ. Не будет преувеличением сказать, что в основе мировоззрения Устрялова лежит этатизм («Только бы Россия была мощна, велика, страшна врагам. Остальное приложится» [12, с. 340]). Однако следует прояснить характер подобного этатизма в харбинский период его жизни. Наиболее полно его взгляды на государство выражены в статье «Судьба Европы» (1924 г.) и сконцентрированы в следующем абзаце: «Система власти уходит корнями в систему культуры. Социальная жизнь непосредственно обусловливается всем духовным складом общества, стилем его дум, чувств, стремлений <...> Государство всегда в известном смысле “надстройка”. Оно не только “форма” определенных экономических отношений, меняющаяся вместе с ними, но и воплощение общекультурного миросозерцания данного исторического периода, данной социальной среды. Каждый тип культуры находит свое выражение в соотвествующем образе государственности, продолжается в нем, творит его» [12, с. 302]. Таким образом, понятно, что государство для Устрялова – это не онтологическая единица (ею является нация), а онтологическая матрица, слепок, точка пересечения культурных, социальных, политических и иных отношений, свойственных нации на данном историческом этапе. Государство для Устрялова – это примерно то же, чем для Маркса является понятие «товара» как объективированной точки пересечения человеческих отношений (культурных, социальных, производственных и т. д.), которые меняются в процессе исторического развития. С той только разницей, что в отличие от марксового «товара» «государство» Устрялова не обладает свойствами самостоятельного бытия. Но тем не менее эта матрица выполняет важную функцию каркаса или системного контура. Подобные взгляды не соотносятся с ранее высказанными Устряловым положениями о государстве (наиболее ясно в его ранней статье «К вопросу о русском империализме»), которые предполагают наличие у него сущностных признаков («государства – те же организмы, одаренные душой и телом, духовными и физическими качествами» (цит. по: [11, с. 25])), равно как и с

высказанной там же идеей о том, что государство создает нацию (чего нам не удалось обнаружить на страницах его публицистики 1920–1927 гг., где явно прослеживается только мысль о том, что народ/нация создает и государство и культуру, то есть именно нация является актором и онтологической единицей). Возможных ответов два: либо представления Устрялова по этому вопросу менялись, либо он не был в нем до конца последователен.

Не менее важным для Устрялова является понятие нации. По счастью, в статье «О русской нации» (1927 г.) он достаточно полно высказывается по этому вопросу. Все внешние («объективные») признаки нации (расовая, политическая, языковая, религиозная, географическая) являются для него второстепенными. Устрялов, опираясь на Г. Еллинека, утверждает, что основной критерий здесь – «субъективный», то есть то, что сейчас принято называть «идентичностью» («нация есть состояние сознания <...> Общность традиций, потребностей, стремлений <...> Общность исторических судеб, общность воспоминаний, прочувствованное, а затем и осознанное единство воли к совместной жизни. Наследственная привычка, переходящая в общую природу и обособленный характер») [12, с. 310]). И главным стержнем, вокруг которого формируется «состояние сознания», является то, что сейчас принято называть «исторической памятью». Именно так следует, на наш взгляд, понимать слова Устрялова о «культурных символах» и «нетленных ценностях», которые он пытается раскрыть через цитату из Н.А. Бердяева (см.: [12, с. 310]). Но нация, как и государство, – это подвижное, исторически изменяемое понятие («не данность, а задание и становление» [12, с. 311]). Полное понимание национальной идентичности (или «внутреннего смысла ее единства») возможно лишь после исчезновения («исторического исчерпания») ее носителей [12, с. 311]. Самое главное для нашей темы – это уяснить важную для мировоззрения Устрялова подвижность и изменяемость как основной онтологической единицы (нации), так и ее матрицы (государства).

Теперь, чтобы вплотную приблизиться к основной теме статьи, перейдем к анализу Устряловым исторической ситуации в Европе и России в начале XX века. Кризис начала века, с его точки зрения, подводит итог процессам развития Европы после французской революции. Он называет его кризисом «политических форм западного конституционализма» [12, с. 224], кризисом «великих принципов 89 г.», кризисом «формальной демократии», осложненным «болезнью европейской культуры, ставящей под вопрос и под удар многие общепризнанные, казалось бы, ценности новейшей европейской истории» [12, с. 225]. Фактически Устрялов указывает на структурный кризис, выход из которого связан с радикальными изменениями всех систем: социально-экономических, политико-правовых и культурных. Старые системы не имеют четкого «проекта будущего» и не способны его создать, заменяя реальное проектирование фабриками «симулякров» (по терминологии Устрялова «фальшфайеров»: «Хитроумными комбинациями, мастерскими маневрами старается Европа предотвратить окончательную катастрофу: все чудеса парламентской техники, покладистой печати, патетических ораторов, прирученного социализма – к ее услугам» [12, с. 298]). Французская революция провозгласила два принципа: «личные права» и «народный суверенитет». Однако они соотносятся между собой как сообщающиеся сосуды [12, с. 235–236]. Развитие обществ Европы шло по линии развития «личных прав», что привело к дисбалансу всей системы: повышение уровня свободы характеризовалось понижением общественного суверенитета, а проще говоря, углублением неравенства, сопровождавшимся в культурном плане созданием иллюзии положительной социальной мобильности (Устрялов приводит слова Лебона о том, что демократия также как и аристократия создает касты, с той только разницей, что «каждый может туда войти, *или думать, что может войти*» (курсив наш. – *А. В.*) [12, с. 236]). Решения проблемы в рамках прежних систем паллиативны и не действенны (государство как «организованная жалость»), поскольку эффективные изменения ситуации в иную сторону неизбежно приведут к обратному перетеканию в сосудах. Здесь Устрялов цитирует Еллинека: «Развитие культурных функций государства представляется процессом *непрерывной экспроприации в отношении индивидуальной деятельности*» (курсив наш. –

А. В.) [12, с. 236]. Выход из кризиса, закономерным результатом которого была Первая мировая война, Устрялов усматривает в усилении роли государства во всех сферах и демонтаже прежних политико-правовых систем: «эпоха субъекта» сменяется «эпохой объективности», исчезает идея «субъективного права», ее заменяет принцип «общественной функции». Мир «демократий» заменяется миром «идеократий», одновременно берущих на вооружение и эгалитаристские принципы и этатизм: «В исторической атмосфере веет “тиранией альтруизма”. Культура грядущего столетия реставрирует словно концепцию Левиафана – только с непременным “кольцом общего блага” в ноздрях» [12, с. 237]. Одним из возможных инструментов, способствующих осуществлению этого перехода, является революция: «История разрывает устаревшие формы механического демократизма, и там, где они не хотят спадать безболезненно <...> мы наблюдаем революции и государственные перевороты» [12, с. 240].

Кризис в России носит иной характер. Россия «не знала формально-демократического строя» [12, с. 244]. Своеобразие российской ситуации можно понять из следующих слов Устрялова: «Старая Россия уже не скажет нового слова “гнилой Европе”, ибо сама сгнила раньше нее» [12, с. 301]. Суть кризиса – в старой социальной стратификации, неадекватности элит (правящего слоя, то есть служилого дворянства, и культурного слоя, то есть интеллигенции), а также старых государственных форм (дворянская монархия), которые перестали эффективно отвечать на исторические «вызовы»: «Старая Россия, упершаяся чугунным александровым конем в тупик, не знающая выхода из тупого оцепенения, съедаемая глубоким внутренним недугом» [12, с. 105]. Более полно своей мысли Устрялов не раскрывает, указывая лишь на экономическую и техническую отсталость России накануне войны и недовольство всех всеми [12, с. 326]. Назревшая необходимость обновления государственных форм, обусловленная историческим развитием нации, и неэффективный ответ на внешний «вызов» (мировую войну) соединились в начале XX в. в такой конфигурации, что революция являлась едва ли не единственным способом для социально-политической трансформации России: «Та бездна исторического зла, которая склонилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, очевидно, только катастрофою. На эволюцию в нашем государственном организме не хватило сил и здоровья» [12, с. 161].

Свои общетеоретические взгляды на революцию Устрялов высказывает в статье «Потерянная и возвращенная Россия» (1922 г.). Прежде всего он отделяет ее от переворотов (каковыми, по его мнению, были французская революция 1830 г. и английская 1688 г.), мятежей и смут. Революция является гораздо более масштабным историческим феноменом, имеющим свои собственные законы развития. Основная особенность революций состоит в том, что они «всегда органически и подлинно национальны, какими бы идеями они ни воодушевлялись, какими бы элементами ни пользовались для своего торжества» [12, с. 137]. Таким образом, Устрялов считает, что революция является инструментом выполнения национальных задач, какой бы при этом ни была ее внешняя «оболочка» (цели, программа, лозунги). Революции «всенародны, то есть захватывают собою всю страну, жизненно отражаются на всех, даже самых далеких от “политики” слоях населения» [12, с. 137]. Если держать в голове всю совокупность устряловской публицистики «харбинского периода», то можно сказать, что этот признак помимо чисто статистической масштабности, которая качественно отличает революцию от мятежа или переворота, означает еще и существенное социальное «переформатирование» общества: замену элит, полное или частичное выпадение одних социальных слоев, изменение имущественно-правового статуса и экономического положения других. Революции «экстремичны и непременно “углубляются” до “чистой идеи”, не имеющей корней в наличной действительности, но опережающей ее и становящейся затем активной силой целой эпохи» [12, с. 137]. Итак, характерным признаком революции является несоответствие выполняемых ею реальных национальных целей и заявленных задач. Этот дисбаланс яснее всего проявляется в пиковой фазе революции, но именно «идеальные» задачи обеспечивают ее влияние на внешнем

контуре. Революции «в силу своей экстремичности <...> разрушительны в тот период своего развития, который интересы данной среды приносит в жертву "чистой идее"» [12, с. 137].

Для характеристики революции Устрялов обычно использует два образа, казалось бы, не совместимые с процессом, имеющим четкую последовательность: «стихия» и «наводнение». Но на самом деле противоречия нет: и тот и другой образ просто указывают на отмену законов обычного развития в революционный период и разрушительную динамику его основного (пикового) этапа. «Стихия» подразумевает многовекторность, отсутствие прямой зависимости между программой (целями, задачами, лозунгами) и результатами, широкий спектр участвующих в революции социальных групп. «Наводнение» отражает основную конфигурацию ее протекания (о чем речь ниже), которая предполагает, что свой пик она проходит в середине пути.

Уже высказывалась мысль о том, что основой устряловского анализа русской революции был метод аналогий с французской революцией [11, с. 29]. Но в этом нет заслуги Устрялова: в то время их проводили многие, можно вспомнить, например, Н.П. Милюкова или Л.Д. Троцкого. Но, как нам представляется, значение построений Н.В. Устрялова состоит в том, что он применил этот метод последовательнее других. Есть основания предполагать, что основные этапы французской революции Устрялов считал инвариантными для любой революции. Они же проявлялись и в русской революции, поэтому можно было спрогнозировать ее финал (тогда, когда он еще не был ясен). Устрялов понимал также, что при их конкретном воплощении в русской революции будет ряд различий с французской: в длительности, сценариях, конфигурации групп и т. д. Но логика развития остается одной и той же: революция развивается не по экспоненте, а по синусоиде, и свой пик она проходит в середине пути (отсюда, как мы уже писали, и образ «наводнения»).

Как известно, французская революция имела четыре основных этапа, которые можно обозначить как «жиронда», «якобинская диктатура», «термидор» и «брюмер». При описании февраля 1917 г. Устрялов не использует понятия «жиронда», но по некоторым косвенным данным можно предполагать, что именно такие аналогии он и проводит. В записной книжке (1920 г.) он пишет, что «якобинцы нашей революции» своей политической одаренностью и изворотливостью затмили свой оригинал, тогда как французские жирондисты «несравненно ярче наших» [12, с. 337]. Аналогии «большевики»-«якобинцы» и «февралисты»-«жирондисты» в данном случае не вызывают особого сомнения. Другой пример – статья о Пестеле (1925 г.), где Пестель – «якобинец» и «большевик», а Муравьев и другие федералисты – деятели «русского жирондизма» [12, с. 272, 274, 276]. Этап русской «жиронды» он характеризует как окончательный демонтаж дворянской монархии (первый и самый сильный удар по которой нанесла мировая война), а заодно и государства как такового: «Государство русское растворилось в народной стихии, умерло» [12, с. 184].

Суть «февраля» заключалась в том, что к власти пришла интеллигенция, постоянно стоявшая в оппозиции к власти, но в силу своей социальной природы и ментальности не способная эффективно осуществлять управленческие функции: «Начальство ушло, и у государственного руля в трагичнейшую минуту нашей национальной истории внезапно очутилась сама русская интеллигенция – со всеми ее навыками, со всеми ее идеями, со всем ее прошлым» [12, с. 207]. В результате – быстрая и полная энтропия во всех сферах: «В месяцы "февраля" основным чувством ощущается именно стыд. Никакого величия, ни грана подлинной трагедии, ни йоты действительного героизма. Разгул мелкого беса, дешевых чувств, кургузых мыслей, дряблых сердец» [12, с. 185]. Но на этапе «жиронды» революция развивается по нарастающей, и Устрялов как истинный диалектик (в гегелевском смысле этого слова) усматривает положительный момент «февраля» в том, что в хаосе его безвластья на арену смогли выдвинуться те силы, исторической задачей которых было проведение новой сборки России и придания ей новой государственной формы: «И растворившаяся в пространствах Россия вновь восстает из пространств. В новом облике, в новом одеянии. И плохи те патриоты, которые не узнают ее в нем <...> Значит, они чтили только фасад ее, а не субстанцию» [12, с. 187].

С приходом большевиков к власти в октябре 1917 г. начинается этап «якобинской диктатуры». Развитие революции достигает пика и, по мысли Устрялова, именно тогда она становится великой. Именно на этом этапе происходит «углубление» революции до «чистой идеи» и формируется та «оболочка», под которой позже будут, с одной стороны, решаться национальные задачи, с другой стороны, расти влияние страны на внешнем контуре. На этом этапе происходит «момент истины» для русской интеллигенции. К власти приходит наиболее радикальная ее часть, способная идти до конца, обладающая в отличие от «февралистов» и вождей белого движения «эросом власти» (ср. [12, с. 337]), но в то же время реализующая ее сценарии: «Большевизм не только сумел вовремя учесть стремление масс, – он пришел безоговорочно исполнить и заветы истории русской интеллигенции» [12, с. 204]. Большевистская идеология вся искалечена ее «родимыми пятнами»: «Фанатическое, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом подготовило активно материалистический культ октябрьской революции, а систематически воспитываемое недружелюбие к началам нации и государственности <...> привело к безгосударственному космополитизму идеологии интернационала» [12, с. 204].

Устрялов пишет, что октябрь 1917 г. явился для русской интеллигенции «апофеозом и судом Немезиды»: образ легко расшифровываемый, если учесть, что эта античная богиня возмездия карала за нарушение общественных и нравственных порядков. У отказавшейся сотрудничать с большевиками интеллигенции было три сценария: «или мартиролог, или реестр каторги», или эмиграция. Фактически она вместе с дворянством выпадает из социальной стратификации и теряет прежнюю идентичность: «Произошла трагическая борьба, в которой восставшая против самой себя, против своей истории, армия русской интеллигенции была разбита наголову» [12, с. 210].

Гражданская война и интервенция («Вандея и Кобленц») у Устрялова поначалу являются точкой бифуркации («если победят они (большевики. – *А. В.*), значит они нужны России, значит, история пойдет через них») [12, с. 122]). Позднее, по аналогии с французской революцией, белому движению и интервенции были приданы функции внешнего «вызова», который заставил большевиков отстраивать эффективные государственные структуры (прежде всего армию) и подводил их к решению национальных задач: «Осуществляя себя, освободительная идея облекалась в латы и опоясывалась мечом. На первый план выдвигалась армия <...> И, как следствие, энтузиазм общечеловеческий постепенно уступал место в революционной борьбе энтузиазму национальному» [12, с. 139–140]). Но они же, как ни парадоксально, «заморозили» революционный пик: «Кризис ортодоксального коммунизма, вероятно, произошел бы еще раньше, если бы не было белых движений, искусственно расширявших социальную базу коммунистической власти» [12, с. 148].

Далее наступает «термидор». По счастью, Устрялов развернуто высказался по этой теме (прежде всего в статье «Путь термидора» 1921 г.). Если по вопросу о «якобинцах» в представлениях тогдашней публицистики существовал ясный консенсус, и даже сами большевики были не прочь согласиться с такой параллелью [11, с. 29], то «термидор» превратился в «псевдоморфозу» (термин-пустышку), в которую каждый вкладывал свое содержание. Н.П. Милюков считал им Кронштадское восстание, один из знакомых Устрялова – переезд большевиков из Петрограда в Москву [12, с. 339], у Л.Д. Троцкого границы «советского термидора» вообще оказались достаточно размытыми. Устрялов понимает «термидор» не как переворот, а как процесс, когда революция начинает идти на спад и возникает ясность, что основными ее приоритетами являются национальные задачи. Он обозначает два сценария «термидора». Первый был реализован во Франции (переворот и казнь Робеспьера, олицетворявшего якобинскую диктатуру). Но существовал и второй: Устрялов приводит слова Наполеона о том, что если бы Робеспьер удержал за собой власть, он изменил бы свой образ действий [12, с. 88]. То есть это сценарий приспособления «лидеров движения к новой фазе» [12, с. 93]. Как предполагал Устрялов, русский «термидор» пойдет именно по этому сценарию, продлится гораздо дольше, чем французз-

ский и будет проходить в старой «оболочке» («под знаком революционной, советской власти» [12, с. 118]).

Хронологически русский «термидор» начинается после подавления кронштадского восстания, отмены политики военного коммунизма и перехода к НЭПу. К 1927 г. он, по мнению Устрялова, еще не был завершен. Устрялов называет его «сумерками», а для характеристики использует известный гегелевский образ («сова Минервы вылетает в сумерках»). Образ понятен: рефлексия наступает именно на фазе спада, когда и начинают выявляться подлинные цели всего процесса. Однако, если обычно этот образ используют для того, чтобы обозначить осознание прошедшего, то Устрялов предполагает в «сумерках революции» увидеть контуры будущего. На этом этапе отчетливо начинает проявляться тот характерный признак революции, который он, пользуясь терминологией В. Вундта, обозначает как «гетерогения целей» (см.: [12, с. 174–176]). Основан он на том, что «цели/задачи» и «средства/методы» могут меняться местами: то, что изначально кажется побочным и второстепенным (то есть методом) для достижения некой цели, оказывается конечной целью (с точки зрения исторической перспективы), а то, что ранее провозглашалось как основная задача, оказывается лишь средством. Процесс, в результате которого начинают проявляться истинные цели революции, он обозначает как «национализация». Она характеризуется сближением и взаимовлиянием тех активных сил, которые совершили революцию, и остальной части общества («Ближе к массам! Глубже в быт!»), чего невозможно было представить на этапе подъема и пика. Например, очень интересно, что при вхождении в «плотные слои» народных масс начинают профанироваться некоторые элементы «сакрального пространства» революции: «Мне самому пришлось этим летом не раз слышать в России, как царский “мерзавчик” величают “пионером”, а сороковку – “комсомольцем”» [12, с. 195]. И Устрялов не видит здесь ничего плохого: для него это, скорее, отрадный индикатор глубины происходящего процесса.

«Термидор» должен завершаться «брюмером». Устрялов в своей публицистике 1920–1927 гг. не проясняет деталей этого этапа, говорит о нем крайне мало, скорее, просто бросает несколько «несвоевременных» мыслей. Более развернуто о сценариях русского «брюмера» (в плане политологического прогноза) он пишет в переписке 1929 года. Напомним, что во время французской революции «брюмер» был концом революции и одновременно законодательным закреплением ее реальных/национальных итогов (знаменитый кодекс Наполеона). В политическом плане он протекал в форме автократии («бонапартизм»). В публицистике 1920–1927 гг. Устрялов лишь констатирует неизбежность русского «брюмера» (см.: [11, с. 30]) и указывает на то, что Наполеон вышел из якобинской среды, явно прочерчивая возможный сценарий развития русской революции в этой фазе [12, с. 89]. В письме к П.П. Сувчинскому 1927 г. он указывает на возможную бифуркацию процесса (грядущий «перебой» в революции – это или переворот по типу 9 термидора или «брюмерообразный скачок»), тогда Устрялов еще не был готов увидеть появление нового Наполеона [13, с. 31]. Но в письмах 1929 г. «фокус» устряловского анализа становится резче: он определяет основные параметры русского «брюмера», по сути инвариантные французскому, указывая, что «бонапартизм» – это «подлинная кодификация революции», «стабилизация новых социальных интересов, созданных революцией», «равноденствующая революции, ее осуществленная реальность», «реакция, спасающая и закрепляющая революцию» [11, с. 40]. Здесь же он четко высказывает мысль, что основная фигура русского «брюмера» – Сталин [11, с. 41]. Успех его действий Устрялов связывает с «мамелюкизацией» правящего слоя. Аналогия понятна: успех может быть достигнут путем трансформации правящего слоя таким образом, что внутри себя он лишится прочных горизонтальных и вертикальных связей и будет зависеть только от основного носителя власти/диктатора. Устрялов считает, что к 1929 г. Сталин уже отчасти осуществил такую работу («Он окружил власть нерассуждающими, но повинующимися солдатами от политики» [11, с. 41]). И здесь же Устрялов предупреждает о той опасности, которая может поджидать Сталина, если ему не удастся превратить «мамелюкизацию» в ос-

новной принцип существования правящего слоя: «В один прекрасный день его забрыкают собственные ослы, жаждущие спокойных стойл» [11, с. 42].

Результаты. На наш взгляд, Устрялов понимает революцию прежде всего, как инструмент для решения национальных задач. С феноменологической точки зрения революция представляет собой явление, обладающее самостоятельной логикой, подчиненное определеным законам и проходящее определенные этапы своего развития, не зависящие от воли и желаний ее акторов. Революцию Устрялов сравнивает с Пигмалионом (аллюзия к известной пьесе Б. Шоу), который в определенный момент вкладывает нужные мысли своим креатурам [12, с. 90]: то есть на каждом этапе своего развития логика революционного процесса создает для его движущих сил такой коридор возможностей и такое направление движения, которое неизбежно приводит к следующему этапу. Причины такого развития скрыты в самой революции и имманентно ей присущи (Устрялов выражал его через образ «стихии»): широта и разнообразие участвующих в революции сил (масс, партий, групп, фракций и т. д.) создает условия для отбора той из них, которая наиболее адекватно отражает параметры следующего этапа. В своем анализе Устрялов опирался на логику и этапы развития французской революции, по сути, считая их инвариантными. Различие наблюдается только во второстепенных признаках: сроки, альянсы групп, разница в сценариях протекания этапов и т. д. Общим для всех революций является основная их конфигурация (синусоида), где пиковое развитие приходится на середину процесса, а также «гетерогения целей», когда «чистые идеи» из цели превращаются в средство.

Благодаря подобной оценке революции Устряловым была намечена такая версия истории России XX в., которая самым оптимальным образом объясняет историческую преемственность двух эпох ее развития на современном историческом этапе (эпоха Российской империи и эпоха России советской/СССР). Если взглянуть на всю историю России, то (не учитывая новейший период) в ней можно выделить три исторических «разрыва»: между Киевской Русью и Русью Московской, между Московской Русью и Российской империей, между Российской империей и СССР. Но если по поводу двух первых «разрывов» давно уже найден консенсус, который объясняет историческую преемственность этих этапов (по сути, он перекочевал в советские учебники из дореволюционных и остается в целом таким и сейчас), то в случае с последним «разрывом» консенсуса не возникло, существуют лишь разные и подчас взаимоисключающие версии.

Попробуем проанализировать главные из них. Прежняя советская версия находилась в рамках «философии формаций» и объясняла линейное поступательное движение через их смену (от низшей к высшей): но сложно в таком случае объяснить, каким образом Россия после 1991 г. перекочевала из более высокой формации (социализм) в более низкую (капитализм). Либеральные версии трактуют советский период как «черное пятно», отступление от правильного развития, а его структурообразующим элементом выступает период массовых репрессий 1930-х годов. Однако, как показывает действительность, эти версии травмируют историческую память большинства населения современной России, поскольку советский период вызывает там не только негативные, но и позитивные коннотации [5; 8]. Наконец, современная версия русской истории (по материалам открытых источников можно сделать вывод, что ее разработку курируют два восстановленных исторических общества, РИО и РВИО [4]) предлагает довольно эклектичную картину, где всячески превозносится период Российской империи, а в отношении советского времени применяется «фигура умолчания», в лучшем случае из него механически вынимаются отдельные события (прежде всего победа в Великой Отечественной войне [4]). Квинтессенцией подобного подхода можно считать отказ современного российского руководства отмечать столетие русской революции [7]. Однако, судя по откликам в Интернете, такая позиция также не находит понимания.

«Версия Устрялова» (для краткости назовем ее так), находящаяся в рамках цивилизационного подхода, позволяет трактовать историю СССР как такую форму существования России на определенном временном этапе, которая оказалась способна эффектив-

но отвечать на внутренние и внешние «вызовы» (наиболее важными из них были Вторая мировая война и сложная послевоенная обстановка), а также смогла обеспечить суверенное и поступательное развитие русского государства. Эта версия, как нам представляется, имеет две «болевые точки». Если сохранить ее логической и непротиворечивой, то развитие России в начале XX в. следует признать неэффективным и неадекватно отвечающим на исторические «вызовы», а события февраля 1917 г. следует считать не упущенным историческим шансом, а временем распада и энтропии, неизбежно выводящими на историческую авансцену большевиков. С первым положением не согласятся «новые белые», со вторым – либералы. Но, с нашей точки зрения, для большинства населения современной России (см. данные соцопросов) эта версия может непротиворечиво объяснить историческое развитие страны, не травмируя его историческую память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агурский, М. С. Идеология национал-большевизма / М. С. Агурский. – М. : Алгоритм, 2003. – 320 с.

2. Булычева, М. В. Политическая концепция государства в теоретическом наследии Н. В. Устрялова : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Булычева Марина Владимировна. – Саратов, 2007. – 19 с.

3. Довбыш, А. В. Трансформация воззрений Н.В. Устрялова на советское государство / А. В. Довбыш // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 131–137.

4. Кацевич, М. Путин создает сеть элитных обществ для людей во власти / М. Кацевич. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://tip.by/putin-sozdaet-set-jelitnyh-obshhestv-dlja-ljudej-vo-vlasti (дата обращения: 15.08.2018). – Загл. с экрана.

5. «Левада-центр»: 68 % россиян хотели бы возвращения к социализму и СССР // Ведомости. – 2016. – 19 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/19/638242-68-rossiyan-sotsializmu (дата обращения: 29.08.2018). – Загл. с экрана.

6. Лысенко, Е. А. История идеологии национал-большевизма Н.В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Лысенко Елена Анатольевна. – СПб., 2007. – 21 с.

7. Песков не увидел необходимости в праздновании 100-летия революции. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/25/n_10735148.shtml (дата обращения: 17.08.2018). – Загл. с экрана.

8. Почти две трети россиян хотели бы сохранить СССР – ВЦИОМ // Ведомости. – 2016. – 16 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/03/16/633782-pochti (дата обращения: 29.08.2018). – Загл. с экрана.

9. Романовский, В. К. Николай Васильевич Устрялов. Деятельность и эволюция идейно-политических воззрений (1890–1937 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Романовский Вячеслав Константинович. – Н. Новгород, 2007. – 51 с.

10. Романовский, В. К. Великая русская революция в оценках политического мыслителя Н.В. Устрялова / В. К. Романовский // Преподаватель XXI в. – 2017. – № 2. – С. 264–276.

11. Устрялов, Н. В. Национал-большевизм / Н. В. Устрялов ; сост., прим., коммент. С. М. Сергеева. – М. : Эксмо-Алгоритм, 2003. – 656 с.

12. Устрялов, Н. В. Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. / Н. В. Устрялов ; ред.-сост. М. Колеров. – М. : Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. – 400 с.

13. Устрялов, Н. В. Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930 / Н. В. Устрялов ; сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Б. Ермишиной. – М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. – 80 с.

14. Утяшев, М. М. Большевизм как национальная власть: взгляд на события 20–30-х гг. XX в. в СССР с точки зрения Н.В. Устрялова / М. М. Утяшев, И. И. Муллахметов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 3. – С. 1385–1388.

REFERENCES

1. Agurskiy M.C. *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 320 p.

2. Bulycheva M.V. *Politicheskaya kontseptsiya gosudarstva v teoreticheskom nasledii N. V. Ustryalova: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [The Political Concept of the State in the Theoretical Heritage of N.V. Ustryalov. Cand. polit. sci. abs. diss.]. Saratov, 2007. 19 p.

3. Dovbysh A.V. Transformatsiya vozzreniy N.V. Ustryalova na sovetskoe gosudarstvo [Transformation of N.V. Ustryalovs Ideas on the Soviet State]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2016, no. 3, pp. 131-137.

4. Katsevich M. *Putin sozdaet set elitnykh obshchestv dlya lyudey vo vlasti* [Putin Creates Elite Societies Network for People in Power]. URL: https://

tip.by/putin-sozdaet-set-jelitnyh-obshhestv-dlja-ljudej-vo-vlasti (accessed 15 August 2018).

5. «Levada-tsentr»: 68 % rossiyan khoteli by vozvrashcheniya k sotsializmu i SSSR [Levada Center: 68% of Russians Would Like to Return to Socialism and to the USSR]. *Vedomosti*, 2016, April 19. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/19/638242-68-rossiyan-sotsializmu (accessed 29 August 2018).

6. Lysenko E.A. *Istoriya ideologii natsional-bolshevizma N.V. Ustryalova (1900-e gg. – 1925 g.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The History of the Ideology of National Bolshevism by N.V. Ustryalov (1900s – 1925s). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2007. 21 p.

7. *Peskov ne uvidel neobkhodimosti v prazdnovanii 100-letiya revolyutsii* [Peskov Did Not See the Need to Celebrate the 100th Anniversary of the Revolution]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/25/n_10735148.shtml (accessed 17 August 2018).

8. Pochti dve treti rossiyan khoteli by sokhranit SSSR – VTsIOM [Almost Two Thirds of Russians Would Like to Save the USSR – Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM)]. *Vedomosti*, 2016, March 16. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/03/16/633782-pochti (accessed 29 August 2018).

9. Romanovskiy V.K. *Nikolay Vasilyevich Ustryalov. Deyatelnost i evolyutsiya ideyno-politicheskikh vozzreniy (1890–1937 gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Nikolay Vasilyevich Ustryalov. Activity and Evolution of Ideological and Political Views (1890–1937). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Nizhny Novgorod, 2007. 51 p.

10. Romanovskiy V.K. Velikaya russkaya revolyutsiya v otsenkakh politicheskogo myslitelya N.V. Ustryalova [The Great Russian Revolution in the Assessments of Political Thinker N.V. Ustryalov]. *Prepodavatel XXI v.*, 2017, no. 2, pp. 264-276.

11. Ustrialov N.V. *Natsional-bolshevizm* [National Bolshevizm]. Moscow, Eksmo-Algoritm Publ., 2003. 656 p.

12. Ustrialov N.V. *Natsional-bolshevizm. Izbrannye statyi 1920–1927 gg.* [National Bolshevizm. Selected Articles of 1920–1927]. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskiy», 2017. 400 p.

13. Ustrialov N.V. *Pisma k P.P. Suvchinskomu. 1926–1930* [Letters to P. Suvchinsky, 1926–1930]. Moscow, Dom russkogo zarubezhya im. A. Solzhenitsyna, 2010. 80 p.

14. Utyashev M.M. Bolshevizm kak natsionalnaya vlast: vzglyad na sobytiya 20–30-kh gg. XX v. v SSSR s tochki zreniya N.V. Ustryalova [Bolshevism as a National Power: A Look at the Events of the 20s – 30s of the 20th Century in the USSR from the Point of View of N.V. Ustrialov]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2012, vol. 17, no. 3, pp. 1385-1388.

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, cesras@cesras.ru, https://orcid.org/0000-0002-3895-9909

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, cesras@cesras.ru, https://orcid.org/0000-0002-3895-9909

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.20

UDC 94(7/8)“18”:341.39
LBC 63.3(7)52-68

Submitted: 15.01.2020
Accepted: 10.04.2020

REVIEW OF NEW AMERICAN STUDIES ON THE CIVIL WAR (1861–1865) AND RECONSTRUCTION IN THE USA (1865–1877) FOR 2019

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Studies of American historians on the Civil War and Reconstruction continue to be central issues in the 21st century. There is an increased public demand for these studies. The author of the analytical review of American publications tries to answer the question of what this interest is related to. *Methods*. The author of the review uses the methodological tools such as the scientific principle of objectivity, the special historical-comparative method and the systematic approach to answer this question. *Analysis*. The author points out the main areas of studying new aspects marked by American historians of the mid-19th century. These areas include the issues and interpretations on military, political, everyday, anthropological, social and cultural, and economic history. Besides, new approaches in peer-reviewed monographs for the comprehensive coverage of the study material of this issue are highlighted. *Results*. The interest of academicians and the American public to studying the historical period of the Civil War and Reconstruction, on the one hand, tells about carrying the deep psycho-civilizational trauma by all subsequent generations of both white and black Americans at this time, and on the other hand, this war debunks the myth of God’s chosen destiny of the American nation to build a “City on a Hill”. Constant refinements, additions, revisions, and reinterpretations of the events and consequences of the Civil War and Reconstruction in contemporary American historiography only confirm this conclusion. The publications selected by the reviewer on this issue for 2019 not only introduce new American historical works to Russian Americanists, but also provide an opportunity to expand their own research on this issue.

Key words: Civil War, Reconstruction, slavery, emancipation, segregation, civil rights.

Citation. Sokov I.A. Review of New American Studies on the Civil War (1861–1865) and Reconstruction in the USA (1865–1877) for 2019. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 225-239. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.20

УДК 94(7/8)“18”:341.39
ББК 63.3(7)52-68

Дата поступления статьи: 15.01.2020
Дата принятия статьи: 10.04.2020

ОБЗОР НОВЫХ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА 2019 г. ПО ТЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1861–1865 гг.) И РЕКОНСТРУКЦИИ В США (1865–1877 гг.)

Илья Анатольевич Соков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Исследования американских историков по тематике Гражданской войны и Реконструкции продолжают оставаться центральными в XXI веке. Причиной тому является повышенный общественный запрос на эти исследования в США. В представленном аналитическом обзоре американских публикаций автор пытается ответить на вопрос, с чем связан данный интерес. *Методы.* В статье использовались такие методологические инструменты, как научный принцип объективности, специальный историко-сравнительный метод и системный подход. *Анализ.* При анализе были выделены основные направления изучения новых аспектов американскими историками периода середины XIX века. В их число входят исследования по военной, политической, повседневной, антропологической, социальной и культурной, а также экономической истории. Кроме того, автор выделил в рецензируемых монографиях новые подходы к изуче-

© Соков И.А., 2020

нию материала указанной тематики для его всестороннего охвата. *Результаты.* Неснижаемый интерес академической и американской общественности к исследованиям исторического периода Гражданской войны и Реконструкции, с одной стороны, говорит о глубокой психоцивилизационной травме, полученной в это время и наблюдающейся у всех последующих поколений как белых, так и темнокожих американцев, а с другой – развенчивает миф о богоизбранном предназначении американской нации для построения «града на холме». Постоянные уточнения, дополнения, ревизии и переосмысление событий и последствий Гражданской войны и Реконструкции в современной американской историографии только подтверждают этот вывод. Выбранные рецензентом публикации по указанной тематике за 2019 г. не только знакомят российских американистов с новыми американскими историческими работами, но и дают возможность расширить собственные исследования по этой тематике.

Ключевые слова: Гражданская война, Реконструкция, рабство, эмансипация, сегрегация, гражданские права.

Цитирование. Соков И. А. Обзор новых американских исследований за 2019 г. по теме Гражданской войны (1861–1865 гг.) и Реконструкции в США (1865–1877 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 225–239. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.20

Введение. Центральным событием в истории США XIX в. считается Гражданская война с последующей Реконструкцией. В течение последующих 150 лет историки Соединенных Штатов тщательно и всесторонне изучали различные аспекты этого социального явления, создали множество концепций и теорий, объясняющих один из самых сложных этапов развития американского общества. Размах этих исследований не сокращается и в XXI веке. Достаточно сказать, что за период празднования 150-летия упомянутого события (2015–2016 гг.) только в США было опубликовано по теме Гражданской войны 507 монографий, 1 794 статьи в академических журналах, 1 603 статьи в периодических журналах, 8 159 статей в газетах, а за прошлый 2019 г. – 136 монографий, 273 статьи в академических журналах и 377 статей в периодических журналах, 1 771 газетная статья [11].

Сравнивая эти цифры, можно отметить, что в американском социуме есть определенный общественный запрос на продолжение исследований по тематике Гражданской войны и Реконструкции. С одной стороны, в Соединенных Штатах ежегодно публикуется огромное количество материала по этой теме, с другой – сделать обзор всей этой опубликованной продукции практически невозможно. В связи с этим в своем исследовании мы выделили полтора десятка монографий, которые, на наш взгляд, отражают практически все направления современных исследований.

Методы. В данной статье был использован научный принцип объективности, позволивший из имеющегося массива библиографических сведений о публикации научных работ в США за 2019 г. выделить несколько направлений, посредством которых в чем-то по-новому рассматриваются события Гражданской войны и Реконструкции. С помощью специального историко-сравнительного метода в каждом направлении выделены характерные работы, отражающие их специфику. Применение системного подхода позволило выделить основные проблемы, над которыми работают американские ученые, и понять, в каком направлении эти исследования смогут продолжаться.

Анализ. Изучение американских публикаций по теме Гражданской войны и Реконструкции за 2019 г. дает основание говорить о разных направлениях и подходах в исследованиях американских историков этого периода.

Безусловно, главным направлением продолжает оставаться *военная история*. Примером исследований здесь может служить монография Ларри Дж. Даниэля «Побежденные: почему армия Теннесси потерпела неудачу» [6]. Работа состоит из 23 глав, в которых подробно описываются военные события, связанные с действиями армии Теннесси. Автор (по его словам) произвел ревизию устоявшихся представлений о причинах поражения армии конфедератов (как из-за несоответствующего лидерства, так и борьбы за влияние в ней среди генералов), взяв в качестве основного подхода рассмотрение армии как специфического института, действующего функционально по-разному в военное и мирное вре-

мя [6, p. xi]. Не отрицая роль военных личностей в поражении армии Теннесси, Л. Даниэль обращает внимание на фактор секционализма, который выражался в местничестве разных областей штата, производящих различную сельхозпродукцию, и тем самым сдерживал единство армии. К тому же проблема усугублялась из-за армейской политики президента Конфедерации Дж. Дэвиса, армейская политика которого делила все подразделения южной армии территориально с командующими и их собственными миссиями [6, p. 8]. В связи с этим к лету 1862 г. в армии Теннесси уже были отдельные подразделения из штатов Арканзас, Кентукки и Луизианы. Позднее она пополнилась подразделениями из горных областей Алабамы и Джорджии, которых остальные просто презирали как «людей выглядящих пригодными только для жизни в скалах» [6, p. 9].

Л. Даниэль считает, что если армия генерала Ли демонстрировала живучесть штатов Конфедерации, то армия Теннесси была ее противоположностью, «представляя непрочность Конфедерации» [6, xii].

Начало такому представлению положило формирование армии Теннесси под руководством губернатора Ишема Г. Харриса и окружение его неспособными бригадными генералами, которые назначались из администраторов либо ветеранов Мексиканской войны. Автор указывает, что из 135 чел., которым предстояло получить звание полковника в Теннесси, за исключением Эндрю Джексона III никто не учился в Вест-Пойнте, и только четверо окончили частные военные академии, а богатство и известность служили основой для назначения большинства теннессийских полковников, из которых было девять врачей и сорок юристов [6, p. 2–3].

Из 75 000 единиц различного огнестрельного оружия только 4 000 были годны к употреблению. Военные лагеря, где были собраны для обучения солдаты, каждый вечер посещали жены с детьми, а каждую ночь устраивались танцы с молодыми особами [6, p. 3]. К тому же вскоре в лагерях начались болезни, главным образом корь и диарея.

Другой важной особенностью отсутствия боеспособности армии Теннесси автор называет политический фактор. Жители более северного и не хлопкового пояса штата на выборах 1860 г. поддержали партию Конституционного Союза (Constitutional Union Party) и позже всех примкнули к Конфедерации. В связи с этим понятно, заключает автор, почему в феврале 1862 г. при падении форта Донельсон (Donelson) 1 640 военнопленных дали клятву верности северянам [6, p. 6]. Большинство людей в армии Теннесси понимали, что они борются за интересы «горстки хлопковых плантаторов из Алабамы и Миссисипи» [6, p. 7].

Следующим фактором, приведшим к поражению армии, автор считает отсутствие единой стратегии по защите различных объектов по берегам рек Миссисипи и Теннесси. Так, генерал П.Дж.Т. Борегар считал, что конфедеративные подразделения должны быть мобильными, а генерал Л. Полк (Leonidas Polk), наоборот, придерживался мнения, что форты и города у рек представляют собой «Гибралтар Юга» и для поддержания их неприступности требуются значительные силы, чтобы выдержать длительную осаду. Такая же полемика была в штате Миссисипи годом позже между генералами Джоном К. Пембертоном и Джозефом Э. Джонстоном.

Кроме того, существовали и другие многочисленные факторы, такие как сокращение живой силы армии и уменьшение кавалерийского корпуса в результате боев, имелись материально-технические трудности и недостаток мобильности, деструктивные политические действия президента Джефферсона Дэвиса, слабая связь между различными конфедеративными штатами [6, p. xii].

В противоположность Л. Даниэлю Д. Силкенет в монографии исследования *военной истории* «Поднятие белого флага: как капитуляция определила американскую Гражданскую войну» [13] утверждает, что в армиях Севера и Юга в течение войны происходили многочисленные капитуляции как тактического, так и стратегического характера, которые определялись предвоенной гражданской культурой и «выросли из унаследованных представлений о том, что капитуляция помогала отличить цивилизованную войну от варварства» [13, p. 3].

Автор проявляет интерес к исследованию процесса капитуляции как отдельных сол-

дат, так и армий, а также к сдаче городов и гражданских лиц противоборствующими сторонами на всем протяжении Гражданской войны, что позволяет интерпретировать события не только военной, но социальной и культурной истории. По его мнению, взгляд на Гражданскую войну с точки зрения людей, сдавшихся в плен, открывает новые горизонты на знакомые темы, позволяя по-новому взглянуть на такие разнообразные проблемы, как тяжелое положение военнопленных, действия партизан Конфедерации, южан-юнионистов и афроамериканских солдат; понимание культуры чести; использование опыта боевых действий и следование законам войны [13, p. 4]. Автор уверен, что капитуляция глубоко повлияла как на характер, так и на исход Гражданской войны.

Д. Силкенет утверждает, что за время Гражданской войны каждый четвертый участник боев сдавался противнику и этот феномен отсутствовал в какой-либо американской войне до или после. При этом он ссылается на неполные статистические данные, говорящие о том, что более 673 000 солдат сдались в плен во время Гражданской войны в США, включая по меньшей мере 211 000 солдат Союза и 462 000 солдат Конфедерации. Формальные капитуляции, такие как при Виксбурге, Аппоматтоксе и Беннетт-Плейсе, составили примерно половину этой цифры [13, p. 2].

Автор подчеркивает, что в американской Новейшей истории вообще не упоминаются факты капитуляции военнослужащих США во время боев и активно поддерживается военно-политический миф о непобедимости американцев. При этом он приводит слова покойного сенатора Дж. Маккейна, который говорил: «Мы – американцы, и мы никогда не сдадимся», хотя, как известно, он сам был во вьетнамском плену [13, p. 3].

Другой особенностью капитуляций во время Гражданской войны было отсутствие признаков позора или бесчестья. Более того, по мнению автора, майор Роберт Андерсон стал знаменитым национальным героем за свою капитуляцию в форте Самтер, который выдержал осаду федеральных войск в 1863–1865 годах. Для северян же это название ассоциировалось с расколом и предательством, а для южан-конфедератов стало символом сопротивления и мужества. Авторитет Роберта Э. Ли также только вырос после капитуляции в здании суда графства Аппоматтокс. Приняв капитуляцию, генерал Улисс Грант положил конец Гражданской войне в США [13, p. 3].

Можно, конечно, предположить, что подобная история капитуляций была необычным явлением и она отражала особенности ведения «мягкой» войны без необходимости истребления собственного населения и «мягкого» отношения к капитулянтам. При этом автор утверждает, что наряду с цивилизационным порядком ведения войны присутствовал также варварский порядок. Он касался United States Colored Troops (далее – USCT). Цветные войска Соединенных Штатов были полками в армии США, состоящими в основном из афроамериканских солдат, хотя члены групп других меньшинств также служили в этих подразделениях, южных юнионистов и партизан (последние боролись в штатах Канзас, Миссури и Арканзас). Темнокожие солдаты Союза шли в бой, зная, что они не могут сдаться, потому что в плену их могут ждать казни, пытки или обращение в рабство [13, p. 297], и поэтому они шли под своим черным флагом, означавшим их борьбу против рабства и несправедливости. Как установлено, несмотря на проявление человечности в период Гражданской войны, по последним оценкам американских историков в ней погибло более 750 000 чел. [13, p. 295].

Подобный нетрадиционный подход к исследованию *военной истории* Гражданской войны и Реконструкции в США использован в коллективной монографии «Гражданская война на Рио-Гранде, 1846–1876 гг.» под редакцией Розанны Бача-Гарза, Кристофера Л. Миллера и Рассела К. Сковронека [14]. Одиннадцать авторов, написавших свои эссе для этой книги, пересматривают общепринятый историками подход о том, что события в Техасе во время указанного периода носили периферийный характер и в малой степени влияли на общий ход Гражданской войны и Реконструкции в США. Свои доводы они обосновывают тем, что Гражданская война в Америке не проходила на едином фронте или в одном месте, а сражения велись в разное время и в различных штатах. То же касается и сроков ее проведения. «Ни один здравомыслящий

историк не скажет, что эпоха Гражданской войны началась именно 12 апреля 1861 года с обстрела форта Самтер и что война закончилась росчерком пера 9 апреля 1865 года в здании суда графства Аппоматтокс» [14, p. xiii].

Для разных людей Америки окончание войны имело свои сроки. Так, в бывших штатах Конфедерации официальная военная оккупация и военное положение продолжались более десяти лет после капитуляции Роберта Э. Ли.

Если эти рассуждения редакторов о местах и времени Гражданской войны можно как-то принять, понимая, что они хотят выделить еще нераскрытые страницы Гражданской войны, то их утверждение, что в Техасе периодизация Гражданской войны должна быть принята в рамках 1846–1876 гг., не выдерживает критики. По мнению авторов, 1846 г. – начало войны с Мексикой и опыт американских офицеров и солдат в ней – дал им возможность осознанно участвовать в Гражданской войне на стороне конфедератов, а 1876 г. – это год укомплектования войск преобладающе афроамериканскими солдатами, которых первоначально именовали Цветные Войска Соединенных Штатов (USCT), более известные как солдаты Буффало. В последующем их отправили на Великие равнины для подавления восстания индейских племен. В связи с этим период 1846–1876 гг. кроме времени самой Гражданской войны, включает и другие события, которые к ней не относятся.

С помощью идеи американского историка Эллиота Уэста (Elliott West) [15] Реконструкция рассматривается в широком смысле как «Строительство» (Construction) и «Великое объединение» (Great Consolidation), где пространственное приращение США в первой половине XIX в. считается одной из предпосылок ее наступления. Авторы монографии указывают совсем на другое понятие – «гражданская война», и тем самым вольно изменяют устоявшиеся исторические представления.

Между тем вполне можно согласиться с авторами эссе и с редакторами в том, что штат Техас, как и долина Рио-Гранде, все же отличались от американских штатов Севера и Юга в силу существования там мультикультурного общества, отсутствия института рабства (перед началом Гражданской войны, как указано в монографии, на весь Техас приходилось не более шестидесяти рабов), разделения общества на тех, кто строил «подземную дорогу» для освобождения рабов, и тех, кто их ловил и возвращал хозяевам. Поэтому с наступлением Гражданской войны в штате Техас произошло разделение на сторонников Союза и Конфедерации. Эти предпосылки и дают основание авторам монографии считать, что военные события в Техасе были особенными, непохожими на события в других штатах.

Продолжением исследования *военной истории* Гражданской войны в США является монография Филипа Джерарда «Последнее поле битвы: Гражданская война приходит в Северную Каролину» [8]. Эта монография состоит из сорока трех эссе, которые все связаны в военных и социальных аспектах Гражданской войны со штатом Северная Каролина, рассказаны самими участниками событий, которые не могли знать, как эти события продолжатся или закончатся. В связи с этим они написаны не в прошедшем, а в настоящем времени. По мнению автора, такой подход позволяет читателю сопереживать происходящему и, возможно, даже представить себя участником событий. Он указывает, что война превратилась в движущееся лоскутное одеяло речных сражений, стычек на горных перевалах, засад на пустынных проселочных дорогах, набегов на побережье, эпизодических сражений, секретных шпионских миссий, гарнизонных дежурств, работы для тюрем, больниц, железных дорог, тяжелого физического труда на фермах и фабриках и всего остального [8, p. xi].

В связи с этим нельзя не согласиться с Ф. Джерардом, что «каковы бы ни были великие политические причины войны, какие бы великие сражения ни решили ее исход, каким бы абстрактным это ни казалось нам полтора столетия спустя, величайшая истина, которую я знаю, такова: война (для участников. – *И. С.*) всегда была их личным делом» [8, p. xii].

Направление исследований *политической и экономической истории* Гражданской войны и Реконструкции представлено монографией Джозефа П. Рейди «Иллюзии эмансипации: стремление к свободе и равенству в сумерках рабства» [12]. В своей работе ав-

тор утверждает, что устоявшийся взгляд на то, что рабство в США было отменено одним актом или рядом актов (закон о Конфискации 1861 г., закон о Конфискации 1862 г., Предварительная и Заключительная Прокламация эмансипации от сентября 1862 г. и января 1863 г., Тринадцатая поправка к конституции США от 31 января 1865 г.) неточно, это был длительный и незаконченный по времени процесс, перешедший в сегрегацию. В подтверждение своих слов он ссылается на известного историка Гарварда Чарльза Харриса Уэсли, который говорил: «“Никто не может сказать, в какой день месяца или месяц года было отменено рабство в Соединенных Штатах”; скорее, “цепи рабства были постепенно ослаблены”» [12, p. 5].

Этот подход в уточнении исторической памяти развенчивает еще один устоявшийся миф, что порабощенные и свободные афроамериканцы были пассивными объектами действий других людей (например, президента А. Линкольна). На самом же деле они, как исторические акторы, сами способствовали своему освобождению.

Дж. Рейди уточняет, что даже к концу Гражданской войны люди всех политических убеждений признали роль темнокожих солдат в достижении победы, но общественное мнение по-прежнему было разделено относительно того, давала ли эта служба возможность на полное гражданство, включая право голосовать [12, p. 10].

По мнению автора, в XX в. историки согласились, что Реконструкция была неудачным экспериментом в «управлении неграми», для которых легальное санкционированное подчинение афроамериканцев было подходящим решением [12, p. 10].

При всем уважении к исследованию Дж. Рейди следует отметить, что введенные им категории (время, пространство и дом как местожительство) только затеняют объяснение «иллюзий эмансипации». На наш взгляд, введенный в научный оборот термин «формирующие события» канадским политологом Нельсоным Вайсмэном в 2007 г. для обозначения изменений, связанных с Американской революцией и Гражданской войной, более полно и адекватно объясняет особенности этих исторических процессов [16].

Вывод автора состоит в том, что эмансипация военного времени не стала полным политическим освобождением, не говоря уже о более тягостном экономическом положении, в котором бывшему рабу надо было брать ответственность за содержание семьи: искать не только работу, но жилище для себя и членов своей семьи. Государство не взяло на себя никаких социальных обязательств. Темнокожие вольноотпущенники не получили 40 акров земли, как они просили [12, p. 345], хотя по Гомстед-акту от 20 мая 1862 г. белые иммигранты получили право приобрести в собственность незанятые земли на западе страны. Это и понятно, северным капиталистическим штатам нужны были рабочие руки для фабрик и заводов.

Другим примером исследования *экономической и культурной истории* являются четвертая и пятая главы монографии Эндрю Хита «В Союзе существует сила: Филадельфия в эпоху городской консолидации» [9]. Направленность этой книги в большей степени следует отнести к городской истории Соединенных Штатов, которая убедительно доказывает, что урбанизация американских городов в середине XIX в. была вызвана бурным развитием капитализма и стала одной из объективных, но косвенных предпосылок наступления Гражданской войны и эмансипации темнокожего населения.

Автор считает, что Филадельфия между 1840–1870 гг., несмотря на отставание Нью-Йорка в гонке за городское превосходство, по площади удваивалась каждые двадцать лет, а луга уступили место улицам, фабрикам и домам» [9, p. 4]. Закон о консолидации Филадельфии (Philadelphia’s Consolidation Act of 1854) способствовал территориальному расширению города, его бурному промышленному и финансовому развитию и создал прецедент для других городов, таких как Нью-Йорк, которые также хотели расширить свои границы.

К началу Гражданской войны старая элита в Филадельфии сменилась на новую: ее основой стали бизнесмены и партийные боссы. Если «практическая консолидация» филадельфийцев перед началом Гражданской войны заключалась не только в расширении городского центра и объединении пригородов, но и в соблюдении гражданских прав и возобнов-

лении политики экономического роста. С началом Гражданской войны «военная консолидация» поддерживалась четко организованной мобилизацией приграничного города с сепаратистскими штатами. Но не военные усилия беспокоили отцов города – рабство и местничество (групповщина) [sectionalism] раскалывали филадельфийское общество. «Торговцы связанные родственными узами и торговлей с Конфедерацией были в лучшем случае равнодушны к делу Союза» [9, p. 168].

Филадельфия как крупнейший американский центр железнодорожного строительства и промышленного производства, по мнению Э. Хита, безусловно, поддерживала Республиканскую партию, несмотря на то что муниципальные торговые и финансовые интересы были тесно связаны с южными штатами. По сути, рабство и война раскололи «богатейшую десятую часть общества» Филадельфии и угрожали свести на нет большую часть работы предыдущих пятнадцати лет по консолидации городского сообщества.

Отличительной особенностью военных лет стало создание в Филадельфии сначала юнионистских клубов, которые затем переросли в общественные Лиги. Члены Лиги не чурались политики, но, как и их предшественники в 1850-е гг., они верили, что объединенная буржуазия может оказывать влияние через свое положение. Как выразился один из основателей клуба, он предлагал «достичь национальной и политической цели социальными средствами» [9, p. 169–170].

Отдельно темнокожими в Филадельфии были созданы Пенсильванская Лига за равные права и Профсоюзная лига цветных людей, где «черный лоялизм подталкивал буржуазных филадельфийцев к более эгалитарной позиции по гражданским правам» [9, p. 171].

По истечении нескольких месяцев после окончания военного конфликта Филадельфия не смогла консолидировать республиканскую гражданскую культуру, провозглашенную во время Гражданской войны, и эмансипация афроамериканцев уступила место их сегрегации. Даже завоеванные права афроамериканцев в Филадельфии перед Гражданской войной на совместный проезд с белыми были в конце концов отменены, хотя город в период Реконструкции претендовал на звание «Столицы рабочих».

Одно из важных направлений исследования – это *истории повседневности* времен Гражданской войны. Так, в монографии доцента университета Лойолы Нового Орлеана Джеймса Г. Мендеза «Великая жертва: черные солдаты-северяне, их семьи и опыт Гражданской войны» [10] на основе документов Национального архива (Вашингтон) автором исследуется положение негритянских семей, главы которых были солдатами и воевали во время Гражданской войны на стороне северян. Он указывает, что эти семьи испытывали нужду, так как чернокожие солдаты в большинстве своем за службу не получали денежное довольствие (или получали значительно меньше чем белые солдаты) и поэтому не могли помочь своим детям и женам. Они воевали в надежде на получение лучшей жизни после войны и отмены рабства, хотя испытывали порой от белых солдат и офицеров унижения. В монографии исследуется история черных солдат-северян от начала Гражданской войны до начала 1866 г., когда последний полк черных-северян вернулся домой. Автор подчеркивает, что «эта работа отводит главное место жертвам, которые испытали семьи черных-северян, а также черные солдаты, чтобы добыть победу для Союза» [10, p. 2].

Особое внимание автор обращает на то обстоятельство, что семьи афроамериканцев на Севере находились в более тяжелом положении в силу того, что главы семей не получали армейское довольствие и не могли им поделиться с семьей; жены солдат, имея на попечении детей, не могли найти работу; сами семьи были небольшими и состояли как правило, из родителей и их детей.

В войсках из-за враждебности белых солдат были сформированы отдельные «черные полки», которые во время боя шли впереди, а после него располагались отдельно от белых подразделений. К тому же они не имели шанса сдаться, чтобы не быть повешенными как мятежники, либо их могли обратить снова в рабство.

Враждебность к афроамериканцам проявлялась и среди гражданского населения. Ярким примером может служить бунт в Нью-Йорке из-за призыва (New York City draft riots)

в 1863 г., где протесты начались как следствие недовольства призывом, а переросли в расовый погром, жертвами которого стали ни в чем неповинные чернокожие [10, p. 4].

В рецензируемой монографии Дж. Мендез использовал многочисленные письма темнокожих женщин, которые сохранились в Национальном архиве. По его словам, последние являются наиболее ценными из источников, использованных в этом исследовании. «Хотя большинство писем составляют не более одной страницы, они важны, поскольку представляют собой единственные письменные первоисточники и записи, оставленные афроамериканскими женщинами в период Гражданской войны» [10, p. 5–6].

Кроме того, эти письма показывают первый опыт проявления гражданственности со стороны темнокожих женщин. Направляя свои письма американскому правительству, они надеялись на проявление гражданского равенства со стороны чиновников и компенсации за вклад их мужей в восстановление Союза.

В монографии автором вводится специальный термин – «северные афроамериканцы» (northern blacks), то есть те афроамериканцы, которые либо никогда не были в рабстве, либо беглые из рабства на север страны люди. Автор уточняет, что северные афроамериканцы пошли на войну по причинам, во многих отношениях сильно отличавшихся от причин их собратьев на юге, которым нужно было победить рабство, чтобы получить свою свободу навсегда или свободу для членов своей семьи, которые все еще находились в рабстве.

Северные афроамериканцы хотели, прежде всего, получить общественное признание, через их участие в войне с конфедератами, несмотря даже на то, что условия прохождения военной службы для них были более тяжелыми, а денежное довольствие меньше, чем у белых солдат, а порой они воевали и без получения денежного довольствия.

«Это различие важно понять для того, чтобы оценить сложности и жертвы, принесенные черными северянами, когда они решили поддержать Союз» [10, p. 10].

По оценке американских исследователей, книга «Великая жертва» дает «новый взгляд на жизнь афроамериканских мужчин и женщин с севера в период Гражданской войны. Данная книга вносит важный вклад в литературу о Гражданской войне в целом, а также в литературу об афроамериканцах в эпоху Гражданской войны и в северном тылу» [10, p. 12].

К этому же направлению *истории повседневности* относится коллективная монография «Афроамериканцы в центральной истории Техаса: от рабства к гражданским правам» под редакцией Брюса А. Гласрада, Деборы М. Лайлс [1]. Из 16 глав работы, охватывающей период исследования почти ста лет с середины XIX в., пять первых глав первой части монографии затрагивают период Гражданской войны и Реконструкции. В данной монографии собраны эссе по исследованиям американских историков за последние десятилетия, объединенные одним посылом, состоящим в изложении особенностей рабства в пограничном районе, каким на то время являлся Техас.

Так, в эссе Деборы Лайлс «Домашний скот и рабство в Северном Центральном Техасе. Взгляд из округа Стивенс» [1, p. 23–40], автор полемизирует с известным американским историком Рэндолфом Б. Кэмпбеллом (автором труда «Империя для рабства: специфичность института в Техасе, 1821–1865 гг.» [3], подготовленного им тридцать лет тому назад), который считал, что рабство в Техасе в середине XIX в. в силу большего распространения животноводства, чем растениеводства, «было бы невыгодно и поэтому вымерло бы естественным путем как только оно переместилось бы на запад от Кросс Тимберс» [1, p. 24].

Д. Лайлс на основе архивных статистических данных опровергает этот аргумент Р. Кэмпбелла, указывая, что скотоводы, имевшие немногочисленных рабов, были более успешны в производстве и торговле скотом и получали наибольшую прибыль. Кроме того, исторические интерпретации Кэмпбелла, по мысли Д. Лайс, «искажают многообразие рабства» в США перед Гражданской войной [1, p. 35].

В следующем эссе Уильяма Дина Каррigэна «Рабство на границе. Специфический институт в Центральном Техасе» [1, p. 41–69] автор спорит с историком Р. Кэмпбеллом, ут-

верждавшим, что рабство «в штате Техас ничем принципиально не отличалось от института рабства, существовавшего в других уголках Соединенных Штатов» [1, p. 42].

Аргументы У. Карригэна заключаются в том, что рабство в Техасе существенным образом отличалось от других южных штатов, потому что это был пограничный район, где раб мог убежать к дружелюбным индейцам или через границу в Мексику. В этом пограничном районе как нигде сосуществовали четыре культуры поселенцев: англоязычных переселенцев, беглых рабов из южных штатов, индейских племен и мексиканцев, которые конкурировали между собой за получение определенных преимуществ. Соперничество этих культур способствовало, по мнению автора, тому, что «эти четыре культуры Техаса оставались втянутыми во множество кровавых конфликтов на протяжении всего девятнадцатого века» [1, p. 42].

Условия пограничной области накладывали определенные особенности на рабовладение. По мнению У. Карригэна, перед началом Гражданской войны рабы Техаса имели больше привилегий, чем в других штатах, и, что более важно, по отношению к ним проявлялся определенный патернализм. «Патернализм был более сильной или более важной частью жизни рабов на границе» [1, p. 61–62]. Кроме того, автор поясняет почему беглые рабы с южных штатов стороной обходили Техас. По его мнению, Центральный Техас в предвоенное время представлял поселенцев трех культур: иммигрантов Британского соответствия, где было отменено рабство; мексиканцев и коренных народов США – индейцев. В связи с этим беглым рабам там было тяжелее устроиться, чем в северных штатах. У. Карригэн считает исторические исследования, в которых утверждается, что рабы в южных штатах перед Гражданской войной были довольны своим положением, несостоятельными. Он пишет: «Пограничная особенность рабовладения, изменяет наше понимание о беглых рабах в Соединенных Штатах и бросает вызов историям южан, которые указывают на снижение сопротивления рабов на довоенном Юге» [1, p. 42].

Эти же аргументы подтверждаются в эссе Джо Брекнера «Переход от раба-гончара к свободному гончару. Гончарные мастерские Уилсона графства Гуадалупе» [1, p. 70–74]. На основе раскопок глиняной посуды, проведенных в 1981 г., автор утверждает, что в Центральном Техасе рабы не только были заняты в сельском хозяйстве и скотоводстве, но и в гончарном производстве. «История гончарных мастерских Капоте начинается в 1856 году, когда преподобный Джон М. Уилсон, пресвитерианский священник прибыл в окрестности Сегуина со своей семьей и примерно двадцатью черными рабами» [1, p. 70]. На протяжении 12 лет гончарное производство процветало, особенно после того как рабы стали свободными, а фирма «Дж. Уилсон и К» стала известной и уважаемой в южных штатах. Но, как считает автор, «Успехи, достигнутые чернокожими в первые дни Реконструкции были быстро сведены на нет проявлением расизма (со стороны американского общества. – *И. С.*), а также недостаточным использованием власти и интереса со стороны Бюро по делам освобожденных рабов» [1, p. 72].

Направление исследований по *политической истории* можно наблюдать в эссе Дональда Дж. Нимена «Политическая власть негров и уголовное судопроизводство округа Вашингтон, Техас, 1868–1884» [1, p. 75–107]. Как указывает автор, после Гражданской войны афроамериканцы в Техасе активно участвовали в политической жизни, оказывая поддержку Республиканской партии, которой они были обязаны своим освобождением из рабства. Они регистрировались в качестве избирателей, вступали в члены политических клубов, посещали политические встречи и активно голосовали на выборах.

Д. Нимен считает, что большинство американских историков преуменьшают значение избирательного бюллетеня, утверждая, что политические права, предоставленные обнищавшим, экономически зависимым свободолюбивым людям, были недостаточны для защиты их свободы. «Отказавшись от голосования по избирательному бюллетеню, неудивительно, что ученые пренебрегли систематическим изучением того, как черные использовали свои политические права» [1, p. 74–75].

Конечно, пишет далее автор, «эта политическая власть негритянского населения была недолгой и, в конечном счете, они поте-

ряли свое влияние на государственную политику» [1, p. 75]. При этом он продолжает: «Мы должны изучить усилия черных использовать политическую власть для улучшения своей жизни и расширения своей свободы. И мы должны исследовать пути, в которых предоставление избирательных прав повлияло на исход постэмансипационной борьбы между черными и их бывшими владельцами» [1, p. 75].

В силу того что негритянское население округа Вашингтон в конце Гражданской войны составляло 52 %, местные чернокожие лидеры и небольшое количество белых юнионистов присоединились к недавним мигрантам с севера и нескольким бывшим вигам, которые ранее поддерживали Конфедерацию, чтобы организовать партию – Лигу Союза.

Политическими инструментами, которые использовали вольноотпущенники, были:

– политический союз с немецкими иммигрантами, которые враждебно относились к плантаторской политической элите;

– оказание электоральной поддержки тем республиканским кандидатам, которые в большей степени откликались на защиту их прав;

– Республиканский районный кокус Republican Precinct Caucus (далее – RPC), заменивший Лигу Союза.

RPC контролировался в течение 1870-х гг. темнокожими лидерами, и это дало возможность в течение указанного периода увеличить количество темнокожих кандидатов и чиновников. Хотя, как признает Д. Нимен «ни один чернокожий не получил от партии выдвижение на влиятельные посты в качестве шерифа, окружного судьи или судьи графства. Тем не менее они не были исключены из других государственных должностей. Они получили большинство избирательных мест от Республиканской партии в легислатуре штата в течение 1870-х гг.» [1, p. 77].

Автор также считает, что политический успех республиканцев оказывал прямое влияние на систему уголовного судопроизводства округа Вашингтон, где одна четвертая часть присяжных была из числа темнокожих. В больших жюри было до 15 % темнокожих, а в малых – до 40 % в течение 1870-х годов. Причем социальный статус был важнее расы в определении поведения Большого жюри чернокожих. «Если большинство черных Большого жюри были проповедниками, учителями и ремесленниками, которые владели скромной собственностью, они, возможно, менее сочувствовали малоимущим черным рабочим, обвиняемым в воровстве» [1, p. 83].

Автор также отмечает, что участие темнокожих в судопроизводстве резко снизилось после того, как Закон о присяжных 1876 г., который предусматривал, что присяжные должны быть грамотными, «резко изменил социально-экономический профиль Большого жюри чернокожих» [1, p. 84]. Далее Д. Нимен в эссе исследует усиление политического давления белого населения против темнокожих в 1880–1890 гг., но это выходит за рамки нашего исследования.

Отдельным направлением являются исследования *антропологической истории*. Так, Робертом Д. Хиксом была опубликована монография «Медицина Гражданской войны: дневник хирурга» [4]. Она состоит из двух частей: в первой части пять глав – это тексты дневника Джеймса Фултона, двадцатидевятилетнего хирурга, который в первой половине 1862 г. поступил добровольцем в полк армии северян, где служил до весны 1864 г. и вел ежедневные (иногда с перерывами) дневниковые записи и комментарии. В этих главах сохранена орфография и пунктуация Дж. Фултона. Три главы составляют редакторские подразделы с замечаниями. Вторая часть содержит шесть академических эссе, авторы которых хорошо знают этот исторический период времени и поэтому рассматривают Фултона в его собственном времени и обстоятельствах, «избегая исторических сравнений между медицинским миром Фултона и нашим» [4, p. 3].

Авторов монографии попросили изучить дневник и написать эссе в ответ на конкретные вопросы, которые намеревался исследовать Фултон как актор в пределах своей военной медицинской культуры. Как указал в монографии Р. Хикс, дневник Дж. Фултона стал известен историкам случайно в 2012 году. Из монографии мы узнаем, что последний участвовал в известных военных кампаниях: в Оверлендской кампании, или Наземной кампании (Overland Campaign), в битве в Глуши (Battle of the Wilderness), в битве при Геттисберге (Battle of Gettysburg).

Несмотря на то что при капитуляции в Геттисберге конфедераты изъяли у хирурга медицинские инструменты, дневник удалось сохранить. Как пишет Р. Хикс, «создавая книгу о Дж. Фултоне как антропологическую историю, дневник может быть прочитан как расшифрованная устная история о медицинской субкультуре армии Союза» [4, p. 3].

Кроме того, по мнению Р. Хикса, повышенный интерес к дневникам проявляется потому, что большинство дневников и частной корреспонденции не подлежали цензуре, что усиливает к ним научный интерес. Другие исследователи читают эти самые отчеты, чтобы получить представление о мотивации, реакции на события и отношения с другими солдатами, гражданскими лицами и их семьями, чтобы реконструировать социальную среду военного времени.

Далее в монографии Р. Хикс утверждает, что дневники, корреспонденция и отчеты военных врачей представляют собой поджанр антропологической литературы и убедительно это доказывает.

Продолжением в исследовании *антропологической истории* можно считать монографию Джеймса Дж. Брумолла «Частные сообщества конфедератов: эмоциональные миры южных мужчин как граждан и солдат» [2]. В этой книге автор обращается к частным (письмам, дневникам, воспоминаниям, семейным архивам, документам завещаний) и общественным (газетам, журналам, донесениям) источникам, чтобы через выраженные в них чувства участников Гражданской войны, лучше понять конфедератов как проигравшую сторону, которой предстояло жить в новом союзном государстве. Причем материалы первоисточников используются практически без редактирования, чтобы «сохранить целостность оригинальных слов и фраз; sic (авторская мета. – *И. С.*) не используется без крайней необходимости» [2, p. 8].

Шесть глав монографии включают период с 1840 по 1870 г., представляющий частную жизнь рабовладельцев и не владевших рабами людей южных штатов, характерные черты, традиции и ценности которых позволяли абсолютно осознанно и комфортно воспринимать существовавший порядок и защищать его. В работе Дж. Брумолла исследуются мысли и чувства граждан-южан как в состоянии войны, так и последующего мира. На войне они искренне верили в свою победу, потому что считали, что борются за правое дело. Став побежденными, они потеряли основу в своей жизни. По мнению автора, это объясняется тем, что «люди, которые когда-то определяли свою жизнь по древнему кодексу чести и были мобилизованы в армии, веря в правоту своего дела, теперь подвергались неуверенности в себе, позору и покорности» [2, p. 9].

Но при этом, как считает Дж. Брумолл, палитра чувств побежденных южан была разнообразнее, чем у победителей, несмотря на то что в ней превалировали тревога (anxiety), депрессия (depression), изоляция (isolation), меланхолия (melancholy) и тоска (blues).

За время войны ими были созданы новые отношения, проявившиеся в том, как южане взаимодействовали и воспринимали друг друга, они «характеризовались новыми уровнями эмоционального раскрытия, природной близостью и чувством товарищества, которые перенеслись в послевоенную эпоху» [2, p. 5].

Автор считает, что лишение некоторых бывших конфедератов избирательных прав и одновременное предоставление прав афроамериканцам вызвало ожесточенное оскорбление чести белых. В связи с этим по всему югу белые южане расширяли сегрегацию как меру в ответ на послевоенный федеральный порядок. Демонтаж этого порядка происходил через насилие и террор, которые служили эффективными инструментами. Ку-клукс-клан стал самым ярким примером насилия белых южан. «Отдельные акты Ку-клукс-клана были связаны с эмоциональным выражением южан, выросшим из расизма и поражения» [2, p. 11].

По замечанию Дж. Брумолла, если война изменила северян незначительно, то «Гражданская война изменила южан, изменила их семейные и личные отношения, расширила их возможности самовыражения» [2, p. 154]. И многие из них, соблюдая приверженность к восстановлению довоенного социального порядка, направили свои «необузданные эмоции и реакционные политические возможности в рамки дополнительного насилия против федерального правительства и афроамериканцев» [2, p. 155].

Ку-клукс-клан возник как проявление нереализованных возможностей ветеранов в новом общественном порядке, которым управляло уже новое поколение, в большинстве своем не участвовавшее в прошедшей войне. Это новое поколение не смогло преодолеть наследство от прошлого рабовладения, оставив вопросы расизма неразрешимыми на многие десятилетия вперед.

Следующее направление в исследованиях этой тематики – *культурная история* в контексте того, как последствия Гражданской войны и Реконструкции влияли и влияют на политическую и социальную культуру последующих поколений. Подобное исследование содержится в коллективной монографии «Места сражения Гражданской войны: взгляд на конфликт глазами ведущих историков» под редакцией Гари В. Галлахера и Дж. Мэтью Галлмена [5]. Редакторы в предисловии отмечают, что «места памяти подвергаются обсуждению их политического значения. Статуи и другие памятники рассказывают нам о прошлом, даже когда их постоянное присутствие побуждает к продолжающимся разговорам» [5, p. 1].

Монография состоит из 26 эссе, 25 из которых написаны профессиональными историками, последнее – фотографом, который снял 30 примечательных мест, выбранных по заданию редакторов их друзьями-историками, научные интересы которых связаны с Гражданской войной, с одним условием, что указанное место должно стать единственным и быть иллюстрацией к их эссе. Как подчеркивают редакторы: «Мы намеренно выбрали не исторические образы, а скорее иллюстрации, которые помогли бы читателю увидеть то, что каждый автор описывает сегодня ...Мы ищем места, где происходили исторические события, возможно, чтобы лучше понять, что там произошло, или, возможно, как своего рода дань уважения тому, что было потеряно» [5, p. 1-2].

В монографии из 30 размещенных авторских фотографий фотографа Г.В. Галлахера 11 являются уникальными, потому что их невозможно найти ни в одном туристическом издании, а эти места до сих пор сохраняются и отражают собой (в полной или неполной мере) события более чем полувековой давности.

Редакторы считают, что изучать Гражданскую войну следует в том числе и через «места памяти», потому что: во-первых, они являются символами, выражающими ценности и убеждения людей ряда поколений; во-вторых, они «становятся местами патриотических парадов или политических съездов или других событий», отражающих текущие политические события; в-третьих, они порой разрешают противоречия, возникшие в обществе; в-четвертых, они «подвергаются непрерывным дебатам о политическом значении» прошлых и нынешних событий; в-пятых, они определяют политическую культуру и национальные традиции [5, p. 2]. Все это предопределяет значение этой монографии не только для широкого круга людей, но также и для специалистов, знакомых не понаслышке с историей Гражданской войны.

К исследованию *культурной истории* следует отнести также монографию Джелани Ману-Говон Фейворс «Укрытие во время шторма: как колледжи для черных способствовали студенческой активности» [7], в которой прослеживается борьба афроамериканцев за гражданские права через получение высшего образования и ведение активной политической работы на протяжении 150-летней истории после отмены рабства в США. По теме нашего обзора нас заинтересовали первые две главы исследования периода Гражданской войны и Реконструкции.

В начале введения к своей книге автор указывает на важность политической борьбы афроамериканцев даже во второй половине XX в. через получение университетского образования. В 1960 г. в США был создан Студенческий Ненасильственный Координационный Комитет (Student Nonviolent Coordinating Committee – SNCC), который добивался повсеместного приема на обучение в колледжах и университетах афроамериканцев. Комитет считал, что «колледжи, принимающие афроамериканцев формируют жизненный переломный момент для более широкой борьбы за освобождение» [7, p. 2]. Начало этому движению, как это ни покажется странным, положил аболиционист Джон Браун, который 16 октября 1859 г. в г. Харперс-Ферри с 18 афроамериканцами решил захватить арсенал, чтобы положить конец институту рабства.

После вмешательства властей все были схвачены, а Браун повешен 2 декабря 1859 года. Суд над аболиционистом привлек внимание к проблеме рабства. После Гражданской войны баптистские миссионеры из Новой Англии приобрели несколько зданий в городе и основали колледж Сторер. Основной целью учреждения было давать образование бывшим рабам, однако оно было открыто для студентов любой национальности и пола (непонятно все же, причем здесь Джон Браун?).

Результаты. Проанализировав новые американские исследования по теме Гражданской войны и Реконструкции, опубликованные в 2019 г., можно сделать следующие общие и частные выводы:

1. Для американских историков данная тематика исследований является важной и актуальной, потому что в обществе существует на нее постоянный спрос. На наш взгляд, это связано с глубокой психоцивизационной травмой, полученной во время этого исторического периода американским народом. Решив военным путем воссоединить государство и выполнив эту задачу, американское общество в силу его характерных черт, традиций и политической культуры не смогло полностью решить вторую задачу – освободить чернокожих американцев от сегрегации, чтобы иметь им возможность пользоваться всеми гражданскими, экономическими и политическими правами.

2. События Гражданской войны и Реконструкции разорвали в американской истории последовательность культурологических мифов о богоизбранном предназначении американской нации для построения «града на холме» и ее исключительности. И как бы отдельные авторы ни пытались находить все новые и новые примеры взаимодействия афроамериканцев и белых во время Гражданской войны, результатами ее смогли воспользоваться в полной мере только белые американцы. Отмена же рабства была заменена вековой сегрегацией.

3. В целом сегодняшние исследования не только уточняют отдельные события и факты военной истории, но они также указывают на то, что наступление сегрегации было обусловлено отсутствием действенных мер социально-экономического порядка со стороны государства по отношению к освобожденным от рабства афроамериканцам. Правительство не решило для них вопросы жилья, занятости и образования, создав еще большую зависимость в условиях свободного капиталистического рынка.

4. В качестве частных выводов по исследованию *военной истории* следует признать, что американский историк Л. Даниэль в своем исследовании уточнил влияние многочисленных факторов на низкую боеспособность армии Теннесси, приведших к ее поражению. Историк Д. Сикинет, исследовав многочисленные примеры сдачи и капитуляций с обеих сторон во время Гражданской войны, пришел к выводу, что сам факт многочисленных капитуляций – явление, которое не имело признаков позора или бесчестья для белых участников, тогда как для афроамериканцев случай попадания в плен к конфедератам грозил обращением в рабство, пытками или казнью. Отдельно следует сказать о коллективной монографии «Гражданская война на Рио-Гранде», в которой авторы соединили события Мексиканской и Гражданской войны, как имеющие отношение к одному поколению людей и одному мультикультурному обществу, разделившемуся по вопросам не столько рабства, сколько признания большей независимости для пограничного сообщества. Работа Ф. Джерарда, состоящая из многочисленных эссе, уточняет события военной истории штата Северная Каролина.

5. Исследование *политической и экономической истории* времен Гражданской войны и Реконструкции, представленное в монографии Дж.П. Рейди, устанавливает особый подход к факту отмены рабства и эмансипации в период Гражданской войны. Автор утверждает, что отмена рабства представляла собой длительный политический процесс, а не разовый законодательный акт. Причем углубление процесса эмансипации сопровождалось в большей степени действиями афроамериканцев, стремившихся получить полную свободу. В то же время введенные автором категории (время, пространство и дом как местожительство) только затеняют объяснение «иллюзий эмансипации». Другим примером исследования экономической и культурной истории является монография Э. Хита, в

которой автором совершенно справедливо делается вывод о том, что промышленная революция и урбанизация американских городов середины XIX в. стали объективными, но косвенными предпосылками Гражданской войны.

6. Одним из важных направлений исследования Гражданской войны являются *истории повседневности*. Такие истории содержатся в монографии Дж.Г. Мендеза. Все они найдены в Национальном архиве США и представляют новый взгляд как на положение семей афроамериканцев, чьи отцы участвовали в боевых действиях, так и на степень их унижения в армиях Севера и Юга. К этому же направлению исследований относится коллективная монография под редакцией Б.А. Гласрада и Д.М. Лайлс. Все собранные эссе объединены одним посылом, состоящим в изложении особенностей рабства в пограничном районе, каким на то время являлся штат Техас. Эти эссе опровергают многие устоявшиеся представления о состоянии рабства в пограничном районе.

7. Отдельным направлением являются исследования по *антропологической истории* времен Гражданской войны. В монографии Р.Д. Хикса исследуется дневник военного хирурга, который не имел редакторской или цензурной правки и позволяет из «первых рук» получить устную историю армии Союза. Продолжением в исследовании этого направления можно считать монографию Дж.Дж. Брумолла, где автор обращается к частным и общественным источникам, чтобы через выраженные в них чувства участников Гражданской войны – конфедератов – понять сложность принятия нового послевоенного порядка на своей земле.

8. *Культурная история* представлена коллективной монографией под редакцией Г.В. Галлахера и Дж.М. Галлмена. По замыслу авторов, в ней представлены не исторические образы, а иллюстрации, представляющие «исторические следы» прошлого, которые находятся сегодня среди нас, и тем самым влияют на нашу историческую память. Следует обратить внимание на то, что американцы очень бережно относятся к своему историческому прошлому и людям, независимо на какой (проигравшей или выигравшей) стороне они находились. К этому же направлению исследований относится монография Дж.М-Г. Фейворса, в которой прослеживается борьба афроамериканцев за гражданские права через получение высшего образования и ведение активной политической работы.

СПИСОК ЛИТЕРА ТУРЫ

1. African Americans in Central Texas History: From Slavery to Civil Rights / ed. by B. A. Glasrud, D. M. Liles. – Texas : Texas A&M University Press, 2019. – 328 p.

2. Broomall, J. J. Private Confederacies: The Emotional Worlds of Southern Men As Citizens and Soldiers / J. J. Broomall. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. – 240 p.

3. Campbell, R. B. An Empire for Slavery: The Peculiar Institution in Texas, 1821–1865 / R. B. Campbell. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1989. – 344 p.

4. Civil War Medicine: A Surgeon's Diary / ed. by R. D. Hicks. – Bloomington : Indiana University Press, 2019. – 408 p.

5. Civil War Places: Seeing the Conflict Through the Eyes of Its Leading Historians / ed. by G. W. Gallagher, J. M. Gallman. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 2019. – 216 p.

6. Daniel, L. J. Conquered: Why the Army of the Tennessee Failed / L. J. Daniel. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. – 456 p.

7. Favors, J. M-G. Shelter in a Time of Storm: How Black Colleges Fostered Student Activism / J. M-G. Favors. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. – 368 p.

8. Gerard, Ph. The Last Battleground: The Civil War Comes to North Carolina / Ph. Gerard. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. – 362 p.

9. Heath, A. In Union There is Strength: Philadelphia in the Age of Urban Consolidation / A. Heath. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2019. – 296 p.

10. Mendez, J. A Great Sacrifice: Northern Black Soldiers, Their Families, and the Experience of Civil War / J. A. Mendez. – N. Y. : Fordham University Press, 2019. – 304 p.

11. Questia's Library. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.questia.com (date of access: 25.12.2019). – Title from screen.

12. Reidy, J. P. Illusions of Emancipation: The Pursuit of Freedom and Equality in the Twilight of Slavery / J. P. Reidy. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. – 520 p.

13. Silkenat, D. Raising the White Flag: How Surrender Defined the American Civil War / D. Silkenat. –

Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. – 368 p.

14. The Civil War on the Rio Grande, 1846–1876 / ed. by R. Bacha-Garza, Ch. L. Miller, R. K. Skowronek. – Texas : Texas A&M University Press, 2019. – 326 p.

15. West, E. The Last Indian War: The Nez Perce Story / E. West. – N. Y. : Oxford University Press, 2009. – 432 p.

16. Wiseman, N. In Search of Canadian Political Culture / N. Wiseman. – Vancouver : University of British Columbia, 2007. – 346 p.

REFERENCES

1. Glasrud B.A., Liles D.M., eds. *African Americans in Central Texas History: From Slavery to Civil Rights*. Texas, Texas A&M University Press, 2019. 328 p.

2. Broomall J.J. *Private Confederacies: The Emotional Worlds of Southern Men as Citizens and Soldiers*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 240 p.

3. Campbell R.B. *An Empire for Slavery: The Peculiar Institution in Texas, 1821–1865*. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 1989. 344 p.

4. Hicks R.D., ed. *Civil War Medicine: A Surgeons Diary*. Bloomington, Indiana University Press, 2019. 408 p.

5. Gallagher G.W., Gallman J.M., eds. *Civil War Places: Seeing the Conflict Through the Eyes of Its Leading Historians*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 2019. 216 p.

6. Daniel L.J. *Conquered: Why the Army of the Tennessee Failed*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 456 p.

7. Favors J.M-G. *Shelter in a Time of Storm: How Black Colleges Fostered Student Activism*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 368 p.

8. Gerard Ph. *The Last Battleground: The Civil War Comes to North Carolina*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 362 p.

9. Heath A. *In Union There Is Strength: Philadelphia in the Age of Urban Consolidation*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.

10. Mendez J. *A Great Sacrifice: Northern Black Soldiers, Their Families, and the Experience of Civil War.* New York, Fordham University Press, 2019. 304 p.

11. *Questias Library*. URL: https://www.questia.com (accessed 25 December 2019).

12. Reidy J.P. *Illusions of Emancipation: The Pursuit of Freedom and Equality in the Twilight of Slavery*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 520 p.

13. Silkenat D. *Raising the White Flag: How Surrender Defined the American Civil War*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 368 p.

14. Bacha-Garza R., Miller Ch.L., Skowronek R.K., eds. *The Civil War on the Rio Grande, 1846–1876.* Texas, Texas A&M University Press, 2019. 326 p.

15. West E. *The Last Indian War: The Nez Perce Story*. New York, Oxford University Press, 2009. 432 p.

16. Wiseman N. *In Search of Canadian Political Culture*. Vancouver, University of British Columbia, 2007. 346 p.

Information About the Author

Ilya A. Sokov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7146-7340

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7146-7340

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2020 года осуществляется
по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1.
Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2020 года 2 835 руб. 00 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2020 is carried out through
"The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals". Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2020 is 2835.00 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ. Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала https://hfrir.jvolsu.com в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.*
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").